This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav
5448.11

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЕЛЕНА ІОАННОВНА

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЛИТОВСКАЯ, РУССКАЯ, КОРОЛЕВА ПОЛЬСКАЯ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ ТОГО ВРЕМЕНИ.

Е. ЦЕРЕТЕЛИ.

И хоти будетъ тебѣ дочка про то и до крови пострадати и ты бы пострадала, а того бы еси (измѣны греческому закону) не учинила.
Слова Іоанна III.

Нолны меня въ животѣ не будетъ, тожъ отца своего наказъ забуду.
Отвѣтъ Елены Іоанновны.

ВЪ ПОЛЬЗУ О-ВА ВСПОМОЖЕНІЯ ОКОНЧИВШИМЪ КУРСЪ НА С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

Slav 5448.11

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 30 1969

Nikea 1.(L

Дорогой матери

посвящаю

свой трудъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе . . . . . .

I. Москва XV в. 1

II. Положеніе великихъ княгинь XV—XVI вв. . . 14

III. Время дѣтства и юности великой княжны Елены Ивановны (1471—1493 гг.). 28

IV. Сватовство, сговоръ и выѣздъ изъ Москвы (1493—1495) 57

V. Литва. 82

VI. Вильна 110

VII. Пріѣздъ въ Литву. Свадьба. 121

VIII. Семья Ягеллоновъ. 138

IX. Первые годы замужества (1495—1499). 156

X. Гоненія. Разрывъ съ Москвою (1498—1499). . . 179

XI. Война. Избраніе въ польскіе короли. Замиреніе. (1500—1503). 213

XII. Участіе Елены Ивановны въ политическихъ событіяхъ. Письмо ея. 227

XIII. Хозяйственная дѣятельность Елены Ивановны. . 249

XIV. Участіе въ церковныхъ дѣлахъ. 266

XV. Послѣдніе годы замужества. Смерть Александра. (1503—1506). 282

XVI. Вдовство (1506—1513). 296

XVII. Кончина Елены Ивановны (1513). 313

XVIII. Заключеніе. 328

Замѣтка 338

Приложеніе. А. Переводъ отрывка изъ Monumenta Poloniae historica. (Pomniki dziejowe polski), т. V. Lwow. 1888. Memoriale ordinis fratrnm Minorum, a fr. Ioanne de Komorowe compilatum 339

Б. Письмо Елены Ивановны къ отцу. . . . 345

Примѣчанія. 349

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый біографическій очеркъ касается политическихъ событій XV и XVI вѣковъ, въ которыхъ принимала участіе Елена Іоанновна, дочь геніальнаго политика—великаго князя Московскаго Іоанна III, жена Александра Казиміровича великаго князя Литовскаго и короля Польскаго.

Эти знаменательныя событія составляютъ эпизодъ изъ вѣковой борьбы Московскаго государства съ Литовскимъ.

На фонѣ политической и внутренней жизни народа выступаетъ не малое число выдающихся русскихъ историческихъ дѣятелей, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ великая княгиня Елена Іоанновна. Трудно было положеніе Московской княжны, ставшей государыней Литвы и Польши—тѣхъ странъ, съ которыми ея родная Москва вела непрерывную борьбу. Искусство, съ которымъ Елена Іоанновна вышла побѣдительницей изъ своего труднаго положенія, выказанныя ею твердость, энергія и выдающіяся дарованія обрисовываютъ въ ней личность замѣчательную, достойную дочь великаго отца. Дѣятельностью своей на пользу русской на-

родности и православной церкви великая княгиня заслужила благодарную память со стороны русскихъ людей.

Вопросъ о дѣятельности великой княгини, источники для біографіи ея общеизвѣстны въ исторической литературѣ. Въ предлагаемомъ очеркѣ я пыталась сгруппировать всѣ свѣдѣнія, до нея касающіяся, и воспользовалась, между прочимъ, новымъ матеріаломъ, который даютъ изданныя въ Львовѣ записки ордена Миноритовъ (Monumenta Poloniae historica. Lwow, т. V).

Отъ души благодарю своего учителя, проф. С. Ѳ. Платонова за его совѣты, указанія и за ту любезность, съ какой онъ принялъ на себя трудъ прочесть мою работу въ корректурѣ.

I.

Москва XV вѣка.

Москва... какъ много въ этомъ словѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!
А. Пушкинъ.

Москва—храмъ Россіи, а Кремль—ея алтарь.
Слова Императора Александра III.

Москва—одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые носятъ отпечатокъ долгой исторической жизни. Вся исторія собирательнаго періода Руси отразилась въ ней и придала городу своеобразныя черты. Много городовъ живописнѣе Москвы, много и въ нихъ памятниковъ старины, но ни одинъ не производитъ такого цѣльнаго впечатлѣнія. Здѣсь не только вѣетъ стариной,—здѣсь чувствуется связь съ этой стариной, преемственность жизненныхъ явленій. Эти самобытныя черты поражаютъ самихъ иностранцевъ *).

*) Яркимъ примѣромъ тому служитъ взглядъ, высказанный знаменитымъ ученымъ, кардиналомъ Питрою, посѣтившимъ Москву въ 1859 году.

«Видъ на Москву, на Замоскворѣчье поразилъ его; по словамъ Питры, самъ Римъ не можетъ произвести такого грандіознаго впечатлѣнія. Самое суровое отцовское проклятіе сыну, говоритъ ученый путешественникъ, будетъ то, если отецъ покажетъ съ горы сыну въ послѣдній разъ Москву и запретитъ ему болѣе возвращаться, чтобы хотя еще разъ взглянуть на священный городъ». (Васильевъ, «О греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ» въ «Визант. Временникѣ» 1896 г.).

Но памятники московской старины относятся къ разнымъ эпохамъ, пережили измѣненія, самъ городъ представляетъ собой рядъ наслоеній тѣхъ вѣковъ, что были имъ прожиты. Попытаемся дать картину Москвы и ея жизни, преимущественно въ княжескомъ сословіи, во время дѣтства и юности княжны Елены Ивановны, дочери великаго собирателя русской земли Іоанна III.

То время было переходное. Удѣльный строй русской жизни былъ сломанъ и подавленъ. Москва восторжествовала и стала на развалинахъ удѣльнаго быта, но эти развалины еще дымились, еще были живы... съ ними приходилось считаться, щадить и терпѣть ихъ до времени.

За скудостью русскихъ источниковъ приходится пользоваться отзывами и описаніями иностранцевъ XV и XVI вѣковъ. Русскіе источники могутъ служить лишь для провѣрки точности и достовѣрности иностранныхъ.

* * *

Москва XV вѣка широко раскинулась по берегамъ рѣкъ Москвы и Яузы и своей обширностью и раздольемъ поражала иностранныхъ путешественниковъ, глазъ которыхъ привыкъ къ скученности и замкнутости западно-европейскихъ городовъ. Они находили ее вдвое больше Кельна; даже Флоренція и Чешская Прага уступали ей въ величинѣ. Особенно обширна казалась Москва издали и съ высокаго Кремлевскаго холма. Этотъ холмъ, врѣзываясь полуостровомъ при впаденіи рѣчки Неглинной въ Москву-рѣку, представлялъ собой естественно-укрѣп-

ленное мѣсто, съ трехъ сторонъ омываемое водой. Такое важное и выгодное положеніе холма сдѣлало его, съ самаго основанія города, главнымъ центромъ, къ которому радіусами сходились главныя улицы и части города.

Въ тѣ времена (XV вѣкъ) Кремлевскій холмъ былъ гораздо выше; обрывистѣе спускался онъ къ Москвѣ рѣкѣ, и особенно круты были его спуски со стороны Неглинной. Бѣлыя каменныя стѣны, построенныя еще Дмитріемъ Донскимъ, приходили уже въ ветхость. Онѣ опоясывали Кремль, но пространство, ими охваченное, было меньше пространства нынѣшняго Кремля. По склону холма, къ Москвѣ-рѣкѣ, былъ раскинутъ садъ. Одинъ изъ иностранцевъ (Барбаро) пишетъ даже, что Кремль былъ окруженъ рощами. Такое впечатлѣніе иностранцевъ не должно смущать насъ и вводить въ недоумѣніе. До Ивана III къ стѣнамъ Кремля тѣсно примыкали деревянные торговые ряды, частныя постройки и масса небольшихъ деревянныхъ церквей; всѣ они, въ совокупности, представляли собой живые костры, зачастую пожираемые грозными московскими пожарами, и постоянно угрожали самому Кремлю. Иванъ III, наконецъ, рѣшился положить предѣлъ частному своеволію въ постройкахъ и оградить, по возможности, Кремль съ его святынями и драгоцѣнностями. По его повелѣнію вокругъ стѣнъ были снесены всѣ частныя и общественныя зданія и запрещено строиться по близости Кремля на извѣстное разстояніе. Не пощажены были и церкви. Большинство изъ нихъ великій князь перенесъ на дальнее разстояніе отъ центра. На очищенномъ обширномъ простран-

ствѣ были разбиты площади и разведены сады и огороды; даже противоположный берегъ, Замоскворѣчье, насупротивъ Кремля, и тотъ былъ очищенъ отъ построекъ и обращенъ въ государевъ Красный Садъ. Правда, эта мѣра стоила казнѣ и частнымъ людямъ не малыхъ средствъ, многихъ разорила и возбудила страшный ропотъ, но была несомнѣнно полезна и послужила къ красотѣ и оздоровленію мѣстности, къ безопасности Кремля. Слѣдовательно, въ княженіе Ивана III мѣстность вокругъ Кремля дѣйствительно утопала въ зелени; въ зелени тонула и вся древняя Москва. По словамъ иностранцевъ, (Іовій) большинство построекъ были деревянныя; при каждомъ домѣ зеленѣлъ садъ и огородъ съ плодовыми деревьями; немудрено, что при такомъ обиліи растительности вокругъ Кремля и въ самомъ городѣ издали получалось впечатлѣніе, будто бѣлыя стѣны Кремля высятся подобно острову среди моря зелени. Обиліе зелени, скрывая отъ глазъ невзрачность большинства построекъ, служило не мало къ украшенію города, къ его обширности и раздолью въ жизни.

Съ сѣверо-востока, съ сухопутья, къ Кремлю примыкали центральныя части города: Китай-городъ и Бѣлгородъ съ ихъ торговыми рядами, лавками и площадями, кипѣвшіе сутолокой торговой жизни. Ко времени дѣтства Елены Ивановны эти два центра не были еще обнесены каменными стѣнами; ограда ограничивалась рвами и земляными валами съ частоколомъ. У самой подошвы Кремлевскаго холма, на узкой береговой полосѣ, лѣпился торговый посадъ. За Неглинной виднѣлся рядъ княжескихъ мельницъ;

далѣе за Москвой—рѣкой разстилалось Замоскворѣчье съ его невзрачными постройками, но роскошной зеленью, которую прорѣзывали золотыя маковки церквей и колоколенъ; а еще далѣе, во всѣ стороны отъ Кремля разбѣгались по узкимъ улицамъ и переулкамъ невысокія деревянныя постройки частныхъ лицъ; онѣ то прерывались площадями, то примыкали къ монастырямъ, которые, сами по себѣ, походили на цѣлые самостоятельные городки. Городскія улицы незамѣтно переходили въ слободы, и городская зелень сливалась, наконецъ, на горизонтѣ съ зеленью полей, лѣсовъ и сельскихъ угодій. Опредѣленной черты, гдѣ кончался бы городъ, нельзя было найти; такая черта существовала лишь для городского центра: Кремля, Китай-города и Бѣлгорода. Москва въ этомъ отношеніи являлась прообразомъ Московскаго государства, центръ котораго былъ твердо заложенъ, но границы еще не опредѣлились. Но несмотря на свою обширность, красоту, выгодное центральное положеніе, которое оцѣнивалось иностранцами и сознавалось самими русскими [1]). Москва въ половинѣ XV вѣка еще не первенствовала вполнѣ. Владиміръ и Тверь еще соперничали съ ней; не уступали ей и Великій Новгородъ, и Псковъ; только послѣ княженія Ивана III Москва по своимъ постройкамъ далеко оставила за собой другіе, прежніе центры удѣльнаго періода.

Обозрѣвъ старую Москву, вернемся къ древнему Кремлю Дмитрія Донского. Средоточіе политической жизни, религіозный центръ, лучшее украшеніе Москвы—онъ невольно приковывалъ взоры

русскихъ людей и иностранцевъ, но, какъ мы сказали выше, бѣлыя стѣны Кремля Дмитрія Донского и его златоверхій теремъ во дни дѣтства Елены Ивановны доживали свои послѣдніе дни.

Въ Кремлѣ заключалось не мало зданій. Однѣхъ церквей насчитывалось 16, по бо́льшей части деревянныхъ, и только три каменныхъ собора: Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій. Высоко на взгорьѣ, надъ Москвой рѣкой, блестѣли купола этихъ соборовъ и дворцовыхъ церквей; блестѣла также кровля великокняжескаго златоверхаго терема. Каменныя стѣны стараго Благовѣщенскаго собора примыкали къ деревяннымъ княжескимъ палатамъ, которыя представляли собой группу отдѣльныхъ построекъ различной формы и величины, соединенныхъ между собою крыльцами и крытыми переходами. За палатами великаго князя стояли дворы: Житный, Поваренный и другіе. Но не одвѣ святыни и великокняжескій теремъ наполняли все пространство Кремля: тутъ же были расположены палаты: митрополита и другихъ духовныхъ лицъ, всѣ, такъ сказать, казенныя зданія, въ которыхъ сосредоточивалось управленіе Московскимъ государствомъ. Княгиня, мать великаго князя, имѣла свой собственный отдѣльный дворъ; точно такіе же дворы были тутъ же у младшихъ братьевъ, удѣльныхъ князей. Были на лицо: Чудовъ монастырь, основанный митрополитомъ Алексѣемъ на мѣстѣ ханскаго двора, и Вознесенскій женскій монастырь, построенный великой княгиней Евдокіей, женой Дмитрія Донского, на мѣстѣ ея собственнаго терема. Допускались въ Кремлѣ постройки и частныхъ лицъ; у многихъ бояръ были участки земли,

застроенные домами; дворъ одного изъ нихъ, князя Патрикѣева, стоялъ у самыхъ Боровицкихъ воротъ. На ряду съ боярами проживали въ Кремлѣ простые, незнатные люди: такъ подлѣ дворца великаго князя стоялъ домъ иностранца-мастера, знаменитаго Аристотеля Фіоравенти. Находили себѣ мѣсто въ Кремлѣ пріѣзжіе греки. Впрочемъ, частные земельные участки и постройки, эти слѣды удѣльнаго быта и боярскаго самовластія, были далеко не по душѣ великому князю; онъ пользовался всякимъ случаемъ скупать ихъ. Тяжелымъ пятномъ Кремля были ханское подворье и дворы ханскихъ пословъ—послѣдніе слѣды татарскаго ига. Они исчезли окончательно за время Ивана III. Софія Ѳоминишна всѣми силами старалась о томъ: такъ она выжила татарскихъ пословъ; она же выпросила у ханши, жены Ахмата, ханское подворье и освятила его, перестроивъ въ церковь святаго Николы Льнянаго. Многихъ лицъ, особливо иностранцевъ, безъ церемоніи выпроваживали вонъ. Случилось это и съ Контарини, посломъ Венеціи: онъ было расположился въ домѣ своего земляка, Аристотеля, но ему пришлось выѣхать изъ Кремля на городскую квартиру.

При такомъ обиліи въ Кремлѣ всякаго рода зданій, въ большинствѣ деревянныхъ, при массѣ челяди при дворахъ княжескихъ и боярскихъ, которая не отличалась осторожностью съ огнемъ,—немудрено, что частые опустошительные пожары бушевали въ Кремлѣ и вынуждали не разъ князей со всѣмъ ихъ семействомъ выбираться за городъ или на его окраины.

Если и нынѣ, въ XIX вѣкѣ, Кремль—святыня для русскаго человѣка, то въ XV вѣкѣ это значеніе его уси-

ливалось еще другимъ чувствомъ. Собирательный періодъ русской исторіи, какъ въ фокусѣ, отразился въ Кремлѣ: туда были перенесены святыни удѣльныхъ княжествъ и вѣчевыхъ городовъ; тамъ постройкой, украшеніемъ церквей знаменовалось каждое историческое событіе Московской Руси. «Глубокая была мысль соединить въ одномъ святилищѣ мѣстную святыню удѣльныхъ княжествъ; жители ихъ, разставаясь со своимъ завѣтнымъ сокровищемъ, невольно привязывались къ мѣсту его будущаго храненія... Такъ изъ Владиміра, Новгорода, Пскова, Устюга, Смоленска собрался иконостасъ Успенскаго Собора.» (слова митрополита Филарета). А когда на ночь заширались ворота Кремля, разставлялась стража на его стѣнахъ и Кремль обособлялся отъ остального города,—въ перекличкѣ часовыхъ слышался отзвукъ былой исторіи Русской земли и ея городовъ: каждому городу воздавалась подобающая ему честь, какъ бы вспоминались заслуги каждаго изъ нихъ! «Послѣ молитвенныхъ возгласовъ, часовые перекликались слѣдующимъ характернымъ образомъ:—«Славенъ городъ Москва»; другой отвѣчалъ: «Славенъ городъ Кіевъ»; третій—«Владиміръ» и т. д., пока не будутъ перечтены важнѣйшіе города Московскаго государства».

Теперь попытаемся возстановить отчасти видъ великокняжескаго дворца, того дворца, въ которомъ протекли годы дѣтства и юности княжны Елены Ивановны; для этой картины воспользуемся описаніемъ каменнаго дворца, постройка котораго была начата Иваномъ III и закончена при сынѣ его Василіи III.

При устойчивости русской жизни XV и XVI вѣковъ, при живучести формъ быта, онъ долженъ былъ сохранить въ себѣ внутренній планъ и видъ старыхъ княжескихъ палатъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе достовѣрно, что въ названіяхъ комнатъ княжескаго каменнаго дворца встрѣчаемся съ названіями комнатъ XV вѣка.

Старыя деревянныя великокняжескія палаты сохраняли во все время княженія Ивана III видъ свой временъ Дмитрія Донского и Василія Темнаго, то есть: архитектуру, характеръ и внутреннее расположеніе построекъ конца удѣльнаго времени. Онѣ были деревянныя и расположены лицомъ къ Москвѣ-рѣкѣ, по линіи на западъ отъ каменнаго Благовѣщенскаго собора почти до Боровицкихъ воротъ (то есть занимали мѣсто нынѣшняго кремлевскаго дворца). Онѣ представляли собой обширную группу разнообразныхъ зданій самыхъ причудливыхъ, оригинальныхъ формъ. Хоромы въ три яруса съ теремами, чердаками, вышками, съ башенками по угламъ соединялись переходами съ зданіями въ два этажа. Деревянныя стѣны изъ роскошнаго лѣса обращали на себя вниманіе иностранцевъ; онѣ были прорѣзаны множествомъ оконъ и крылецъ своеобразныхъ формъ и украшены художественной рѣзьбой. Рѣзное дѣло издавна славилось на Руси; его стиль перешелъ въ орнаментику каменныхъ палатъ и подвергся вліянію иноземному, но на великокняжескихъ палатахъ, разукрашенныхъ еще дѣдомъ и прадѣдомъ Ивана III, сохранялись украшенія старыхъ русскихъ мастеровъ. Разнообразной формы крыши хоромъ, теремовъ и башенъ

блестѣли золотомъ: не даромъ «Златоверхимъ» называли теремъ еще во дни Дмитрія Донского. На одной изъ угловыхъ башенъ виднѣлись башенные часы чудной работы мастера Серба.

Фасадъ дворца выходилъ на площадь лицомъ къ Успенскому собору, точно такъ же, какъ это было и позже. Здѣсь были расположены парадныя комнаты или, какъ говорилось, горницы и гридницы; эти же парадныя комнаты и ихъ расположеніе отчасти сохранились донынѣ. Парадное крыльцо, которое впослѣдствіи называлось Краснымъ, вело съ площади во второй ярусъ княжескихъ хоромъ; внизу, въ первомъ этажѣ, находились подклѣти, занятыя кладовыми и помѣщеніями служилыхъ людей. Съ крыльца, подымаясь по лѣстницѣ, посѣтитель вступалъ въ переходы, то-есть коридоры, откуда двери вели во всѣ стороны въ гридницы. Если посѣтитель, войдя съ лѣстницы въ коридоры, поворачивалъ направо, то вступалъ въ сѣни, которыя предшествовали Большой Грановитой Палатѣ, наоборотъ, — если онъ, войдя съ лѣстницы, поворачивалъ влѣво, то входилъ въ обширную горницу, которая примыкала къ западной стѣнѣ Благовѣщенскаго собора; эта горница выходила окнами на Москву-рѣку и носила названіе Малой Грановитой палаты. (Въ настоящее время она вошла въ составъ южной половины Георгіевской залы и частью Александровской.) Она была каменная и перестроена въ 1487 году на мѣстѣ Набережнаго деревяннаго терема Дмитрія Донского, который, въ свое время, вѣроятно тоже служилъ парадной пріемной комнатой, но только меньшаго

размѣра. Малой Грановитой палатѣ тоже предшествовали сѣни. Наконецъ, если посѣтитель, войдя съ парадной лѣстницы, шелъ въ прямомъ направленіи, то вступалъ въ большую комнату; она звалась Средней гридницей, къ ней тоже примыкали сѣни. Въ этой Средней гридницѣ не разъ происходили пріемы, задавались торжественные обѣды. За Средней гридницей шла Столовая изба: изъ ея оконъ виднѣлись купола церкви Спаса на Бору, находившейся въ центрѣ дворцоваго двора. За Столовой избой шли опять переходы; они вели къ такъ называемому Постельному крыльцу: оно выводило на внутренній дворъ.

Таковы были парадныя комнаты, мѣсто коихъ можно опредѣлить, но упоминаются и другія. Такъ великій князь принималъ иногда пословъ (вѣроятно въ частной аудіенціи) въ своей повалушѣ (пріемной гридницѣ). Знаемъ о пріемной гридницѣ великой княгини и о ея Набережномъ сѣнникѣ; судя по названію—«Набережный»—онъ долженъ былъ выходить лицомъ къ Москвѣ-рѣкѣ, а если былъ сѣнникъ, то-есть просторная холодная комната, то тутъ же, лицомъ къ рѣкѣ, должны были находиться и терема.

Жилыя внутреннія комнаты великокняжеской семьи были расположены въ отдѣльныхъ постройкахъ съ подклѣтями, горницами и теремами. Такія хоромы и жилыя комнаты тянулись по линіи Москвы-рѣки приблизительно отъ Малой Грановитой до Боровицкихъ воротъ, гдѣ стояла церковь святаго Іоанна Предтечи; тянулись, вѣроятно, и по двору параллельно набережной линіи и заканчивались

церковью Рождества. Эти послѣднія хоромы, выходившіе фасадомъ во дворъ, соединялись широкой площадкой Постельнаго крыльца съ переходами Столовой избы парадной половины. Отсюда же былъ ходъ въ Среднюю повалушу великой княгини. Юго-западный уголъ дворца занимали хозяйственныя постройки: дворы Житный, Поваренный и прочіе (нынѣ здѣсь Оружейная палата).

У церкви Рождества въ подклѣтяхъ хранилась казна великаго князя, а у церкви святаго Іоанна Предтечи—казна великой княгини.

Въ рѣшетчатые переплеты оконныхъ рамъ вставлялись кусочки слюды. Стѣны комнатъ были затянуты матеріей, разукрашены рѣзьбой или, наконецъ, расписаны. Стѣнопись была развита въ Москвѣ и была наслѣдіемъ Кіевской Руси, но какова была она во времена Дмитрія Донского и его преемниковъ—трудно сказать; интересно только, что библейская приточная стѣнопись, въ началѣ XVI вѣка казалась новизной и соблазномъ. Дубовые полы блестѣли отдѣлкой или же были покрыты сукномъ; въ углахъ красовались изразцовыя печи—принадлежность чистыхъ комнатъ даже въ простомъ быту; вдоль стѣнъ тянулись лавки, крытыя сукномъ, и рундуки, то-есть лавки со шкапчиками; переносныя скамьи, столы дополняли убранство комнатъ, не говоря уже о неизмѣнной принадлежности всякой комнаты—о переднемъ углѣ съ образами. Въ парадныхъ комнатахъ стояли горки съ золотой и серебряной посудой; въ жилыхъ комнатахъ укладки съ одеждой, столы съ зеркалами, постели и прочее. Новинкой въ великокняжескомъ те-

рему былъ выписанный изъ-за границы музыкальный инструментъ на западный ладъ и, какъ забава, въ комнатахъ Софіи Ѳоминишны встрѣчались заморскія птицы, напримѣръ, рѣдкая въ то время птица попугай.

Пособіями къ этой главѣ служили:

Извѣстія иностранцевъ: Контарини, Барбаро, Іовій, въ «Библіотекѣ иностранныхъ писателей», томъ I и Мѣховскій у Замысловскаго: «Герберштейнъ»; данныя лѣтописей (VII и VIII томы); у Карамзина—описаніе пріемовъ: Забѣлинъ, «Бытъ русскихъ царей»; Костомаровъ, «Очерки быта XVI и XVII вѣковъ»; «Изъ Исторіи Москвы». Очерки *В. Н.* 1896 г.

II.

Положеніе великихъ княгинь XV—XVI вѣка.

При словѣ «теремъ» рисуется уже опредѣленный, знакомый намъ типъ московской жизни, вспоминаются условія, подъ вліяніемъ коихъ сложились понятія, создавшія и надолго закрѣпившія теремную жизнь и съ ней затворничество женщинъ, вспоминаются тѣ идеалы и та дѣйствительность, которые окружали русскую женщину XVII вѣка; но эта картина вполнѣ вѣрна только для XVII вѣка. Напрасно будемъ вызывать ее въ памяти, говоря о времени Ивана III. Еще не были отстроены каменныя великокняжескія палаты, не выросли еще и не окрѣпли тѣ умственныя и нравственныя перегородки, которыя позже отдалили теремъ отъ жизни и общества. У терема XV вѣка былъ совсѣмъ другой характеръ. Положеніе московской княгини XV вѣка далеко не то, что положеніе московской царицы XVII вѣка; и если московскій царь одинокъ на своемъ престолѣ, то въ XV вѣкѣ даже личность Ивана III не заслонила собой его знаменитой супруги Софіи Ѳоминишны. Личныя свойства играли, конечно, значительную роль въ томъ положеніи, какое занимала та или другая княгиня. Вліяли въ хорошую или дурную сторону обстоятельства и многія случайно-

сти (напримѣръ, бракъ Іоанна III съ Софіей),—но нельзя объяснить ни личными свойствами, ни одной случайностью разницу въ жизни русскихъ княгинь XV вѣка, сравнительно съ жизнью московскихъ царицъ XVII вѣка, нельзя уже потому, что даже юридическіе памятники,—рядъ духовныхъ завѣщаній отъ Ивана Калиты до Ивана III, показываютъ, какое положеніе для княгинь допускала практика московской Руси XV вѣка. Правда, это положеніе—остатокъ удѣльнаго быта и его созданіе. Москва XV вѣка только снисходительно терпѣла его и уже стала накладывать свою суровую руку.

Въ XIV и XV вѣкахъ Русская земля представляла сѣть крупныхъ и мелкихъ волостей, которыя лишь постепенно примкнули къ Москвѣ; нѣкоторыми изъ нихъ владѣли княгини. Въ тѣ времена частное право смѣшивалось съ государственнымъ, и княгиня владѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и управляла своими волостями на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, что и князья. По крайней мѣрѣ въ духовныхъ завѣщаніяхъ князь-завѣщатель не дѣлалъ различія между удѣлами княгини и удѣлами своихъ сыновей. Значительная недвижимая собственность книгини, по праву владѣнія, была троякаго рода. Земли, такъ называемыя пошлыя, принадлежали, по традиціямъ, исключительно княгинѣ—женѣ князя и уступались княгинеей-вдовой — снохѣ. Другія, по духовному завѣщанію, отдавались княземъ-завѣщателемъ ей, княгинѣ, пожизненно. Третьи пріобрѣтались покупкой, мѣной или же отходили по завѣщанію князя на всю ея волю и составляли собственность княгини, которой она могла распоряжаться и завѣщать по своему же-

ланію на случай своей смерти. Разбросанная, а не округленная, какъ и большинство волостей того времени, волость княгини состояла изъ городовъ съ тянувшими къ нимъ округами, изъ селъ съ угодьями. Съ этихъ владѣній княгиня получала доходъ деньгами и натурой и, сверхъ того, всю сумму государственныхъ повинностей въ ихъ разнообразныхъ формахъ: дань, тамгу, и т. д. Рядъ слугъ и холоповъ заправлялъ имѣніями: мытники, и тому подобные собирали соотвѣтствующія пошлины, намѣстники и волостели управляли землями. Въ удѣлѣ княгини проживали всѣ классы населенія, встрѣчались всѣ разнородныя условія землевладѣнія и общежитія; можно прослѣдить всю податную зависимость населенія, наконецъ, и весь механизмъ администраціи и суда.

Одинаковыя причины ведутъ за собой одинаковыя слѣдствія: право владѣнія повело за собой образованіе около княгини собственнаго двора, поставило ее въ такія же общественныя отношенія, какъ и любого удѣльнаго князя. Но была ли княгиня тѣмъ центромъ, къ которому сходились нити управленія? и мы увидимъ, что была. Управленіе волостью всецѣло въ рукахъ княгини; князья не вмѣшивались и постоянно повторяли въ завѣщаніяхъ, что 'княгиня сама владѣетъ свой удѣлъ, что сыновья не смѣютъ вступаться въ него, что отъ княгини зависятъ ея волостели, судьи и тіуны. Княгиня сама разбирала жалобы и споры служилыхъ людей; ея бояре не подчинены даже великому князю. Дѣйствительность подтверждаетъ то, что признаютъ юридическіе акты и памятники: княгини входили во всю суть управленія, объѣз-

жали свои удѣлы, назначали своихъ намѣстниковъ. Преслѣдуя хозяйственныя выгоды, онѣ пускались въ обороты: пользуясь доходами и движимою собственностью, зачастую не малою, онѣ скупали земли, обмѣнивали однѣ на другія, входили въ долговыя обязательства. Княгиня Софія Витовтовна строила, напримѣръ, Житный дворъ въ Кремлѣ. Но княгини не ограничивались одними хозяйственными распоряженіями: онѣ, въ силу управленія волостью, должны были знать ходъ дѣлъ и событій, знать взаимныя отношенія населенія и администраціи, иначе нельзя объяснить, какъ могла Софія Витовтовна издать распоряженіе о приставахъ, о судѣ по душегубству, а княгиня Марья Ярославна — давать льготную грамоту Киржачскому монастырю.

Духовныя завѣщанія идутъ дальше: они говорятъ о положеніи княгини уже не матеріальномъ, а, такъ сказать, нравственномъ. Современниковъ не смущало то обстоятельство, что Симеонъ Гордый всю движимость и недвижимость оставляетъ женѣ. Слова: «даю рядъ княгинѣ и дѣтямъ»—стали формулой. Въ большинствѣ грамотъ предписывается дѣтямъ слушаться матери «въ отца мѣсто». Въ XVII вѣкѣ эти слова и выраженія потеряли свой внутренній смыслъ и были только извѣстными унаслѣдованными шаблонами, но въ XV вѣкѣ они сохраняли всю свою жизненность и силу. На это есть указанія: Дмитрій Донской ясно и опредѣленно передалъ княгинѣ, своей женѣ, право передѣлять своихъ сыновей въ случаѣ необходимости, даетъ ей право распредѣлять удѣлы. Василій II Темный поручаетъ тоже самое Марьѣ Ярославнѣ.

Итакъ, особенности княжескаго быта XIV—XV вѣ-

ковъ, эти обломки удѣльнаго быта, отражались на жизни великокняжескаго терема. Практика московской жизни допускала княгинѣ право владѣть самостоятельно и независимо движимою и недвижимою собственностью, допускала право самостоятельно управлять волостями. Матеріальные интересы составляли, конечно, цѣль и источникъ всей дѣятельности, но важно то, что они поддерживали самостоятельность княгини и возбуждали къ дѣятельности. Эта дѣятельность сталкивала княгиню съ людьми всѣхъ классовъ и достатковъ, ставила въ общественныя отношенія съ ними и была лучшей школой для выработки характера. На этой почвѣ личныя свойства и благопріятныя условія помогли не одной княгинѣ и не въ одномъ Московскомъ княжествѣ пріобрѣсти значеніе. Такими же благопріятными условіями, такими же традиціями сумѣли воспользоваться и тѣ женщины, которыя явились представительницами терема XV вѣка, въ княженіе великаго собирателя русской земли. Изъ нихъ особенно выдѣлялась княгиня Рязанская Анна, родная сестра Ивана III; онъ питалъ къ ней глубокое уваженіе и щадилъ, по возможности, ея гордость.

Княгиня Марія Ярославна, мать Ивана III, внучка Владиміра Андреевича Храбраго, раздѣляла всѣ печали и невзгоды, выпавшія на долю ея мужа Василія Темнаго. Упоминаемая вскользь лѣтописью, упоминаемая въ актахъ по случаю своихъ распоряженій въ волостяхъ, она ярче выдвигается по смерти мужа, хотя и по духовному завѣщанію можно видѣть, съ какимъ уваженіемъ относился къ ней Василій II. Владѣя не малыми землями и половиной го-

рода Ростова, Марья Ярославна скупила другую часть города. Распоряжаясь своими угодьями, княгиня часто уѣзжала изъ Москвы, такъ что однажды великому князю пришлось отложить, за ея отсутствіемъ, чествованіе святыхъ мощей. Въ Москвѣ княгиня жила отдѣльно отъ семьи великаго князя, на своемъ собственномъ дворѣ и здѣсь, въ Кремлѣ, построила церковь Вознесенія. Не мало нравственныхъ заботъ доставляли ей сыновья. Ей приходилось сталкиваться съ такимъ крутымъ человѣкомъ, какимъ былъ Иванъ Васильевичъ, вліять на него и смягчать его гнѣвъ. Княгиня не безъ борьбы подчинялась желѣзной волѣ старшаго сына. Любя своего сына Андрея Большого, она, опираясь на завѣщаніе Василія II, которое давало ей это право, отдала ему городъ Романовъ, что не могло быть пріятнымъ Ивану Васильевичу. Она умѣла хранить ту слабую нить, на которой висѣла участь удѣльныхъ князей, и ея вліянію обязаны младшіе сыновья тѣмъ, что до 1485 года, то-есть до смерти матери, не испытали всей тяжести руки великаго князя. Самъ Иванъ Васильевичъ признавалъ значеніе матери: съ нею совѣщался передъ своимъ вторымъ бракомъ, съ нею— передъ походомъ на Новгородъ, передъ битвой съ татарами. Новгородцы, зная силу вліянія старой княгини на сына, присылали бить челомъ митрополиту и княгинѣ-матери, чтобы заступились за нихъ— похлопотали бы о назначеніи епископа Ѳеофила. Когда интересы государства требовали особыхъ усилій, княгиня не оставалась безучастной: ея воевода съ ея полкомъ ходилъ на помощь великому князю подъ Новгородъ. Слѣдовательно, она, какъ любой удѣльный

князь, имѣла свою военную силу. Дьякъ великой княгини Бородатый славился, какъ знатокъ лѣтописей и Иванъ Васильевичъ бралъ его съ собой въ Новгородъ. Въ 1480 году, за пять лѣтъ до смерти, особенно ярко выдвинулась дѣятельность Маріи Ярославны. Около этого времени младшіе братья поссорились съ Иваномъ Васильевичемъ и собирались отъѣхать въ Литву, а великому князю угрожало въ ту минуту нашествіе Ахмата. Княгиня-мать употребила всѣ усилія, чтобы примирить сыновей: ѣздила къ нимъ сама, уговаривала лично и, по зову матери, младшіе братья явились на помощь великому князю. Когда же Иванъ Васильевичъ, колеблясь вступить въ битву съ татарами, пріѣзжалъ съ Угры на Москву, княгиня-мать раздѣляла общее волненіе и негодованіе народа на робость великаго князя. Софья Ѳоминишна съ дѣтьми уѣхала изъ Москвы, «находилась въ бѣгахъ»; Марія же Ярославна, негодуя на сноху, осталась въ Москвѣ, ободряя жителей, и «сѣла съ ними въ осаду». Она слѣдовала примѣру удѣльныхъ княгинь, которыя выдерживали не разъ осаду, въ отсутствіи мужей: Евдокія, жена Дмитрія Донского; гибли въ пламени пожара: семейство Георгія Всеволодовича во Владимірѣ; бросались съ башенъ, защищая свою честь: княгини Рязанская и Черниговская; принимали мученичество: Ульянія Вяземская. И этотъ порывъ старой княгини вполнѣ оцѣнили современники: восхваляя ее въ лѣтописи, еще болѣе корили княгиню-римлянку, Софію Ѳоминишну.

Первой женѣ Ивана Васильевича, болѣзненной и рано умершей, конечно нельзя было равняться съ такой личностью, какою была княгиня-мать, но во

второй женѣ Иванъ Васильевичъ нашелъ человѣка, способнаго занять выдающееся мѣсто въ княжеской семьѣ. Рядомъ съ княгиней Маріей Ярославной стала Софія Ѳоминишна.

Проектъ брака Ивана III на греческой царевнѣ возникъ въ Римѣ и былъ одной изъ утопій римскаго престола, одной изъ неудавшихся попытокъ подчинить себѣ Восточную церковь. Этотъ проектъ былъ встрѣченъ на Москвѣ съ удовольствіемъ и, когда осуществился, принесъ Москвѣ большую выгоду. Передъ Московскимъ государемъ, передъ русскими людьми раскрылся широкій кругозоръ: государственныя задачи Москвы коснулись не только объединенія русскихъ земель, національнаго единства, — ея задачей стала отнынѣ руководящая роль въ жизни православнаго Востока, и чѣмъ труднѣе, недостижимѣе, отдаленнѣе былъ идеалъ, тѣмъ больше вдохновлялъ онъ русскихъ людей, тѣмъ сильнѣе поддерживалъ въ нихъ вѣру въ себя.

Однимъ словомъ второй бракъ Ивана III, заключенный по глубокимъ политическимъ соображеніямъ, имѣлъ, по своимъ послѣдствіямъ, громадное значеніе и занимаетъ исключительное мѣсто на страницахъ исторіи Москвы; но, конечно, не того ожидалъ отъ него Римъ.

Софія Ѳоминишна (въ Греціи и Италіи—Зоя) вышла замужъ за Московскаго государя 20-ти слишкомъ лѣтъ. Она многое уже пережила и испытала. Москва узнала греческую царевну тогда, когда она была уже женщиной съ вполнѣ сложившимся характеромъ.

Рѣдко дѣтскіе и юные годы могутъ быть столь богаты испытаніями и тяжелыми впечатлѣніями,

какъ то случилось съ греческой царевной. Ребенкомъ пріѣхала она въ Италію, при самыхъ несчастныхъ условіяхъ. Паденіе Константинополя, бѣгство родителей, участь старшей сестры—кралицы Сербской, униженія ея отца Ѳомы, деспота Морейскаго, при папскомъ дворѣ, его смерть, вызванная нравственными потрясеніями... вотъ какія воспоминанія связаны съ золотой порой дѣтства. Оставшись круглой сиротой, греческая царевна проживала вмѣстѣ со своими братьями, Андреемъ и Мануиломъ, въ Италіи, на иждивеніи папскаго двора, въ тѣсномъ кругу греческой колоніи эмигрантовъ. Воспитаніе царевны, образъ ея жизни и обстановка были созданіемъ грека-кардинала Виссаріона. Пирлингъ хочетъ видѣть въ этомъ грекѣ-католикѣ вѣрнаго сына римской церкви, одного изъ сочинителей проектовъ въ пользу главенства папы, владычества его надъ Востокомъ. На самомъ дѣлѣ Виссаріонъ, оказавшій, между прочимъ, не малую услугу западнымъ гуманистамъ своими познаніями въ греческомъ языкѣ и литературѣ, былъ ни что иное, какъ страстный до фанатизма, грекъ-патріотъ. Его единственной мечтой было изгнаніе турокъ изъ Европы и возстановленіе имперіи на Востокѣ. Ради славы Византіи, ради прославленія греческаго имени, ради одного хотя бы внѣшняго успѣха и почета для греческаго царскаго рода, онъ жертвовалъ всѣмъ.

Онъ отдавалъ въ приданое Софіи Ѳоминишны всѣ свои деньги; онъ постоянно руководилъ воспитаніемъ и жизнью малолѣтнихъ Палеологовъ; во имя патріотизма онъ прибѣгалъ къ уловкамъ, къ двуличностямъ въ своихъ наставленіяхъ. Виссаріонъ совѣ-

туетъ своимъ царственнымъ воспитанникамъ быть осторожными, тихими, скромными... выказывать глубочайшее внѣшнее почтеніе папѣ, ибо отъ него получаютъ они деньги на содержаніе; совѣтуетъ присутствовать чаще при католическомъ богослуженіи, но... сквозь строки такъ и сквозитъ его молчаливый совѣтъ глубоко въ душѣ хранить идеалъ православія до лучшихъ временъ!.. Скудныя средства совѣтуетъ онъ употреблять на внѣшнюю пышность, дабы поддержать достоинство сана и не ударить лицомъ въ грязь передъ итальянскимъ обществомъ. Понятно, что и кардиналъ, и греки, окружавшіе греческую царевну, и такія личности, какъ ея тетка Анна Палеологъ, мечтавшая создать въ своихъ владѣніяхъ въ Италіи маленькій сколокъ съ Византіи, весь этотъ тѣсный кружокъ греческихъ эмигрантовъ имѣлъ цѣлью знакомить Зою не съ Италіей и не съ ея исторіей и жизнью, а напротивъ—пропитать ее византійскими традиціями и познакомить ее съ исторіей ея отечества, царскаго ея рода, съ его историческими притязаніями. Но такъ какъ большинство окружавшихъ ее грековъ были люди преимущественно придворнаго быта, то они и внушили царевнѣ страсть къ этикету и къ придворной пышной обстановкѣ, а равно благоговѣніе къ значенію, власти и силѣ бывшихъ Византійскихъ императоровъ—ея предковъ.

Вотъ причина, почему Зоя, проживая въ Италіи, въ тѣсномъ кругу греческой колоніи, въ ея спертомъ воздухѣ, осталась чуждой Италіи и не чувствовала къ ней влеченія. Унизительная денежная зависимость, насмѣшки итальянскаго общества надъ

обычаями и нравами греческой колоніи возбуждали жгучее чувство непріязни. Греки смотрѣли съ презрѣніемъ на итальянцевъ, какъ на западныхъ варваровъ, которые заимствовали у нихъ, грековъ, все знаніе. Взаимныя непріязнь и недовѣріе помѣшали Зоѣ познакомиться ближе съ идеальной стороной эпохи возрожденія въ Италіи, оцѣнить то, что въ ней было лучшаго, цѣннаго и отчасти возвышеннаго; она испытала лишь ея изнанку, которая для нашихъ глазъ уже стушевалась, а ей была видна, какъ на ладони, и внушала отвращеніе. Если она что и оцѣнила, то лишь утилитарную сторону: успѣхи техники. Это самое сообщила она впослѣдствіи и мужу своему.

Итальянцы платили ей тою же монетой. Насмѣшки острыхъ на слова итальянцевъ надъ наружностью царевны, каррикатура, нарисованная Луиджи Пульчи, объясняется отчасти и тѣмъ, что красота греческой царевны, красота южныхъ и восточныхъ женщинъ, рано наклонныхъ къ полнотѣ, соотвѣтствуя вкусу русской старины, не пришлась по вкусу современнымъ итальянцамъ, падкимъ въ то время и до манерности, что замѣтно на нѣкоторыхъ Мадоннахъ того времени. Другіе же писатели говорятъ, что царевна была величественна и красива, что вполнѣ правдоподобно, если вспомнимъ про всѣмъ извѣстную красоту ея отца. Къ довершенію всѣхъ этихъ уколовъ самолюбія присоединились еще личныя обиды: оба жениха князь Карачіолло и Іаковъ Лузиньянъ отказались отъ нея и предпочли ей другихъ невѣстъ. Такимъ образомъ, для Зои бракъ съ Московскимъ государемъ былъ желаннымъ выходомъ изъ тяже-

лаго положенія. Но замѣчательно, до какой степени наставленія Виссаріона пошли ей впрокъ: Софія Ѳоминишна за все время ея пребыванія въ Италіи безмолвствуетъ... Она такъ глубоко скрываетъ свои чувства и желанія, что является загадкой для римскаго двора, и мы даже въ описаніяхъ современниковъ не можемъ уловить ея личности.

Только покинувъ навсегда Италію и переваливъ черезъ Альпы, Софія Ѳоминишна впервые проявила свою волю, свое личное *я* въ нѣмецкомъ городѣ Нюренбергѣ, гдѣ она отказалась участвовать въ танцахъ. Говорить и дѣйствовать она начала на русской почвѣ, за рубежомъ и тутъ, неожиданно оказалось, что греческая царевна намѣтила и образъ дѣйствія, и свое отношеніе къ Москвѣ, вполнѣ противоположныя надеждамъ Рима. Во Псковѣ Софія Ѳоминишна властно приказываетъ папскому легату подчиниться требованіямъ псковичей, заявляетъ себя ревностной православной, благодаритъ псковичей за радушный пріемъ и обѣщаетъ имъ быть ихъ ходатайницей передъ великимъ княземъ (что выполнила впослѣдствіи). Въ Москву царевна въѣхала, какъ православная, какъ наслѣдница Византіи, а посолъ Рима былъ униженъ на первыхъ же порахъ.

Въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ Зои мы можемъ видѣть плоды воспитанія Виссаріона, а эти плоды воспитанія обнаруживаютъ затаенныя глубоко мысли, чувства и надежды кардинала. Въ Софіи этотъ грекъ отмстилъ Риму за униженіе.

Ставъ Московской великой княгиней, Софія Ѳоминишна довольно скоро освоилась съ обстановкой двора, вошла въ положеніе Московскихъ княгинь.

Бѣдная былая изгнанница, на иждивеніи Рима, имѣла теперь и волости, и слугъ, и деньги, и скоро начала копить и пріумножать свою казну. Московская жизнь XV в., далекая еще отъ замкнутости, дала ей возможность жить открыто, окружила ее царственнымъ ореоломъ: она принимала пословъ въ торжественныхъ аудіенціяхъ, давала инструкціи посламъ своего мужа. Иванъ Васильевичъ и русскіе люди могли быть ею довольны: она дѣйствительно оказалась православной. Римъ былъ ей такъ же ненавистенъ, какъ и имъ самимъ. Но при всей своей приверженности ко всему греческому, она была настолько тактична и умна, что выказала искреннее уваженіе къ русскимъ народнымъ святынямъ: подобно всѣмъ русскимъ княгинямъ предшественницамъ, она часто ходила на богомолья, жертвовала на монастыри и особенное уваженіе оказывала лаврѣ святого Сергія. Главной же задачей Софіи Ѳоминишны было привить къ московской почвѣ византійскія традиціи, дорогія ея сердцу, — а какъ изъ нихъ всего лучше ей были извѣстны придворная жизнь и обстановка, то Софія Ѳоминишна и создала своему мужу пышную обстановку, ввела этикетъ, чины и превратила княжескій теремъ временъ удѣловъ въ великолѣпный дворецъ византійскаго монарха, отдѣленнаго отъ своихъ подданныхъ сонмомъ придворныхъ чиновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она внушила мужу новый взглядъ на себя самого, какъ на самодержавнаго государя. Недаромъ, много лѣтъ спустя, бояре говорили: «Какъ пришла сюды великая княгиня Софья съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалася»... Но, конечно, Софія Палеологъ,

будучи до мозга костей греческой царевной, была гречанкой времени упадка ея народа, что неблагопріятно отозвалось на нравственной сторонѣ ея характера: она заимствовала византійскій и итальянскій способъ дѣйствія—интригу.

Недаромъ Герберштейнъ говоритъ: «Aiunt, Sophiam hanc fuisse astutissimam cujus impulsu Dux multa fecit.» («Говорятъ, что эта Софія была весьма хитра и подъ вліяніемъ ея князь многое дѣлалъ»).

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ:

Собраніе госуд. Грамотъ и Договоровъ т. I; Лѣтописи, т. VII и VIII; Чичеринъ «Опыты по исторіи русскаго права»; Пирлингъ «Mariage d'un tzar au Vatican», Paris, 1891; Герберштейнъ «Записки о Московіи»; Карамзинъ, т. 6.

III.

Время дѣтства и юности великой княжны Елены Ивановны. (1474—1493 г.)

Была весна 1474 года [2]). 18 апрѣля зазвонили въ Кремлѣ къ ранней заутренѣ, когда въ великокняжескомъ терему, у великаго князя Ивана III родилась дочь. Надежды князя и княгини имѣть сына-наслѣдника не оправдались. Маленькая княжна получила имя Елены, имя греческое, которое носила сестра Софіи Ѳоминишны—несчастная кралица Сербская.

Самыми первыми впечатлѣніями ея ранняго дѣтства были обстановка великокняжескаго терема съ цѣлой свитой нянюшекъ и мамушекъ, далѣе—княгиня бабушка и, наконецъ, въ почтительномъ разстояніи, строгія лица отца и матери.

Контарини, посолъ Венеціанской республики, проживавшій около этого времени въ Москвѣ, сохранилъ намъ любопытныя черты и подробности о личностяхъ знаменитыхъ родителей нашей княжны, а по русскимъ лѣтописямъ мы узнаемъ, что занимало преимущественно Ивана Васильевича въ дѣлахъ внутренней политики около времени рожденія дочери.

Иванъ Васильевичъ былъ въ то время поглощенъ новогородскими дѣлами. Семидесятые годы поставили на очередь судьбу Великаго Новгорода и на

ней сосредоточилось все вниманіе великаго князя. Въ 1475—1476 году онъ провелъ въ Новгородѣ всю зиму отъ октября до февраля; тогда же, великимъ постомъ, Москва увидѣла въ своихъ стѣнахъ новгородскихъ пословъ; видѣла ихъ въ слѣдующемъ 1477 году, а въ 1478 исчезла самая тѣнь новгородской вольности. Господинъ Великій Новгородъ сошелъ съ исторической сцены, Москва стала колонизовать новгородскія области [3]), и лишь слабые отголоски былой бури раздавались изрѣдка и въ послѣдующіе годы. Проводя цѣлые мѣсяцы въ Новгородѣ, Иванъ Васильевичъ не забывалъ другихъ областей своего государства, и многіе сѣверные города видѣли его въ своихъ стѣнахъ. Онъ почасту объѣзжалъ свои владѣнія, заѣзжая иногда въ гости къ своимъ вѣрнымъ слугамъ—боярамъ и князьямъ. Между ними встрѣчаемъ татарскихъ князей, когда-то столь грозныхъ и надменныхъ, а нынѣ они, полуобрусѣлые, проживали на Руси, на пограничной службѣ великаго князя.

Контарини оставилъ намъ любопытныя черты и свѣдѣнія объ Иванѣ Васильевичѣ, котораго не разъ видѣлъ, и обрисовалъ двумя-тремя штрихами его наружность. По словамъ итальянца великому князю можно было дать на видъ 35 лѣтъ (ему дѣйствительно было 36 лѣтъ). Онъ былъ красивъ, высокаго роста, но худощавъ. Съ Контарини обращался очень милостиво и держался чрезвычайно просто и непринужденно. Пріемы происходили безъ оффиціальной пышности, почти наединѣ, при 2—3-хъ близкихъ совѣтникахъ. Онъ внимательно выслушивалъ рѣчи посла и самъ говорилъ много и долго: не да-

ромъ совѣщаніе длилось около часу. Иванъ Васильевичъ такъ мало обращалъ вниманія на этикетъ, такъ былъ чуждъ важности и чопорности, что, когда почтительный итальянецъ отступалъ назадъ при разговорѣ, великій князь постоянно придвигался къ нему и приводилъ этимъ посла въ полное смущеніе. Обѣды, на которые былъ званъ Контарини, также носили непринужденный характеръ. Только въ послѣдній разъ, на прощальномъ пріемѣ, итальянецъ могъ видѣть образецъ княжескаго званаго обѣда; видѣлъ богатство Московскаго государя, его горницы, столы, ломившіеся подъ тяжестью яствъ на дорогой посудѣ; видѣлъ богатые парчевые кафтаны Ивана Васильевича, подбитые мѣхомъ. Соболья шуба, червонцы, обезпечивавшіе отъѣздъ, и серебряная чаша со стола—были знакомъ вниманія и щедрости Московскаго князя къ послу.

Этотъ разсказъ Контарини чрезвычайно важенъ для насъ по многимъ причинамъ: онъ рисуетъ намъ великаго князя въ ту пору молодости, когда вліяніе Софіи Ѳоминишны было еще слабо, когда въ великокняжескомъ быту мало еще замѣтны черты придворнаго византійскаго этикета. Иванъ Васильевичъ жилъ богато, могъ жить пышно, но держался обычаевъ удѣльной старины: жилъ непринужденно, просто и патріархально. Еще, повидимому, не пріобрѣлъ орлиный взоръ его того выраженія, которое позже заставляло трепетать окружающихъ. Читая Контарини видишь передъ собой Ивана Васильевича не тѣмъ величаво спокойнымъ, какимъ онъ рисуется въ нашемъ воображеніи въ послѣдующіе годы, а подвижной, порывистой личностью. Заинтересованный

разсказомъ Контарини, онъ придвигается къ нему, забывая всякій этикетъ; при первомъ свиданіи, прерывая его рѣчь, съ тревожнымъ лицомъ спѣшитъ жаловаться на предшественника его, Венеціанскаго же посла Тревизана... Все это черты характера, слегка напоминающія живость и непринужденность Петра Великаго. Въ одномъ оставался себѣ вѣренъ Иванъ Васильевичъ и не измѣнялъ себѣ даже въ молодости—въ осторожности и долгомъ обдумываніи любого дѣла.

Видѣлъ Контарини и Софью Ѳоминишну—Деспину—какъ онъ ее называетъ. Великій князь пожелалъ представить ей посла. Прошло уже 4 года со времени пріѣзда греческой царевны въ Москву. Софія Ѳоминишна могла вполнѣ познакомиться съ московской жизнью; она успѣла освоиться со своимъ положеніемъ великой княгини. Представленіе пословъ великимъ княгинямъ было въ обычаѣ Московской Руси XV вѣка, но, думается, Иванъ Васильевичъ руководился здѣсь еще особыми соображеніями. Ему хотѣлось блеснуть передъ итальянцемъ и католикомъ той пышной обстановкой, какая окружала теперь греческую царевну—нѣкогда изгнанницу на иждивеніи гордаго Рима, и отзывъ Контарини объ этомъ пріемѣ показываетъ, что Софія Ѳоминишна вполнѣ удовлетворила тщеславію своего супруга. Когда Контарини вошелъ въ пріемную горницу и увидѣлъ великую княгиню, онъ сразу почувствовалъ, что попалъ въ иную атмосферу, болѣе ему понятную и сродную. Съ «приличными» низкими поклонами и привѣтствіями представился онъ Софіи Ѳоминишнѣ. Послѣдняя обошлась съ нимъ съ достоинствомъ, но ласково; просила передать поклонъ отъ нея Свѣтлѣй-

шей республикѣ. Распростившись, Контарини удалился. Къ сожалѣнію, онъ не описалъ наружности великой княгини, и мы можемъ только предполагать, что неподвижная уже въ Италіи Софія Палеологъ пріобрѣла въ Россіи еще большую важность и медлительность въ движеніяхъ и, конечно, сумѣла придать величавость осанкѣ.

Познакомившись съ родителями нашей княжны и съ грозными событіями, глубоко взволновавшими сѣверную Русь ко времени ея рожденія, вернемся къ описанію времени ея дѣтства.

Съ той самой минуты, какъ княжна стала сознавать окружающее, она видѣла вокругъ себя обстановку княжескаго терема, и на этомъ фонѣ рисовались ей впослѣдствіи картины дѣтскихъ лѣтъ. По небольшимъ горницамъ терема бѣгала и рѣзвилась княжна-ребенокъ; вокругъ себя она видѣла довольство, роскошь, расписныя стѣны, мягко устланные полы, дорогія одежды. Когда княжнѣ случалось забѣгать на половину матери или въ пріемныя комнаты-палаты, ея вниманіе останавливали красота и богатство обстановки, дорогая утварь, драгоцѣнности княгини-матери, ея диковинныя заморскія вещи. Изъ оконъ высокихъ свѣтлицъ открывался чудный видъ на Кремль, на городъ, на вьющуюся лентой Москву-рѣку, на Замоскворѣчье, а вдали, на небосклонѣ— ширь полей и синѣющій лѣсъ. Отъ этой картины вѣяло ширью русской равнины, красотой русскаго ландшафта и, вѣроятно, эта картина не разъ рисовалась въ памяти княжны, когда, будучи уже королевой Польской, она вспоминала далекую родину.

Ребенокъ игралъ и рѣзвился, а во дворцѣ кипѣла

жизнь большого хозяйственнаго центра, шла чередомъ домашняя, будничная жизнь, сновало множество слугъ; служилые люди великаго князя и его жены являлись съ донесеніями или за приказаніями; во дворъ ввозили доходы съ княжескихъ волостей. И чѣмъ старше становилась княжна, тѣмъ пышнѣе становилась окружающая ее обстановка, разростался придворный штатъ. Росла и семья Ивана Васильевича: появились сестры и братья погодки, товарищи игръ. Какъ бы мала ни была княжна, какъ бы смутно ни сознавала происходящаго кругомъ, но и до ея слуха доносился отзвукъ общественныхъ событій. Все выходившее изъ ряда обыденной жизни возбуждало интересъ и оживленные толки: крестины, освященіе церквей, крестные ходы, пріѣзды удѣльныхъ князей и княгинь, пріемы иностранныхъ пословъ, пріѣзды родственниковъ Софіи Ѳоминишны изъ-за границы... Каждое такое событіе сопровождалось то пиромъ, то молитвой, давало пищу толкамъ, разговорамъ и пересудамъ. А вотъ княгиня собирается на богомолье въ Троице-Сергіеву Лавру... идутъ сборы... Съ возвращеніемъ княгини, вмѣстѣ съ ароматомъ полей, въ теремъ врывалась струя поэзіи: идутъ разсказы о дорогѣ, о всемъ видѣнномъ и слышанномъ; со страхомъ, съ глубокой вѣрой передаются чудныя легенды и сказанія о таинственномъ явленіи великой княгинѣ самого святого Сергія почти у вратъ обители. Такія сказанія глубоко западали въ впечатлительную душу ребенка, волновали, будили умъ и воображеніе. Великая княжна съ ранняго дѣтства пріучалась смотрѣть на свой родъ, какъ на Богомъ избранный, предназначенный къ высшимъ цѣлямъ,

находящійся подъ особымъ покровительствомъ Самого Господа и Его святыхъ угодниковъ.

Не одними радостными событіями разнообразилась жизнь. Порой зловѣщій звонъ набатнаго колокола извѣщалъ о пожарѣ: то горѣла отдаленная часть Москвы, то Замоскворѣчье, то пламя гуляло у самыхъ стѣнъ Кремля. По этому звону не одинъ разъ великій князь спѣшилъ на мѣсто пожара и собственными усиліями старался положить предѣлъ бѣдствію. Но каковъ же былъ переполохъ во дворцѣ и на дѣтской половинѣ, когда пожаръ вспыхнулъ въ самомъ Кремлѣ, когда загорѣлась церковь Рождества близъ терема. Пожаръ удалось скоро потушить, но казна великаго князя не мало пострадала.

До 1480 года жизнь въ терему шла довольно гладко, безъ особыхъ тревогъ, но въ семъ году произошли знаменательныя событія, которыя надолго выбили великокняжескую семью и дворъ изъ обычной колеи. Въ 1480 году великій князь былъ сильно озабоченъ и, всегда сдержанный, теперь волновался. Предстояла борьба съ Ахматомъ. Иванъ Васильевичъ выслалъ войско на рѣку Угру, но тревожимый, озабоченный ссорой съ братьями, съ безпокойствомъ оглядывался на Литву и Крымъ. Въ эти минуты опасеній, не увѣренный въ судьбѣ столицы, великій князь рѣшилъ обезопасить положеніе семьи. Софія Ѳоминишна съ дѣтьми, съ обширнымъ дворомъ, сопровождаемая боярами, двумя дьяками, захвативъ имущество и великокняжескую казну, выѣхала изъ Москвы и поспѣшила на сѣверъ, по направленію къ Балтійскому морю. Этотъ малодушный, непатріотичный поступокъ возбудилъ негодованіе современни-

ковъ всѣхъ классовъ общества, и безъ того раздраженныхъ на Ивана Васильевича и громко роптавшихъ. Онъ возбудилъ осужденіе въ княгинѣ-свекрови, которая, наоборотъ, уступая горячимъ просьбамъ жителей, согласно старымъ традиціямъ, осталась въ Москвѣ, какъ говорится, «сѣла въ осаду» и старалась, по возможности, утишить волненіе, ободрить жителей и помочь сыну, способствуя его примиренію съ братьями. Негодованіе современниковъ на «римлянку» отразилось на страницахъ лѣтописи, гдѣ иронически называется пребываніе Софіи Ѳоминишны на сѣверѣ «нахожденіемъ въ бѣгахъ».

Великая княгиня. оставивъ Москву, скиталась съ мѣста на мѣсто; повидимому, довольно долго находилась она въ Чельмскомъ монастырѣ на берегу Бѣло-озера [3]) Бѣдная, небольшая обитель представляла, повидимому, какія-то удобства, которыя заставили, еще въ началѣ XV вѣка, остановиться здѣсь же Софію Витовтовну. Пребываніе Софіи Ѳоминишны на сѣверѣ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ тяжело отозвалось на жителяхъ. Лѣтописецъ жалуется на тягости, испытанныя ими, на разореніе отъ податей и отъ корыстолюбія бояръ и слугъ княжескихъ. Ея дворъ сравнивался съ татарами.

Княжнѣ Еленѣ шелъ седьмой годъ, когда она, благодаря событіямъ 1480 года, очутилась въ новой обстановкѣ. Безпокойство родителей, поспѣшные сборы, внезапный отъѣздъ, длинные переѣзды, остановки то въ селѣ, то въ монастырѣ,—вся эта бивуачная жизнь, какъ не похожа она была на спокойную жизнь дома! По собственному опыту познакомилась княжна съ ужасами татарскаго нашествія;

испытала весь страхъ и трепетъ передъ неумолимымъ врагомъ ея родины и вѣры. А сколько страшныхъ разсказовъ, народныхъ сказаній, преданій и пѣсенъ могла наслушаться дѣвочка изъ устъ самихъ очевидцевъ и окружающихъ ее лицъ; сколько могла наслушаться воспоминаній отъ самой матери! Такія впечатлѣнія не проходятъ безслѣдно.

Почти цѣлый годъ провела Софія Ѳоминишна на сѣверѣ и, когда вернулась въ столицу, ее встрѣтилъ великій князь уже не данникомъ татаръ, а свободнымъ, независимымъ государемъ. 1480 годъ можно считать поворотнымъ пунктомъ въ жизни Ивана III, когда, послѣ ряда политическихъ успѣховъ, онъ отдался вліянію жены и проникся взглядомъ на себя, какъ на наслѣдника Византійскихъ императоровъ. Съ этихъ поръ онъ рѣшительно разстался съ простотой и непринужденностью удѣльнаго быта; стряхнулъ съ себя прежнюю робость татарскаго данника и сталъ настойчиво проводить новыя начала въ русскую жизнь, начиная со своего двора. Результатъ этого новаго направленія сказался въ стремленіи придать Москвѣ видъ, соотвѣтствующій ей, какъ столицѣ могущественнаго государства. Закипѣла лихорадочная строительная дѣятельность. Еще въ 1470 году началась работа надъ Успенскимъ соборомъ, но тянулась медленно и только въ 1479 году закончилась его освященіемъ. Зато съ 1481 года строительная дѣятельность Ивана III приняла грандіозные размѣры и двигалась не по днямъ, а по часамъ.

Архангельскій соборъ уже перестраивался и былъ близокъ къ окончанію, когда противъ него стали

разбирать каменную церковь Благовѣщенія и закладывать на ея мѣстѣ новую, тоже каменную. Постройкой этой домовой церкви Московскихъ князей началъ Иванъ III украшеніе своего дворца, и вскорѣ за Благовѣщенскимъ соборомъ, въ 1484 году, разобравъ часть златоверхаго терема Донского, выходившаго на набережную, заложилъ каменную Малую Грановитую палату, а въ 1491 году, закончивъ постройку въ томъ же стилѣ другой, тоже каменной Большой Грановитой, соединилъ ее переходами съ Малой Грановитой. Строителями обѣихъ палатъ были итальянцы Маркъ Руфъ и Петръ Антоній Селярій. На ряду съ постройкой церквей и палатъ Иванъ III, руководясь хозяйственными соображеніями, заложилъ на площади, между соборами Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ, кирпичный казенный дворъ для храненія государевой казны, а спустя три года устроилъ тамъ же бѣлокаменный погребъ. На противоположномъ углу Кремля строили въ Чудовомъ монастырѣ каменную трапезу и возлѣ каменныя церкви Михаила Архангела и Космы и Даміана, послѣднюю—русскими мастерами изъ Пскова. Жившіе въ Кремлѣ бояре тоже кой-гдѣ затѣвали постройку каменныхъ домовъ, а митрополитъ давно слѣдовалъ примѣру великаго князя. Уже въ 1485 году каменныя стѣны Кремля временъ Дмитрія Донского стали по частямъ разбираться и замѣняться новыми, и съ каждымъ годомъ выростали стрѣльницы, башни надъ воротами, тайники и прочее. Строителями обновленныхъ и расширенныхъ стѣнъ Кремля были итальянцы Маркъ Руфъ и Петръ Селярій, имя котораго сохранилось до-

нынѣ на Спасскихъ воротахъ. Обновителемъ же трехъ лучшихъ памятниковъ Кремля, соборовъ Успенскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго, былъ знаменитый Аристотель Фіоравенти, извѣстный въ Италіи и Западной Европѣ, какъ выдающійся художникъ XV вѣка; онъ же былъ главнымъ руководителемъ всѣхъ работъ. Во всѣхъ постройкахъ того времени сказалось вліяніе Запада, преимущественно—Венеціи. Образцы зодчества Венеціи всего болѣе пришлись по вкусу и по сердцу русскимъ людямъ XV вѣка, потому, конечно, что на нихъ, на этихъ образцахъ, наиболѣе ярко сказалось византійское вліяніе, примѣръ тому—знаменитый соборъ святого Марка. Однако, въ Москвѣ, не было одного рабскаго подражанія. Иностранныхъ мастеровъ, не исключая самаго Аристотеля, посылали во Владиміръ, Суздаль, Ростовъ и другіе города изучать древнія русскія каменныя постройки. Планы и проекты иностранцевъ подвергались просмотру великаго князя, близкихъ ему лицъ, русскихъ мастеровъ, а главное—духовенства. Ихъ вкусу и вліянію надо приписать тѣ самобытныя черты, которыя сказываются въ русскомъ зодчествѣ XV и XVI вѣковъ. Оно—результатъ взаимодѣйствія двухъ умосозерцаній и вкусовъ, русскаго и западнаго. Но если архитектура была подъ сильнымъ вліяніемъ запада, если имена Аристотеля, Алевиза, Селярія и прочихъ составляютъ эпоху въ исторіи нашего зодчества, то русскіе живописцы твердо удержали въ живописи пальму первенства и старыя традиціи. Имъ всецѣло принадлежитъ внутренняя отдѣлка зданій. Пока кипѣла работа снаружи, внутри расписывались стѣны собо-

ровъ и дворцовъ, писались иконы и прочее. XV вѣкъ— эпоха процвѣтанія русской иконописи и имена Діонисія, Ушакова, Андрея Рублева и другихъ должны сохраниться на ряду съ именами иностранцевъ.

Строительная горячка охватила не одинъ Кремль, она сообщилась и всему городу: частные люди соперничали со своимъ государемъ, перестраивая деревянныя церкви въ каменныя, обнося монастыри каменными стѣнами, и даже появились мѣстами въ городѣ каменныя палаты у бояръ и именитыхъ людей (напр. строили бояринъ Образецъ и княжой слуга Ховринъ). Здѣсь не мѣсто входить во всѣ подробности, скажемъ только, что давно уже, лѣтъ десять, какъ и богатый купецъ Тараканъ вывелъ близъ Кремля, у Фроловскихъ воротъ (нынѣ Спасскія) обширныя кирпичныя палаты; онѣ, повидимому, занимали то мѣсто, гдѣ нынѣ красуется церковь Василія Блаженнаго.

Никогда, ни раньше, ни позже, не была Москва свидѣтельницей такой кипучей строительной дѣятельности. На нѣсколько лѣтъ интересъ къ искусству занялъ въ умѣ великаго князя мѣсто на ряду съ политикой. Эта лихорадочная дѣятельность благотворно отразилась на русскихъ людяхъ, пробудила ихъ отъ долгой умственной спячки, дала толчокъ развитію вкуса и совершенства въ техникѣ. Народное самолюбіе и гордость, подавленныя гнетомъ татарскаго ига, къ концу XV вѣка стали пробуждаться и сознавать все яснѣе и яснѣе, что не только военная сила, но и искусства сообщаютъ блескъ государствамъ, что и зодчество, въ видѣ храмовъ и дворцовъ, и живопись, въ видѣ иконъ и стѣнописи,— дѣло первостепенной важности, что могуществен-

ному народу надо умѣть воплотить въ памятникахъ искусства свою силу и славу. По всей справедливости XV вѣкъ можно считать русской эпохой Возрожденія; она счастливо совпала съ Возрожденіемъ наукъ и искусствъ на Западѣ. Поэтому, какъ историки, изучающіе начала государственной и народной жизни, такъ и изслѣдователи русской старины не могутъ миновать этой эпохи: въ ней корень всего послѣдующаго.

Думаю, не ошибемся, если скажемъ, что такое время подъема народнаго духа не могло пройти безслѣдно для людей, соприкасавшихся съ нимъ близко; поэтому, не могло оно пройти безслѣдно для умственнаго развитія подроставшей княжны: на ея глазахъ выростали величественные памятники, которые поражаютъ даже наши пресыщенные взоры; до слуха ея долетали толки, рѣчи и сужденія о нихъ. Въ умной, способной дѣвушкѣ все это должно было развить вкусъ и любовь къ изящному, что и сказалось въ Еленѣ Ивановнѣ впослѣдствіи на чужбинѣ. Данный ею толчокъ къ строительной дѣятельности въ Вильнѣ и собственное участіе въ ней показали, что она не даромъ была дочерью Ивана III и съ пользою прожила въ Москвѣ замѣчательные 80—90-ые годы XV вѣка.

Къ 1490 году готовы были соборы; Кремль почти опоясался стѣной съ ея причудливыми башнями и стрѣльницами; на Кремлевской площади красовались обѣ Грановитыя палаты,—когда великій князь задумалъ увѣнчать постройки созданіемъ жилого каменнаго дворца. Въ 1492 году онъ приступилъ къ разборкѣ остальныхъ деревянныхъ теремовъ Донского и заложилъ каменный дворецъ, въ итальян-

скомъ стилѣ, по образцу паллацо дожей въ Венеціи, а самъ, выѣхавъ изъ теремовъ, переселился временно въ палаты боярина князя Патрикѣева, что у Боровицкихъ воротъ; за Архангельскимъ же соборомъ приказалъ строить себѣ временный деревянный теремъ, но и тутъ пробылъ не долго. Въ 1493 году вспыхнулъ страшный пожаръ на Замоскворѣчьѣ; сильнымъ вѣтромъ перекинуло огонь на домъ Патрикѣева въ Кремлѣ; погорѣло не мало зданій и въ томъ числѣ оба дворца великаго князя. Великокняжеская семья вынуждена была покинуть Кремль и временно переселиться «за городъ въ крестьянскіе дворы» на Яузѣ-рѣкѣ. Такъ-то волею судебъ наша княжна вторично, уже въ юношескомъ возрастѣ, была перенесена въ убогую обстановку простонародья, гдѣ жилось не такъ роскошно, зато свободнѣе и не такъ обособлено. Здѣсь больше было случаевъ и возможности соприкасаться со всѣми классами народа; могла занять уличная жизнь Москвы, ея торговая сутолока. Гревожная, неустановившаяся жизнь XV вѣка, когда даже княжескія семьи не спасались отъ всякихъ случайностей и превратностей судьбы, имѣла ту хорошую сторону, что не давала коснѣть и замыкаться за стѣнами, выводила на улицу, въ народную среду, знакомила съ превратностями и невзгодами, пріучала къ роскоши, но зато учила переносить лишенія, закаляла нравственно. Все это княжна испытала на себѣ лично и видѣла примѣры на отцѣ, матери и бабушкѣ.

Послѣдняя была живой образъ русской княгини XIV—XV вѣковъ, умерла, когда внучкѣ было 12 лѣтъ, и она могла запомнить образъ старушки-княгини.

Живя отдѣльно, на своемъ собственномъ дворѣ, Марья Ярославна мало вмѣшивалась въ ежедневную жизнь сына, но какъ мы видѣли выше, во всѣхъ важныхъ семейныхъ обстоятельствахъ, въ мирѣ и на войнѣ, ея голосъ часто имѣлъ рѣшающее значеніе. Но бабушка не была исключеніемъ изъ ряда вонъ: остальныя удѣльныя княгини оживляли въ памяти княжны ея образъ. Онѣ часто пріѣзжали къ великому князю по дѣламъ и по семейнымъ обстоятельствамъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр., Анна Рязанская, родная тетка, были принимаемы съ почетомъ и уваженіемъ и пользовались вліяніемъ при дворѣ. Княжна подмѣчала въ нихъ тѣ самыя черты самостоятельности, независимости, дѣловитости и чувства собственнаго достоинства, что и въ бабушкѣ и въ матери; ихъ примѣръ училъ ее тому, какъ должна вести себя русская княгиня, знакомилъ ее воочію съ ихъ правами, съ ихъ хозяйственной дѣятельностью. Настойчивость, съ какою она впослѣдствіи добивалась въ Литвѣ волостей и правъ, связанныхъ съ ними, умѣніе управлять ими, хозяйственныя способности, ею выказанныя—все это доказываетъ, что она была отличной ученицей, многое подмѣтила и многому научилась въ Москвѣ.

Таково было вліяніе туземной русской среды, но мы имѣемъ еще нѣкоторыя данныя, что и западное вліяніе коснулось отчасти великой княжны. Конецъ XV вѣка ознаменовался сильнымъ наплывомъ иностранцевъ съ Запада въ Россію. Съ греческой царевной потянулись въ Москву не одни греки, но также итальянцы, нѣмцы и др. искать дѣла, счастья и денегъ. Обновленіе и украшеніе столицы послу-

жило поводомъ къ призыву иностранныхъ мастеровъ. Правда, не всегда и не всѣ находили искомое—деньги, но большинство устроивалось удачно. Дѣла было вдоволь: требовались зодчіе, художники, рѣзчики, золотыхъ дѣлъ мастера, чеканщики, литейщики, аптекаря, врачи и другіе. Золотыхъ дѣлъ мастерство, финифть, филигрань, чекань стояли и на Руси высоко, но иноземцы тѣмъ были полезны, что давали толчокъ впередъ, вносили новыя формы и пріемы техники. Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ принимали православіе, женились на русскихъ и русѣли. Это случилось съ Иваномъ Сальваторомъ, капелланомъ, монахомъ ордена августиновъ: онъ пріѣхалъ съ братомъ великой княгини, Андреемъ Палеологомъ, принялъ православіе, женился на русской: «понялъ за себя Алексѣевскую жену Сѣринову, и князь великій пожаловалъ его селомъ». Много жило въ Москвѣ иноземцевъ, а нѣкоторые и въ самомъ Кремлѣ, примѣръ чему мы видѣли выше на Аристотелѣ. Съ послѣднимъ Иванъ Васильевичъ велъ тѣсную дружбу: бывалъ у него и принималъ у себя запросто во дворцѣ. Такіе люди, какъ Аристотель и другіе выдающіеся и принятые ко двору, были проводниками западно - европейскихъ идей, понятій и обычаевъ; ихъ рисунки, снимки, планы, чертежи, модели знакомили великаго князя и его домашнихъ съ выдающимися памятниками Западной Европы—ея архитектурой, скульптурой, гравюрой и проч., и способствовали развитію вкуса, пониманія и оцѣнки въ дѣлахъ и вещахъ художественныхъ. Иванъ Васильевичъ имѣлъ понятіе о стиляхъ западно-европейскихъ зданій и самъ выбралъ себѣ въ

образецъ для своего дворца палаццо дожей. Музыка тоже не ускользнула отъ вниманія многосторонняго пытливаго ума великаго государя. Онъ любилъ духовное пѣніе, былъ знатокъ въ немъ и обучилъ ему своихъ дочерей. Въ 1490 году, когда Еленѣ было 16, а Ѳеодосіи 15 лѣтъ, былъ выписанъ изъ-за границы ко двору музыкальный инструментъ. Если Иванъ Васильевичъ и Софія Ѳоминишна мечтали выдать своихъ старшихъ дочерей за иностранныхъ государей, они вынуждены были позаботиться о томъ, чтобы придать имъ нѣкоторый внѣшній лоскъ; поэтому мы можемъ безошибочно предположить, что этотъ инструментъ не остался мертвымъ украшеніемъ комнатъ: Московскія княжны получили понятіе о свѣтской инструментальной музыкѣ. Въ Россіи врядъ ли могли найтись учителя и вѣроятнѣе, что таковые были выписаны изъ Италіи. Сама Софія Палеологъ, прожившая всю свою молодость въ Италіи, и Елена Молдавская, ея сноха, обѣ жительницы юго-запада Европы, вносили свою долю разнообразія въ жизнь терема. Не меньшее значеніе имѣли греки, пріѣхавшіе въ свитѣ Софіи Палеологъ, и ея родственники. Братъ ея, Андрей Палеологъ пріѣзжалъ дважды въ Россію. Племянница ея Марія вышла замужъ за князя Верейскаго, осталась въ Россіи и пользовалась щедротами тетки. Греки Траханіоты: Дмитрій и Юрій Малые, Іоаннъ Палеологъ-Рало и сыновья его, Ѳеодоръ Ласкиръ (Ласкарисъ), Микула Ангеловъ поступали на службу къ великому князю и употреблялись имъ, преимущественно, какъ послы. Всѣ они и многіе другіе поселились въ Россіи и, пользуясь удобной почвой, помогали Софіи

оживлять на Руси старыя историческія традиціи падшей имперіи. Въ нихъ Софія нашла ревностныхъ сотрудниковъ и сама, въ свою очередь, поддерживала ихъ къ великому ропоту русскаго боярства. Собственно научнаго, просвѣтительнаго значенія греки не могли имѣть. Лучшіе изъ нихъ были хорошими экономами, администраторами, послами, переводчиками; большинство же изъ нихъ были авантюристы, жадные до наживы. Единственное блестящее исключеніе среди нихъ составилъ впослѣдствіи Максимъ Грекъ, но одна ласточка не дѣлаетъ весны, а сама погибаетъ отъ мороза.

Въ чемъ преимущественно проявили свое вліяніе греки и Софія Палеологъ—это въ созданіи пышной придворной обстановки Московскому государю. Удѣльная старина не знала придворщины; обстановка ея была военная, дружинная, и въ главныхъ своихъ чертахъ она сохранилась до Ивана III. Василій II оставилъ сыну два придворныхъ чина и свиту изъ 5 бояръ. Контарини описалъ простоту княжескаго быта и доступность государя въ первые годы княженія Ивана III. Уважая мать, щадя ея привычки, онъ до самой ея смерти не вводилъ никакихъ измѣненій, только увеличилъ число бояръ съ 5 до 15; но, послѣ смерти Маріи Ярославны, въ обстановкѣ двора совершился крутой переворотъ. Были введены новые придворные чины, и въ эту придворную сѣть были хитро уловлены удѣльные князья и строптивое боярство: не имѣя возможности ссориться изъ-за удѣловъ, они заспорили изъ-за мѣстъ при дворѣ и войскѣ.

Ломка удѣльнаго быта не обходилась безъ тяж-

кихъ минутъ и потрясающихъ сценъ. Пока была жива Марія Ярославна, семейныя отношенія были сносны: старушка умѣла примирять непримиримое; она умѣла внушать къ себѣ уваженіе даже въ такой хитрой, гордой женщинѣ, какою была Софія Палеологъ, умѣла сдерживать ее; она обуздывала честолюбіе, эгоизмъ и своеволіе младшихъ сыновей, пробуждала въ нихъ лучшія чувства самоотверженія и любви къ отечеству и въ то же время отстаивала ихъ интересы передъ Иваномъ Васильевичемъ. Ея смерть тяжко отозвалась на судьбѣ младшихъ ея сыновей, и вскорѣ княжнѣ Еленѣ пришлось быть свидѣтельницей трагическихъ событій. Она была подросткомъ, когда ея родная тетка Анна Рязанская выносила на своихъ плечахъ судьбу своего сына Ивана. Ей было 18 лѣтъ, когда разразилась гроза надъ ея дядей княземъ Андреемъ Большимъ: онъ былъ схваченъ, осужденъ пристрастно, томился долго и умеръ мучительной смертью въ заключеніи, подлѣ стѣнъ великокняжескаго терема. Она не могла не знать, что многіе и многіе на Москвѣ громко осуждали ея мать и считали ее виновницей и подстрекательницей.

Была еще личность, которая должна была внести свою долю разнообразія, но и не мало столкновеній въ семью. То была сноха великаго князя, молодая княгиня Елена, дочь господаря Стефана Молдавскаго, жена старшаго сына и наслѣдника, Ивана Ивановича. Отношенія отца къ сыну были холодныя, но рожденіе внука Дмитрія смягчило ихъ. Борьба изъ-за дѣтей отъ перваго и второго браковъ кончилась впослѣдствіи, какъ извѣстно, трагически, но ко

времени юности княжны и въ послѣдній годъ ея жизни въ Москвѣ, отношенія Ивана III къ внуку и снохѣ, уже овдовѣвшей, были очень хороши. Скорѣе натянуты были отношенія его къ Софіи, что, при наружномъ якобы согласіи, приводило къ глухой борьбѣ и подпольнымъ интригамъ. Къ семейнымъ несогласіямъ вскорѣ присоединились религіозныя распри—усиленіе и распространеніе ереси жидовствующихъ.

По словамъ лѣтописей, ее занесъ изъ Кіева въ Новгородъ ученый еврей Схарія. Въ Новгородѣ она имѣла большой успѣхъ и нашла благопріятную для себя почву: случаи злоупотребленій и мздоимства духовенства давали поводъ критиковать господствующее вѣроисповѣданіе, а множество лицъ, раззоренныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ паденіемъ роднаго города, было, что солома для огня. По словамъ тѣхъ же лѣтописей, приверженцы ереси подвергали критикѣ самые основные догматы христіанства, давали преимущество Ветхому Завѣту передъ Новымъ. Изъ Новгорода ересь проникла и въ Москву, и здѣсь она заразила многихъ, даже среди самого духовенства; она проникла въ самый дворецъ, и здѣсь нашлись у ней послѣдователи и слушатели. Ѳедоръ Курицынъ, часто отправляемый посломъ за границу, считался современниками главнымъ виновникомъ ея распространенія и усиленія. По всей вѣроятности, ересь походила на раціоналистическія ученія, заносимыя и теперь къ намъ съ Запада такими же путями. Пока ересь имѣла характеръ чисто религіозный—Иванъ Васильевичъ относился къ ней снисходительно и самъ интересовался богословскими спорами: на него

вліяли также Ѳедоръ Курицынъ и духовникъ его протопопъ Алексѣй—все люди начитанные и бывалые, близкіе къ нему, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожилъ. Только въ Новгородѣ, въ виду политической опасности, были, наконецъ, въ концѣ 80-хъ годовъ разрѣшены мѣры строгости противъ еретиковъ. Однако Иванъ Васильевичъ, по сознанію самого Іосифа Волоцкаго, запретилъ употреблять противъ нихъ смертную казнь, а только церковныя увѣщанія, эпитиміи, а въ случаяхъ упорства—тѣлесное наказаніе и тюремное заключеніе. Въ Новгородѣ ересь стала ослабѣвать, но въ Москвѣ, ничѣмъ не сдерживаемая, продолжала усиливаться и приняла опасный оборотъ, когда къ ней примкнула даже сноха великаго князя Елена Молдавская.

По словамъ самого Ивана Васильевича, ее совратилъ въ жидовство нѣкій Иванъ Максимовъ; слухи ходили, что Елена смущала самого свекра, по крайней мѣрѣ, ей приписывали необъяснимое потворство государя. Съ Еленой Молдавской къ религіозной ереси примѣшались политическія тенденціи и страсти. Всѣ недовольные самовластіемъ Ивана III и новшествами Софіи Палеологъ и ея грековъ, всѣ вздыхавшіе по удѣльной старинѣ желали видѣть преемникомъ Іоанна III его внука Дмитрія. Они группировались около Елены и тѣмъ самымъ заражались ересью; въ свою очередь люди, примкнувшіе къ ереси изъ чисто-религіозныхъ побужденій, невольно втягивались въ политическій водоворотъ. По сознанію самого Іосифа Волоцкаго и другихъ современниковъ, умственное броженіе общества было очень сильно; и немудрено: споръ шелъ о самыхъ основныхъ дог-

матахъ, о самой сути христіанства, а къ этому еще примѣшивались политическія симпатіи и антипатіи. Вездѣ—во дворцѣ, въ притворахъ церквей, на площадяхъ, даже среди рынка и въ баняхъ шли толки и споры о самыхъ жгучихъ вопросахъ. Москва въ миніатюрѣ имѣла видъ Константинополя и Александріи, гдѣ нѣкогда народонаселеніе волновалось также по поводу подобныхъ же лжеученій [4]).

Русскіе православные люди были сильно смущены такимъ соблазномъ, и гдѣ же?!.. въ центрѣ православія, въ Москвѣ, среди пастырей церкви, у самаго престола царскаго! Вначалѣ они не знали, что дѣлать, къ кому примкнуть, въ виду неопредѣленнаго отношенія великаго князя, но тутъ Софія Палеологъ оказалась на высотѣ своего призванія и положенія: она одна, проведшая всю свою молодость въ Италіи среди соблазновъ, осталась и тамъ и здѣсь, въ Москвѣ, тверда въ православіи, за которое пострадалъ весь ея царскій родъ. Ея примѣръ ободрилъ смущенныхъ и, несмотря на нелюбовь къ ней лично, защитники православія въ народѣ и духовенствѣ, найдя въ ней точку опоры и сильную помощь, стали невольно группироваться около нея.

Такъ между двумя женщинами, которыя невольно, въ силу стеченія обстоятельствъ, стали представительницами двухъ религіозно-политическихъ направленій, закипѣла борьба не на животъ, а на смерть; эта борьба выступила наружу много позже и кончилась кроваво въ началѣ XVI вѣка—гибелью Елены Молдавской съ ея сыномъ и со всѣми приверженцами, кончилось торжествомъ Софіи Палеологъ. Эта борьба, отравила горечью послѣдніе годы жизни Ивана III

омрачила его характеръ и придала его взору то грозное выраженіе, отъ котораго, по словамъ современниковъ, женщины падали въ обморокъ. Но, какъ мы уже сказали выше, конецъ трагедіи, ея заключительная сцена перешли въ начало XVI столѣтія. Время отъ 90—95 года, проведенное княжной на родинѣ, было еще только началомъ, завязкой и, слѣдовательно, самымъ интереснымъ моментомъ, когда участвующія лица были на свободѣ и, опираясь на сильныхъ защитниковъ, высказывали вслухъ свои мнѣнія, въ своихъ же взаимныхъ общеніяхъ держались строго приличія и родственности. Елена Молдавская была въ постоянныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ со свекровью и золовками; протопопъ Алексѣй былъ духовникомъ Іоанна и былъ вхожъ во дворецъ, равно какъ Ѳедоръ Курицынъ и другіе. Мы имѣемъ прямыя данныя, что царевны, дочери Алексѣя Михайловича, принимали горячее участіе въ религіозныхъ спорахъ своего времени; обитательницы же терема XV вѣка были куда свободнѣе въ своей жизни и привычкахъ. Возможно ли допустить, чтобы княжна оставалась безучастной ко всему, что вокругъ нея происходило: ничего бы не видѣла и не слышала? У насъ нѣтъ прямыхъ данныхъ, но мы, основываясь, на поведеніи княжны впослѣдствіи въ Литвѣ и Польшѣ, можемъ заключить, какъ отразились на ея характерѣ 80-ые и особенно 90-ые годы XV вѣка, замѣчательные по умственному и нравственному броженію русскаго общества и народа, и какой она вынесла опытъ. Какъ дочь Софіи Палеологъ, она оказалась на сторонѣ матери въ религіозной распрѣ и раздѣляла ея симпатіи и антипа-

тіи; стойкость, съ которою она выдержала борьбу за свои религіозныя убѣжденія, будучи одинока и предоставлена собственнымъ силамъ, доказываетъ, что ея вѣра была горяча и сознательна, а не пассивна; но выказанное ею отвращеніе ко всякимъ политическимъ интригамъ и кознямъ доказываетъ, съ другой стороны, гдѣ лежали ея симпатіи и кѣмъ она руководилась. Въ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ ей служила примѣромъ бабушка Марья Ярославна, а не мать Софія Палеологъ.

Кромѣ года рожденія Елены Ивановны у насъ нѣтъ иныхъ данныхъ объ ея дѣтствѣ, юности и воспитаніи, а между тѣмъ чрезвычайно интересно было узнать, что за человѣкъ была дочь Ивана III, которой предстояло дѣйствовать на Западной Руси. Въ виду этого пришлось намъ воспользоваться бытовыми данными о Московской Руси XV в., чтобы нарисовать картину жизни великокняжескаго терема, сообщить свѣдѣнія о родителяхъ княжны, семействѣ и о приближенныхъ лицахъ, т. е. о тѣхъ личностяхъ, которыя могли имѣть вліяніе на образованіе ея характера, познакомить съ тѣми идеалами и умственнымъ броженіемъ московскаго общества, которые могли повліять на развитіе ума Елены Ивановны, ея симпатій и антипатій.

Почти въ такомъ же положеніи находимся мы и по вопросу о томъ образованіи, какое получила Елена Ивановна. Всѣ прямыя данныя заключаются въ томъ, что она была грамотна, любила чтеніе, музыку, но что именно читала и кто былъ учителемъ ея—неизвѣстно. Мы должны довольствоваться свѣдѣніями о состояніи Московской образованности XV в., ко-

торыя и покажутъ намъ, какую умственную пищу могла получить великая княжна [5]).

Образованность московскихъ людей XV в. заключалась въ грамотности, но мы должны понимать эту грамотность въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ понимаютъ ее теперь. Грамотность XV в. соединялась съ большею или меньшею начитанностью и имѣла широкое распространеніе не только въ высшихъ, но и въ низшихъ слояхъ общества. О количествѣ грамотныхъ людей наглядно свидѣтельствуютъ документы. Упала грамотность на Руси уже въ XVII вѣкѣ, послѣ Смутнаго времени и послѣ полнаго закрѣпощенія народа. Школы съ ея выдержкой, съ ея дисциплиной ума Московская Русь не знала; образованіе находилось въ рукахъ приходскаго духовенства, частныхъ лицъ, сосредоточивалось въ монастыряхъ, а учителями были монахи, священники, дьяки. Тѣмъ не менѣе, при столь скудныхъ средствахъ къ образованію, отдѣльныя лица достигали зачастую высокой степени развитія, знавали греческій и латинскій языки, чему примѣромъ служитъ дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, Герасимовъ, кн. Курбскій и др.

Точно такое же образованіе и такимъ же путемъ получали дѣти великаго князя, и Елена Ивановна, научившись грамотѣ, могла, подобно каждому грамотному человѣку XV в., дополнить свои знанія, благодаря обширной, хотя и односторонней по своему направленію, литературѣ. Обширная письменность XV в. была для нея тѣмъ болѣе доступною, что великокняжескій дворецъ хранилъ не малое число книгъ. Сверхъ того и богатство народной поэзіи

было въ старину одинаковымъ достояніемъ какъ послѣдняго бѣдняка, такъ и великокняжеской семьи. Быть можетъ, тѣмъ интересомъ къ пѣснѣ, къ сказкѣ и былинѣ, какой выказывали всѣ русскіе люди допетровской Руси, объясняется то обстоятельство, что на Москвѣ народная поэзія развивалась и сохранялась въ противоположность, напр., аристократической и воспитанной на схоластикѣ Польшѣ.

Къ XV в. запасъ произведеній чисто духовнаго характера—проповѣди, слова, поученія, всѣ сочиненія полемическія, какъ переводныя, такъ и самостоятельныя, дошедшія отъ предыдущихъ вѣковъ,—пополнялся произведеніями современниковъ, къ числу которыхъ принадлежали и Іосифъ Волоцкій и Нилъ Сорскій. Въ этой духовной литературѣ почерпали русскіе люди знаніе православнаго вѣроученія, проникали въ тонкость догматовъ и обрядовъ. Но любимѣйшимъ чтеніемъ того времени, замѣнявшимъ, можно сказать, беллетристику нашего времени были житія святыхъ. Этотъ неистощимый и никогда не теряющій своего значенія источникъ оказывалъ разнообразное вліяніе. Помимо своего религіознаго и нравственнаго значенія, житія сообщали историческія свѣдѣнія о Византіи и Римѣ, знакомили съ прошлой жизнью православнаго востока, русской церкви, русскаго общества и давали, наконецъ, богатую пищу воображенію. Не забудемъ, что житія XV в. сохраняли свои индивидуальныя черты, не получивъ еще однообразной обработки подъ перомъ митрополита Макарія: въ нихъ было несравненно больше и бытовыхъ чертъ и поэтическихъ особенностей. Но, конечно, не одни житія знакомили русскихъ людей съ

отечественной исторіей и, говоря своей дочери, что она знаетъ о минувшихъ событіяхъ страны, Иванъ III, конечно, имѣлъ въ виду знакомство ея съ лѣтописями. Нельзя не упомянуть цѣлаго ряда историческихъ сказаній, повѣстей, когда среди нихъ встрѣчаются такія произведенія какъ «Слово о полку Игоревѣ», «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ», или переводныя въ родѣ «Александріи», «Сказанія о Троянской войнѣ». Нельзя не упомянуть тѣхъ многочисленныхъ «Изборниковъ», въ которыхъ на ряду съ изреченіями отцовъ церкви, встрѣчаются отрывки изъ древнихъ классическихъ авторовъ. Многочисленныя же повѣсти о путешествіяхъ то въ Святую Землю (хожденіе Даніила), то на востокъ (въ Индію—Никитина XV в.), то на западъ (въ Италію) вносили въ чтеніе уже новый интересъ, который удовлетворялся и переводными географіями. Наконецъ, къ концу XV в. появляются сказанія о гибели Царьграда и др.; въ литературу проникаетъ идея о значеніи Москвы—третьяго Рима, и эти политическія утопіи вводили въ сознаніе русскихъ людей того времени понятіе о міровомъ значеніи Московскаго государства и Московскаго государя.

Таковы были условія жизни, въ которыхъ росла и развивалась княжна Елена Ивановна съ 1474 по 1494 г., когда ей исполнилось 20 лѣтъ, пошли толки объ ея замужествѣ и она стала предметомъ искательства Литовскаго великаго князя. Эти условія жизни, какъ мы видѣли, были благопріятны для умственнаго и нравственнаго развитія княжны, несравненно благопріятнѣе условій терема XVII вѣка, въ которыхъ росли царевны дома Романовыхъ. Въ

XV вѣкѣ и воздуха, и свѣта въ теремѣ было больше; общество разнообразнѣе, болѣе свободно и не зависимо по своему положенію; было меньше замкнутости, раболѣпства, обособленности и больше общительности. Оглянемся на всѣ пройденныя нами 20 лѣтъ жизни княжны въ Москвѣ. Посмотримъ, что она вынесла оттуда и какимъ человѣкомъ явилась въ Литву.

Отъ своихъ знаменитыхъ родителей княжна наслѣдовала нѣкоторыя черты ихъ характера: стойкость, энергію, практическій складъ ума, скопидомство и разсчетливость Московскихъ князей, чувство собственнаго достоинства. Отецъ, мать и бабушка внушили ей домовитость, умѣнье распоряжаться самостоятельно своимъ имуществомъ, дворомъ и подвластными ей людьми. Къ родителямъ она сохранила искреннюю привязанность, а къ отцу еще глубокое уваженіе, преклоненіе передъ его умомъ, опытностью и значеніемъ, какъ Московскаго государя. Въ Москвѣ она получила недюжинное, для своего времени, образованіе — твердое, основательное и осмысленное знаніе догматовъ православной вѣры, на столько обширное, что она впослѣдствіи могла вынести давленіе такого сильнаго элемента, какъ латинство; семья и мать внушили ей твердыя нравственныя правила и убѣжденія, которыя дали ей силу противостоять всѣмъ искушеніямъ и соблазнамъ распущеннаго двора Ягеллоновъ. Она была грамотна, свободно читала и писала, любила чтеніе и выписывала книги изъ Россіи не единицами, а десятками, какъ свидѣтельствуетъ ея переписка съ отцомъ; она интересовалась религіозными вопросами, которые

и легли въ основаніе всей ея дѣятельности въ Литвѣ, и вела переписку съ московскимъ митрополитомъ Симономъ. Мы находимъ указанія изъ устъ самого Ивана Васильевича, что она хорошо знала русскую исторію, была имъ посвящена въ политику. Съ дѣтства получила она привычку къ роскоши и любовь къ изящному. Польскіе историки отмѣчаютъ ея любовь къ искусству; она раздѣляла со своимъ мужемъ и любовь къ музыкѣ; она пѣла, играла, и любила пѣніе, особенно духовное.

Итакъ, мы видимъ, что княжна Елена Ивановна явилась въ Литву не неопытной затворницей терема, но русской женщиной XV вѣка, съ вполнѣ сложившимся характеромъ, съ опредѣленными, твердыми убѣжденіями и идеалами. Въ ея душѣ скопился богатый запасъ впечатлѣній и воспоминаній.

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ: Библіотека иностранныхъ писателей т. I. 1836 г. (Контарини); Лѣтописи т. VII, VIII и Новгородскія; Житія святыхъ, составл. Филаретомъ 1892 г. т. XII; Карамзинъ (его примѣчанія къ VI т.); Бестужевъ-Рюминъ «Русская исторія» т. II; Забѣлинъ «Бытъ русскихъ царей» М. 1895 г.; Иловайскій «Исторія Россіи» т. III; «Изъ исторіи Москвы». Очерки *В. Н.* 1896 г.; «Обзоръ духовной литературы» Филарета 1884 г. Порфирьевъ, «И-это рія русской словесности» и др.

IV.

Сватовство, сговоръ и выѣздъ изъ Москвы. 1492—1495 г.

Бракъ Ивана Васильевича, его ловкая политика и военные успѣхи обратили на себя вниманіе Запада и оживили дипломатическія сношенія съ Западной Европой. Среди многочисленныхъ посольствъ, побывавшихъ за это время въ Москвѣ, нѣкоторыя имѣли прямое отношеніе къ судьбѣ княжны Елены.

Еще въ 1486 году пріѣхалъ въ Москву имперскій рыцарь Поппель ознакомиться съ обширнымъ русскимъ государствомъ. Недовѣрчиво встрѣченный русскимъ правительствомъ, онъ однако явился снова въ 1488 году, уже какъ оффиціальный посолъ императора Фридриха III. Поппель сообщалъ о желаніи императора быть въ дружбѣ съ могущественнымъ Московскимъ государемъ, предлагалъ въ женихи для дочерей великаго князя маркграфа Баденскаго и герцога Бургундскаго; заявилъ наконецъ, что великій князь можетъ хлопотать у императора о королевскомъ вѣнцѣ, такъ какъ де императоръ имѣетъ право жаловать въ короли, принцы и рыцари. Послѣднія слова вызвали, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтъ, достойный Ивана III: «Государь наслѣдовалъ державу Русскую отъ предковъ и

поставленіе имѣетъ отъ Бога». На первыя же два предложенія, великій князь рѣшилъ отвѣтить черезъ своего посла Юрія Траханіота, грека, котораго и отправилъ къ императору.

Русскій посолъ выразилъ полную готовность своего государя вступить въ дружескія отношенія съ германскимъ правительствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ понять императору, каково достоинство Московскаго государя. Великій князь — это Божіей милостью Государь всея Руси, наслѣдникъ Византіи, и сватовство герцоговъ не соотвѣтствуетъ таковому его значенію. Траханіотъ намекнулъ, что единственнымъ достойнымъ женихомъ для московской княжны, можетъ быть лишь самъ король римскій.

Траханіотъ, возвратясь въ Москву, сообщилъ о чрезвычайномъ почетѣ, съ какимъ былъ принятъ императоромъ и римскимъ королемъ, и результатомъ его переговоровъ былъ пріѣздъ Делатора.

18 Іюля 1490 года состоялся пріемъ имперскаго посла. Иванъ III захотѣлъ оказать ему такую же честь, какую императоръ выказалъ Траханіоту. На лѣстницѣ дворца Делаторъ былъ встрѣченъ окольничимъ и дьякомъ, а при входѣ въ палату—бояриномъ Плещеевымъ. Пріемной палатой служила только что выстроенная и богато-украшенная Малая Грановитая. Великій князь, послѣ рѣчи посла, всталъ со своего мѣста и подалъ руку, спрашивая о здоровьи короля (онъ копировалъ пріемъ Траханіота), а затѣмъ приказалъ поставить послу скамейку близъ себя. Делаторъ подалъ грамоту вѣрительную, поднесъ дары великому князю: кусокъ «Венедитцкаго» синяго бархата, и былъ званъ на обѣдъ, на которомъ присут-

ствовали всѣ бояре. Посольство Делатора имѣло двоякую цѣль: Максимиліанъ предлагалъ Ивану III вступить съ нимъ въ союзъ противъ польскаго короля и являлся претендентомъ на руку княжны. Оба предложенія пришлись по душѣ великому князю. Въ отвѣтѣ Ивана III такъ ярко рисуются и политическая его программаи пріемы его политической дѣятельности, что мы не можемъ не остановиться нѣсколько дольше. Великій князь заключалъ договоръ съ Максимиліаномъ о взаимной помощи противъ польскаго короля; онъ, великій князь, обѣщалъ помощь въ томъ случаѣ, если Максимиліанъ захочетъ вернуть себѣ Венгрію, а римскій король обязуется помогать великому князю, если послѣдній станетъ добывать себѣ Кіевъ и русскія области, отошедшія къ Литвѣ. Вотъ она, конечная цѣль въ отношеніи Литвы и Польши, какъ понималъ ее великій представитель Рюрикова дома! Не даромъ вездѣ въ сношеніяхъ съ императоромъ онъ называлъ себя: Государь (а иногда и Царь) всея Руси.

Посылая съ Делаторомъ своего посла къ Максимиліану, великій князь наказывалъ сперва кончить дѣло о союзѣ, а потомъ завести рѣчь о сватовствѣ. Во время переговоровъ о бракѣ дочери съ Максимиліаномъ, Иванъ III выказалъ твердость своихъ убѣжденій: онъ требовалъ прежде всего обезпеченія для дочери свободнаго исповѣданія православной вѣры; требовалъ, чтобы у нея была своя церковь и свои священники. Делаторъ, пробывшій въ Москвѣ всего мѣсяцъ, представлялся и великой княгинѣ Софіи Ѳоминишнѣ. Она приняла посла въ средней повалушѣ, своей пріемной палатѣ и получила отъ не-

го дары Максимиліана: сѣрое сукно и попугая. На прощальной аудіенціи великій князь съ женой послали отъ себя римскому королю: 80 соболей, камку и птицу кречета. Одарили они и посла: золотой цѣпью съ крестомъ, атласной горностаевой шубой, и... здѣсь интересная подробность: великій князь «учинилъ его Золотоносцемъ», прибавивъ къ подаркамъ серебряныя золоченыя шпоры («остроги»). Другими словами, великій князь пожаловалъ Делатора въ рыцари! Не косвенный ли это намекъ на слова Поппеля, что императоръ имѣетъ право жаловать въ рыцари, и не хотѣлъ ли Иванъ III доказать, что и онъ можетъ дѣлать то же самое?

Прошло всего 10 лѣтъ послѣ пріема Контарини и какую мы видимъ уже перемѣну въ обстановкѣ московскаго двора, какъ она далека отъ простоты и непринужденности семидесятыхъ годовъ! Но не одни греки способствовали перемѣнѣ; какъ видимъ, западно-европейскій церемоніалъ тоже имѣлъ свою долю вліянія.

19 Августа 1490 г. Делаторъ уѣхалъ; уѣхалъ съ нимъ и русскій посолъ. Вскорѣ стали доходить слухи о перемѣнѣ въ политикѣ Максимиліана, объ его помолвкѣ на принцессѣ Бретанской. Эти слухи подтвердились пріѣздомъ Делатора въ 1492 году. Великій князь досадовалъ на перемѣну въ отношеніяхъ Максимиліана къ Польшѣ, выражалъ готовность сѣсть на коня противъ наслѣдниковъ Казиміра. Втайнѣ Иванъ III сожалѣлъ о несостоявшемся сватовствѣ и думалъ, не разстроится ли помолвка Максимиліана... Но миръ, заключенный послѣднимъ съ Польшей, и женитьба, прервали сношеніе съ австрійскимъ до-

момъ. Такъ судьба не судила Еленѣ Ивановнѣ быть германской императрицей, но возможность для нея выйдти замужъ за иностраннаго государя не исчезла.

Уже въ 1492 году, когда затихали оживленные переговоры съ римскимъ королемъ, начались толки о томъ, что великій князь литовскій сильно желаетъ завести рѣчь о сватовствѣ. Это обстоятельство приводитъ насъ къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ политики Ивана III. Отношенія Москвы къ Польшѣ и Литвѣ представляютъ знаменательную страницу въ русской исторіи, полны глубокаго интереса и во всемъ блескѣ рисуютъ государственный умъ Ивана III. Великій собиратель русской земли, почти окончивъ объединеніе Руси на востокѣ, сталъ продолжать это дѣло и въ отношеніи къ тѣмъ областямъ, которыя попали подъ власть Литвы. Онъ ясно сознавалъ неизбѣжность наступательнаго движенія на Литву, продолженнаго Алексѣемъ Михайловичемъ и почти законченнаго Екатериной II; онъ глубоко понималъ конечную цѣль этого движенія, и временный успѣхъ не могъ затемнить для него смысла взаимныхъ отношеній Литвы и Руси. Въ настоящее время сами польскіе историки поняли глубокій смыслъ политики Ивана III, но раньше, а тѣмъ болѣе въ XV вѣкѣ, польско-литовское правительство не доросло до его пониманія. Литва чувствовала опасность, которая грозила ей со стороны могущественнаго сосѣда, но для спасенія своего хваталась за соломинки. Въ 1492 году взаимное положеніе государствъ было враждебное; этимъ враждебнымъ положеніемъ объясняется многолѣтняя ловкая политика Ивана III

съ Менгли-Гиреемъ, ханомъ крымскимъ. Ареной для постоянныхъ столкновеній служили границы между Литвой и Москвой. Еще при Казимірѣ постоянно происходили отъѣзды служилыхъ людей и князей изъ Литвы на Москву, захваты пограничныхъ городовъ русскими войсками. Тѣмъ менѣе Иванъ III могъ считать за опаснаго врага молодого великаго князя Александра, при которомъ Польша временно отдѣлилась отъ Литвы. Великій князь Московскій настойчиво напиралъ на Литву, а литовское правительство упорно отказывалось считать этотъ натискъ за серьезныя военныя дѣйствія и продолжало видѣть въ нихъ одни пограничные споры и ссоры. Дипломатическія сношенія велись съ перерывами: то вяло, то оживленнѣе; наконецъ Александръ Литовскій задумалъ рѣшить все дѣло сватовствомъ.

Осенью 1492 года, когда воеводы великаго князя овладѣли нѣсколькими городами и когда отношенія къ Литвѣ были очень враждебны, пріѣхалъ въ Москву воевода и намѣстникъ Ивана III въ Великомъ Новгородѣ, бояринъ Яковъ Захарьевичъ—одинъ изъ родоначальниковъ рода Романовыхъ — пріѣхалъ съ важнымъ сообщеніемъ: онъ только что получилъ письмо, отъ 14 іюня 1492 года, трокскаго воеводы Якова Заберезинскаго и выслушалъ рѣчи его посла. Литовскій панъ просилъ узнать, возможно ли начать переговоры о сватовствѣ его государя къ дочери великаго князя, о сватовствѣ, которое должно было помочь установленію добрыхъ отношеній между государями. Иванъ III не торопился дать наказъ новгородскому воеводѣ, какъ поступить въ этомъ случаѣ, и Заберезинскому долго и тщетно при-

шлось ждать отвѣта. Наконецъ въ октябрѣ Иванъ III написалъ Якову Захарьевичу въ Новгородъ, что онъ, бояринъ, можетъ состоять въ вѣжливой перепискѣ съ литовскимъ паномъ, но на его запросъ долженъ отвѣтить, что рѣчи о сватовствѣ неумѣстны, пока между государями нѣтъ «любви и единачества», что раньше надо толковать объ установленіи лучшихъ взаимныхъ отношеній. Между тѣмъ Заберезинскій, нетерпѣливо ждавшій отвѣта, успѣлъ уже вторично послать письмо къ новгородскому воеводѣ и сверхъ того послалъ съ такимъ же точно порученіемъ своего посла въ Москву къ боярину князю Патрикѣеву. Въ то же самое время и великій князь литовскій снарядилъ посольство съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на престолъ и для разбора пограничныхъ дѣлъ. Литовскіе паны пріѣхали въ Москву въ ноябрѣ, когда панъ Заберезинскій едва ли могъ получить отвѣтъ отъ Якова Захарьевича. Исполнивъ свое дипломатическое порученіе, они на веселомъ пиру у боярина Патрикѣева, подъ хмѣлькомъ, проговорились о сущности своего посольства, о сокровенномъ своемъ желаніи: послы завели рѣчь о сватовствѣ. На слѣдующій день, извѣщенный о томъ Иванъ Васильевичъ поручилъ боярамъ разузнать, насколько эти рѣчи серьезны. Когда же бояре услыхали, что дѣло о сватовствѣ задумано литовской радой и бискупами, то отвѣтили, что подобные переговоры нельзя вести, пока не существуетъ пріязни и добрыхъ отношеній, что первая забота должна быть объ этомъ послѣднемъ. Такъ ясно и опредѣленно Иванъ Васильевичъ показалъ литовскому правительству, что онъ не любитъ смѣшивать съ политикой брачныхъ

переговоровъ, что онъ отдѣляетъ переговоры о мирѣ и о бракѣ. Въ свою очередь Литовское правительство показало, какъ цѣпко хваталось оно за мысль о бракѣ, какой видѣло въ этомъ политическій успѣхъ и, затѣявъ дѣло о сватовствѣ, не побоялось даже холоднаго пріема со стороны русскихъ.

Уже въ декабрѣ возвратился человѣкъ, посланный къ пану Заберезинскому съ подобнымъ же отвѣтомъ, что и посламъ. Вернулся онъ съ отвѣтомъ, что панъ Заберезинскій проситъ бояръ содѣйствовать успѣху посольства, которое пріѣдетъ толковать о мирѣ; но этому посольству не удалось собраться. Едва мысль о мирныхъ переговорахъ была заявлена Литовскимъ правительствомъ, какъ Иванъ Васильевичъ нашелъ удобнымъ раскрыть свою политическую программу. Въ январѣ 1493 года онъ отправилъ въ Литву свое посольство по поводу пріема на службу въ Москвѣ нѣкоторыхъ отъѣзжихъ изъ Литвы князей,—и въ этомъ 1493 году Литовское правительство впервые услыхало на торжественномъ посольскомъ пріемѣ титулъ великаго князя Московскаго, которымъ онъ уже давно пользовался въ сношеніяхъ своихъ съ другими государями... услыхало знаменательныя слова Ивана III: «государь всея Руси»!.. Но въ то же время посланецъ боярина князя Патрикѣева передавалъ частнымъ образомъ пану Заберезинскому готовность своего боярина содѣйствовать заключенію мира и совѣтъ свой литовскому пану хлопотать о томъ же. Литовское правительство растерялось. Думало послать посольство, но вернуло его съ дороги за дополненіями къ наказу и наконецъ вовсе не послало.

Такимъ образомъ оффиціальныя сношенія на время прекратились, но переписка Заберезинскаго съ намѣстникомъ новгородскимъ Яковомъ Захарьевичемъ продолжалась. Въ февралѣ 1493 года, когда посольство вернули съ дороги, Заберезенскій прислалъ въ Новгородъ за покупкой кречетовъ. Иванъ Васильевичъ увидѣлъ въ этомъ тайное желаніе возобновить переговоры и приказалъ Якову Захарьевичу намекнуть троцкому воеводѣ: «зачѣмъ де сталось дѣло о мирныхъ переговорахъ и къ чему де великій князь литовскій дѣлаетъ зацѣпки?» Въ маѣ 1493 года получился отвѣтъ Заберезинскаго, что «зацѣпки» дѣлаетъ Московскій государь, наступая войскомъ на отчину Литовскаго князя. Подобное заявленіе встрѣтило гордое молчаніе. Якову Захарьевичу не было приказано на счетъ отвѣтной грамоты, а приказано ему лишь передать на словахъ, что московскіе бояре непрочь хлопотать о заключеніи мира; но въ это время, въ маѣ мѣсяцѣ 1493 года, находилось въ Москвѣ посольство неожиданнаго союзника Московскому государю противъ Казиміровыхъ дѣтей и новаго претендента на руку княжны. Этимъ женихомъ былъ никто иной, какъ одинъ изъ польскихъ князей, потомокъ рода Пястовъ, князь Конрадъ Мазовецкій. Его выдвинулъ Тевтонскій орденъ, который, опасаясь тѣснаго союза Литвы съ Москвой, старался разстроить тѣмъ мирные переговоры и самое сватовство.

Посолъ мазовецкаго князя передалъ Ивану Васильевичу грамоту, въ которой его государь оффиціально просилъ руки Московской княжны, на словахъ же объявилъ, что князь Конрадъ обязуется

записать извѣстное число городовъ на имя невѣсты и предлагаетъ заключить союзъ противъ дѣтей Казиміра, обѣщая содѣйствіе магистра Тевтонскаго ордена. Мазовецкій князь употреблялъ пріемы литовско-польскаго правительства: онъ хотѣлъ устроить свои политическія дѣла путемъ брачнаго союза и послы его тѣсно связываютъ вопросъ о союзѣ противъ Ягеллоновъ съ согласіемъ великаго князя на бракъ его дочери.

Подобныхъ политическихъ пріемовъ былъ чуждъ Московскій князь, и онъ рѣзко отдѣлялъ вопросъ о бракѣ и о союзѣ. Всегда осторожный, всегда вѣрный себѣ, Иванъ Васильевичъ не далъ окончательнаго отвѣта и снарядилъ въ Мазовію посольство, которому поручилъ разузнать политическое положеніе князя Конрада, его отношенія къ польскому королю и къ его братьямъ, къ магистру Тевтонскаго ордена, осмотрѣть его владѣнія. (Инструкціи Ивана Васильевича посламъ интересны тѣмъ, что показываютъ, чѣмъ интересовался великій князь и чему придавалъ значеніе). Мазовецкому же князю Иванъ Васильевичъ писалъ, что согласенъ на заключеніе политическаго союза, но желаетъ знать, въ какихъ отношеніяхъ находится князь Конрадъ къ польскому королю. Прямого согласія на бракъ онъ не давалъ, но желалъ узнать, что за города сулитъ Конрадъ его дочери? По всему видно, что великій князь относился недовѣрчиво къ новому союзнику; вмѣстѣ съ тѣмъ Иванъ Васильевичъ не преминулъ показать Конраду, что Московскій государь — «государь всея Руси», и сомнѣвается въ правахъ мазовецкаго князя на русскія земли, которыя и выкинулъ изъ титула

Конрада. Переговоры дальше не пошли, какъ и почему—неизвѣстно. Толки объ этомъ сватовствѣ также быстро замолкли, какъ неожиданно возникли. Судьба видимо рѣшила быть Еленѣ Ивановнѣ литовской великой княгиней.

Литовское правительство, обезпокоенное происками Тевтонскаго ордена и князя Конрада, рѣшило немедленно имъ противодѣйствовать и, несмотря на неблагопріятныя условія, послало въ Москву, въ іюнѣ 1493 года, посольство хлопотать о заключеніи мира. Но какъ не бились литовскіе послы, они не достигли никакого успѣха въ переговорахъ. Въ Москвѣ твердо и неуклонно стояли на томъ, что города, захваченные великимъ княземъ Московскимъ, суть его отчина, во время невзгоды попавшая подъ власть Литвы; стояли на томъ, что отъѣхавшіе князья издавна служили Московскимъ государямъ. Робко дѣлали литвины намеки на прибавку въ титулѣ, но бояре заявили туманно, но твердо, что великій князь Московскій не вводитъ ничего новаго, а дѣйствуетъ по старинѣ и по праву своихъ предковъ. Иванъ Васильевичъ ни на шагъ не отступилъ отъ своей программы и литовскому правительству пришлось крѣпко подумать и поразмыслить надъ своими отвѣтами.

Въ сентябрѣ 1493 года литовскіе паны-рада надумались, попросили опасныхъ грамотъ и, получивъ ихъ (въ нихъ между прочимъ красовался титулъ «Государя всея Руси»), отправили въ январѣ 1494 года великое посольство.

Январь 1494 года имѣлъ рѣшающее значеніе въ судьбѣ Елены Ивановны. До сихъ поръ переговоры

шли неопредѣленно, и великая княжна могла думать, что и это сватовство кончится ничѣмъ, подобно сватовству Максимиліана и Конрада. Пріѣздъ великаго посольства рѣшилъ дѣло. Послы явились въ Москву съ наказомъ не скупиться на уступки, только бы достигнуть желаннаго результата. Бракъ Александра на великой княжнѣ казался такимъ политическимъ успѣхомъ, что изъ за него литовское правительство проглядѣло многое. Иванъ Васильевичъ оставался вѣренъ своимъ взглядамъ и долгіе переговоры (мѣсяцъ) пословъ съ боярами касались только пограничныхъ дѣлъ. Только окончивъ это дѣло съ громадной выгодой для Московскаго государя, литовскіе послы получили позволеніе завести рѣчь о сватовствѣ. Такъ Иванъ Васильевичъ достигъ того, чего желалъ: миръ былъ заключенъ на выгодныхъ условіяхъ; титулъ «Государя всея Руси» не былъ оспариваемъ, и тѣмъ самымъ великій князь очистилъ себѣ путь къ дальнѣйшей дѣятельности по отношенію къ Литвѣ. Теперь онъ согласился выслушать пословъ и принялъ предложеніе Литовскаго государя: «стать ему зятемъ».

Послы были приглашены на торжественный пріемъ и вручили грамоту Александра съ просьбой руки княжны Московской; въ тотъ же день они были званы на обѣдъ. Черезъ два дня послы явились за отвѣтомъ и бояре въ горницѣ, сосѣдней съ горницей великаго князя, завели переговоры. Сперва составили договорную грамоту о мирѣ; затѣмъ бояринъ Патрикѣевъ, выйдя отъ великаго князя, объявилъ, что Московскій государь согласенъ выдать дочь за Литовскаго великаго князя, и немедленно высказалъ и

то условіе, безъ котораго его Государь не считалъ бракъ возможнымъ,—требованіе, которое ставилось безусловно и Максимиліану, и Конраду: свободное, непринужденное исповѣданіе княжной православной вѣры, и это обѣщаніе Александръ обязывался скрѣпить клятвенной грамотой въ томъ, что не будетъ принуждать Елену Ивановну къ переходу въ латинство. Вполнѣ понятно требованіе Ивана Васильевича и понятно, что онъ тѣмъ самымъ дѣлалъ шагъ ко вмѣшательству въ внутреннія дѣла Литовскаго государства,—непонятна поспѣшность, съ какой литовскіе послы согласились на всѣ условія. Можно объяснить отчасти тѣмъ, что положеніе дѣлъ въ Литвѣ было очень тяжелое; съ другой стороны, паны-рада и бискупы мечтали, можетъ быть, также заманить въ свои сѣти Московскую Русь съ помощью брака Александра съ Еленой, какъ удалось Польшѣ, въ свое время, хитро провести ихъ самихъ, при заключеніи брака Ягайла съ Ядвигой. Однако, Московская Русь и ея боярство оказались дальновиднѣе, тверже и патріотичнѣе Литвы и ея пановъ, а Иванъ III былъ не чета Ягайлу. Что касается клятвъ и договоровъ, то ими мало стѣснялись въ концѣ XV вѣка и началѣ XVI,—вѣка Александра, Цезаря и Лукреціи Борджіа и ихъ истолкователя Николая Макіавелли.

6 февраля 1494 года назначенъ былъ день смотринъ и обрученія. Въ пріемныхъ палатахъ великой княгини было особенно торжественно. Множество бояръ и боярынь наполняло ихъ. Въ богато убранной палатѣ было поставлено тронное мѣсто для великаго князя и великой княгини. Пословъ провели на поло-

вину Софіи Ѳоминишны. Они вошли въ пріемную палату. Здѣсь увидѣли они Ивана Васильевича и Софію Палеологъ со всей ихъ семьей, Елену Молдавскую съ сыномъ Дмитріемъ и тутъ же присутствовала среди нихъ сама княжна-невѣста. Впервые увидѣли литовскіе послы свою будущую государыню, впервые и Елена Ивановна свидѣлась съ послами своего жениха. Великое посольство было первымъ нагляднымъ впечатлѣніемъ тѣхъ людей и той страны, которая должна была стать ея вторымъ отечествомъ, а великіе послы заглядѣлись на красоту княжны-невѣсты, сіявшей молодостью въ драгоцѣнномъ уборѣ. Главную красоту всякаго женскаго наряда составлялъ головной уборъ. Символомъ дѣвичества и вмѣстѣ съ тѣмъ уборомъ «царственнымъ» считался вѣнецъ: онъ украшалъ голову широкимъ золотымъ обручемъ, оставляя волосы открытыми. Какъ говорилось въ старину, этотъ царскій вѣнецъ дѣлался «съ городы да съ яхонты, съ лалами, съ зернами великими», былъ низанъ жемчугомъ. Особенно украшалась передняя налобная часть; по бокамъ спускались рясы — жемчужныя нити. Такой царскій вѣнецъ требовалъ много украшеній, много драгоцѣнныхъ камней, и далеко не всѣ князья могли оставлять въ наслѣдство подобные вѣнцы своимъ дочерямъ. Волосы заплетались въ одну косу, перевитую жемчугомъ и золотыми нитями и украшенную косникомъ (родъ кисти, вплетенной въ конецъ косы). При богатомъ нарядѣ привѣшивалась золотая или серебряная цка (пластинка), унизанная жемчугомъ. Серьги съ яхонтами, лалами или жемчугомъ довершали блескъ головного убора. Вос-

хищенные послы поклонились невѣстѣ и передали ей поклонъ отъ ея жениха, Александра Казиміровича. Согласно этикету княжна отвѣчала не сама лично, но, обратясь къ боярину-окольничему, приказала ему спросить о здоровьѣ пословъ. Тогда послы поднесли дары своего государя родителямъ невѣсты и ей самой и затѣмъ удалились въ сосѣднюю горницу, гдѣ спросили бояръ: состоится ли обѣщанное на этотъ день обрученіе? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, великій князь велѣлъ позвать бояръ, занялъ вмѣстѣ съ великой княгиней приготовленное мѣсто, позвалъ священниковъ и, когда все было готово, послалъ за великимъ посольствомъ. Началось обрученіе. Замѣстителемъ жениха былъ посолъ, панъ Станиславъ Глѣбовичъ. Княжна-невѣста обмѣнялась съ нимъ перстнями и крестами на золотыхъ цѣпяхъ. Съ той минуты она стала оффиціально невѣстой Литовскаго великаго князя. Иванъ Васильевичъ предполагалъ назначить свадьбу лѣтомъ и указывалъ срокъ пріѣзда за княжной—на Ильинъ и даже на Петровъ день. Посламъ были переданы договорныя грамоты о мирѣ, передана и та грамота относительно свободы вѣроисповѣданія княжны, которую литовскій государь долженъ былъ скрѣпить своей подписью, и во всѣхъ грамотахъ красовался титулъ «Государя всея Руси», на что послы не промолвили ни слова. Приглашенные на прощальную аудіенцію, они получили богатые подарки шубами и золотомъ. Послѣ неоднократныхъ пировъ во дворцѣ, великое посольство выѣхало изъ Москвы. Слѣдомъ за ними въ мартѣ 1494 года Иванъ Васильевичъ выслалъ свое посольство на Литву присутствовать при крест-

номъ цѣлованіи литовскаго государя на договорной грамотѣ.

Александръ Казиміровичъ принималъ московское посольство съ торжествомъ, не скупясь на пиры и подарки; въ Вильнѣ ликовали по случаю успѣха посольства, но вдругъ вышли недоразумѣнія и недоразумѣнія крупныя. Когда Александръ передалъ посламъ грамоту за своей подписью и печатью, относительно вопроса о православіи княжны, московскіе послы отказались ее принять. Дѣло въ томъ, что литовскій государь задумалъ устроить себѣ лазейку; въ грамотѣ очутилась замѣчательная строчка: «принуждать де къ переходу въ римскій законъ не будетъ, но княжна вольна перейти по своей волѣ». Московскіе послы поняли, что Ивану Васильевичу не полюбится такая оговорка, и удалились изъ Литвы, не взявъ грамоты. Снова наступило время перерыва въ сношеніяхъ обоихъ государствъ. Пересылались о пограничныхъ дѣлахъ. Иванъ Васильевичъ продолжалъ титуловаться «Государемъ всея Руси», называлъ Александра своимъ зятемъ, но ни слова не говорилъ о свадьбѣ. Молчали и въ Литвѣ. Не спроста видно сдѣлалъ лазейку литовскій государь!

Прошло лѣто, прошла осень. Видя, что хитрость не удается, Литва поколебалась. Въ ноябрѣ 1494 года явились литовскіе послы для переговоровъ о грамотѣ. Видя твердое рѣшеніе Ивана Васильевича получить грамоту по его образцу, а не по чужому, измѣненному,—рѣшеніе «грозившее иначе рушить дѣла»,—послы заявили наивно, что ихъ государь думалъ де: «не полюбится ли великому кня-

зю Московскому прибавленная строчка?», въ противномъ же случаѣ Александръ велѣлъ выдать подписанную имъ грамоту по тексту Ивана Васильевича. Получивъ, наконецъ, въ руки исправленную по его желанію грамоту, Московскій государь назначилъ время пріѣзда за невѣстой—январь 1495 года, около Крещенія.

Вся эта исторія съ грамотой должна была служить Еленѣ Ивановнѣ зловѣщимъ предзнаменованіемъ. Княжна видѣла, какое значеніе въ дѣлѣ ея брака имѣлъ религіозный вопросъ. Твердость отца и его рѣшимость скорѣе разорвать бракъ, чѣмъ уступить должны были произвести сильное впечатлѣніе на воспитанную въ этихъ взглядахъ и понятіяхъ княжну. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ семейномъ тѣсномъ кругу княжна наслушалась не мало внушеній и наставленій отъ своихъ родителей пребыть твердой въ вопросѣ вѣры, даже до смерти. Въ послѣдніе мѣсяцы ея жизни въ Москвѣ, она получила, такимъ образомъ, новое подкрѣпленіе своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ. Съ другой стороны, поведеніе Литовскаго государя могло подсказать ей, какая борьба ждетъ ее впереди на чужбинѣ. Все это время долгаго сватовства могло сильно повліять на выработку характера княжны, пріучило относиться сознательно къ своему положенію, перечувствовать не мало, обдумать многое и подготовиться исподволь къ предстоящей ей задачѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ она могла внимательнѣе и сознательнѣе присмотрѣться къ окружавшей ее съ дѣтства русской обстановкѣ, съ которой предстояло ей скоро разстаться навѣки. Что наши предположенія не голословны, доказываетъ

ея поведеніе при обрученіи и впослѣдствіи, въ январѣ 1495 года. Беззаботная и спокойная при обрученіи, она годъ спустя при подобной же обстановкѣ выказала, какъ увидимъ далѣе, всѣ признаки сильнаго нервнаго возбужденія и напряженія. Прорвавшись внезапно наружу, оно доказало, какъ тяжелъ пришелся ей 1494 годъ, какъ много ей пришлось передумать и перечувствовать!

Въ Москвѣ только что отпраздновали святки, послѣднія, проведенныя Еленой Ивановной дома, на родинѣ, когда въ Крещенье 1495 года, въ самый праздникъ, явилось великое посольство отъ Александра Казиміровича за невѣстой. Въ числѣ пословъ были три пана намѣстника: Виленскій, Полоцкій (Янъ Заберезинскій, столь усердно хлопотавшій о сватовствѣ) и Бреславльскій; еще былъ нѣкій Георгій Ляхъ съ Волыни и два полочанина Корсаковича, какъ бы напомнить о присутствіи на Литвѣ Западной Руси. Послѣдующая недѣля, время пребыванія пословъ, возбуждала, конечно, не мало любопытныхъ толковъ и пересудовъ въ городѣ и особенно среди кремлевскихъ обитателей. Ивану Васильевичу она дала удобный случай повеличаться, а для княжны эти дни разлуки и ожиданія были полны самыхъ жгучихъ думъ и сильныхъ впечатлѣній. Великій князь назначилъ день оффиціальнаго торжественнаго пріема. Вручивъ вѣрительную грамоту, произнеся оффиціальныя рѣчи, выражавшія просьбу Александра Казиміровича выдать за него княжну Елену и отпустить ее съ посольствомъ въ Литву, послы поднесли отъ имени Александра богатые дары Ивану Васильевичу, Софіи Ѳоминишнѣ и самой невѣстѣ. Сверхъ того они

поднесли подарки и лично отъ своего имени. Иванъ Васильевичъ остался очень доволенъ всѣмъ—и рѣчами и подарками и, вставъ со своего мѣста, выразилъ лично свою благодарность. Не оставила безъ отвѣта и княжна невѣста. Присланный отъ нея бояринъ передалъ посламъ, что княжна чрезвычайно благодаритъ ихъ. Въ тотъ же день послы пировали во дворцѣ у великаго князя. Присутствовало множество бояръ и князей; обстановка была и богата и пышна; сохранившееся описаніе даетъ очень живую картину пира. Поднявъ кубокъ романеи, великій князь выпилъ за здоровье Литовскаго государя и, вспомнивъ про подарки, полученные утромъ, обратился къ посламъ съ вопросомъ: «Чѣмъ могу я отдарить Александра Казиміровича?» Паны, вставъ со своего мѣста, ударили челомъ Ивану Васильевичу, какъ царю, и отвѣчали: «Дары эти требуютъ единственно—великой пріязни Московскаго государя къ литовскому великому князю». Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ, въ чемъ дѣло; «Какой пріязни?» спросилъ онъ; и снова низко кланяясь, отвѣчали послы: «Нашъ великій князь проситъ твою царскую милость быть ему вторымъ отцомъ и отдать въ супружество свою дочь Елену». Тогда великій князь замѣтилъ съ достоинствомъ: «То дѣло оставимъ до утра, а теперь прошу веселиться въ палатахъ нашихъ». Съ этими словами онъ всталъ и, поручивъ боярамъ дальнѣйшее угощеніе пословъ, удалился во внутренніе покои дворца. Весь этотъ разговоръ, съ одной стороны, напоминаетъ свадебные обычаи русской старины, а съ другой—характеризуетъ намъ величавый образъ Ивана Васильевича

и обычную утонченность польско-литовскихъ пановъ.

На слѣдующее утро послы слушали обѣдню въ Успенскомъ соборѣ. Служилъ митрополитъ; присутствовалъ и великій князь. Изъ собора они отправились во дворецъ. Тамъ бояре, отъ имени государя, спрашивали, какъ чувствуютъ себя послы послѣ угощенія, и послы отвѣтили на это благодарностью; затѣмъ они снова били челомъ о княжнѣ и получили желанный отвѣтъ. Эту отвѣтную рѣчь Иванъ Васильевичъ говорилъ самъ лично. Онъ соглашался на просьбу Литовскаго великаго князя и выдавалъ за него свою дочь, подтверждая свое безусловное требованіе относительно ея свободнаго вѣроисповѣданія. Затѣмъ онъ велѣлъ передать Александру Казиміровичу свое желаніе, чтобы великій князь любилъ, берегъ жену и жаловалъ ее; велѣлъ передать и личную свою просьбу—построить во дворцѣ православную церковь для княгини; наконецъ, Иванъ Васильевичъ далъ порученіе къ епископу и панамъ-радѣ способствовать доброму отношенію между супругами и закрѣпленію дружбы между государями. Послѣднее замѣчаніе показываетъ, какъ хорошо былъ освѣдомленъ Иванъ Васильевичъ о положеніи дѣлъ въ Литвѣ, о значеніи пановъ-рады, и какъ вѣрно предугадалъ онъ ту роль, которую суждено было играть въ жизни Елены Ивановны и панамъ-радѣ, и епископамъ. Пока происходили оффиціальные пріемы, въ великокняжескомъ терему шли спѣшныя приготовленія къ отъѣзду и къ свадьбѣ. Иванъ Васильевичъ посылалъ къ посламъ дьяка Ѳедора Курицына переговорить о чинѣ вѣнчанія и было рѣ-

шено, что великаго князя литовскаго будетъ вѣнчать бискупъ, а княжну митрополитъ. Между тѣмъ послы еще не были у Софіи Ѳоминишны, которая привыкла принимать у себя иноземныхъ гостей. 12 января и былъ назначенъ пріемъ у великой княгини. Пословъ провели сначала къ великому князю; онъ принялъ ихъ въ палатѣ, смежной съ Грановитой, и оттуда уже повелъ двухъ старшихъ пословъ въ покои Софіи Ѳоминишны. Тамъ уже находились на лицо митрополитъ и бояре и вся многочисленная великокняжеская семья. Ударивъ челомъ, послы-паны просили отъ имени литовскаго князя согласія великой княгини на бракъ ея дочери и этой просьбой оказали должную честь ей, какъ матери. Софія Ѳоминишна отвѣтила: «если на то дѣло будетъ воля Божія, великій князь порѣшитъ его». Эти рѣчи пословъ и отвѣтныя слова матери слышала Елена Ивановна: она присутствовала на пріемѣ пословъ скрытно отъ нихъ. Послѣ словъ матери, она вышла къ родителямъ и стала нѣсколько впереди, поодаль, въ сторонѣ. Послы, увидѣвъ неожиданно свою будущую государыню во всемъ блескѣ пышнаго царственнаго наряда, остолбенѣли; такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на нихъ неожиданнымъ появленіемъ самой невѣсты. Любуясь ея красотой, паны думали, по ихъ словамъ, что передъ ними ангелъ въ образѣ человѣческомъ; наконецъ, прійдя въ себя, опомнясь, паны пали ницъ и просили Елену Ивановну любить и жаловать ихъ государя. Княжна заплакала... и думается—не одно напряженіе нервъ за пережитые дни вызвало эти слезы: лаконическая литовская замѣтка: «а она заплакала»... говоритъ

краснорѣчиво о многомъ. Сознательно относилась Елена Ивановна къ своему положенію, понимала трудность его и смутно предчувствовала много тяжелаго и горькаго впереди. Великій князь между тѣмъ пожелалъ видѣть портретъ своего будущаго зятя. За нимъ тотчасъ же послали въ помѣщеніе посольства. Принесенный портретъ разсматривалъ Иванъ Васильевичъ, Софія Ѳоминишна и всѣ бывшіе въ палатѣ. И былъ Александръ Казиміровичъ нарисованъ весьма красивымъ: «лицо бѣлое, щеки румяныя, очи черныя, усы едва пробивались».

— «Настоящій королевичъ Польскій»,—замѣтилъ Иванъ Васильевичъ, а затѣмъ добавилъ:—«пусть же нарисованный останется у меня въ покояхъ, а тебѣ, дочь моя, Елена, живой великій князь литовскій на всю жизнь милымъ другомъ будетъ». Съ этими словами онъ благословилъ княжну; послы снова ударили челомъ и цѣловали руку у родителей и невѣсты. Этотъ неожиданный эпизодъ съ портретомъ внесъ струю задушевности въ чопорное торжество и какъ бы смягчилъ суровыя черты Ивана Васильевича.

На слѣдующее утро, во вторникъ, 13 января былъ назначенъ часъ отъѣзда. Въ Успенскомъ соборѣ слушали обѣдню. На ней присутствовали Иванъ Васильевичъ и Софія Ѳоминишна «съ дѣтьми», слѣдовательно братья и сестры Елены Ивановны, Елена Молдавская, князья, бояре и литовскіе послы. По окончаніи службы великій князь отошелъ къ правымъ боковымъ дверямъ собора (выходившимъ на площадь) и подозвалъ пословъ. Въ виду массы народа, наполнявшаго площадь, въ присутствіи всего двора, духовенства, всей семьи, а главное въ присутствіи самой дочери,

торжественно повторилъ Иванъ III свою прежнюю рѣчь посламъ. Елена Ивановна слышала весь наказъ отцовскій; мало того, точный и осмотрительный во всемъ до мелочей, Иванъ Васильевичъ вручилъ дочери самый списокъ съ этихъ рѣчей. Такимъ образомъ, онъ мастерски ознакомилъ дочь со всѣмъ ходомъ переговоровъ, съ ея положеніемъ и со своимъ отношеніемъ къ ея будущему мужу, а торжественность обстановки, когда весь народъ былъ какъ бы взятъ во свидѣтели словъ отца, должна была оставить въ душѣ княжны потрясающее впечатлѣніе навѣки. Эта сцена еще разъ доказала, какъ умѣлъ Иванъ Васильевичъ дѣйствовать на умъ, чувства и воображеніе окружающихъ. Этой способности своей и искусству онъ во многомъ обязанъ успѣхами своей политики и вѣрной службѣ своихъ подданныхъ, какъ доказали мастерски проведенные переговоры съ Литвой. Въ заключеніе великій князь еще разъ благословилъ княжну и она, поклонившись въ послѣдній разъ московскимъ святынямъ и гробу святого Петра митрополита, покровителя Москвы и ея княжескаго рода, вышла на церковную паперть. Тутъ уже стояла тапкана. Милостиво подавъ руку посламъ на прощанье, великій князь отпустилъ ихъ и паны выѣхали изъ Кремля, опережая невѣсту. Оставшись наединѣ съ дочерью, Иванъ Васильевичъ еще разъ, въ виду всѣхъ и всего народа, на паперти далъ ей наставленіе о томъ, какъ держать себя по пріѣздѣ въ Литву, и вновь подкрѣпилъ наставленіе памятной запиской. Елена Ивановна сѣла въ тапкану. Въ послѣдній разъ ея взору представился Кремль: храмы,

строившіеся на ея глазахъ, великокняжескія палаты, въ которыхъ она провела годы дѣтства и юности. Въ послѣдній разъ зимнее солнце освѣщало родную картину. Тапкана тронулась... Выѣхавъ изъ Кремля, Елена Ивановна переѣхала Неглинную и двинулась по московскимъ улицамъ къ Дорогомилову. Дорога была прямая, по теперешнимъ Воздвиженкѣ и Арбату. Елена Ивановна переѣхала мостъ черезъ Москву-рѣку и остановилась въ Дорогомиловской слободѣ, гдѣ ждало ее литовское посольство. Прекрасенъ видъ съ этого берега на городъ, Кремль и Москву-рѣку, которая вьется среди живописныхъ крутыхъ береговъ! Мать, Софія Палеологъ, невѣстка, Елена Молдавская, и старшій братъ, Василій, сопровождали княжну. Князь Василій задалъ пиръ, угощая пословъ на славу. Послы ночевали въ посадахъ по подворьямъ и въ среду двинулись въ путь, опережая невѣсту. Елена Ивановна оставалась еще въ Дорогомиловѣ. Въ этой слободѣ, въ виду Москвы, она провела весь день среды и переночевала двѣ ночи. Мать и невѣстка оставались при ней безотлучно все время, а въ четвергъ пріѣхалъ къ дочери самъ Иванъ Васильевичъ и, конечно, много наставленій слышала Елена Ивановна отъ родителей. Много наказовъ давалъ ей отецъ, возлагавшій на дочь большія надежды въ своемъ вѣковѣчномъ спорѣ съ Литвой! Въ четвергъ Елена Ивановна простилась съ отцомъ и матерью, съ родными и... простилась навсегда: ей не суждено было больше видѣть родной Москвы! Тапкана великой княжны тронулась въ путь; ее сопровождалъ громадный поѣздъ.

Провожая дочь, не вспомнила ли Софія Ѳоминишна своего отъѣзда изъ Италіи? Но какъ различна была ихъ судьба! Мать ѣхала изъ подъ тяжелой римской опеки въ православную единовѣрную ей Москву, дочь—обратно съ востока на западъ.

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ: Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 35; Акты Западной и Южной Россіи т. I; Лѣтописи т. VI, VII, VIII; Древняя россійская Вивліоѳика т. XIV (описаніе отъѣзда Елены Ивановны); Карповъ, «Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ М. 1867 г.»; Забѣлинъ «Бытъ русскихъ царицъ»; Нарбутъ, «Dzieje narodu litewskiego» т. 8; частью Стрыйковскаго, «Хроника», частью Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ въ «Жизнеописаніяхъ».

V.

Литва.

Взглянувъ на карту Русско-Литовскаго государства, видимъ обширныя земли, которыя, занимая западную часть восточной равнины, тянутся отъ Балтійскаго моря до Чернаго, сосѣдятъ съ Польшею, пролегаютъ на очень близкомъ разстояніи отъ Москвы. Но вглядимся въ эти земли по-пристальнѣе и что же увидимъ? Старый Кіевъ, Волынь, земли Черниговская, Смоленская, а тамъ дальше Полоцкъ—родина Всеслава, а далѣе въ глубь страны пойдутъ удѣлы князей минскихъ, пинскихъ, русскіе—Гродно, Новогродокъ, куда ходилъ когда то ратью Владиміръ Мономахъ, и только на сѣверо-западѣ, вдоль рѣки Виліи, находится собственно Литва. Здѣсь въ мѣстности, гдѣ лежатъ Троки и Вильна, пробудилось національное самосознаніе литовцевъ подъ давленіемъ и напоромъ Тевтонскаго ордена, и отсюда ихъ завоевательное стремленіе подчинило себѣ юго-западную Русь, раззоренную и обезсиленную татарскимъ нашествіемъ. Такимъ образомъ большая часть территоріи, можно сказать три четверти ея, составляли исконныя русскія области, отчасти только колонизованныя литовцами; поэтому Елена Ивановна за рубежомъ Москвы не должна была чувствовать себя на чуж-

бинѣ, а знакомясь ближе съ новымъ своимъ отечествомъ, она могла найти, подъ внѣшней чуждой оболочкой, много чертъ ей родныхъ, близкихъ съ дѣтства.

Если благопріятное стеченіе политическихъ обстоятельствъ и вымираніе многихъ русскихъ княжескихъ родовъ, напримѣръ, Галича, Полоцка и другихъ, облегчили подчиненіе русскихъ областей власти Литовскаго князя, то племенной перевѣсъ и превосходство культуры помогли широкому распространенію въ Литвѣ русскаго вліянія. Воспринимая языкъ, обычаи, образованность, наконецъ вѣру, Литва русѣла и грозила стать опасной соперницей Москвѣ въ дѣлѣ объединенія русской земли. Даровитые первые государи, Гедиминъ и Ольгердъ, поддерживая внутри общественный порядокъ, обуздывая сильною рукою зарождавшуюся олигархію, сумѣли привлечь къ себѣ всѣ классы русскаго населенія, которое пріучалось смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ прирожденныхъ государей и покровителей; тому же содѣйствовали частые браки литовскихъ княжатъ на русскихъ православныхъ княжнахъ, дѣти коихъ зачастую принимали вѣру матерей. Духовенство, получивъ свой самостоятельный духовный центръ, успокоилось и примирилось понемногу съ совершившимся фактомъ. Неудивительно, что среди русскихъ въ Литвѣ и даже среди самихъ литовцевъ, какъ въ княжескомъ родѣ, такъ и среди нѣкоторыхъ магнатовъ, стала зарождаться мечта создать на Литвѣ центръ объединенія для всѣхъ русскихъ областей и земель. Сѣверо-востокъ въ то время мало подавалъ надежды къ тому: унизительное татарское иго и раззореніе, внутрен-

нія смуты, усобицы и своеволіе князей представляли картину анархіи, близкой къ разложенію. И дѣйствительно,—литовскіе эммисары всюду появились на сѣверо-востокѣ: не только Новгородъ, Псковъ и Тверь были тревожимы ихъ происками, даже отдаленная Рязань не укрылась отъ ихъ вліянія; сама Москва, въ лицѣ великаго князя Василія I Дмитріевича, явилась на поклонъ къ Витовту. Такъ продолжалось многіе годы, но съ конца XIV и начала XV вѣка бракъ великаго князя Ягайла съ польской королевой Ядвигой, соединивъ Литву съ Польшей, сталъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Литвы. Въ новомъ союзѣ вся выгода была на сторонѣ Польши и ея вдохновителя — римской куріи, которыя получили матеріальную поддержку для своей борьбы съ сосѣдями, Литвѣ же достались одни затрудненія и невзгоды. Во внутренней жизни Русско-Литовскаго государства наступилъ разладъ: началась борьба двухъ противоположныхъ вліяній—православно-русскаго и польско-католическаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ перемѣнилась роль Литвы во внѣшней исторіи и политикѣ. Потерявъ въ глазахъ русскихъ людей нравственное обаяніе, она перестала быть соперницей Москвы въ дѣлѣ объединенія русскихъ земель, а явилась вѣчнымъ врагомъ всему русскому племени, и съ той поры возможность возвращенія юго-западнаго края къ Москвѣ ясно обозначилась и стала для послѣдней вопросомъ лишь времени.

Ко времени Елены Ивановны Москва уже ясно сознала эту благопріятную для себя перемѣну во взаимныхъ отношеніяхъ, и дальновидный политикъ Иванъ III, раздѣлавшись съ Ахматомъ, началъ

исподволь наступательное движеніе на Литву. Литовцы почувствовали опасность, но не поняли ея причины, не поняли еще всего значенія совершившихся фактовъ, а между тѣмъ въ русско-литовскомъ православномъ населеніи проявились уже разочарованіе, недовольство правительствомъ, боязнь за вѣру и національность; начались все чаще и чаще отъѣзды удѣльныхъ князей въ Москву. Впрочемъ еще теплилась надежда на лучшія времена у себя дома, еще вспыхивали попытки измѣнить нежелательный порядокъ вещей. Вѣдь не даромъ же прошло столѣтіе преобладанія русскаго вліянія; не даромъ прошли княженія Гедимина и Ольгерда: русское начало и вѣра пустили глубокіе корни; три четверти всей земли населялъ русскій народъ, имѣвшій за собой блестящую исторію Кіевскаго періода, четверть только занимала Литва съ ея вымиравшимъ язычествомъ,—отчаяваться было еще рано. Но и римскій папизмъ не дремалъ; въ союзѣ съ Польшей, увлекши въ свои сѣти Литву, онъ сильной атакой, не разбирая средствъ, подъ знаменемъ западно-европейской культуры, пробилъ вскорѣ сильную брешь въ старомъ порядкѣ: окатоличилась литовская знать, окатоличилась и большая часть литовскаго народа. За католицизмомъ слѣдомъ стала проникать польская культура, языкъ, обычаи, нравы. Конечно, количественно эти чуждыя начала не были сами по себѣ грозны, но они были грозны правительственной поддержкой; грозны были близостью чужеземной силы Рима, Польши, благодаря которымъ въ самомъ русско-православномъ населеніи могли вспыхнуть и вспыхнули сословные интересы въ ущербъ государственнымъ и религіознымъ.

Рисуя картину жизни Русско-Литовскаго государства въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, невольно вспоминаешь Москву и сравненіе между ними напрашивается само собою. Сильная своей централизаціей Москва стягивала властною и подчасъ жесткою рукою удѣлы и сумѣла ихъ скрѣпить воедино столь крѣпкимъ цементомъ, что даже смутное время не могло разорвать единства русской земли. Другое дѣло—Литва: въ ней вѣчно, особенно со времени брака Ягайла съ Ядвигой, дѣйствуетъ не центростремительная, а центробѣжная сила. Литовцы завоевали постепенно русскія области и притомъ области, привыкшія къ обособленной государственной жизни, съ богатымъ историческимъ прошлымъ. Казалось, литовское правительство могло бы объединить ихъ,—но этой именно силой оно не обладало. «Политическая неразвитость и этнографическая слабость этого племени, отсутствіе государственнаго творчества» въ преемникахъ Гедимина и Ольгерда, скрытый зародышъ олигархіи и постоянное вмѣшательство во внутреннія дѣла страны чужеземной силы, подрывая авторитетъ верховной власти, способствовало децентрализаціи Русско-Литовскаго государства и оно вылилось въ расплывчатую форму. Ядро его составляла собственно Литва, колыбель литовскаго племени, но и эта Литва не была сплочена: Жмудь сохраняла обособленное положеніе; рано завоеванныя русскія земли, сильнѣе другихъ колонизованныя — Черная Русь, Полѣсье, Берестье, Могилевъ, Минскъ—прочнѣе примкнули къ Литвѣ и вошли въ составъ Трокскаго и Виленскаго воеводствъ; остальныя русскія земли, нѣкогда богатыя и могу-

щественныя—Кіевъ, Волынь, Полоцкъ, Витебскъ, Смоленскъ—слабо тяготѣли къ центру. Привыкшія къ самостоятельной жизни, онѣ стремились единственно къ тому, чтобы сохранить свои мѣстныя особенности, свое устройство. Рядъ «привилеевъ» литовскихъ государей подтверждаетъ эти особенности: эти русскія области управлялись по русскимъ старымъ обычаямъ. Наконецъ, ближе къ рубежу Русско-Литовскаго государства лежали области, не только не тяготѣвшія къ центру, но постоянно колебавшіяся между Москвою и Литвою; отъѣзды были тамъ дѣломъ обычнымъ. Измѣнить такое положеніе дѣлъ литовское правительство было безсильно и отыскать цемента для сплочиванія государства не сумѣло; введеніемъ католичества оно внесло только элементъ къ разладу. Столь же безсильной (въ политическомъ смыслѣ) была и Польша въ дѣлѣ государственнаго объединенія: она сама не могла сплотиться политически, но она дала иное средство къ объединенію: она стала объединять путемъ религіозной уніи и распространенія польской культуры; здѣсь она черпала богатыя средства—умственныя, нравственныя и матеріальныя—у Западной Европы и ея вдохновителя и руководителя—Рима.

Отсюда начало борьбы двухъ культуръ, двухъ вѣроисповѣданій и роковая зависимость польско-литовскихъ государей отъ Рима. Эта борьба усложняетъ знакомство съ внутренней жизнью страны и затемняетъ настоящее положеніе вещей. Изслѣдователи направляются отъ двухъ пунктовъ, отъ двухъ полюсовъ: съ русской и польской стороны. Углубляясь въ разсмотрѣніе документовъ Западной Руси, встрѣчаясь

повсюду съ русскимъ языкомъ, русскими нравами, терминами, чувствуешь себя среди русскаго элемента и трудно бываетъ различать значеніе, силу, величину надвигающейся съ запада тучи папизма и польщизны; но кто изучаетъ именно эту грозовую тучу, тотъ за раскатами грома и блескомъ молніи не слышитъ и не видитъ біенія пульса русской жизни, тотъ склоненъ преувеличивать значеніе польскаго начала.

Елена Ивановна раньше всего и ближе всего познакомилась съ высшимъ классомъ русскаго общества. Великаго князя окружали паны-рада. Съ радой совѣтовался Александръ Казиміровичъ во всѣхъ дѣлахъ внѣшней политики, съ радой рѣшалъ вопросы законодательства, суда и управленія; паны-рада многое клонили на свою сторону, многое рѣшали въ пользу своихъ интересовъ и въ ущербъ государству. Сильные по своему вліянію при Ягайлѣ и Казимірѣ, они окончательно возобладали при молодомъ, неопытномъ Александрѣ. Далеко отошла рада отъ своего начала: отъ думы князей съ дружиной въ удѣльное время! И это значеніе пановъ-рады, эта сила олигархіи должны были поразить дочь властнаго Ивана III, помнившую московскихъ бояръ и князей и ихъ отношенія къ ея отцу—государю.

Только приблизительно можно опредѣлить составъ рады. Въ нее входили главнѣйшія свѣтскія и духовныя должностныя лица: епископы-католики—виленскій, луцкій, брестскій—воеводы—виленскій, трокскій, подляшскій—староста жмудскій, канцлеръ литовскаго государства, подскарбій дворный... Какъ видимъ, въ рукахъ пановъ-рады были главнѣйшія

государственныя должности-уряды. Они были воеводами и старостами, то-есть первыми представителями великаго князя въ областяхъ. Они же были канцлерами, подскарбіями и гетманами. Въ этихъ названіяхъ звучитъ нѣчто чуждое для русскаго уха, и дѣйствительно, эти наименованія возникли подъ польскимъ вліяніемъ, замѣнивъ древнерусскія наименованія намѣстника, державца, тіуна и такъ далѣе. Вначалѣ дѣло не пошло дальше наименованій и компетенція лицъ осталась прежней. Русско-литовскій воевода не походилъ на своего польскаго коллегу; однако, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи послѣдній типъ сталъ подчинять себѣ первый, и ко времени пріѣзда Елены Ивановны это направленіе уже значительно обозначилось. Но кто были эти паны-рада, эти первыя лица государства? По своему происхожденію это были знатные литовцы, паны и князья собственно Литвы и очень-очень рѣдко среди нихъ встрѣчаются русскіе бояре (напримѣръ, Глинскій). По своему положенію это были богатые вотчинники—землевладѣльцы: они владѣли многими землями, получали хорошіе доходы и живали то въ Вильнѣ, гдѣ у нихъ были свои дома, то въ своихъ имѣніяхъ и замкахъ. Эта старинная литовская знать, когда-то обрусѣлая, теперь окатоличилась и подпала подъ польское вліяніе. Хотя большинство пановъ-рады были католики и воспринимали кое-что изъ польскихъ идеаловъ и воззрѣній, но прежнія традиціи не вполнѣ еще вымерли въ нихъ: они крѣпко стояли за свое общественное положеніе и, опасаясь польской шляхты, являлись даже тормазомъ иногда для польскаго вліянія. Правда, паны-рада

потеряли уже чутье государственной пользы своего отечества, подпавъ подъ сильное вліяніе папизма,—а папизмъ былъ синонимомъ польщизны; однако они еще способны были дать на время ожить народному элементу при Сигизмундѣ I Старомъ, помочь впослѣдствіи и протестантской пропагандѣ.

За панами-радой слѣдовали другіе крупные вотчинники—боярство русскихъ земель: Полоцка, Волыни, Кіева и другихъ. У нихъ земель было не меньше, если не больше, и они ревниво оберегали право исключительнаго землевладѣнія въ своихъ областяхъ. Въ ихъ рукахъ были также уряды, но только второстепенные: они были намѣстниками, державцами, тіунами, каштелянами. Среди этой русской православной знати попадались и княжескія фамиліи—потомки прежнихъ удѣльныхъ князей. Впрочемъ, удѣлы еще не исчезли окончательно: не мало ихъ было въ Чернигово-Сѣверской области, пограничной съ Москвой; удѣльные князья, на правахъ великокняжескихъ намѣстниковъ, владѣли Кіевомъ, Пинскомъ, Смоленскомъ; они управляли почти самостоятельно, писались Божіей милостью и заключали договоры съ великимъ княземъ; въ сущности же ихъ власть была значительнѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ. Гедиминъ и Ольгердъ еще раньше Москвы провели въ Литвѣ идею о непосредственномъ подчиненіи удѣльныхъ князей великому князю, превращая ихъ изъ независимыхъ властителей въ своихъ намѣстниковъ. Эта идея пришлась по душѣ русскому населенію страны, которое ненавидѣло удѣльныя усобицы; оно поддержало начинанія Гедимина и Ольгерда; ихъ преемникамъ оставалось только не упускать начатаго, по-

этому и Александръ Казиміровичъ зорко слѣдилъ за удѣлами, особенно на югѣ, гдѣ многіе изъ нихъ могли быть опасны. Такіе центры, какъ Кіевъ, не разъ проявляли наклонность къ обособленію; не разъ поддерживалъ Кіевъ то Олельковичей, то Глинскаго и, чѣмъ больше слабѣло въ Литвѣ русское вліяніе и усиливалось польско-католическое, тѣмъ ярче выступала на югѣ Руси мечта создать свой обособленный центръ, тѣмъ чаще отъѣзжали князья въ Москву.

Теперь подведемъ итогъ общему составу верхняго слоя общества. Его составляли потомки удѣльныхъ князей русскихъ и литовскихъ, Рюриковичей и Гедиминовичей, знатные русскіе и литовскіе люди—бояре и паны, крупные вотчинники. Всѣ они располагали средствами и держали въ своихъ рукахъ остальное населеніе (горожанъ и крестьянъ). Занимая видныя государственныя должности, они руководили политическими дѣлами и управленіемъ страны. Хотя между панами-католиками и православными боярами шла уже тяжелая религіозная борьба, хотя литовская знать помогала католической пропагандѣ и способствовала правительственнымъ мѣрамъ противъ православія и его исповѣдниковъ, тѣмъ не менѣе справедливость заставляетъ признать, что глубокой розни между литовскими и русскими панами еще не существовало. Долго еще въ сознаніи общества Литва и Русь казались нераздѣльны. Литовцы и русскіе вмѣстѣ требовали отъ своихъ государей править ими по русско-литовскому праву, одинаково боялись Польши и опасались вторженія въ Литву польскаго вліянія; вмѣстѣ восхища-

лись Сигизмундомъ Старымъ за его нелюбовь къ полякамъ. Русскій языкъ былъ языкомъ государственнымъ и языкомъ общества. Кругомъ себя во дворцѣ Елена Ивановна слышала русскую рѣчь: по русски говорилъ ея мужъ, Александръ; по русски говорила знать и, несмотря на усилія правительства распространить польскій языкъ, несмотря на ропотъ нѣкоторыхъ изъ литовцевъ на пренебреженіе къ ихъ литовской рѣчи, русскій языкъ—языкъ лѣтописи, законовъ, судопроизводства, священныхъ богослужебныхъ книгъ, литургіи, народныхъ пѣсенъ и преданій,—продолжалъ процвѣтать, и долго было справедливо изреченіе: «Литва квитнетъ (цвѣтетъ), русщизной».

Мы имѣемъ прекрасную характеристику жизни пановъ-бояръ времени Елены Ивановны и Сигизмунда I, преемника Александра, характеристику, сдѣланную однимъ изъ ихъ потомковъ, спустя полстолѣтія. «Паны этого времени, говоритъ Мелешко, жили богато, строили себѣ каменные замки; домъ ихъ былъ полная чаша и въ деньгахъ имѣли всегда избытокъ. Они одѣвались просто, кто какъ хотѣлъ, и въ богатыхъ платьяхъ не хаживали; ихъ жены и они сами не гонялись за модой, носили прадѣдовскую одежду и обычаевъ польскихъ не перенимали. Къ столу у нихъ подавался борщъ, утка съ перчикомъ, полотокъ съ грибами, а на праздничныхъ банкетахъ подавалась рисовая каша съ шафраномъ, но тортовъ и сластей заморскихъ не знали; пили мальвазію, пили домашній медъ и водку, а о венгерскомъ винѣ и не слыхивали; за нѣмецкими и польскими обычаями не гонялись. Эти паны не любили

нѣмцевъ; они не жаловали, за ихъ хитрости, и поляковъ и эти чувства раздѣлялъ съ ними драгоцѣнной памяти Сигизмундъ I. Умѣли эти паны сказать королю золотую правду; хорошо дрались на войнѣ, хорошо выдерживали поле» [8]).

За высшимъ классомъ слѣдовалъ классъ наиболѣе многочисленный—шляхта. Каждый землевладѣлецъ, обязанный военной службой за землю, былъ шляхтичъ. Его помѣстье, его достатокъ—различны; разнообразны его занятія, разнообразны жизнь и средства къ ней; различны занимаемыя должности отъ самыхъ низшихъ до высокихъ; одинакова лишь повинность ратной службы. Несмотря на свое польское названіе, русско-литовская шляхта носила еще древне-русскій характеръ и не гнушалась занятій ремесломъ и торговлей. Служили также шляхтичи при дворахъ богатыхъ и знатныхъ пановъ; занимали должности при намѣстникахъ и каштелянахъ. Этотъ многочисленный, неопредѣленный классъ былъ почти весь русскимъ по происхожденію, по языку, по вѣрѣ, по обычаямъ. Навѣрно уже шляхтичъ не перенималъ польской моды, не ѣлъ тортовъ и не пилъ венгерскаго вина, если и у богатыхъ пановъ это было на рѣдкость. Но у шляхтича была другая большая приманка къ ополяченію. Русско-литовская шляхта съ завистью смотрѣла на права польской шляхты и стремилась добыть себѣ такое же положеніе. Этому стремленію пока еще противились паны-рады, но великіе князья уже присматривались къ нему, думая найти опору въ шляхтѣ для обузданія пановъ. И желаніе шляхты осуществилось впослѣдствіи на Люблинской уніи.

Городская жизнь переживала въ концѣ XV вѣка много измѣненій. Города Литовскаго государства были главнымъ образомъ древне-русскіе; литовскіе образовались по тому же образцу. Какъ всякій русскій городъ, они владѣли землями и не порывали связи съ земледѣліемъ и съ сельскимъ бытомъ. Въ теченіе всего XV вѣка въ города, число которыхъ увеличилось и торговля въ нихъ расширилась, сталъ уже проникать чуждый элементъ: появилось много поляковъ, еще больше нѣмцевъ, кое-гдѣ попадались татары, наконецъ Литву заполонили евреи. Гедиминъ и Ольгердъ давали защиту городамъ отъ своеволія пановъ; къ русскому торговому населенію они относились безпристрастно, но, начиная съ Ягайла, дѣло приняло другой оборотъ: слабые преемники были плохой защитой; города понемногу стали терять свои земли; послѣднія переходили въ руки окрестныхъ пановъ, шляхты, иноземцевъ и даже евреевъ; городская черта суживалась; городъ приближался къ типу западно-европейскаго мѣщанскаго города; связь съ землей порвалась, и создался понемногу классъ мѣщанъ-горожанъ, который, въ свою очередь, началъ уступать мѣсто чуждому элементу: нѣмцамъ и евреямъ. Изъ ненависти къ православію короли и великіе князья относились къ русскому населенію городскому и торговому скорѣе враждебно, чѣмъ покровительственно, думали ослабить его, а не усилить, то-есть держались политики, какъ разъ противоположной политикѣ Гедимина и Ольгерда. Не имѣя силъ обратить русскихъ въ латинство, они принимали косвенныя мѣры, дабы ослабить ихъ количественно по городамъ, и съ этой цѣлью покровительствовали наплыву нѣмцевъ и евре-

евъ. Паны-католики, будучи зачастую городскими вотчинниками, по той же причинѣ дѣйствовали въ унисонъ съ правительствомъ; къ тому же съ евреями ихъ связывали также корыстолюбивые разсчеты. Не мало терпѣли горожане, особливо русскіе, отъ намѣстниковъ; еще унизительнѣе была зависимость ихъ отъ пановъ-вотчинниковъ. Потеря земельныхъ угодій привела русскихъ горожанъ къ обѣднѣнію; нѣмцы подъ покровительствомъ власти стѣсняли ихъ въ ремеслахъ, евреи по той же причинѣ оттирали ихъ отъ торговли. Оторванные отъ ихъ сельскихъ собратій, замкнутые въ стѣнахъ города, окруженные враждебными элементами, лишенные поддержки, русскіе должны были неминуемо убывать и стушевываться. Конечно, какъ туземная династія, связанная съ населеніемъ историческими воспоминаніями, Ягеллоны не могли безпощадно, послѣдовательно дѣйствовать противъ русскихъ: годы притѣсненій смѣнялись годами льготъ и благоволенія; указы, издаваемые подъ давленіемъ Рима, вяло приводились въ исполненіе, а то и просто предавались забвенію; но, когда Ягеллоновъ смѣнила чуждая изувѣрная династія Вазы, русскому православному населенію нельзя было ждать пощады. Самое введеніе Магдебургскаго права послужило скорѣе ко вреду русскихъ горожанъ, чѣмъ на пользу: оно было имъ чуждо, они не умѣли имъ пользоваться. Примѣромъ тому служатъ смоленскіе жители: они, получивъ Магдебургское право, пришли въ недоумѣніе, не зная на кого его распредѣлить и какъ имъ пользоваться? Другое дѣло нѣмцы: тѣмъ оно было сродни, свое національное; они имъ воспользовались вполнѣ и употребили съ выгодой; евреи

же, лишенные правъ номинально, умѣли обходить запрещенія и фактически стали царить въ русскихъ городахъ на смѣну русскаго элемента. Самый яркій примѣръ тому представляетъ Вильна: она ожидовилась въ царствованіе Сигизмунда III Вазы; за династіею Ягеллоновъ она продолжала быть русскимъ городомъ и по количеству русскаго населенія, и по обширности русской торговли. Княженіе Александра богато раздачей Магдебургскаго права. Ягеллоны думали раздачей этого права городамъ усилить городское сословіе для того, чтобы по примѣру западно-европейскихъ государей, опираясь на городское сословіе, обуздывать аристократію, но въ своемъ ослѣпленіи не видѣли, что дѣлаютъ какъ разъ обратное. Изъ ненависти къ православію разлагая русскій элементъ въ городахъ, они тѣмъ самымъ подорвали тотъ источникъ, который имъ передала по наслѣдству древняя Русь, и гдѣ они нашли бы элементы для развитія національныхъ ремеслъ и торговли и чувства мѣстнаго патріотизма. Преслѣдованіе туземнаго элемента изъ-за близорукаго религіознаго фанатизма обезличило города и сдѣлало ихъ не разсадниками національной силы, опоры и богатства, а гнѣздами чуждаго пронырливаго племени, лишеннаго всякаго патріотическаго народнаго чувства. Всѣ эти пагубныя послѣдствія близорукой политики принесли свои плоды позже, въ XVII вѣкѣ, ко времени же Елены Ивановны русскій элементъ въ городахъ еще здравствовалъ, дѣйствовалъ, хотя былъ уже подъ давленіемъ и шелъ на убыль.

Но если города подъ вліяніемъ Польши получили хотя нѣкоторое устройство,—то въ то же время

и подъ тѣмъ же вліяніемъ быстрыми шагами ухудшалось положеніе крестьянъ. Кіевская Русь передала въ наслѣдіе Литвѣ многочисленное сельское свободное населеніе, подсудное самому государю. Гедиминъ и Ольгердъ понимали выгоду поддерживать этотъ классъ народонаселенія, для безопасности и устойчивости своего государства. До самаго Ягайла крестьяне сохранили свое исконное наслѣдіе—личную свободу, общинное устройство, и большого развитія достигъ копный судъ и крестьянское самоуправленіе; но, начиная съ Ягайла, ко времени Александра община крестьянская стала распадаться, будучи поглощаема владѣніями магнатовъ, съ которыми ей не по силамъ было тягаться при слабыхъ преемникахъ Гедимина и Ольгерда. Право свободнаго перехода стало теряться крестьянами съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе; объ этомъ говорятъ уже грамоты Казиміра. Ко времени прибытія въ Литву Елены Ивановны обширныя земли пановъ обрабатывались подневольною челядью и остатками еще свободныхъ крестьянъ. Послѣдніе дѣлились на множество разрядовъ: крестьяне тяглые, крестьяне данники, крестьяне-ремесленники и такъ далѣе. Сохранился еще высшій разрядъ свободныхъ крестьянъ, болѣе зажиточный, владѣвшій земельной собственностью и обязанный за нее военной службой—такъ называемые слуги; они имѣли доступъ къ низшимъ должностямъ (они сходны съ однодворцами московской украйны). Изъ ихъ рядовъ пополнялась шляхта; въ дальнѣйшемъ историческомъ ходѣ этотъ разрядъ былъ поглощенъ рабствомъ. Такъ подъ вліяніемъ Польши, гдѣ крестьяне уже давно утратили

свои права, и на Литвѣ, въ процессѣ закрѣпощенія крестьянъ, вызванномъ также экономическими соображеніями, явились особыя черты, не свойственныя ни кіевской, ни московской Руси, измѣнился взглядъ на личность крестьянина—онъ сталъ разсматриваться, какъ подданный землевладѣльца, а не князя. То же польское вліяніе нанесло ударъ общинѣ и копному суду; послѣдній теряетъ свое значеніе, община распадается, и появляется типъ крестьянина мызника. Вообще, польская культура и государственное устройство, потворствуя высшимъ классамъ и своему излюбленному дѣтищу—шляхтѣ, тяжко ложится на низшіе.

Таково было Русско-Литовское государство, когда познакомилась съ нимъ Елена Ивановна. Многое говорило ей, что Москву она перемѣнила на такую же русскую землю, только съ другою окраскою; многое напоминало ей далекую родину, но... не мало было новаго и чуждаго. Особенно выдѣлялась разница во власти великаго князя литовскаго и московскаго. Присмотрѣвшись къ своему отцу и его дѣйствіямъ, Елена Ивановна не могла не замѣтить политической слабости своего мужа. Александръ Казиміровичъ находился въ трудномъ положеніи, которое усложнилось съ выборомъ его въ польскіе короли; ему приходилось соблюдать противоположные интересы: католикъ по вѣрѣ и по воспитанію, литвинъ по происхожденію и по симпатіямъ, онъ государствовалъ надъ православнымъ русскимъ населеніемъ. Эта двойственность, даже тройственность положенія ухудшалась ограниченностью власти. Польскіе паны тянули его къ Польшѣ, туда же тянуло

его римское духовенство, а паны-рада литовскіе знали лишь свои себялюбивые интересы; православное же русское населеніе смотрѣло съ неудовольствіемъ на многія правительственныя мѣры и... оглядывалось на Москву. Не довѣряя сельскому населенію, въ большинствѣ русскому и православному, раздѣляя относительно его всѣ предразсудки своего времени, великій князь обратилъ вниманіе на шляхту. Въ ней онъ думалъ найти опору въ борьбѣ съ олигархіей, съ этой цѣлью онъ сталъ ей покровительствовать и награждать привиллегіями, а разъ ступивъ на этотъ скользкій путь, великій князь литовскій сталъ государемъ не всенароднымъ, а сословнымъ! Здѣсь корень слабости великокняжеской власти!

Изъ обзора Русско-Литовскаго государства мы могли видѣть смѣшеніе народностей, культуръ, вѣроисповѣданій. Эти разнородные элементы не легко уживались и приходили въ столкновеніе между собой.

Православное населеніе Литвы и Руси подавляло своею многочисленностью другіе элементы и дѣлало для путешественника XV вѣка незамѣтнымъ присутствіе латинства. Православіе, считавшее за собой столѣтія, пустило глубокіе корни не только среди русскихъ, но и среди самихъ литвиновъ, и показанія современниковъ единогласно говорятъ о приверженности народа къ своей отеческой вѣрѣ. Въ XV вѣкѣ много говорилось объ упорствѣ русскихъ въ религіозномъ вопросѣ, и факты изъ исторіи церкви того времени подтверждаютъ безплодность усилій римскаго духовенства. Приверженностью къ православію и опасеніемъ за его неприкосновенность объясняется и тотъ восторгъ,

съ которымъ русскіе люди встрѣчали единовѣрную невѣсту великаго князя Александра, объясняются и дальнѣйшія политическія событія. Въ 1500 году каноникъ Иванъ Скаринъ жаловался, что нѣтъ ни одного народа, который былъ бы такъ непоколебимъ въ защитѣ своихъ схизматическихъ заблужденій, какъ народъ русскій. Черезъ четверть вѣка въ 1524 году итальянецъ Кампензе въ томъ же духѣ извѣщалъ папу: «Россія, находящаяся подъ властью короля польскаго, равно какъ Лембергъ и вся часть Польши, простирающаяся на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ горъ Сарматскихъ, слѣдуетъ съ непоколебимостью греческому закону» [9]). Наконецъ, въ концѣ XVI вѣка, когда стали распространяться въ Польшѣ и Литвѣ лютеранство, кальвинизмъ, и ряды католиковъ рѣдѣли,—Циховскій писалъ, что въ то время, какъ едва ли осталась отъ католиковъ тысячная часть, «русины бдительно охраняютъ свою святыню [10])».

Извѣстно, что низшіе классы населенія оказали особенную устойчивость въ религіозномъ дѣлѣ и даже послѣ уніи остались опорой православія, но въ XV—XVI вѣкахъ вліяніе польско-католическое не проникло еще въ высшіе слои русско литовскаго общества, и богатая знать дружно стояла заодно съ народомъ на стражѣ православной церкви. Въ рядахъ своихъ православные видѣли всѣ княжескіе и боярскіе роды Руси и Литвы... Тутъ и Острожскіе, и Глинскіе, и Слуцкіе, и Сапѣги, и Ходкевичи, эта львиная, какъ ее называютъ, порода Литвы, и Кобринскіе и масса другихъ. Стоитъ только взглянуть на списокъ ихъ въ любой исторіи церкви.

Внѣшнимъ образомъ сила православія выражалась

въ обиліи церквей и монастырей. Въ то время, какъ католическихъ приходовъ, по свидѣтельству самихъ котолическихъ писателей, было до 700, православныхъ въ одномъ Новогродскомъ воеводствѣ 650, въ владѣніяхъ Острожскихъ 600, и даже передъ введеніемъ уніи Львовское братство насчитывало до 11,000 священниковъ и немногимъ менѣе церквей. Монастырей въ XV вѣкѣ было приблизительно 30, а къ половинѣ XVI это число возросло до 50 [11]), но очень немногіе монастыри и церкви были въ хорошемъ состояніи, не потому, чтобы не находилось достаточно ревнителей и жертвователей, но указы короля Казиміра, запрещая возобновлять старыя и строить новыя церкви, были причиной, что многіе храмы приходили въ ветхость и являли картину нищеты и запустѣнія. Въ какомъ печальномъ видѣ былъ Пречистенскій соборъ въ Вильнѣ! Какъ бѣдны въ то время ризницы Слуцкаго и Супрасльскаго монастырей! Въ развалинахъ лежали святыни Кіева!

Большая часть церквей и монастырей находилась въ исконныхъ русскихъ мѣстностяхъ и говорить объ ихъ архитектурѣ, внутреннемъ видѣ—значитъ говорить объ искусствѣ кіевской Руси, такъ блестяще выразившемся въ соборахъ Кіева. Подъ этимъ византійско-русскимъ вліяніемъ возникали храмы въ Литвѣ по мѣрѣ того, какъ тамъ насаждалась православная вѣра; но среди позднѣйшихъ церквей были и такія, которыя по своему внѣшнему виду говорили о вліяніи на нихъ западныхъ католическихъ образцовъ,—таковы нѣкоторыя церкви Вильны (Воскресенская), Гродна, Люблина и Замостья [12]); особенно характерны церкви Гродна, о внѣшнемъ видѣ которыхъ мож-

но судить по замѣчательной гравюрѣ 1568 года. «Архитектура этихъ церквей представляетъ не мало любопытныхъ подробностей. Ни одна изъ нихъ не имѣетъ характерныхъ русскихъ главъ въ видѣ луковицы и столько употребительной въ до-петровской Руси четырехскатной крыши. Основной формой плана тутъ вездѣ является квадратъ, значительно удлиненный, какъ у церквей католическаго запада; крыша двускатная; надъ входомъ возвышается по небольшей башенкѣ съ маленькимъ куполомъ, иногда имѣющимъ видъ продолговатой дыни...» Колокольни при церквахъ отдѣльныя. Нѣкоторыя церкви Вильны, Люблина и Замостья подходятъ подъ это описаніе. О сельскихъ храмахъ мало что извѣстно; до насъ дошли только рѣдкія случайныя свѣдѣнія о нихъ; такъ мы знаемъ, что въ селѣ Гайнѣ Борисовскаго уѣзда была построена церковь Михайловская во второй половинѣ XV вѣка; тогда же возникли церкви села Николаева Дисненскаго уѣзда [13]); церковь села Корницы, Сѣдлецкой губерніи основана въ 1518 году, да, повидимому, и большинство ветхихъ храмовъ нынѣшняго XIX вѣка по селамъ нашихъ западныхъ губерній ведутъ свое начало отъ времени XIV, XV и XVI вѣковъ; изъ краткаго описанія ихъ можно замѣтить, что типъ многихъ изъ нихъ напоминаетъ вышеприведенную характеристику Стасова [14]).

Если за первыми литовскими государями Гедиминомъ и Ольгердомъ положеніе православной церкви было сносно, ибо правительство относилось индиферентно, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ проявленія языческаго фанатизма и ярости, то съ переходомъ дома Ягеллоновъ въ католичество, пра-

вославная церковь стала въ XV вѣкѣ лицомъ къ лицу съ правительствомъ, враждебно противъ него настроеннымъ. Съ тѣхъ поръ стремленіемъ литовско-польскихъ государей было распространеніе папизма, а главною заботою православнаго люда отстаиваніе и охрана своей исконной отеческой вѣры. Отсюда начало вѣковой борьбы и тяжелаго положенія западно-русской церкви. Но, если у правительства была опредѣленная тенденція и ясно выраженное стремленіе, то далеко не столь же опредѣленна и послѣдовательна была программа дѣйствій. Въ отношеніяхъ свѣтской власти къ церкви мы видимъ большой хаосъ: на ряду съ папскими буллами, возмутительными грамотами противъ схизматиковъ, встрѣчаемъ дарственныя и льготныя въ пользу церкви. Конечно, причина двойственности образа дѣйствій правительства заключается, какъ въ индивидуальныхъ особенностяхъ литовскихъ государей того времени, такъ и въ условіяхъ жизни, которыя часто увлекали правительство въ свое теченіе противъ его воли. Эта борьба и особенныя историческія условія, подъ вліяніемъ коихъ находилась западно-русская церковь, невольно отразились на ея внутренней жизни и обусловили и создали въ ней рядъ самобытныхъ своеобразныхъ чертъ, отличающихъ ее отъ сѣверо-восточной.

Давно уже ослабѣла связь юго-западной церкви съ сѣверо-восточной, но окончательное отдѣленіе литовско-русской митрополіи отъ московско-русской совершилось въ послѣдніе годы княженія Василія II Темнаго, дѣда Елены Ивановны. По своему объему юго-западная церковь не уступала сѣверо-

восточной, а по древности своихъ религіозныхъ центровъ даже превосходила ее. Громадныя епархіи входили въ ея составъ, и какой стариной вѣяло отъ многихъ изъ нихъ! Митрополитъ, въ рукахъ котораго находилось управленіе церковное, носилъ древній титулъ Кіевскаго. Всѣхъ епископскихъ епархій было 8, при чемъ Виленская, управляемая лично митрополитомъ, обнимала Виленское и Трокское воеводства. На сѣверо-востокѣ лежали епархіи: Полоцкая, Смоленская и Черниговская, изъ которыхъ двѣ послѣднія вскорѣ отошли къ Москвѣ. Ближе къ Польшѣ были епархіи: Холмская, Владимірская и Перемышльская. Онѣ переносятъ наши воспоминанія ко временамъ знаменитаго Даніила Галицкаго, Ярослава Осмомысла и Ростиславичей: Василька и Володаря; затѣмъ идутъ епархіи Луцкая и Пинская, и многія изъ нихъ, какъ мы видѣли, были и древни и обширны. На избраніе каждаго новаго митрополита имѣли вліяніе: великій князь, духовенство и народъ. Отъ великаго князя зависѣло согласіе на съѣздъ духовенства для избранія владыки; часто зависѣло оказать давленіе на избраніе излюбленнаго кандидата, податливаго на сдѣлки съ совѣстью; напротивъ того, духовенство и народъ при избраніи владыки имѣли въ виду интересы церкви и связанные съ ними свои національные и сословные интересы,—вотъ почему русскіе такъ сильно отстаивали свое право избирать владыку сообща духовенству съ народомъ. Многое зависѣло отъ личности митрополита: пагубные примѣры двухъ митрополитовъ-уніатовъ должны были держать русскихъ настороже. Избранный митрополитъ считался только «нареченнымъ», пока не

приходило утвержденіе его Константинопольскимъ патріархомъ. Отдѣлившись отъ Москвы, западно-русская церковь, угрожаемая уніей, дорожила своею слабою, правда, связью съ церковью греческою, и благословеніе далекаго Константинопольскаго патріарха было столь существенно въ нравственномъ отношеніи, что его просилъ даже митрополитъ-уніатъ.

Митрополитъ Кіевскій управлялъ церковью самостоятельно. Хотя митрополичьей каѳедрой считался Пречистенскій соборъ въ Вильнѣ, но митрополитъ только временно пребывалъ въ столицѣ государства. Его постояннымъ мѣстопребываніемъ бывали обыкновенно незначительные, сравнительно, города: Новогродокъ и Минскъ, а Кіевъ и вовсе не видалъ въ своихъ стѣнахъ святителей и владыкъ: его святыни лежали въ запустѣніи, и путь къ нимъ былъ небезопасенъ по причинѣ татарскихъ набѣговъ и разбойничьихъ шаекъ. Мѣстопребываніе митрополита служило уже, какъ говоритъ митрополитъ Макарій, «осязательнымъ свидѣтельствомъ того, что православная вѣра и церковь въ Литвѣ были только терпимы, а не господствующими». Епископы или владыки епархій, архимандриты и игумены въ монастыряхъ, протопопы, соборяне и священники... все это чины церковной іерархіи, намъ хорошо извѣстные, тѣ же, что и на сѣверо-востокѣ. Руководствомъ для церковнаго управленія и суда служили та же Кормчая книга, что и въ Москвѣ, затѣмъ такъ называемый свитокъ Ярославовъ и мѣстные обычаи изъ церковной практики. Велось церковное управленіе подобно тому, какъ и на Москвѣ, при помощи намѣстниковъ, десятниковъ, бояръ, подскарбіевъ, маршалковъ. Источникомъ для содержанія пра-

вославнаго духовенства служили владычныя и церковныя имѣнія со всей суммой приносимыхъ ими доходовъ. Но не даромъ западно-русская церковь находилась въ особыхъ историческихъ условіяхъ; благодаря имъ, мы подмѣтимъ не мало своеобразныхъ чертъ, отличающихъ ее отъ церкви сѣверо-востока; онѣ преимущественно сказывались на положеніи духовенства, митрополичьей власти, во вмѣшательствѣ въ дѣла церкви свѣтскихъ лицъ—прихожанъ и на вмѣшательствѣ, наконецъ, свѣтской власти съ ея правами патроната и подаванья.

На власти митрополита боевое положеніе церкви выразилось отрицательно въ томъ отношеніи, что подчиненное ему духовенство держало себя независимо, что̀ ослабило церковную дисциплину и вело часто къ безпорядкамъ внутри самой церкви. Духовенство не всегда подчинялось владыкамъ, вступало въ споръ и тяжбы, обращаясь за поддержкой къ свѣтской власти. Оно стремилось участвовать въ церковномъ управленіи, и причтъ соборной церкви въ Вильнѣ—крылошане—дѣйствительно составляли какъ бы духовный совѣтъ митрополита и вмѣстѣ—органъ управленія церковными дѣлами города [15]). Стоитъ вспомнить споръ виленскихъ крылошанъ съ митрополитомъ Макаріемъ или тяжбу епископа Полоцкаго съ крылошанами Софійской церкви [16]). При боевомъ положеніи церкви эта независимость духовенства имѣла свою хорошую сторону, но иногда, благодаря католическому правительству, приносила и вредъ, подрывая авторитетъ высшей церковной власти. Съ одной стороны духовенство не слѣдовало слѣпо за своими владыками, если тѣ соблазнялись

въ унію, критически относилось къ церковнымъ мѣрамъ и нововведеніямъ, ревниво оберегало чистоту православія; съ другой стороны—темные элементы духовенства съ успѣхомъ преслѣдовали личныя матеріальныя выгоды; прибѣгая къ интригамъ и подкупамъ, получали каѳедры и монастыри и управляли ими въ угоду свѣтской власти и во вредъ церкви.

Другою особенностью въ жизни западно-русской церкви было вмѣшательство въ дѣла церковныя самого населенія, создавшее одно изъ свѣтлыхъ явленій церковной исторіи — дѣятельность братствъ. Міряне чутко относились къ религіознымъ вопросамъ, слѣдили за церковными дѣлами. Цѣлый рядъ документовъ свидѣтельствуетъ о щедрыхъ пожертвованіяхъ, объ отказахъ въ духовныхъ завѣщаніяхъ на пользу церкви. Богатые и знатные люди поддерживали и возобновляли церкви, основывали, какъ, напримѣръ, Ходкевичъ, новые монастыри. Вся эта многосторонняя дѣятельность православной знати, какъ въ фокусѣ, отразилась въ дѣятельности знаменитаго ревнителя православія—князя Константина Ивановича Острожскаго и его сына. Прихожане въ свою очередь тѣсно сплачивались и старательно охраняли церковное достояніе: слѣдили за тѣмъ, чтобы церковное имущество не расхищалось и очень часто имѣли у себя ключи отъ церкви, которые и передавали вновь назначенному священнику. Этотъ контроль надъ церковнымъ имуществомъ распространился затѣмъ и на дѣятельность самихъ священно-служителей. Мало-по-малу участіе прихожанъ въ дѣлахъ церкви все болѣе и болѣе оформилось и получило права гражданства. Горожане принимаютъ

сторону софійскихъ крылошанъ противъ полоцкаго владыки и король рѣшилъ дѣло по ихъ желанію; виленскимъ мѣщанамъ Константинопольскій патріархъ присылаетъ переносный антиминсъ и митрополитъ даетъ свое благословеніе на совершившійся уже фактъ [17]). Особенно полно и ярко выразилась дѣятельность мірянъ въ пользу православія съ помощью братствъ. Главную роль суждено было сыграть братствамъ позже, но въ XV вѣкѣ они уже стали возникать и къ пріѣзду Елены Ивановны существовали въ самой Вильнѣ.

Большой вредъ и безпорядокъ причиняло церкви вмѣшательство свѣтской власти, власти чуждой и враждебной. Великій князь, основываясь на владѣльческомъ правѣ, имѣлъ право патронатства и подаванья надъ архіерейскими каѳедрами, монастырями и церквами въ своихъ собственныхъ земляхъ и государственныхъ территоріяхъ. Онъ считалъ себя «ихъ патрономъ и подателемъ столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ, оборонителемъ церквей Божіихъ». Это право патронатства и подаванья распространялось затѣмъ на всѣхъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, которые слѣдовали примѣру великаго князя. Наконецъ, послѣдній очень часто передавалъ свое право патронатства частнымъ лицамъ. Можно себѣ представить, какая неурядица вносилась въ жизнь церкви! Одни хлопотали о патронатствѣ ради личныхъ выгодъ—пользовались церковными доходами. Другіе домогались ради личныхъ счетовъ и споровъ. Недовольные своимъ владыкой крылошане просили короля взять церковь на свое подаванье. Хорошо еще, когда патронатство нахо-

дилось въ рукахъ православныхъ людей, но когда иной панъ-католикъ, разсчитывая на церковныя имѣнія, достигалъ патронатства,—можно себѣ представить, каково бывало патронатство пана-католика!

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ: Акты западной Россіи т. I и II; Акты Южной и Западной Россіи т. I и II; Документы, объясн. исторію сѣверо-западнаго края 1865 г.; Библіотека иностр. писателей о Россіи т. I. 1836 г.; Бестужевъ-Рюминъ Русская исторія т. II; Иловайскій Исторія Россіи т. II и III; Любавскій Областное дѣленіе... Литовско-русскаго госуд. (Чтенія Моск. Ист. Общ. 1892 и 1893 г.); Макарій Исторія церкви т. IX; Филаретъ Исторія церкви изд. 6-е; Чистовичъ Очеркъ исторіи западно-русской церкви; Антоновичъ Монографіи т. I. 1885 г.; Кояловичъ Лит. церковн. унія т. I. 1859 г.; Кипріановичъ Истор. очеркъ православія и католичества. В. 1895 г., Дашкевичъ Замѣтки...; Бершадскій Литовскіе евреи. Спб. 1883 г. и др.

VI.

Вильна.

У Виліи, нашихъ потоковъ царицы
Дно чисто, а волны румянѣй денницы...

* * *

Вилія, по ковенскимъ милымъ полянамъ,
Струится въ нарцисахъ, бѣжитъ по тюльпанамъ...

* * *

Виліи не любы цвѣточки долины:
Не ихъ, она Нѣмана ищетъ родного...

* * *

Поднявши Вилію къ себѣ на рамена,
Несется въ даль Нѣманъ на дикомъ просторѣ,
И держитъ подругу у влажнаго лона,
И гибнетъ съ ней вмѣстѣ въ невѣдомомъ морѣ.

Мицкевичъ.

Рѣка Вилія, въ своемъ стремленіи на западъ къ Нѣману и Балтійскому морю, пробѣгаетъ по живописнымъ мѣстностямъ Литвы. Въ одномъ изъ такихъ живописныхъ уголковъ, расположилась столица Литовскаго княжества. Окрестности Вильны представляютъ собой рядъ холмовъ, мѣстами горъ. Густо поросшія лѣсомъ, пронизанныя кой гдѣ лощинами, онѣ живописно тѣснятся по лѣвому берегу Виліи

и какъ бы сжимаютъ съ трехъ сторонъ,—съ востока, юга и запада,—узкую долину, съ восточной стороны которой вьется серебристой лентой быстрая Вилейка и двумя рукавами впадаетъ въ широкую многоводную Вилію, образуя такимъ образомъ островъ при своемъ впаденіи. Поверхность долины сильно понижается съ юга на сѣверъ, къ берегу Виліи, и самый островъ при устьѣ Вилейки представляетъ собой низменное мѣсто; только съ востока возвышается на островѣ песчаная гора; одиноко стоитъ она, словно сторожъ долины, и оригиналенъ видъ ея склоновъ, крутыхъ и точно срѣзанныхъ. Въ началѣ XV вѣка эта гора слегка осыпалась, но еще до XVI вѣка сохранила свой оригинальный видъ высокаго кургана (на планѣ Брауна). Нѣкогда на этотъ островъ обратилъ вниманіе Гедиминъ и положилъ здѣсь начало городу. На песчаной горѣ, по названію Замковой, построилъ онъ великокняжескій замокъ, а у подошвы горы, въ низменной долинѣ, знаменитой долинѣ Свенторога, пріютилась святыня языческой Литвы: жертвенникъ священнаго огня, жилища жрецовъ и башня, гдѣ содержались священные гады и змѣи.

Такимъ образомъ исторія Вильны начинается почти одновременно съ исторіей Москвы: къ XIII столѣтію относятся первыя извѣстія о ней, а въ XIV вѣкѣ она дѣлается значительнымъ городомъ. Но Вильна, та Вильна, которая предстала взору русской княжны, не была уже древнею Вильною: языческую Литву смѣнила сперва полурусская, полуправославная, а затѣмъ стали первенствовать польская и католическая. Русское вліяніе потеряло свое первенствую-

щее значеніе; православіе было въ загонѣ. Набѣги враговъ и пожары въ концѣ XIV вѣка уничтожили старую Вильну и замки Гедимина. Витовтъ возстановилъ городъ изъ пепла; этотъ князь, «богатырь Литвы», отстроилъ Вильну и возобновилъ великокняжескій дворецъ. Послѣдующіе великіе князья, увлеченные въ орбиту Польши, мало думали о своей литовской столицѣ: Казиміръ озаботился лишь о нѣкоторыхъ костелахъ да издалъ указъ, запрещавшій строить новые и возстановлять старые православные храмы. Вильна ждала Александра и Сигизмунда! Въ 1494 году, то-есть ко времени прибытія русской княжны, на песчаной Замковой горѣ высились три каменныя башни: это и былъ верхній замокъ. Стѣны и валъ окружали его; построекъ въ немъ было не много и, собственно говоря, не здѣсь было мѣстопребываніе великокняжескаго двора. Въ развалинахъ лежалъ въ верхнемъ замкѣ даже костелъ св. Мартина, выстроенный на мѣстѣ православной церкви временъ Ольгерда. Двѣ деревянныя галлереи, спускаясь по западному склону горы, вели къ подошвѣ горы и соединяли верхній замокъ съ нижнимъ. Нижній замокъ (при Витовтѣ его называли «кривой») былъ расположенъ въ низменной части города и занималъ такъ называемую долину Свенторога, то-есть дельту рѣки Вилейки. Широкій земляной валъ опоясывалъ его. Насколько пустыненъ былъ верхній замокъ, настолько многолюденъ былъ нижній: онъ включалъ цѣлый рядъ разнообразныхъ построекъ. Самымъ главнымъ зданіемъ былъ великокняжескій дворецъ, построенный еще Витовтомъ у подошвы Замковой горы. Онъ состоялъ изъ массы

разнохарактерныхъ каменныхъ и деревянныхъ зданій, мѣстами увѣнчанныхъ башнями. Среди дворцовыхъ службъ разстилался обширный дворъ и заканчивался дворцовымъ садомъ; вдоль юговосточнаго берега Вилейки, по ея набережной тянулись великокняжескія конюшни. Многія части дворцовыхъ зданій были только что отстроены: Александру Казиміровичу показалось тѣсно старое помѣщеніе дворца и онъ расширилъ его къ пріѣзду своей невѣсты. Каковъ былъ характеръ виленскихъ замковъ—трудно сказать. Быть можетъ, Витовтъ построилъ ихъ въ готическомъ стилѣ или, быть можетъ, они напоминали собой замки князя Любарта, современника Кейстута, которые сохранились въ городѣ Луцкѣ до нашихъ дней. Къ западу отъ дворца находилась главная святыня католической Вильны—соборъ святого Станислава, построенный на мѣстѣ древняго языческаго капища. Подлѣ него возвышалась колокольня, хранящая доселѣ въ своемъ основаніи и въ своихъ стѣнахъ остатки языческой башни. Сгорѣвшій въ началѣ XV в. соборъ этотъ былъ возобновленъ Витовтомъ и, вѣроятно, въ своемъ первоначальномъ видѣ, въ томъ видѣ, описаніе котораго оставилъ намъ иностранецъ Кибургъ. «Зданіе каѳедры, пишетъ онъ, поражаетъ своею громадностью; оно представляетъ продолговатый четыреугольникъ, выстроенный изъ кирпича. Огромная крыша, отвѣчающая слишкомъ большой ширинѣ зданія, опирается на рядъ пилястровъ; по угламъ ея четыре башенки, по двѣ съ каждаго бока, и еще три другія на ребрѣ крыши. Лицевая сторона въ верхней части зданія трехугольная и ничѣмъ не украшена кромѣ оконъ, въ кото-

рыхъ висятъ небольшіе колокола. Внутри три ряда толстыхъ пилястровъ раздѣляютъ соборъ на четыре придѣла; главный алтарь на мѣстѣ неугасавшаго огня; кромѣ того много алтарей въ глубинѣ придѣловъ и около пилястровъ... Сумракъ, господствовавшій въ этой святынѣ, произвелъ на насъ какое-то меланхолическое впечатлѣніе» [18]). Дома епископа и духовенства стояли невдалекѣ отъ собора и занимали приблизительно жилища древнихъ жрецовъ. Остальное пространство нижняго замка было застроено тѣсно и безпорядочно невзрачными домами частныхъ лицъ; среди нихъ рѣзко отличался своей величиной и красотой обширный дворъ вельможи Монивида; надъ Виліей находился посольской дворъ, показавшійся Кибургу темницей; затѣмъ шли дарственныя владѣнія многихъ костеловъ и монастырей и земли католическаго духовенства. Все это, взятое вмѣстѣ, придавало скучный и неопрятный видъ центру столицы и грозило не малой бѣдой въ случаѣ пожара, тѣмъ болѣе что строенія въ замкѣ, кромѣ собора, епископскаго дома, башни, магазиновъ—всѣ были изъ дерева. Трое воротъ вели къ берегу Вилейки, ея западному рукаву, нынѣ уже несуществующему (онъ давно пересохъ, какъ Неглинная въ Москвѣ), а перекинутые черезъ рукавъ мосты соединяли великокняжескіе замки съ остальнымъ городомъ и его предмѣстьями.

Если изъ нижняго замка не далекъ былъ кругозоръ—онъ въ сравненіе не могъ итти съ видомъ изъ кремлевскихъ палатъ на Москву—то съ Замковой горы, къ сожалѣнію мало обитаемой, взору было раздолье во всѣ стороны. Съ Замковой же горы получалось общее впечатлѣніе отъ города и его окрестно-

стей. Къ сѣверу разстилалась широкой водной полосой Вилія, красавица-рѣка, столь часто воспѣваемая литовско-польскими поэтами, а за ней—за рѣкой—на противоположномъ берегу, уходила въ даль, на сѣверъ, песчаная гладкая равнина, единственная въ окружности Вильны; на ней и на островахъ рѣки, кое гдѣ, сѣрѣли кучки предмѣстныхъ лачужекъ. Къ востоку отъ Замковой горы, у ея подножія шумѣлъ восточный рукавъ Вилейки—главное ея русло. Вилейка быстро текла узкой серебристой лентой въ крутыхъ берегахъ, сползавшихъ обрывами и густо поросшихъ купами кустовъ и деревьевъ. Повсюду—и къ югу, и къ востоку и къ западу тянулись вдали холмы, опоясывая городъ кругомъ съ трехъ сторонъ; ихъ прорѣзывали долинки и овраги, гдѣ шумѣли ручьи и родники. Обиліе воды и влажный воздухъ способствовали роскошной зелени, а пирамидальные тополи продавали южный видъ ландшафту. На этомъ фонѣ, въ узкой долинѣ, стѣсненной холмами, и былъ расположенъ городъ. Потому то путешественнику XV вѣка, французу Ланноа, онъ казался узкой длинной полосой, сбѣгавшей сверху внизъ къ Виліи и Вилейкѣ. Въ противоположность Москвѣ, которая широкими полукружіями опоясывала Кремль, какъ свой центръ, Вильна вытянулась длинной неправильной полосой, безпорядочно расширяясь то къ югу, то къ западу, и образуя какъ бы наростъ или придатокъ къ замку. Такое расположеніе города замѣтно и на современномъ планѣ, на которомъ трудно уловить формы городовыхъ границъ. Такъ обѣ столицы—Москва и Вильна служили живыми, яркими прообразами своихъ государствъ и ихъ исторической жизни.

*

Во всю длину города, отъ главныхъ воротъ замка до южныхъ воротъ города, Мѣдницкихъ—впослѣдствіи извѣстныя Остробрамскія—тянулась главная улица города—Большая. Отъ нея въ обѣ стороны, къ востоку и западу, переплетаясь и пересѣкая другъ друга, разбѣгались узкія улицы и переулки; лишь кое гдѣ попадались незастроенные плацы. Сады и огороды — какъ то было въ каждомъ старинномъ русскомъ городѣ—окружали дома и монастыри и своей зеленью скрашивали, по словамъ Ланноа, плохія деревянныя постройки. Къ востоку отъ Большой улицы, по направленію къ Вилейкѣ, блестѣли кресты православныхъ церквей: то была русская часть города, центръ русскаго населенія и этотъ характеръ она сохранила до настоящаго времени. Искони эту часть города заселяли русскіе люди; ихъ было много здѣсь еще до временъ Гедимина. Здѣсь русскій человѣкъ «чувствуетъ себя окруженнымъ родной святыней». Почти у самаго берега Вилейки возвышался Пречистенскій соборъ, уже приходившій въ ветхость, но его древняя архитектура не была еще обезображена, какъ то случилось позже. Каменный, съ четырехскатной кровлей, съ большимъ куполомъ посрединѣ, съ полукружіемъ алтарнаго мѣста, онъ напоминалъ храмъ святой Софіи въ Кіевѣ и, дѣйствительно, Пречистенскій соборъ, подобно многимъ постройкамъ западной Руси и Литвы, былъ созданіемъ кіевскихъ мастеровъ, которые строили соборъ во времена Ольгерда, по образцу своей родной святыни. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Пречистенскаго собора находились впослѣдствіи двѣ небольшія церкви: Спасская и Рождественская, и на разстояніи всего двухъ, трехъ улицъ

расположилось не малое число православныхъ церквей. Однѣ изъ нихъ приходили уже въ ветхость и теряли свой прежній видъ, другія же, будучи каменными, принадлежали къ числу лучшихъ построекъ города, но всѣ говорили о живучести и силѣ русскаго элемента. Одинъ перечень церквей—краснорѣчивое тому доказательство: ихъ было тогда 16, больше чѣмъ католическихъ. Ближе всѣхъ къ Нижнему замку, на Покровской улицѣ стояла церковь Покрова—ей суждено было стать дворцовой церковью Елены Ивановны,—а дальше къ югу взоръ встрѣчалъ куполъ Троицкаго монастыря. Если о Покровской церкви мало свѣдѣній, то исторія Троицкаго монастыря хорошо извѣстна и полна злоключеній. Въ концѣ XV вѣка Троицкій соборъ лежалъ въ развалинахъ, и монастырь имѣлъ плачевный видъ. Наэупротивъ Пречистенскаго собора, за рѣкой Вилейкой, пріютилось сильно застроенное предмѣстье Зарѣчье, откуда и совершался въѣздъ въ городъ на пути изъ Полоцка. Зарѣчье примыкало къ русской восточной части города, и оба вмѣстѣ были центрами русскаго населенія.

Если восточная сторона города была православною, русскою, то на сѣверо-западѣ, въ углу, образуемомъ берегомъ Виліи и западнымъ рукавомъ Вилейки, расположился главный центръ литовской части города, и оттуда литовскій элементъ распространился къ югу. Ближе къ нижнему замку примыкали дворцы литовскихъ пановъ. Вольготно жили паны среди садовъ, парковъ; тутъ были палаты Сапѣги, Гаштольда и другихъ. То тамъ, то здѣсь возвышались католическіе храмы и монастыри. Все лучшее, что

сохранилось до нашихъ дней, было уже на лицо въ XV вѣкѣ. Существовалъ уже костелъ св. Анны, окруженный садами и группами деревьевъ по берегу Вилейки; верхушки его башенъ и золото его крестовъ особенно живописно выступали изъ роскошной зелени; построенная женою Витовта Анною, бывшей княжною смоленской, святыня эта, «какъ мысль женщины, отличается красотою и стройностью» (слова Кибурга). Существовали и древній костелъ Св. Николая, и костелы, и монастыри разныхъ орденовъ, какъ то францисканцевъ и бенедиктинцевъ, владѣвшіе крупными участками земли. Построенные въ чисто западномъ стилѣ, эти костелы воочію говорили о западномъ вліяніи, объ иной чуждой культурѣ.

Подобно тому какъ къ восточной русской части города примыкало Зарѣчье, тоже русское, такъ къ литвинамъ съ запада примкнули поляки, увеличивая такимъ образомъ католическую часть города; названія же нѣкоторыхъ улицъ: Жидовская, Нѣмецкая и другія—они сохранились до нашихъ дней—говорятъ и о другихъ пришлыхъ элементахъ, постепенно наводнившихъ Вильну, подобно тому какъ наводняли они же Литовское государство; то были элементы нѣмецкій и еврейскій. Еще далѣе на западъ, за польской частью, одиноко у берега Виліи, въ Лукишкахъ пріютились татары; они успѣли воздвигнуть тамъ свой полумѣсяцъ.

Собственно говоря, Лукишки не считались городскою частью Вильны, а ея предмѣстьемъ, но такихъ предмѣстій было не мало. Какъ Лукишки стояли на западъ по лѣвому берегу Виліи, такъ на востокъ, по тому же берегу Виліи, но уже по ту сторону

Замковой горы, за Вилейкой, расположилось древнее поселеніе литвиновъ—Антоколь. Оно сосѣдило съ русскимъ Зарѣчьемъ, о которомъ мы упоминали выше, и говорило о древней связи литвиновъ съ русскими. Наконецъ, на правомъ пустынномъ берегу Виліи, на ея песчаной сѣверной равнинѣ сѣрѣли невзрачные Снипишки и Рыбаки; одни промышляли рыбачествомъ, а другіе—выдѣлкой кирпичей. Предмѣстья то врѣзывались въ городъ, то отступали отъ него, расползаясь въ разныя стороны, и придавали городу еще болѣе неопредѣленный безпорядочный видъ.

Вильна временъ Александра Казиміровича была вполнѣ беззащитна отъ враговъ. Верхній и нижній замки со своими стѣнами и башнями только съ виду могли казаться укрѣпленіями; ихъ значеніе давно миновало, ограды же у города не было. Прежняя каменная стѣна города или лежала въ развалинахъ, или была разобрана жителями на постройки. Въ ея сохранившихся кое-гдѣ башняхъ гнѣздились совы и ютились разныя темныя личности и бродяги; отъ деревянной же ограды или тына не осталось уже и слѣда, а земляной валъ—главная охрана Вильны—былъ почти уничтоженъ и даже застроенъ; такимъ образомъ городъ былъ открытъ со всѣхъ сторонъ. Ворота тѣмъ не менѣе уцѣлѣли; одни—Спасскія—вели къ мосту черезъ Вилейку въ Зарѣчье, откуда былъ путь на Полоцкъ, Трокскія—указывали дорогу на Троки, древнѣйшую резиденцію великаго князя. На югѣ находились Мѣдницкія ворота, нынѣ Остробрамскія—отъ нихъ путь лежалъ во всѣ стороны, между прочимъ въ Лиду.

Бѣглый взглядъ, брошенный нами на Вильну

конца XV вѣка, даетъ лишь приблизительно впечатлѣніе отъ той картины, которая развернулась предъ взорами русской княжны, невѣсты великаго князя. Внѣшній видъ города и замка оставлялъ желать многаго и не могъ удовлетворить вкусу княжны, избалованной изящными созданіями Аристотеля Фіоравенти, Алевиза, Салерія и другихъ. Мы увидимъ далѣе, какъ отнеслась къ этому недостатку дочь Ивана III.

Первое же мимолетное знакомство съ литовской столицей говорило уже объ ея особенностяхъ. Смѣшеніе народностей, культуръ и вѣроисповѣданій, ихъ взаимное враждебное отношеніе чувствовалось съ перваго взгляда.

Первые шаги княжны Елены Ивановны были на Зарѣчье и русскую православную часть Вильны,— но далѣе въ нижнемъ замкѣ, ее встрѣтило—въ боевомъ всеоружіи—латинство.

Глава составлена по слѣдующимъ пособіямъ: Статья въ Актахъ, изд. Виленской Археографической комиссіей, т. XX; Васильевскій, «Очеркъ Вильны» въ изданіи Батюшкова 1872 г.; Крашевскій «Wilno»; Смирновъ «Ягелло...» 1865; отчасти «Wizerunki», Вильна и окрестности 1883 года, планы.

VII.

Пріѣздъ въ Литву. Свадьба.

Путешествіе Елены Ивановны изъ Москвы въ Вильну продолжалось очень долго. Цѣлый мѣсяцъ пробыла она въ дорогѣ, многое видѣла, много получила впечатлѣній; но, если путешественникъ Барбаро считалъ отъ Москвы до Польши 22 дня пути, то мы должны признать, что княжна, сопровождаемая громаднымъ поѣздомъ, иногда останавливавшаяся на день, на два, ѣхала довольно скоро. Поѣздъ княжны растягивался на большое пространство. Если литвины не преувеличиваютъ, то съ княжной было болѣе 2.000 человѣкъ. Сама Елена Ивановна ѣхала въ богато-украшенной тапканѣ, столь просторной, что въ ней помѣщалось человѣкъ 5 — 6. Ближайшими лицами къ княжнѣ были жены главныхъ пословъ: княгиня Ряполовская, жена боярина Русалки и боярыня Скуратова. Послы ѣхали за тапканой въ саняхъ. Все имущество Елены Ивановны, дары, посылаемые въ Литву Иваномъ Васильевичемъ, расходная казна—все это составляло громадный обозъ и находилось на рукахъ дьяка и казначея Кулешина. Дьякъ по записи казеннаго двора получилъ на руки платья и наряды княжны, ея казну, дары, всѣ вещи, необходимыя для путешествія и свадьбы; онъ же

завѣдывалъ расходной казной въ количествѣ 50 копъ грошей и распоряжался всею хозяйственною стороной поѣздки. Иванъ Васильевичъ не мало далъ памятныхъ записей дочери и боярамъ; не забылъ даже составить запись, когда въ какихъ платьяхъ быть княжнѣ. Дворецкій Пѣшковъ особливо долженъ былъ блюсти приказы Ивана Васильевича. Не мало саней потребовалось для остальной свиты; ѣхало 2 окольничихъ, 2 конюшихъ, 4 постельничихъ; за ними слѣдовали истопники, дѣти боярскіе, число коихъ было болѣе 60. Литвины пишутъ, будто съ княжной ѣхало два епископа, но это невѣрно; съ ней ѣхалъ священникъ о. Ѳома и при немъ находились діаконъ и пѣвчіе. Все это громадное число возовъ, саней для поѣзжанъ, множество верховыхъ лошадей подъ дѣтьми боярскими—требовало не малаго количества слугъ всякаго рода и обозной прислуги; прибавимъ, наконецъ, войско, служившее для охраны,—и мы не удивимся числу 2.000.

Миновавъ Звенигородъ, Можайскъ, эти издавна московскіе городки, отслуживъ вездѣ молебны, Елена Ивановна очутилась вскорѣ у литовской границы. Здѣсь князья Вяземскіе, недавно еще по договору признанные за Москвой, поднесли ей дары. Но и за рубежомъ русская княжна не могла считать себя на чужбинѣ: ее окружали тѣ же родныя картины, встрѣчались русскія лица, звучала русская рѣчь, а впереди ждалъ Смоленскъ, этотъ извѣчный русскій городъ, лишь въ минуты невзгодъ попавшій въ руки Литвы! Путь Елены Ивановны лежалъ на Смоленскъ, Витебскъ, Полоцкъ, Крево; тою же дорогой ѣздили путешественники-иностранцы XV вѣка

и описывали ее слѣдующиии словами: «Мы постоянно ѣхали», говоритъ Контарини «по ровному лѣсистому мѣсту и лишь изрѣдка встрѣчали небольшіе холмы. Иногда попадались по дорогѣ маленькія деревушки, въ которыя мы заѣзжали для отдыха; чаще же проводили ночи въ лѣсу. На снѣгу почти всегда находили остатки разведеннаго огня, забытаго, вѣроятно, путешественниками, прежде насъ тутъ бывшими, а также проруби во льду для лошадей и разные другіе признаки недавняго ночлега». Январь мѣсяцъ, конечно, далъ себя почувствовать, и многочисленная обозная прислуга московской княжны не разъ, вѣроятно, грѣлась у костра, подобно Барбаро и Контарини. Въ каждомъ городѣ устраивались торжественныя встрѣчи, и каковы онѣ были, покажетъ описаніе въѣзда въ Смоленскъ. Чины великаго посольства, уѣхавшіе раньше княжны изъ Москвы, приготовляли въ каждомъ городѣ пріемъ и для этого спѣшили напередъ княжескаго поѣзда. Уже за 5 верстъ отъ Смоленска ждали Елену Ивановну массы народа: тутъ былъ и простой людъ, и горожане, и бояре, тутъ же находился панъ намѣстникъ и паны-послы. Едва поровнялась съ ними тапкана княжны, какъ бояре и паны, представленные княземъ Ряполовскимъ, били Еленѣ Ивановнѣ челомъ. По мѣрѣ приближенія къ городу тапкана ѣхала медленнѣе; дѣти боярскіе, сойдя съ коней, окружали ее, а отъ городского моста ее сопровождали пѣшкомъ сами бояре-послы. Первымъ дѣломъ Елены Ивановны было направиться къ собору, гдѣ ее встрѣтилъ смоленскій владыка Іосифъ Болгариновичъ и отслужилъ молебенъ. Затѣмъ уже направилась княжна на приготовленный для нея

дворъ и здѣсь приказала поднести вина сопровождавшимъ ее панамъ и боярамъ. На слѣдующій день, послѣ обѣдни, въ свѣтлицѣ княжны происходилъ пріемъ. Явился ударить челомъ и съ подарками въ рукахъ владыка; пришли паньи, между прочимъ, жена намѣстника; тамъ же находились и многія лица изъ свиты княжны. Елена Ивановна просила паней и владыку сѣсть на лавку направо отъ себя и велѣла принести угощенія. Княгиня Ряполовская налила вино въ кубки; князь Семенъ Ряполовскій поднесъ кубокъ владыкѣ, а паньямъ поднесла сама княжна. И когда читаешь сухое, но точное донесеніе бояръ Ивану Васильевичу, чувствуешь живую личность Елены Ивановны и словно видишь ее передъ глазами. Она напоминаетъ въ эти минуты скорѣе своего отца, какимъ его писалъ Контарини, чѣмъ чопорную Софію Ѳоминишну. Подобнымъ же образомъ происходили встрѣчи и въ Витебскѣ, и въ Полоцкѣ, но только въ Витебскѣ пребываніе княжны было короче, а въ Полоцкѣ она оказала особенное вниманіе женѣ и дочери пана Яна Заберезенскаго, полоцкаго намѣстника. Эти паньи поднесли княжнѣ подарки. Елена Ивановна поцѣловалась съ ними, ѣздила вмѣстѣ съ ними къ обѣднѣ, звала ихъ къ себѣ два раза на обѣдъ, не преминувъ угостить виномъ изъ собственныхъ рукъ. Быть можетъ то была благодарность за хлопоты, оказанныя паномъ Яномъ по поводу сватовства. По всему пути православное населеніе края встрѣчало православную княжну съ искренней и шумной радостью. Сколько надеждъ возлагалось на нее, сколько зарождалось мечтаній о лучшихъ дняхъ! Иванъ Васильевичъ могъ остаться

вполнѣ доволенъ тѣмъ почетнымъ пріемомъ, какой оказали его дочери русскіе и литвины, но приходило ли ему въ голову, что его дочь, будущая православная великая княгиня Литвы, можетъ стать предметомъ тѣхъ упованій западной Руси, которыя возлагались только на него, московскаго государя!

Отъ Полоцка до Вильны тянулись дремучіе лѣса; мѣстность становилась гористѣй. Княжна ѣхала медленнѣе и часто останавливалась въ мѣстечкахъ. Русскихъ и литовскихъ пословъ озабочивало неполученіе отвѣта отъ Александра Казиміровича—гдѣ будетъ происходить вѣнчаніе? Въ костелѣ или въ православномъ соборѣ? Между тѣмъ отъ жениха пріѣзжали одинъ посолъ за другимъ—править поклоны и передать подарки. Княжна отдаривала въ свою очередь пословъ. Навстрѣчу ей выѣзжали литовскіе паны и княжата, встрѣчало войско. Въ Марковѣ встрѣтили Елену Ивановну знатнѣйшіе и знаменитѣйшіе православные представители западной Руси: князь Константинъ Ивановичъ Острожскій и Глинскіе. Встрѣчавшія въ Кревѣ паньи были любезно приглашены по очереди въ тапкану.

Панъ Янъ предупреждалъ задолго, что въ Марковѣ встрѣтятъ великую княгиню знатныя паньи: жена виленскаго воеводы Николая (Радивила), жена Гаштольда,—послѣдняя и встрѣтила Елену Ивановну въ Кревѣ, про первую же мы ничего не знаемъ. Но еще интереснѣе вопросъ—выѣзжала ли навстрѣчу княгиня слуцкая Анастасія, жена Олельковича. Судя по молчанію пословъ, она не присутствовала при встрѣчѣ, но ее ожидала великая честь: Московскій государь приказалъ дочери встать при встрѣчѣ съ княгиней.

До Вильны оставалось уже всего нѣсколько верстъ. Княжна остановилась переночевать въ господарскомъ дворѣ Немежъ или Мемижъ (теперь селеніе Немежъ къ югу отъ Вильны) и стала дожидаться окончанія переговоровъ о мѣстѣ вѣнчанія, для чего Янъ Заберезенскій уѣхалъ впередъ, въ Вильну, къ великому князю на совѣщаніе. Тѣмъ временемъ отъ Александра Казиміровича привезли роскошно-убранный возокъ, запряженный восьмеркой лошадей.

Тревога и волненіе русскихъ бояръ все возростали. Наконецъ, Янъ Заберезенскій вернулся изъ Вильны и привезъ озабоченнымъ боярамъ окончательный отвѣтъ великаго князя: по пріѣздѣ въ городъ княжна будетъ слушать молебенъ въ Пречистенскомъ соборѣ, а вѣнчаться поѣдетъ въ костелъ святого Станислава. Хотя Иванъ Васильевичъ далъ приказъ боярамъ не настаивать на томъ, соглашаться даже на то, чтобы княжна ѣхала прямо въ костелъ, чтобы она надѣла, въ случаѣ требованія Александра, польское платье — но бояре сочли долгомъ противиться и спорить съ панами. Только исчерпавъ все свое краснорѣчіе, согласились они на требованіе литовскаго государя. Заберезенскій кромѣ того сообщилъ, что Александръ Казиміровичъ выѣдетъ на встрѣчу невѣсты за городъ.

15 февраля 1495 года, въ воскресенье, рано утромъ, Елена Ивановна тронулась въ путь. Паны начали уговаривать княжну сѣсть въ экипажъ, присланный женихомъ. И дѣйствительно, возокъ этотъ обитый краснымъ сукномъ и зеленымъ аксамитомъ, запряженный 8 сѣрыми жеребцами въ золотѣ и бархатѣ—былъ великолѣпенъ, но княжна наотрѣзъ от-

казалась и предпочла ѣхать въ собственной московской тапканѣ. Съ ней сѣли боярыни жены Ряполовскаго и Русалки.

Пока Елена Ивановна медленно приближается къ Вильнѣ, познакомимся съ ея нарядами.

Нельзя не пожалѣть, что до насъ не дошла та запись нарядамъ Елены Ивановны, тотъ подробный наказъ боярамъ, который былъ выданъ Иваномъ Васильевичемъ при отъѣздѣ дочери изъ Москвы; нельзя не посѣтовать и на краткость донесенія бояръ: они, конечно, не имѣли въ виду нашего любопытства и ограничивались свѣдѣніями, важными для ихъ государя. Но мы постараемся, тѣмъ не менѣе, ознакомиться съ одеждой русскихъ великихъ княгинь и княженъ XV вѣка, съ тѣмъ нарядомъ, въ которомъ могла быть Елена Ивановна при въѣздѣ своемъ въ Вильну.

По замѣчанію Забѣлина, русская княжеская женская одежда имѣла своимъ первообразомъ византійскую одежду, и это сходство особенно замѣтно въ парадныхъ одѣяніяхъ и головныхъ уборахъ. Вліяніемъ Византіи вообще объясняется сходство въ одеждѣ народовъ востока (и запада до XIII вѣка), заимствовавшихъ культуру изъ Царьграда. Корона византійскихъ императрицъ, кика или вѣнецъ русскихъ княгинь и княженъ, головной уборъ грузинской царицы, даже короны западно-европейскихъ королевъ до XII вѣка, всѣ онѣ — одинаковой формы съ одинаковыми жемчужными нитями-рясами. То же самое можно сказать и про широкій покрой платья съ откидными рукавами.

Большинство изъ разнообразныхъ видовъ жен-

ской одежды XVII вѣка упоминаются уже въ XV вѣкѣ, о чемъ можно судить по духовнымъ грамотамъ князей. Насъ должна интересовать та одежда, въ которой Елена Ивановна, вѣроятно, въѣзжала въ Вильну, и та, въ которой она шла къ вѣнцу.

Осеннею и зимнею порою, въ путешествіяхъ и богомольныхъ поѣздкахъ великія княгини и княжны носили обыкновенно мѣховыя шапки. Верхъ шапки, въ началѣ XVI вѣка, богато украшался золотомъ и жемчугомъ по бархату и только опушка была мѣховая, — въ торжественнныхъ случаяхъ всегда соболья.

Выходной верхней одеждой служили: опашень и кортель. Опашень, шитый изъ золотной или шелковой матеріи, съ подкладкой чаще всего тафтяной, изрѣдка на мѣху, былъ въ XVII вѣкѣ любимой выходной одеждой царицы. Его носили и въ XV вѣкѣ, но, повидимому, скорѣе какъ лѣтнюю и осеннюю одежду. Покрой его былъ широкій; узкіе рукава доходили до подола. Подолъ и полы опашня украшались золотымъ кружевомъ. Воротъ дѣлался широкимъ и скашивался къ поламъ. Круглыя пуговицы изъ дорогихъ камней и узорчатыя петли служили для застежки. На шею надѣвался отдѣльно высокій воротникъ; онъ украшался дорогимъ шитьемъ и драгоцѣнными камнями.

Въ XV же вѣкѣ болѣе употребительной и, повидимому, любимой зимней одеждой служилъ кортель. Онъ былъ всегда на мѣху—собольемъ, горностаевомъ и такъ далѣе,—покрывался шелковой матеріей или камкой. Покрой его отличался тою особенностью, что онъ надѣвался съ головы и не былъ

распашнымъ. Оригинальны были его рукава: они дѣлались длинными, но сшивались только до половины—слѣдовательно имѣли видъ откидныхъ—но за тѣмъ украшались вошвами, то есть полотнищами, перекинутыми на руку и расширяющимися къ низу. Эти вошвы, равно какъ и заплечье, изобиловали жемчужнымъ шитьемъ. Пуговицъ у кортеля не полагалось.

Таковы одежды, которыя могла употреблять Елена Ивановна при своемъ путешествіи, но по свадебному чину нарядъ невѣсты былъ иной. Главную красоту всякаго женскаго наряда составлялъ головной уборъ. О царственномъ вѣнцѣ, символѣ дѣвичества, роскошью и блескомъ котораго Елена Ивановна въ Москвѣ ослѣпила литовскихъ пословъ, мы уже говорили; о кикѣ, вѣнцѣ замужнихъ женщинъ, скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь скажемъ объ одеждѣ невѣсты, по свадебному чину. Она должна была состоять изъ лѣтника и шубки. Исподней же одеждой была шелковая сорочка—родъ длинной туники со сборчатыми длинными рукавами до кистей рукъ, гдѣ они украшались дорогимъ запястьемъ.

И лѣтникъ и шубки были вообще въ большомъ употребленіи въ XV и XVI вѣкахъ и имѣли значеніе парадныхъ платьевъ.

Лѣтникъ дѣлался, изъ легкой шелковой матеріи и принадлежалъ къ одеждамъ накладнымъ, то-есть надѣвался съ головы. Откидные его рукава, называемые накапками, равнялись по длинѣ всему платью, но сшивались до половины только, а затѣмъ украшались пришивными вошвами, то-есть полотнищами. Эти послѣднія дѣлались изъ болѣе тяжелой ма-

теріи и украшались шитьемъ и жемчужнымъ съ дорогими каменьями низаньемъ. Кромѣ вошвъ лѣтникъ украшался по подолу каймой, иногда опушался дорогимъ мѣхомъ. Изъ подъ рукавовъ-накапокъ лѣтника виднѣлись сборчатые шелковые рукава сорочки, украшенные у кистей рукъ дорогимъ зяпястьемъ.

По свадебному чину лѣтникъ обыкненно дѣлался желтый, то-есть изъ золотой матеріи—парчи.

Поверхъ лѣтника надѣвалась шубка, которая въ великокняжескомъ и царскомъ быту пріобрѣтала значеніе одежды царственной—порфиры.

Она дѣлалась распашной, шилась изъ тяжелой матеріи—парчи и бархата, съ широкими греческими рукавами по кисть руки. По запястью, по подолу и по поламъ она украшалась золотымъ кружевомъ. На плечи одѣвалось ожерелье—родъ пелерины,—украшенное золотымъ кружевомъ и камнями. Грудь украшало монисто. Оно не только имѣло значеніе украшенія, но было обыкновенно благословеніемъ матери; на немъ носили образки и кресты.

Драгоцѣнные камни сверкали на монистѣ, на ожерельѣ, на серьгахъ, на запястьяхъ, на широкомъ воротникѣ, на перстняхъ, которые большею частью назывались жуковинами, по формѣ своей напоминая лапки жука (скарабеи у египтянъ). Даже обувь—черевички и сапожки шились золотомъ и частымъ жемчугомъ по бархату и сафьяну.

Уже по приведеннымъ нами образцамъ можно судить о роскоши, богатствѣ и пышности приданаго княжны Елены Ивановны. Иванъ Васильевичъ въ наказѣ своемъ предусмотрѣлъ встрѣчу жениха и

приказалъ, чтобы великая княжна при этомъ случаѣ была «въ нарядѣ». Эти слова указываютъ намъ, что Елена Ивановна при встрѣчѣ съ женихомъ была въ лѣтникѣ, шубкѣ-порфирѣ и въ вѣнцѣ и въ такомъ нарядѣ въѣхала въ Вильну.

За три версты отъ города выѣхалъ навстрѣчу невѣсты литовскій князь—женихъ. Онъ былъ въ богатой національной одеждѣ. На головѣ—мѣховая шапка съ бархатнымъ верхомъ, шитымъ золотомъ, украшенная дорогимъ перомъ и драгоцѣннымъ аграфомъ. Образецъ ея виденъ на портретѣ Казиміра, его отца (смотри у Нарбута) [19]). Онъ ѣхалъ верхомъ на богаторазукрашенномъ конѣ, окруженный многочисленной блестящей свитой изъ русскихъ и литовскихъ пановъ, князей и бояръ... но не было ни одного государя западной Европы въ гостяхъ у Александра Казиміровича, не было никого изъ братьевъ, не выѣхала навстрѣчу невѣсты старая королева-вдова, мать великаго князя. Иначе обстояло дѣло во время свадьбы Казиміра Ягеллоновича, отца Александра. Тогда навстрѣчу Елизаветы австрійской выѣзжала въ злаченой повозкѣ старая королева Софія, мать Казиміра. По всему видно было, что бракъ литовскаго государя съ московской православной княжной, казавшійся столь выгоднымъ для литовскаго правительства, столь желанный русскимъ населеніемъ, былъ не по душѣ роднѣ Александра Казиміровича и на католическомъ западѣ возбуждалъ удивленіе (какъ говорятъ современники) [20]). Но зато громадно было стеченіе народа!

Тапкана остановилась. Поспѣшно раскинули червленное сукно, приготовленное на сей случай по

наказу предусмотрительнаго Ивана Васильевича, а сверхъ сукна, со стороны тапканы положили бурскую камку. Великій князь сошелъ съ коня и ступилъ на сукно; княжна вышла изъ тапканы и стала на камку; за ней слѣдовали боярыни.

Женихъ подошелъ, подалъ руку невѣстѣ и спросилъ о здоровьѣ, она же поклонилась ему; затѣмъ обратился къ стоящимъ за невѣстой боярынямъ и тоже любезно подалъ имъ руку, онѣ же отвѣтили ему низкимъ поклономъ. Въ эту минуту литвины и русскіе, привѣтствуя невѣсту, грянули изъ мушкетовъ и громко крикнули: «Слава Господу Богу за такой даръ! за то, что даровалъ дочь московскаго государя намъ въ государыни!».

Великій князь проводилъ свою невѣсту до тапканы, сѣлъ на коня и поѣхалъ рядомъ. Своей свитѣ онъ приказалъ ѣхать по правую сторону экипажа, а московской—по лѣвую, соотвѣтственно этикету польско-литовскаго двора.

Елена Ивановна не могла не замѣтить, что портретъ жениха, привозимый нѣкогда въ Москву, не вполнѣ соотвѣтствовалъ дѣйствительности. Насколько помнимъ, Александръ Казиміровичъ былъ нарисованъ: лицо бѣлое, щеки румяныя, глаза черные, усъ только что пробивался. Въ дѣйствительности—великому князю было уже 34 года. Средняго, скорѣе высокаго роста, плечистый и сильный, онъ не отличался подвижностью. Темно-русые волосы, болѣе свѣтлые на бородѣ и усахъ, оттѣняли его довольно пасмурное лицо. Современники говорили, что на его лицѣ отпечатлѣлась вялость его характера, и если мы вглядимся въ сохранившійся (у Нарбута) портретъ Александра, то не можемъ не замѣтить не то

печальнаго, не то вялаго выраженія его глазъ. Въ чертахъ его—чертахъ Ягеллонова рода—не видно живости и остроты, какими свѣтились лицо и глаза отца его Казиміра.

Время стояло теплое, несмотря на февраль мѣсяцъ. По словамъ современниковъ, дни стояли весенніе и, благодаря отсутствію морозовъ, трава зазеленѣла и на деревьяхъ тронулись почки. При такой теплой, ясной погодѣ прекрасныя окрестности Вильны должны были произвести сильное впечатлѣніе и представляли яркій контрастъ съ закутанной въ зимнюю одежду—Москвою. Елена Ивановна выѣхала въ Зарѣчье, встрѣчаемая густой толпой жителей города. Александръ Казиміровичъ, опережая невѣсту, направился прямо къ нижнему замку, а княжна, переѣхавъ мостъ черезъ Вилейку, въѣхала въ Вильну съ восточной стороны, такъ что будущая ея столица предстала передъ нею той стороной, которая была преимущественно заселена русскимъ людомъ; а когда она миновала Спасскія ворота, «то могла, какъ православная, чувствовать себя окруженной родной святыней». Повсюду передъ ея взоромъ блестѣли кресты православныхъ церквей, которыя группировались преимущественно около Пречистенской и Покровской улицъ, и только вдали Замковая гора да ратуша являли новую невиданную картину западной жизни. Княжна, наконецъ, подъѣхала къ Пречистенскому собору, этому памятнику кіевскихъ мастеровъ, но увы! соборъ имѣлъ печальный видъ запустѣнія *). Миновавъ соборъ, Александръ

*) Интересно отмѣтить слѣдующее соображеніе: Иванъ Васильевичъ въ наказѣ своемъ говорилъ: «ѣхати къ церкви къ

проѣхалъ дальше, къ костелу святого Станислава, тапкана же княжны остановилась у дверей собора, гдѣ съ крестомъ въ рукахъ дожидался ея нареченный въ митрополиты архимандритъ Макарій, окруженный сонмомъ виленскаго духовенства. Приложившись ко кресту, Елена Ивановна вошла въ соборъ. Обѣдня уже отошла. Митрополитъ и духовенство начали молебенъ. Такъ, молитвою въ Пречистенскомъ соборѣ начала Елена Ивановна свою новую жизнь на новой родинѣ, и Пречистенскій соборъ, свидѣтель ея первыхъ молитвъ, былъ свидѣтелемъ ея снаряженія къ вѣнцу.

Между тѣмъ, вѣрные исполнители велѣній Ивана Васильевича спѣшили приготовить все необходимое для соблюденія, насколько возможно, обычаевъ свадебнаго чина.

Елена Ивановна сѣла на приготовленное для нея мѣсто, покрытое поверхъ зголовья подушки сорока соболями. Боярыни-свахи сняли вѣнецъ съ головы ея, расплели косу, затѣмъ надѣли кику.

Кика, имѣвшая видъ царской короны, отличалась отъ вѣнца тѣмъ, что была вся закрытая; волосъ изъ подъ нея не было видно; она была залита драгоцѣнными камнями, жемчугомъ, лалами; по бокамъ

соборной къ Пречистой или къ иной къ которой». Послы въ отвѣтѣ своемъ и доносили, что великая княжна ѣздила къ русской церкви Рождества Пречистыя. Въ большинствѣ историческихъ трудовъ здѣсь разумѣютъ Пречистенскій соборъ, но это еще сомнительно. М. Макарій пишетъ по этому поводу слѣдующее: «Достойно замѣчанія, что церковь называется Рождества Пречистыя. Это значитъ, что существовала въ Вильнѣ другая церковь, гдѣ и встрѣчена была Елена. И дѣйствительно, въ началѣ XVI в. въ Вильнѣ упоминается церковь городская». Она могла быть очень близко отъ замка. (Макарій. Исторія церкви, т. IX, стр. 85, прим. 76).

спускались жемчужныя рясы; на лобъ — поднизь, родъ жемчужной сѣтки; сзади покрывалъ волосы кусокъ бархата, спускавшійся до плечъ.

Наконецъ, боярыни навѣсили покровъ, вѣроятно, прозрачную фату, но неизвѣсто закрывали ли ею лицо, какъ это дѣлали позднѣе русскія царицы и царевны [21]).

Все время священникъ Ѳома, пріѣхавшій съ княжной, читалъ молитвы на покрытіе главы. Когда ей убрали голову и сваха осыпала ее хмелемъ и опахивала соболями, отецъ Ѳома благословилъ крестомъ и Елена Ивановна, въ предшествіи священника, вышла изъ собора.

Улицы были полны народомъ. Радость литвиновъ и русскихъ была неподдѣльна. Для однихъ княжна была порукой прочнаго мира, для другихъ—будущей защитницей. «Народъ усыпалъ путь ея цвѣтами», говоритъ литовская замѣтка.

Съ вала и съ замковой стѣны гремѣли выстрѣлы салюта. Сопровождаемая отцомъ Ѳомой съ крестомъ въ рукахъ и всею своей свитой Елена Ивановна шла пѣшкомъ къ костелу св. Станислава.

Въ дверяхъ костела ее встрѣтилъ бискупъ Войтѣхъ и ксендзы, но не рѣшились благословить ее крыжемъ. Съ минуты вступленія въ костелъ началось безпокойство Елены Ивановны и тревога бояръ. Надо было зорко смотрѣть за тѣмъ, чтобы какая нибудь оплошность со стороны бояръ не подала повода панамъ и ксендзамъ толковать впослѣдствіи, что Елена Ивановна признала католичество, надо было въ точности совершить таинство по обряду православной церкви. Частые примѣры случайныхъ обращеній въ католичество объясняютъ

страхъ бояръ, и намъ становится понятно, почему они ревниво оберегали каждый шагъ своей княжны.

Едва Александръ Казиміровичъ и Елена Ивановна заняли свое мѣсто, какъ бояре поспѣшили положить подъ ноги Еленѣ Ивановнѣ камку и сорокъ соболей тѣ самые, на которыхъ она сидѣла во время чесанія головы. Началось вѣнчаніе. По уговору съ Иваномъ Васильевичемъ вѣнчаніе со стороны Елены Ивановны должно было происходить по православному обряду, но архимандритъ Макарій не смѣлъ приступить къ совершенію таинства безъ согласія Александра, своего государя. Видимо литовскій великій князь разсчитывалъ обмануть бдительность пословъ. Но послѣдніе не дремали и не дали себя обойти. Отецъ Ѳома, видя замѣшательство Макарія, тотчасъ приступилъ къ вѣнчанію, и началъ произносить молитвы, княгиня Ряполовская взяла вѣнецъ, чтобы держать надъ головой невѣсты, а дьякъ Кулешинъ приготовилъ стклянницу съ виномъ. Великій князь и бискупъ стали противорѣчить, но князь Семенъ Ряполовскій вступилъ въ пререканія и поставилъ на своемъ: бискупъ вѣнчалъ Александра, а отецъ Ѳома — Елену Ивановну. Затѣмъ онъ подалъ стклянницу съ виномъ княжнѣ, и ее растоптали потомъ, а княгиня Ряполовская все время держала вѣнецъ. Вѣнчаніе кончилось... Тяжелая минута все же миновала, и Елена Ивановна и бояре могли вздохнуть свободно: московская княжна обвѣнчена по православному обряду. Ничего не забыли вѣрные слуги и исполнители наказа Ивана Васильевича. Всѣ свадебные обычаи московской старины были соблюдены ими въ точности.

Изъ костела Александръ отправился къ себѣ въ

гридню въ верхнемъ замкѣ, а Елена Ивановна въ свои покои въ нижнемъ замкѣ. Вскорѣ послѣ вѣнца у Александра состоялся пріемъ посольства. Бояре говорили привѣтственную рѣчь. поднесли подарки отъ имени тестя и были приглашены къ обѣду. Неизвѣстно присутствовала ли Елена Ивановна на этомъ пиру. Ничего не знаемъ о послѣдующихъ празднествахъ. На другой день Александръ принялъ даръ тестя—золотой крестъ съ такой же цѣпью и дорогое платье, которое по обычаю дарилось молодому. Литвины говорятъ, что въ Вильнѣ ликовали двѣ недѣли что было много празднествъ, угощеній для народа, что во дворцѣ много веселились.

Великая княгиня все время красовалась въ русской одеждѣ: въ кикѣ, бѣломъ лѣтникѣ, накладной шубкѣ. Невольно вспоминается отзывъ иностранца-грека о томъ впечатлѣніи, какое, спустя сто лѣтъ, произвелъ на него нарядъ русской царицы Ирины, жены Ѳедора Ивановича: «тихій ужасъ» отъ массы драгоцѣнностей и ослѣпительнаго блеска. Не испытали ли нѣчто подобное и литовско-русскіе люди?

Наступившій Великій постъ положилъ конецъ веселью и жизнь Вильны, равно какъ и великокняжескаго дворца, вошла въ свою обычную колею.

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ: Сборникъ Русскаго Императорскаго Историческаго Общества т. 35, 1882; Акты Южной и Западной Россіи т. II; Библіотека иностранныхъ писателей т. I, (Контарини и Барбаро); Древняя Россійская Вивліоѳика т. XIII и XIV; Собраніе Грамотъ и Договоровъ т. I; Забѣлинъ, «Бытъ русскихъ царицъ»; Савваитовъ «Описаніе старинныхъ русскихъ утварей...» 1896 г.; Нарбутъ, «Dzieje narodu litewskiego», т. 8; Пирлингъ, «Mariage d'un tzar au Vatican» 1891 г.

VIII.

Семья Ягеллоновъ (1495 г.).

Ближе ознакомившись съ мужемъ, Елена Ивановна могла провѣрить свое первое впечатлѣніе. Личность Александра Казиміровича представляетъ и для насъ большой интересъ по отношенію къ дѣятельности въ Литвѣ московской княжны.

Четвертый сынъ Казиміра Ягеллоновича и Елизаветы австрійской, Александръ не былъ любимцемъ своихъ родителей, подобно старшему своему брату Яну Альбрехту. Онъ не обладалъ его блестящими способностями, но и не былъ столь развратенъ, какъ его младшій братъ Фридрихъ. Наслѣдственныя черты рода Ягеллоновъ сказались какъ въ наружности великаго князя литовскаго, такъ и въ его характерѣ: въ немъ было и литовское упорство, чаще выражавшееся въ упрямствѣ, и чисто литовская мрачность. По природѣ своей Александръ, такъ же какъ и его братъ Сигизмундъ, ближе былъ къ Литвѣ и западной Руси, но идеалы, созданные воспитаніемъ, влекли его къ Польшѣ и къ Западу.

Отецъ его, Казиміръ, предоставилъ воспитаніе дѣтей своей женѣ. Педагогическія воззрѣнія самого короля выразились въ словахъ: «для моихъ ушей нѣтъ лучшей музыки, какъ плачъ дѣтей моихъ подъ

розгами учителей», а тщеславіе родителя вполнѣ удовлетворялось, когда королевичи, въ присутствіи иноземныхъ пословъ, говорили рѣчи на латинскомъ языкѣ. Королева Елизавета лично позаботилась объ одномъ: укрѣпить въ дѣтяхъ преданность католической вѣрѣ, преданность римскому престолу и въ подвижничествѣ сына своего Казиміра видѣла награду за свои труды. Воспитанная при австрійскомъ дворѣ, среди гуманистовъ и схоластиковъ, чуждая интересамъ Польши, она не могла внушить сыновьямъ любви къ славянству и Литвѣ, наоборотъ, внушила преклоненіе передъ западной культурой. Зная цѣну науки и образованія, она сумѣла окружить дѣтей лучшими педагогами своего времени и дать имъ воспитаніе, столь прославленное и современниками и учеными нашего времени. Семи лѣтъ отъ роду очутился Александръ Казиміровичъ на рукахъ воспитателей, въ числѣ коихъ были: историкъ Польши Янъ Длугошъ, горячій польскій патріотъ, и довольно извѣстный гуманистъ Филиппъ Каллимахъ Buonacorsi, родомъ изъ Венеціи, хитрый, вкрадчивый итальянецъ, тонкій придворный, любимецъ королевы Елизаветы.

Вдали отъ родительскаго дома, переѣзжая съ мѣста на мѣсто по Польскому государству, королевичи находились въ полномъ вѣдѣніи своихъ наставниковъ; они должны были смотрѣть на нихъ, какъ на вторыхъ отцовъ. Сурова была школа, которую пришлось вынести Александру Казиміровичу. Педагоги находили нужнымъ пріучать дѣтей къ холоду и голоду, ко всякаго рода лишеніямъ; жестокія тѣлесныя наказанія почитались душеспасительными и по-

лезными. Дисциплина, царившая во всемъ, царила и при обученіи, но велось послѣднее по своему времени прекрасно. Обращали вниманіе на краснорѣчіе, изучали древніе языки, читали классическихъ писателей, среди коихъ особымъ почетомъ пользовался Ксенофонтъ *). Каллимахъ старался пробудить въ своихъ воспитанникахъ вкусъ и любовь къ умственнымъ занятіямъ, уваженіе къ наукѣ... Польскій патріотъ сумѣлъ внушить преклоненіе передъ интересами Польши, и оба они, конечно, поддерживали связь съ центромъ умственной жизни Польши—съ Краковскимъ университетомъ. А тамъ было время расцвѣта, время, когда жилъ великій астрономъ Коперникъ и писалъ свое замѣчательное сочиненіе о государствѣ Янъ Остророгъ.

Неудивительно, что современники прокричали о томъ замѣчательномъ воспитаніи, какое давалось дѣтямъ польскаго короля, а иностранцы въ описаніи своихъ впечатлѣній польстили польскому обществу.

Контарини, тотъ самый, что оставилъ намъ любопытное описаніе московскаго двора и личности Ивана III и его супруги, побывалъ проѣздомъ въ Польшѣ и видѣлъ сыновей Казиміра. Узнавъ, что послѣдніе, вѣроятно по приказу своего родителя, выразили желаніе видѣть посла Венеціанской республики, Контарини отправился въ городъ Люблинъ, «гдѣ находились четыре сына Его Величества. Старшему изъ нихъ казалось не болѣе 15 лѣтъ, а осталь-

*) До нашихъ дней сохранилась книжка, заключающая въ себѣ выборки изъ наилучшихъ классическихъ авторовъ, составленная Яномъ Длугошомъ для королевичей. (Библіотека Оссолинскихъ, см. у Шайнохи «Szkice historyczne», стр. 55).

ные погодки. Они жили тутъ подъ наблюденіемъ весьма почтеннаго наставника... Одинъ изъ нихъ привѣтствовалъ меня въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно доказывали уваженіе, питаемое ими къ своему наставнику». Въ другой разъ видѣлъ Контарини королевичей на пріемѣ у короля. «Его Величество... сѣлъ въ приготовленныя для него великолѣпныя кресла посреди двухъ юныхъ сыновей своихъ, одѣтыхъ въ алое платье и прекрасныхъ, какъ ангелы». Король позволилъ Контарини пожать сыновьямъ руки... На торжественномъ пирѣ присутствовали сыновья короля, занимая мѣсто по правую руку отца. «Они, подобно отцу, просили Контарини передать ихъ поклонъ Свѣтлѣйшей республикѣ».

Къ 17-ти годамъ воспитаніе королевичей оканчивалось; по крайней мѣрѣ въ этомъ возрастѣ старшій изъ братьевъ, Владиславъ, отправился въ Чехію, по избраніи его въ чешскіе короли. Спустя нѣсколько лѣтъ и венгры предложили ему корону. Подобное отношеніе сосѣднихъ народовъ—поляки толковали, какъ результатъ распространившихся слуховъ о способностяхъ, о рѣдкомъ образованіи польскихъ королевичей. Александру Казиміровичу не пришлось проявить себя въ молодости. Объ его жизни со времени окончанія образованія до избранія въ великіе князья литовскіе намъ ничего неизвѣстно; онъ сталъ государемъ Литвы на 32 году отъ рожденія.

Какъ извѣстно, княженіе Александра Казиміровича не было изъ счастливыхъ. Недальновидная и неудачная политика по отношенію къ Москвѣ, несчастная война съ послѣдней, частые набѣги татаръ — вотъ мрачный фонъ политической исторіи Литовско-Русскаго государства въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка.

Русскому историку Западной Руси приходится отмѣчать двойственное отношеніе великаго князя къ православію и русской народности, тяжелое положеніе православной церкви, отъѣзды русскихъ людей на Москву. Туземный историкъ Литвы укажетъ на болѣе тѣсное сближеніе послѣдней съ Польшей, на проникновеніе польскихъ началъ, столь пагубныхъ для самобытности и для будущности его народа, въ ущербъ самой династіи и монархической власти... И только въ исторіи Польши Александръ занимаетъ почетное мѣсто, какъ законодатель и частью какъ реформаторъ, унаслѣдовавшій широкіе замыслы Яна Альбрехта.

Неудовольствіе многихъ современниковъ, русскихъ и литвиновъ вполнѣ понятно, но его раздѣляли и поляки. Они не понимали смысла борьбы Александра съ можновладствомъ и усматривали въ ней только попытку короля къ деспотизму и къ нарушенію пресловутой вольности шляхетства и панства. Въ зависимости отъ тѣхъ точекъ зрѣнія, съ какихъ историкъ смотритъ на Александра, находится и его характеристика. Конечно, никто не сомнѣвается, что природа отказала этому государю въ блестящихъ дарованіяхъ, въ стойкомъ характерѣ, въ ясныхъ идеалахъ,—но въ то время, какъ большинство придаетъ Александру кличку «слабохарактернаго», винитъ его въ несчастіяхъ страны, въ плохой внѣшней политикѣ, въ домашнихъ неурядицахъ, одинъ изъ польскихъ историковъ пишетъ: «въ характерѣ Александра выдавалось чисто литовское упорство, соединявшееся съ наружнымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ».

Въ этихъ отзывахъ о политической дѣятельности Александра для насъ интересно одно: несмотря на то, что родовыя узы связывали короля съ Литвой и западной Русью,—интересы Польши были въ его глазахъ выше. Разорвать унію послѣдней съ Литвою казалось ему немыслимымъ; быть королемъ польскимъ было его завѣтной мечтою; въ борьбѣ съ можновладствомъ польскимъ онъ проявилъ политическій смыслъ. Какъ не видѣть здѣсь плодовъ педагогической дѣятельности Длугоша! Въ Литвѣ и на западной Руси Александръ не могъ быть хорошимъ государемъ, потому что воспитаніе въ католическомъ духѣ и преклоненіе передъ западной и польской культурой связало его по рукамъ и по ногамъ. Найти выходъ изъ своего двойственнаго положенія онъ былъ не въ силахъ; руководящей нити для дѣятельности у него не было и, подчиняясь то вліянію духовенства, то литовскихъ пановъ, то вліянію своей жены, Александръ мѣнялъ направленіе ея и, только достигнувъ короны польской, великій князь литовскій проявилъ вдругъ и опредѣленныя намѣренія, и энергію въ достиженіи ихъ.

Эта-то неувѣренность Александра, отсутствіе ясно опредѣленныхъ стремленій, ясно намѣченныхъ цѣлей по отношенію къ западной Руси, къ религіознымъ вопросамъ, къ Литвѣ помогли Еленѣ Ивановнѣ въ дѣлѣ вліянія на мужа.

Про Александра, того самаго, который при вѣнчаніи съ московской княжною выказалъ себя ревностнымъ католикомъ и гналъ русскихъ, польскій ученый могъ однако сказать, на основаніи извѣстій современниковъ, что онъ былъ равнодушенъ къ ре-

лигіознымъ вопросамъ; сынъ Елизаветы австрійской, братъ св. Казиміра оказался въ концѣ концовъ obojętny—холодный, равнодушный.

Въ сущности отличительными чертами характера Александра было упорство въ достиженіи разъ хорошо усвоенныхъ имъ цѣлей, но медленность при ихъ усвоеніи. Долгое колебаніе и нерѣшительность, боязнь личной инициативы, вотъ что способствовало продолжительной неясности и двойственности въ его положеніи и дѣятельности. Отсюда и двойственность въ отзывахъ о немъ: по мнѣнію однихъ—упоренъ; по мнѣнію другихъ—безхарактеренъ!

Небогато одаренный отъ природы, неспособный къ быстрому соображенію, Александръ, воспитанникъ оратора, не обладалъ даромъ слова и, подобно отцу своему, говорилъ мало. Вялость, замѣчаемая по лицу, выражалась въ медлительности движеній; не любилъ онъ охоты, не любилъ и шумныхъ многолюдныхъ пировъ... Но вялость, которую современники называли лѣнью, и мрачность характера не исключали однако вспыльчивости и раздражительности... Воспитаніе сообщило Александру тонкій вкусъ въ удовольствіяхъ: онъ чрезвычайно любилъ музыку, преимущественно духовую—трубы, а также пѣніе, и устраивалъ во дворцѣ музыкальныя упражненія. Наукѣ, искусству онъ цѣну зналъ и не задумался заплатить дорого за поднесенную ему книжку стихотвореній. Но чего не достигли воспитатели—это не отучили королевича отъ любви къ роскоши; наоборотъ, страсть къ дорогимъ вещамъ, къ богатству, къ комфорту, къ изящному—была развита въ Александрѣ до чрезвычайности: онъ любилъ дорогія

одежды, роскошный столъ, былъ страстный охотникъ до лошадей. Самъ Каллимахъ, его старый учитель, зналъ объ этой страсти своего ученика: составляя духовное завѣщаніе, Каллимахъ опредѣлилъ большую сумму денегъ своему любимцу Яну Альбрехту, библіотеку оставилъ Фридриху, Александру же завѣщалъ свои одежды. Не любя шумныхъ пировъ, Александръ былъ непрочь отъ попоекъ и кутежей въ интимномъ кружкѣ. На ряду съ любовью къ роскоши отличительною чертою его была расточительность: онъ щедро дарилъ окружающихъ, не зналъ цѣны деньгамъ и тѣмъ самымъ разстроилъ свою казну.

Родная мать охарактеризовала его въ слѣдующихъ словахъ: «...столь же общителенъ и щедръ Александръ. На охотѣ ли, въ дорогѣ ли, онъ не минуетъ ни одного крестьянина. чтобы не остановить его и не перемолвиться съ нимъ словечкомъ; не брезгалъ онъ напиться изъ чарки убогой и осушить ее до дна».

Характеристика Александра даетъ намъ возможность предрѣшить вопросъ о томъ — какова будетъ жизнь Елены Ивановны въ Литвѣ? Говоря о немъ, мы должны теперь припомнить и то, какою пріѣхала русская княжна.

Москва дала ей правильное нравственное воспитаніе, но не дала школьнаго образованія и дрессировки. Въ Польшѣ было то именно преимущество, что обществу были уже привиты научныя стремленія, созданы школы и университетъ. Если большинство, въ массѣ, было скорѣе выдрессировано, чѣмъ образовано, то все же тамъ существовала и научная закваска въ видѣ малой, правда, группы лю-

дей, развитыхъ умственно и дѣйствительно ученыхъ, какъ напримѣръ: знаменитый Коперникъ и Янъ Остророгъ... Но если количествомъ знаній, способомъ пріобрѣтенія этихъ знаній, качествомъ ихъ Александръ былъ выше жены своей, то съ другой стороны Елена Ивановна превосходила его цѣльностью міросозерцанія, что придавало ея характеру нравственную силу; она превосходила его и быстротой соображенія и политическимъ чутьемъ. Благодаря прочному христіанскому воспитанію русская княжна хранила въ душѣ своей ясные идеалы, освящаемые въ ея памяти воспоминаніями о родной землѣ. У нея живы были въ памяти примѣры, изъ которыхъ она почерпала указанія для своей дѣятельности, и потому хотя жизнь ей предстояла не легкая, хотя надо было съ большимъ тактомъ добиваться прочнаго положенія въ новомъ отечествѣ, но добиться этого было возможно, возможно было даже большее—пріобрѣсти вліяніе на Александра.

Вкусы послѣдняго нашли полный отзвукъ въ русской княжнѣ. Дочь Ивана III привыкла сама къ роскоши, пышности, комфорту и умѣла ихъ цѣнить. Доступность Александра къ простонародью была ей, какъ русской, вполнѣ понятна. Она сочувствовала мужу во всѣхъ его предпріятіяхъ для украшенія столицы и дворца. То же самое мы должны сказать и относительно страсти Александра къ музыкѣ: устройство музыкальныхъ развлеченій при дворѣ было по душѣ Еленѣ Ивановнѣ, которая сама обладала музыкальными познаніями. Даже нелюбовь великаго князя къ большому обществу была на руку его женѣ, потому что устраняла лишнее число па-

новъ-католиковъ и тѣмъ самымъ способствовала болѣе тѣсному сближенію ея съ мужемъ. Такимъ образомъ домашняя обстановка, образъ жизни двора сложились очень скоро и ко взаимному удовольствію. Тернія на пути Елены Ивановны были иного рода, посерьезнѣе — они касались политической жизни страны.

Миновалъ Великій постъ, отпраздновали Свѣтлую недѣлю и въ Вильну пріѣхали гости... Прибыла королева-мать Елизавета австрійская съ двумя дочерьми и сыномъ кардиналомъ Фридрихомъ. Великій князь съ княгиней, своей женой, употребили, повидимому, всѣ усилія, чтобы угодить своимъ гостямъ. При дворѣ происходили празднества и угощенія; прибывшихъ окружали почетомъ, одарили богато; даже самъ Иванъ Васильевичъ освѣдомлялся, не надо ли и ему послать дары старой королевѣ. Спустя нѣсколько дней, вдовствующая королева съ дѣтьми вернулась въ Польшу. Елена Ивановна хорошо поняла свою свекровь, и послѣдняя оцѣнила невѣстку по-своему: онѣ разстались въ душѣ непріязненно. Иначе и быть не могло, а почему не могло,—поймемъ, когда познакомимся съ личностью Елизаветы австрійской.

Королева Елизавета окружена въ польской литературѣ особымъ ореоломъ. «Matka Jagełłonów»— мать Ягеллоновъ пользуется, и вполнѣ заслуженно, славой образованной женщины эпохи Возрожденія. Ей принадлежитъ честь воспитанія сыновей въ гуманистическомъ духѣ.

Дѣтство и юность Елизаветы прошли при австрій-

скомъ дворѣ. Она испытала и горечь сиротства и волненія политическихъ неурядицъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ раннихъ лѣтъ она была окружена учеными схоластиками и гуманистами. Въ числѣ ея воспитателей упоминаютъ Елену Коттанеръ, писательницу XV вѣка, нѣкоего педагога Гинтербаха (Hinterbach) и, наконецъ, знаменитаго Энея Сильвіо Пикколомини, впослѣдствіи римскаго папу Пія II.

Шестнадцати лѣтъ принцесса вышла за Казиміра Ягеллоновича. Свадьба была отпразднована съ торжествомъ въ Краковѣ. Жизнь при австрійскомъ дворѣ и вліяніе гуманистовъ оставили глубокій слѣдъ въ душѣ Елизаветы. Она научилась цѣнить науку, ученыхъ, стремилась привлечь ихъ въ Польшу. Обладая природнымъ умомъ, Елизавета отличалась выдающимися познаніями въ классической литературѣ, въ древней исторіи; могла писать на латинскомъ языкѣ не только свободно, но даже витіевато. Памятникомъ образованности польской королевы служитъ ея педагогическое сочиненіе: «О воспитаніи королевскихъ дѣтей» [22]). Она высоко ставила вопросы педагогическіе, стремилась дать сыновьямъ совершеннѣйшее образованіе и воспитаніе, для чего окружила ихъ сонмомъ выдающихся людей своего времени. Не мѣсто здѣсь и не время разбирать ея взгляды и то, сколько правды въ томъ, что она была авторомъ этого сочиненія (даже въ Польшѣ существовали нѣкоторыя сомнѣнія). Читая у нея филиппики противъ роскоши, похвалы простотѣ и невинности, не слѣдуетъ слишкомъ торопливо принимать все за чистую монету: между желаніемъ вмѣстить и дѣйствительной вмѣстимостью

лежала бездна, чему разительнымъ примѣромъ служатъ собственные сыновья королевы. Какъ бы тамъ ни было, нельзя отнять у нея обширности познаній и сильнѣйшей зависимости отъ взглядовъ гуманистовъ XV вѣка; королеву можно даже упрекнуть въ полномъ преклоненіи передъ авторитетами гуманизма, въ полномъ рабскомъ преклоненіи, безъ попытки къ самостоятельности мысли. Вслѣдствіе этого между королевой—авторомъ педагогическаго сочиненія и королевой въ ея личной дѣятельности оказывается даже нѣкоторое различіе и несоотвѣтствіе.

Выйдя замужъ за польскаго короля, съ которымъ прожила много лѣтъ душа въ душу, и котораго оплакивала горько по его смерти, Елизавета осталась тѣмъ не менѣе чужда Польшѣ. Она нашла этотъ край бѣднымъ, ничтожнымъ и не старалась ближе ознакомиться съ нимъ. Политика ея не интересовала и, если она по смерти Казиміра вмѣшалась въ политическія дѣла и даже оружіемъ поддержала избраніе Яна Альбрехта, а по его смерти—Александра, то исключительно ради предотвращенія междоусобія между сыновьями.

Въ то время какъ Софія Палеологъ, супруга Ивана III, принимала иноземныхъ пословъ, давала инструкціи своимъ, австрійская принцесса, жена Казиміра, проводила дни въ покояхъ дворца, рѣдко показываясь народу. Она избѣгала мужского общества, не присутствовала на пріемахъ пословъ. Контарини такъ и не видѣлъ ея въ бытность его въ Польшѣ. «Въ то время какъ мужъ со старшими сыновьями принималъ гостей изъ странъ чужихъ она въ обществѣ придворныхъ женщинъ бдѣла

надъ воспитаніемъ своихъ дочерей»... и польскія королевны, воспитанныя въ такомъ духѣ, имѣли видъ теремныхъ затворницъ. Плоды такой педагогической дѣятельности королевы мы увидимъ на дочери ея Ядвигѣ.

Вся жизнь Елизаветы прошла въ заботахъ материнскихъ—при чемъ сыновья уже съ семилѣтняго возраста жили далеко отъ нея,—да въ дѣлахъ благочестія. Современники называютъ королеву святою «dziwnie pobozną, swiętą». Долгіе дни проводила она въ рукодѣльѣ, въ украшеніи различныхъ предметовъ церковной утвари; большія деньги жертвовала на убранство и постройку костеловъ. Ея стараніями построена каплица св. Креста при Краковскомъ соборѣ, многія зданія въ монастырѣ святого Михаила Архангела. По настоянію Елизаветы и благодаря ея взносамъ устроены были убѣжища для убогихъ, выстроено до 30 монастырей францисканцевъ и бернардиновъ. Особеннымъ уваженіемъ королевы пользовался орденъ святого Франциска. Только эта привязанность къ католической церкви и примиряла Елизавету съ католической Польшей; соединенныя же съ послѣдней православная западная Русь и Литва казались фанатичной королевѣ странами схизматиковъ и язычниковъ. Чуждая Польшѣ, славянству и Литвѣ, всю жизнь свою осталась королева истой нѣмкой, вѣрной поклонницей нѣмецкаго міра. Идеалы, стремленія, вкусы королевы—все это влекло ея сердце къ Западу.

Выдавая безъ разбору своихъ дочерей за нѣмецкихъ князьковъ, Елизавета противилась бракамъ ихъ съ королемъ венгерскимъ Матвѣемъ Корвиномъ

и съ господаремъ молдавскимъ. Востокъ, восточное вѣроисповѣданіе было предметомъ ея глубокой ненависти; все, что было чуждо нѣмецкой культуры, казалось ей презрѣннымъ. Ничтожный, порочный жестокій баварскій князекъ Георгъ, погубившій ея дочь Ядвигу, казался желаннымъ зятемъ, а славный король венгерскій заслужилъ названіе хлопа: «Iz Matyasz chlop, kurczek Woloszyn»—Матвѣй — это хлопъ, курченокъ волошскій! nie godzien jej—не годится ей!» А когда Александръ Казиміровичъ желалъ скрѣпить союзъ съ молдавскимъ господаремъ Богданомъ, выдавъ сестру свою, старая королева не дала согласія... и слышать не хотѣла, ибо онъ былъ господарь иной вѣры, то-есть православный, и если дала согласіе на бракъ Александра съ Еленой, то лишь изъ рабскаго послушанія римскому престолу. Но какими глазами она должна была смотрѣть на Елену Ивановну, какія чувства питать къ ней?

Несмотря на всю любвь свою къ мужу, Елизавета не съ большимъ уваженіемъ, скорѣе презрительно, отзывалась о родѣ Ягеллоновъ. Совѣтуя своему сыну Владиславу воспитать во внукѣ «привѣтливость» — она затѣмъ прибавляетъ: «должна тебѣ сказать откровенно, что нашъ родъ больше славы заслужилъ за свою общительность, чѣмъ знаменитыми подвигами». Даже самъ Шайноха нашелъ подобную характеристику черезчуръ... скромной. Но не будемъ слишкомъ строги къ старой королевѣ... Гдѣ ей было понимать богатырей Литвы: Гедимина, Ольгерда, Кейстута, Витовта и ихъ дѣла, когда сами природные литвины не цѣнили ихъ, а старались выводить свой родъ изъ Италіи (смотри со-

чиненіе Михалона). Елизавета и нѣкоторые современные ей литвины признавали исторію Литвы только съ Ягайла, а, конечно, за Ягайломъ кромѣ брака его съ Ядвигой... никакихъ знаменитыхъ подвиговъ «znamienitych czynow» не оказывается.

За 20 лѣтъ до описываемыхъ нами событій, осенью 1475 года, польская королевна Ядвига, сестра Александра Казиміровича, выходила замужъ за баварскаго герцога Георга. Описаніе ея въѣзда въ Landshut—Ландсгутъ, ея свадьбы и свадебныхъ пиршествъ дошло до насъ съ мельчайшими подробностями и даетъ интересныя данныя для сравненія между русской княжной и польской королевной.

Въ приданое польская королевна получила 32,000 дукатовъ и выѣхала изъ Кракова, окруженная польской и литовской свитой.

Передъ Ландсгутомъ встрѣтили ее многочисленные гости, между прочимъ цесаревичъ Максиміліанъ, пфальцграфы и другіе. Королевна ѣхала въ злаченой повозкѣ, украшенной на верху польской короной, запряженной восемью бѣлыми лошадьми въ шорахъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, и экипажа не мѣняла. На поклоны высокихъ гостей она отвѣчала наклоненіемъ головы и протянула имъ для пожатія руку изъ окошка. Лицо ея было закрыто густымъ покрываломъ; такими же покрывалами были закрыты лица нѣмецкихъ принцессъ, которыя сопровождали королевну въ кортежѣ. Наша Елена Ивановна и ея боярыни выгодно отличаются въ этомъ отношеніи: нигдѣ не говорится, что онѣ были покрыты—вплоть до уборки къ вѣнцу, когда впервые упомянуто покрывало свадебное.

До города повозка ѣхала тихо, окруженная съ лѣвой стороны польской свитой, а съ правой—баварцами.

Женихъ, его отецъ и самъ императоръ Фридрихъ III верхомъ на коняхъ дожидались поѣзда невѣсты у самаго въѣзда въ городъ, гдѣ паны высадили невѣсту. Наклоненіемъ головы привѣтствовали другъ друга женихъ и невѣста, но руки не подавали, а также и панамъ изъ свиты Ядвиги женихъ не подалъ руки и не привѣтствовалъ ихъ. Маркграфъ Альбрехтъ произнесъ привѣтственную рѣчь по-нѣмецки. Ядвига не понимала и не знала по-нѣмецки, и рѣчь маркграфа была ей переведена по-польски; и впослѣдствіи всѣ привѣтствія гостей и рѣчи ихъ переводились королевнѣ на польскій языкъ, а ея отвѣты — на нѣмецкій. Поѣздъ тронулся къ костелу.

Въ одной изъ каплицъ паньи сняли съ невѣсты верхнее платье и головной уборъ, надѣли вѣнецъ и повязку, шитую драгоцѣнными камнями, и прикололи тонкое покрывало; волосы были заплетены въ одну косу. Какъ видимъ, сборъ Ядвиги къ вѣнчанію почти тожественъ со сборами Елены Ивановны и также совершался въ церкви. Устроивъ все по обычаю родины, паньи и паны подвели Ядвигу къ главному алтарю. Все время королевна горько плакала и, идя отъ вѣнца, низко опускала голову и такъ тщательно закрывалась покрываломъ, что присутствующіе не могли разглядѣть ея лица. Въ тотъ же вечеръ и въ послѣдующіе во дворцѣ происходили обѣды и танцы. Молодая танцовала. Елизавета дочь свою нѣмецкому языку не выучила, но

танцамъ выучила и танцамъ нѣмецкимъ. Одѣта она была, по польскому обычаю, въ широкое платье съ откидными рукавами, съ вѣнцомъ и повязкой на головѣ. На слѣдующій день при принесеніи подарковъ молодая снова принуждена была обратиться къ переводчику, чтобы отвѣтить на привѣтственныя рѣчи, и въ отвѣтѣ своемъ особенно подчеркивала покорность и послушаніе мужу. Когда утромъ на слѣдующій день молодые отправились въ костелъ, Ядвига, одѣтая по-польски, не закрывалась на этотъ разъ покрываломъ, но очи по прежнему держала опущенными долу. Присутствующіе нашли польскую королевну красивой; особенное вниманіе обратили на ея руки и на тоненькіе пальчики; наивныя слова: «dziwnie piekna ręke, o dlugich cienkich palcach»... приводятъ на память слова русской пѣсни «а и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки».

Робкое поведеніе польской королевны, убитый видъ и незнаніе языка нѣмецкаго бросаютъ невыгодный свѣтъ на то, какъ воспитывала своихъ дочерей прославленная королева педагогъ!

Мы уже упомянули, что вмѣстѣ съ королевой Елизаветой и ея дочерьми въ Вильну пріѣзжалъ и братъ Александра, кардиналъ Фридрихъ. Скажемъ о немъ нѣсколько словъ. Фридрихъ не обладалъ ни способностями, ни умомъ и полную свою несостоятельность въ занятіяхъ государственными дѣлами проявилъ неумѣлымъ правленіемъ въ Польшѣ въ отсутствіе Александра. Кардинальская шапка не заставила его измѣнить излюбленный образъ жизни, и распущенность Фридриха возмущала современниковъ и доставила ему нелестную славу въ потом-

ствѣ. Разгульная жизнь требовала большихъ денежныхъ средствъ, и кардиналъ не пренебрегалъ никакими средствами. Въ Римѣ были недовольны его корыстолюбіемъ, отъ котораго страдала папская казна. Стрыйковскій характеризуетъ Фридриха слѣдующими словами: «былъ онъ роста высокаго, исполненъ важности; разума ничтожнаго; въ пьянствѣ и безобразіяхъ проводилъ жизнь», отчего и умеръ въ 1503 г. —Надменность Фридриха, упомянутая Стрыйковскимъ, очень характерна, потому что ее испытала на себѣ и Елена Ивановна. Положеніе Фридриха, какъ представителя Рима, уже даетъ намъ понятіе объ отношеніи кардинала къ своей невѣсткѣ, какъ къ православной. Мы увидимъ, какую роль сыгралъ Фридрихъ въ жизни Елены Ивановны, а пока удовольствуемся ея же словами, что отъ кардинала она терпитъ не мало «укоризны» за свой греческій законъ.

Глава составлена по слѣдующимъ пособіямъ: Шайноха, Czkice historyczne» т. II, 1876 г., Zeissberg, «Kleinere Geschichtsquellen Polens» 1877 г.; Narbutt «Dzieje narodu litewskiego» т. 8. 1841 г.; Стрыйковскій, «Chronica»; Бобжинскій, «Очеркъ исторіи Польши» т. II; статья Bostel'a въ «Encyklopedya powszechna» на букву А.; см. также у Васильевскаго, «Исторія Вильны»; у Ярушевича, «Ревнитель православія князь К. И. Острожскій» 1897 г.

IX.

Первые годы замужества. 1495—1498.

Елена Ивановна, присматриваясь къ мужу, къ его роднѣ, къ новой обстановкѣ, не могла не почувствовать трудности своего положенія: она не была желанной гостьей въ великокняжескомъ дворцѣ и въ семьѣ Елизаветы австрійской. Православіе Елены Ивановны создало ей иное положеніе чѣмъ то, въ которомъ находились, обыкновенно, литовскія великія княгини католички. Ея жизнь и дѣятельность невольно должны были принять политическую окраску, выйти за предѣлы семейнаго и чисто-хозяйственнаго круга. Много потребовалось такта, осторожности, твердости характера отъ московской княжны, чтобы съ достоинствомъ носить титулъ великой княгини литовской и королевы польской.

На первыхъ порахъ своего пребыванія въ Вильнѣ Елена Ивановна была окружена, можно сказать, тѣсной стѣной московскихъ людей. Съ ней пріѣхали, какъ мы знаемъ, бояре: Ряполовскій, Русалка, ихъ жены; дьяки Пѣшковъ и Кулешинъ; священникъ Ѳома и другія духовныя лица; цѣлый рядъ должностныхъ лицъ какъ-то: околничьихъ, постельничьихъ; множество дѣтей боярскихъ и не менѣе того слугъ. Эта многочисленная свита пробыла въ Вильнѣ, согласно

уговору, около двухъ мѣсяцевъ. Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ позаботился уже 3 февраля послать къ Еленѣ Ивановнѣ новыхъ лицъ: боярина, князя Ромодановскаго съ женой и подьячаго Котова. По уговору съ Александромъ они должны были остаться въ Литвѣ дольше первыхъ—до тѣхъ поръ, пока Елена Ивановна не привыкнетъ къ своей новой родинѣ. Одежда московскихъ людей была русская, ихъ привычки, обычаи—тоже; русскіе повара и хлѣбники вводили русскую кухню. Среди этихъ близкихъ людей отдыхала Елена Ивановна послѣ блестящей, но холодной и чуждой ей атмосферы новаго придворнаго быта. Вліяніе бояръ сказывалось и на первыхъ шагахъ ея дѣятельности. По совѣту Ивана Васильевича она должна была выбрать надежнаго человѣка и первымъ дѣломъ установить возможно скорую и удобную переписку съ отцомъ обо всѣхъ дѣлахъ, ея касающихся. Бояре, съ своей стороны, тоже старались угодить Ивану Васильевичу и потому онъ былъ прекрасно освѣдомленъ обо всемъ. Зная или угадывая враждебныя отношенія къ дочери вдовствующей королевы Елизаветы и кардинала Фридриха, Иванъ Васильевичъ освѣдомлялся, не надо ли ему послать имъ подарки, и допытывался у Александра, въ какихъ отношеніяхъ онъ находится къ своимъ братьямъ *)?

Посольства изъ Москвы и обратно шли за посольствами: съ февраля по май 1495 года ихъ бы-

*) Отдѣльныхъ ссылокъ на переговоры Ивана Васильевича съ зятемъ, на его переписку съ дочерью мы не дѣлаемъ. Всѣ данныя взяты изъ Сборника Императ. Русск. Историч. Общества т. 35 1882 г. за 1495, 1496—1500, 1505 годы.

ло 5. Благодаря имъ Елена Ивановна безпрестанно получала вѣсти изъ родительскаго дома, поклоны, подарки и, конечно, тайныя рѣчи отца. Примѣромъ такихъ поклоновъ можетъ служить посольство Микулы Ангелова въ 1497 г. «А се говорилъ... Иванъ, Божіею милостью государь всеа Русіи... тобѣ... дочери своей, велѣлъ поклонитися... велѣлъ твое здоровье видѣти... Да поминокъ подати, корабелникъ»... Далѣе слѣдуетъ поклонъ и поминки отъ матери, снохи, брата Василья, брата Дмитрія, племянника Дмитрія; затѣмъ отъ сестеръ: «сестра твоя... велѣла челомъ ударити... да поминокъ подати». Иногда, вмѣсто корабелника, посылалась камка, соболь или не поименовывалось и писалось: «а поминки писаны въ казнѣ». Съ помощью этихъ посольствъ Иванъ Васильевичъ силился удержать дочь подъ своей опекой, руководя ею и зятемъ какъ въ частной жизни, такъ и въ политикѣ, ибо властный Московскій государь не отрицалъ у дочери-княгини права участія въ политическихъ дѣлахъ своего мужа,—фактъ интересный: онъ раскрываетъ намъ собственный взглядъ Ивана Васильевича на Софію Ѳоминишну, какъ на свою жену и помощницу, и на его отношенія къ ней въ вопросахъ политическихъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы представился удобный къ тому случай. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ 1495 года Александръ просилъ помощи у тестя противъ хана Менгли-Гирея, и литовскій посолъ, кромѣ Александровой грамоты, привезъ также грамоту Елены Ивановны, какъ ходатайницы въ пользу мужа. Ивану Васильевичу не показалось страннымъ вмѣшательство дочери и

въ августѣ того же года онъ обстоятельно отвѣчалъ ей и выслалъ ей списокъ съ тѣхъ рѣчей, что далъ послу Александра,—и такъ поступалъ во всѣхъ случаяхъ, извѣщая дочь о каждомъ почти дѣлѣ. Такъ онъ писалъ, что хлопочетъ о союзѣ ея мужа съ ханомъ Менгли-Гиреемъ и Стефаномъ молдавскимъ: «тебѣ то да вѣдомо было». Онъ сообщалъ ей свои предположенія о турскихъ послахъ и поручалъ похлопотать у мужа объ ихъ пропускѣ въ Москву. Мало того,—онъ совѣтуетъ дочери повліять на мужа, чтобы не давалъ брату Сигизмунду удѣла въ государствѣ, отчего происходятъ нестроенія, и ссылается на примѣры русской земли, о которыхъ Елена Ивановна кое что слышала, а кое что видѣла и помнила лично. «Ино, дочи, слыхалъ язъ каково было нестроенье въ Литовской землѣ, коли было государей много, а и въ нашей землѣ слыхала еси, каково было нестроенье при моемъ отцѣ, а опослѣ отца моего, каковы были дѣла и мнѣ съ братьею, надѣюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь, и только Жыдимонтъ будетъ въ Литовской землѣ, ино вашему которому добру быти? И язъ приказываю... того дѣля (ради того), что еси дѣтя наше!..

Еленѣ Ивановнѣ вполнѣ была извѣстна переписка отца и мужа съ ханомъ крымскимъ и она сама лично получила грамоту отъ хана Менгли - Гирея. Немудрено, что первое время она сильнѣе подчинялась отцу и боялась дѣйствовать самостоятельно. Эманципація ея отъ отца шла медленно, шагъ за шагомъ, сначала робко, потомъ смѣлѣе.

Мы говорили уже выше, что она носила первое время русскую одежду. Александру это не нравилось и

онъ настаивалъ на томъ, чтобы жена перемѣнила русское платье на литовско-польскій костюмъ. Великая княгиня исполнила желаніе мужа не безъ страха передъ отцомъ и желала прежде списаться съ послѣднимъ—спросить его мнѣніе. Александръ не допустилъ переписки и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствія тестя, а въ маѣ 1495 года литовскій великій князь сталъ уже поговаривать объ отъѣздѣ московскихъ людей. Иванъ Васильевичъ не согласился, и бояринъ князь Ромодановскій пробылъ до августа 1495 года.

Положеніе московскихъ людей, по словамъ Ромодановскаго, было однако незавидное: ихъ старались отдалять отъ великой княгини, замѣняя панами-католиками, чинили имъ всякія обиды и притѣсненія. Со своей стороны Александръ жаловался на самовольное поведеніе москвичей. Какъ бы то ни было,—но Еленѣ Ивановнѣ выпало на долю не мало хлопотъ примирять непримиримыя стороны! А тутъ еще отецъ поручалъ ей оберегать московскихъ людей, слѣдить за чистотой ихъ вѣры, не позволять имъ родниться съ католиками...

Лѣтомъ 1495 года Елена Ивановна объѣхала съ мужемъ западно-русскія области. Эта поѣздка была ей очень полезна, и оставила въ ней глубокій слѣдъ: она ознакомилась воочію съ новымъ своимъ отечествомъ, приглядѣлась къ русскому обществу, познакомилась съ самыми выдающимися лицами русско-литовской партіи, прислушалась къ ихъ надеждамъ и упованіямъ и могла сама усмотрѣть, насколько эти упованія сходятся съ идеалами Москвы и насколько разнятся; наконецъ она увидала на дѣлѣ положеніе

православной церкви. Великій князь, отказавшись по случаю этой поѣздки отъ приглашенія брата Яна Альбрехта на сеймъ, объѣзжалъ исключительно русскіе города по восточной окраинѣ своего государства, Стрыйковскій говоритъ слѣдующее: «Александръ ѣздилъ съ женою, панами-радой въ объѣздъ по пограничнымъ русскимъ земламъ; былъ въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Минскѣ, Оршѣ» и др. городахъ [23]). Быть-можетъ, цѣлью поѣздки Александра Казиміровича былъ осмотръ оборонительныхъ силъ государства

Вернувшись изъ путешествія по странѣ съ запасомъ новыхъ свѣдѣній и личныхъ впечатлѣній, великая княгиня могла уже нѣсколько оріентироваться и начать дѣйствовать болѣе самостоятельно.

Къ этому времени ей пришлось разстаться со своей московской свитой. Бояринъ князь Ромодановскій въ августѣ мѣсяцѣ уѣхалъ, оставивъ, по наказу Ивана Васильевича, священника отца Ѳому, двухъ дьяковъ и двухъ сытниковъ, а хлѣбниковъ и поваровъ Иванъ Васильевичъ хотѣлъ прислать новыхъ изъ Москвы. Но помимо этихъ лицъ оставалось въ Вильнѣ не мало москвичей, частныхъ лицъ, обосновавшихся съ той поры въ столицѣ Литвы, такъ напримѣръ, упоминаются братья Семичевы, не разъ ѣздившіе послами въ Москву отъ лица Елены Ивановны; нѣкоторыя и другія лица, родомъ москвичи, устроились въ Вильнѣ и вели дѣятельныя частныя сношенія съ Еленой Ивановной. Оффиціальный же придворный ея штатъ къ концу 1495 года сталъ формироваться изъ числа мѣстныхъ литовско-русскихъ людей. Появились паны и паньи; появились литовскіе слуги; наконецъ, появились и литовскія должностныя лица.

Польско-литовскіе писатели обвиняютъ московскаго государя въ скаредности и въ томъ, что онъ не далъ за дочерью приданаго; въ посольскихъ же бумагахъ мы читаемъ, что съ Еленой Ивановной было отправлено не мало имущества и денегъ, списокъ коихъ былъ переданъ дьяку Кулешину. Противорѣчіе этихъ извѣстій легко согласить.

Иванъ Васильевичъ, конечно, не далъ за дочерью недвижимаго имущества: ни городовъ, ни селъ, ни какихъ-либо земель и волостей; Александръ же Ягеллоновичъ и его паны-рада, повидимому, мечтали о такомъ именно приданомъ, разсчитывая съ помощью его вернуть утерянное войной. Такого рода приданое щедро раздавали на западѣ Европы крупные и мелкіе владѣтели, но, къ великому огорченію Литвы, его-то именно и не далъ за дочерью московскій великій князь. Въ этомъ случаѣ онъ оказался выше своихъ западныхъ сосѣдей! Но трудно повѣрить, чтобы Иванъ Васильевичъ не далъ за дочерью денегъ, нарядовъ, драгоцѣнностей. Великій князь, напротивъ, щедро наградилъ свою дочь и, конечно, онъ-то и положилъ начало громадному имуществу Елены Ивановны, которое оказалось послѣ ея смерти; къ тому же и факты на лицо: не будь у ней своихъ денегъ, не могла бы она въ 1496 году перекупать жемчуга и явиться въ этомъ случаѣ соперницей своего отца? Сами польскіе писатели говорятъ, что дорого заплатилъ впослѣдствіи Сигизмундъ за «драгоцѣнные черевички» Елены Ивановны, когда изъ-за ея приданаго началъ войну съ Василіемъ, ея братомъ. Что у Елены Ивановны было довольно имущества и денегъ по ея пріѣздѣ въ Вильну, мы

находимъ доказательства и въ ея перепискѣ съ отцемъ. Напримѣръ: мужъ не спѣшилъ надѣлять ее волостями; мало того, она пишетъ отцу, что онъ даже не даетъ ей денегъ на жалованье боярамъ и паньямъ; она жалуетъ ихъ сама, слѣдовательно изъ своей приданой казны. «А вѣдь мнѣ не далъ князь великій (т. е. мужъ) еще ничего, чѣмъ кого жаловати, дву ли, трехъ ли пожаловалъ, а иныхъ язъ собою жалую». (Великимъ княземъ называла Елена Ивановна мужа, а отца—отецъ и государь мой или же, въ разговорѣ съ послами, батька мой). Она знала также, что литовскія великія княгини всегда владѣли волостями; тотъ же примѣръ она видѣла и на Москвѣ, въ лицѣ своей матери Софіи Ѳоминишны. Скупость мужа разобидѣла ее; она осталась недовольна поведеніемъ мужа и свое недовольство высказывала отцу въ письмахъ. Такъ осенью 1497 года она жалуется ему, что била мужу челомъ о волостяхъ, которыя были за литовскими княгинями, онъ же отказывалъ, ссылаясь на захватъ ея территоріи отцомъ (ясно о какомъ приданомъ шла рѣчь). Впослѣдствіи она добилась возстановленія своихъ правъ на волости, но не вдругъ, а мало-по-малу; до тѣхъ же поръ пріобрѣла покупкой нѣкоторыя имѣнія; такъ намъ извѣстно, что въ 1496 году она владѣла, между прочимъ, имѣніемъ Жагоры, пріобрѣтеннымъ за деньги. Покупка земель новое доказательство значительности даннаго ей приданаго деньгами; оно-то дало ей возможность на свои собственныя средства пережить первые трудные годы замужества.

Иванъ Васильевичъ письменнымъ документомъ

обезпечилъ свободу вѣроисповѣданія своей дочери; Александръ обязался не нудить ее въ римскій законъ и, будучи связанъ присягой, относился къ этому вопросу болѣе серьезно; другое дѣло—вопросъ о постройкѣ церкви въ переходахъ дворца: здѣсь дѣло ограничилось одними словесными рѣчами, просьбами и обѣщаніями, и литовскій великій князь не счелъ себя связаннымъ ими. Церковь и не думали строить, а тѣмъ временемъ шла исподволь замѣна московской свиты лицами польско-литовскаго происхожденія и римскаго закона. Понятно, какъ отнесся Иванъ Васильевичъ къ такому презрительному отношенію къ его личнымъ желаніямъ и просьбамъ и какъ глубоко оскорбился поведеніемъ зятя, который, въ довершеніе всего, отказался признавать за нимъ титулъ «Государя всея Руси».

Политическій барометръ сталъ быстро падать и предвѣщалъ наступленіе бури.

Какъ же отнеслась къ этимъ вопросамъ сама Елена Ивановна? Они видимо озабочивали ее и она вела по поводу ихъ дѣятельную переписку съ отцомъ, отъ коей дошли до насъ только письма Ивана Васильевича, отвѣты же Елены Ивановны намъ извѣстны лишь постольку, поскольку они просвѣчиваютъ изъ писемъ отца. Переговоры насчетъ постройки церкви велись съ февраля 1495 года вплоть до 1499 года, но безъ всякаго результата въ пользу великой княгини. Между прочимъ, въ 1499 году, она писала отцу, что давно бьетъ мужу челомъ о церкви, о панахъ и паньяхъ, била ему челомъ еще въ августѣ 1495 года, но что Александръ отвѣтилъ ей то же, что Ивану Васильевичу, ссылаясь на указы преды-

дущихъ государей, и дѣло съ тѣхъ поръ не подвинулось впередъ. Отговорки Александра сводились преимущественно къ ссылкѣ на указы Казиміра, его отца, не дозволявшіе строить и поправлять православные храмы. Эта отговорка была несостоятельна уже потому, что указы не всегда исполнялись: въ Вильнѣ Солтанъ, при Казимірѣ, построилъ придѣлъ Благовѣщенія къ Пречистенскому собору, князья Слуцкіе—у себя въ монастырѣ, а къ 1500 году Ходкевичи основали даже новый монастырь. Иванъ Васильевичъ прекрасно зналъ эти факты и выставилъ ихъ на видъ зятю,—узналъ же такъ быстро (въ томъ же году), конечно, чрезъ посредство дочери.

Вопросъ о придворной церкви былъ не пустой вопросъ: не даромъ обѣ стороны такъ упорно стояли на своемъ. Ясно, почему добивался его рѣшенія Иванъ Васильевичъ, почему хотѣла того же Елена Ивановна: постройкой церкви въ замкѣ, литовское правительство открыто признало бы православіе великой княгини, сдѣлало бы воочію православную церковь равноправной съ римской. Для русскихъ людей это было бы побѣдой! Пока же церкви для великой княгини не строили, литовское правительство только какъ бы мирилось молча съ существующимъ фактомъ, но не узаконяло его.

Обѣ стороны понимали политическое значеніе даннаго вопроса и упорно стояли на своемъ.

Другимъ вопросомъ, причинявшимъ не мало хлопотъ, былъ вопросъ о составѣ придворнаго штата.

На замѣчанія Ивана Васильевича, что Александръ окружилъ жену преимущественно католиками, зять двусмысленно отвѣтилъ, что не придаетъ вѣроиспо-

вѣдному вопросу большого значенія, выбирая людей надежныхъ и смышленыхъ. Александръ продолжалъ дѣлать по своему, тесть сердился, Елена Ивановна била челомъ мужу, но изо всего этого ничего не вышло. Тогда, въ 1497 году, Иванъ Васильевичъ предложилъ дочери прислать ей старую боярыню изъ Москвы. До слуха его дошло, что одна изъ пань досаждаетъ великой княгинѣ; онъ и предложилъ замѣнить ее русской изъ Москвы. Елена Ивановна, должно быть, отвѣчала уклончиво (къ сожалѣнію этого письма нѣтъ), потому, что Иванъ Васильевичъ, негодуя на нее, ворчалъ: я тебя спрашивалъ про старую боярыню: прислать ли? «а ты ко мнѣ отказала ни такъ, ни сякъ». Припертая къ стѣнѣ, великая княгиня отвѣтила рѣшительно, что, если отецъ желалъ ей прислать эту боярыню, то долженъ былъ это сдѣлать раньше, когда имѣлъ на то право по уговору, а теперь уже поздно. «Великій князь, мужъ мой, говоритъ: пришлетъ батька боярыню и попа не уговорившись со мной—назадъ отошлю. Да наконецъ, чѣмъ мнѣ боярыню эту будетъ жаловать? Вѣдь великій князь, мой мужъ, ничего еще мнѣ не давалъ, чѣмъ бы мнѣ жаловать приближенныхъ; пожаловалъ двухъ, трехъ, остальныхъ я сама жалую (слѣдовательно, изъ своей казны приданой, и лишнихъ особъ не могу держать). А пришлетъ отецъ мой боярыню, то какъ ее держать и какъ ей съ здѣшними сидѣть?» Гдѣ было Еленѣ Ивановнѣ мирить боярыню съ паньями, когда и безъ того у нея были паньи и боярыни восорки, то есть озорницы. Но, успокаивая отца, увѣряя, что ничего серьезнаго нѣтъ, она прибавила про одну изъ такихъ особъ

съ несноснымъ сварливымъ характеромъ, что была «одна восорка посажена», но и она уже «тишаетъ».

Это любопытное письмо отъ ноября 1497 года, по счастью уцѣлѣвшее, живо рисуетъ трудность положенія Елены Ивановны между двухъ огней и ея старанія согласовать, по возможности, требованія отца съ желаніями мужа. Несмотря на всю свою любовь къ русскому племени и приверженность къ греческому закону, она хорошо понимала, что будучи великой княгиней литовской, то-есть въ странѣ, гдѣ жили бокъ о бокъ два племени и вѣроисповѣданія, она должна была имѣть представителей отъ обоихъ и должна была ухитряться ладить со всѣми. Она такъ и поступала всегда: не чуждалась католиковъ, была терпима и проста въ обхожденіи. Тѣмъ не менѣе въ главномъ вопросѣ о своемъ личномъ вѣроисповѣданіи она высказала впослѣдствіи такую несокрушимую твердость, что передъ нею спасовалъ самъ римскій престолъ.

Тогда же, въ ноябрѣ 1497 года, Иванъ Васильевичъ, обезпокоенный перемѣнами при дворѣ дочери и ея податливостью на просьбы мужа, поручилъ послу своему Микулѣ Ангелову справиться: «Коли поютъ у великія княгини у Олены, и она на пѣтьѣ стоитъ ли?» То-есть: бываетъ ли богослуженіе у Елены Ивановны? Посѣщаетъ ли она церковныя службы?

Видя, какъ тревожится отецъ на ея уступки и послабленія, какъ боится и не довѣряетъ ея твердости въ вѣрѣ, она отвѣчаетъ: «А что отецъ мой говоритъ, што я наказъ его забываю, ино бо то себѣ отецъ мой *и на сердцѣ не держалъ*, што мнѣ наказъ его забыть; нольны (развѣ) меня въ животѣ не бу-

детъ, тожъ (только тогда) наказъ отца своего забуду». Въ этихъ сжатыхъ словахъ искусно соединяется твердость и сила убѣжденія съ нѣжностью чувствъ и выраженій.

Но тому же Микулѣ Ангелову она прибавила словесно: «Язъ хотѣла великому князю говорити, ино отецъ мой ко мнѣ листы присылаетъ тайно, а мнѣ великому князю сказывати».

Отсюда можно видѣть, что Елену Ивановну тяготила тайная переписка съ отцомъ, что она считала ее вредной для самого дѣла; другими словами, она желала болѣе самостоятельности въ дѣйствіяхъ и болѣе довѣрія къ себѣ со стороны отца. Эти слова даютъ выгодное понятіе объ умѣ великой княгини, но они же благопріятны и для ея отца, который безъ раздраженія выслушивалъ смѣлыя сужденія дочери, выслушивалъ даже критику своихъ дѣйствій. Недаромъ бояре говорили о немъ впослѣдствіи, что съ нимъ весело было служить, ибо онъ не боялся чужого ума, любилъ споръ и противорѣчіе [24]).

Въ заключеніе, выгораживая мужа передъ отцомъ, великая княгиня прибавила: «а вѣдь поваровъ ко мнѣ прислалъ и я ихъ приняла, а князь великій (то-есть мужъ мой) и про то не говорилъ ничего».

Съ этимъ же посольствомъ Микулы Ангелова, въ ноябрѣ 1497 года, были ей присланы многочисленные поклоны отъ всѣхъ лицъ великокняжеской семьи и значительные подарки, которымъ былъ приложенъ списокъ. Но всего любопытнѣе это то, что съ Ангеловымъ было прислано 13 книгъ изъ Москвы. «Да книги явити, а молвити: отецъ твой, госпоже, послалъ тебѣ 13 книгъ». Какія же то были книги, мы

можемъ видѣть отчасти изъ приводимой ниже описи Супрасльскаго монастыря, отчасти изъ слѣдующихъ словъ историка церкви м. Макарія: «Въ литовской духовной семинаріи находятся въ спискахъ XV в..... Сборникъ (№ 14)... въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ въ первой содержатся житія святыхъ, преимущественно русскихъ, а во второй службы Святымъ... русскимъ. Сборникъ писанъ въ 1461—1465 г. и присланъ Еленѣ Ивановнѣ въ числѣ 13 книгъ». Житія были: напр., св. Петра, св. Алексія, Варлаама Хутынскаго и др.[25]).

До сихъ поръ Софья Ѳоминишна ограничивалась только тѣмъ, что въ письмахъ мужа присоединяла свои поклоны и подарки дочери и зятю. Здѣсь же, въ ноябрѣ 1497 года впервые встрѣчаемся съ ея письмомъ къ дочери. Насколько письма Ивана Васильевича обширны, подробны, задушевны, наполнены думами и заботами о судьбѣ дочери, объ ея отношеніяхъ къ мужу, полны тревогъ и сомнѣній насчетъ твердости ея въ вѣрѣ — съ каждымъ посольствомъ шлются горячія заклинанія не забывать отцовскаго наказа,—настолько письмо Софіи Ѳоминишны коротко и, если нельзя сказать, чтобы совсѣмъ холодно, то все же очень спокойно и невозмутимо. Ее видимо интересуетъ одинъ лишь вопросъ: не беременна ли дочь? Объ этомъ узнала она отъ братьевъ Семичевыхъ, посланцевъ Елены Ивановны. Однако по письму нельзя окончательно рѣшить, сама ли Елена Ивановна поручила Семичевымъ сообщить объ этомъ матери, или Семичевы передали Софіи Ѳоминишнѣ только слухи, ходившіе при дворѣ. «Да сказывали, дочка, твои робята Семичевы, что ты,

далъ Богъ, беремянна, и язъ къ тебѣ приказывала съ тѣми же твоими робяты, чтобы еси ко мнѣ о томъ отписала; а ты ко мнѣ и до сѣхъ мѣстъ (до сихъ поръ) не отписывала; и ты бы нынѣча ко мнѣ о томъ отписала, беремянна ли еси, и какъ свое время чаешь, о которыхъ днехъ, о томъ бо еси дочка, о всемъ отписала; да и о иныхъ о своихъ дѣлехъ... А что ти будетъ пригоже (хорошо) и свое приказати, и ты бы ко мнѣ и своимъ приказала съ Никулою съ Ангеловымъ».

Отвѣтъ отъ Елены Ивановны къ матери, какъ и большинство другихъ, до насъ не дошелъ.

Въ это время при Еленѣ Ивановнѣ московскихъ людей уже не было: они давно уѣхали; за ними вскорѣ послѣдовалъ священникъ. По словамъ Ивана Васильевича у дочери его оставалась только одна «женка» греческаго закона, пріѣхавшая съ нею въ Литву, слѣдовательно москвичка, можетъ быть, нѣчто въ родѣ старой мамушки или няни, воспитавшей ее съ дѣтства и послѣдовавшей за своей питомицей на чужбину; сверхъ того были низшіе служителя какъ то: повара, сытники, хлѣбники. Въ канцеляріи ея числились подьячій великой княгини Федоръ Шестаковъ, православный бѣлоруссъ—онъ сыгралъ, какъ увидимъ далѣе, значительную роль въ трудное для нея время,—братья Семичевы, москвичи, для дипломатическихъ порученій, а изъ крупныхъ должностныхъ лицъ, охмистръ Войтехъ Клочко; ко времени своего назначенія въ 1495 году онъ былъ холостъ, почему и забрацованъ Иваномъ Васильевичемъ, но тщетно.

Изъ этой обстановки видимъ, что Александръ на

первыхъ порахъ, несмотря на давленіе католической партіи, жалѣя молодую жену, щадилъ ее и дѣлалъ снисхожденіе. Великая княгиня, видѣвшая воочію весь неукротимый фанатизмъ полонофиловъ и католическаго духовенства, видѣвшая, сколько самъ Александръ лично терпѣлъ отъ нихъ изъ за нея, чрезвычайно цѣнила вниманіе къ ней мужа и защищала его передъ отцомъ. Въ 1497 г. писала «А князь великій меня жалуетъ государь мой. А отецъ бы мой собѣ на сердцѣ не держалъ ничего, доколѣ дай Богъ здоровъ онъ былъ, никоторая ми рѣчь отъ него... а о чемъ ему бію челомъ, и онъ жалуетъ». Однако, опасаясь вліянія тестя на свою жену, Александръ приставилъ къ ней канцлеромъ Ивана Семеновича Сапѣгу, литвина родомъ, православнаго исповѣданія, но склоннаго къ уніи: ему поручено было завѣдывать канцеляріей великой княгини и слѣдить за ея сношеніями съ отцомъ. Кромѣ этихъ лицъ упоминается еще Янъ, «сынъ Николаевъ, Меншой», вѣроятно, сынъ виленскаго воеводы Николая Радивила. Ему было поручено состоять при особѣ великой княгини: обѣдъ ставить и пить подавать. Его отецъ былъ одинъ изъ главарей католической партіи, которая въ сынѣ имѣла своего представителя при особѣ великой княгини.

Женскій придворный штатъ могъ составиться изъ боярынь и пань, встрѣчавшихъ ее при въѣздѣ въ Вильну, то были: жена виленскаго воеводы Радивила, Софія, урожденная княжна Заславская, жена князя Александра Отоксты, жена Мартина Гаштольда, жена Богданова—не Богуша ли Боговитиновича? Послѣдняя была православная. Тѣмъ удоб-

нѣе имъ было состоять при великой княгинѣ, что ихъ мужья имѣли собственные дворцы въ Вильнѣ и живали тамъ по-часту и по-долгу. И Иванъ Васильевичъ и полонофилы остались недовольны составомъ придворнаго штата.

Итакъ всѣ усилія Ивана Васильевича и Елены Ивановны оказались безуспѣшными: литовское правительство было настроено боевымъ образомъ противъ православной церкви, которая нереживала трудное время. Дѣло въ томъ, что рѣшеніе вопроса зависѣло не отъ Александра и даже не отъ пановъ-рады; они сами были лица второстепенныя, зависимыя; ихъ настоящіе владыки и истинные вершители вопроса обрѣтались въ Римѣ; о неумолимый «non possumus» послѣднихъ разбились всѣ усилія даже лучшихъ гуманныхъ польскихъ королей!

Римъ не оставлялъ своей завѣтной мечты призвать въ лоно католической церкви русскихъ, и XV—XVI вѣка изобилуютъ проектами римской куріи. Если для восточной Руси папы прибѣгали къ утопіямъ, подобнымъ браку Софіи Ѳоминишны, то къ западной Руси они примѣняли другія мѣры: прямое воздѣйствіе на государей Литвы. Подъ такимъ давленіемъ папъ Казиміръ издалъ два указа, оскорбительныхъ для православной церкви и русскихъ людей: поселилъ въ Литвѣ, въ 1468 году, орденъ бернардиновъ. Александръ, его сынъ, видѣвшій въ бракѣ съ московской княжной спасеніе своего государства, самъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своего брата, кардинала Фридриха; онъ велъ дѣятельную переписку съ Римомъ по дѣлу о бракѣ и, только получивъ разрѣшеніе папы, подписалъ грамоту о свободѣ вѣроисповѣданія жены. Но въ то

время, когда Александръ сватался за православную княжну, папа въ буллѣ къ шведскому королю даетъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто участвуетъ въ походѣ противъ схизматиковъ русскихъ; въ то же самое время братья миноритъ вносятъ въ свои записки, что они находятся въ Литвѣ для апостольской миссіи [24]). Со дня пріѣзда московской княжны возникаютъ долгіе споры среди католическаго духовенства: надо ли или нѣтъ перекрещивать схизматиковъ, присоединяя ихъ къ католичеству? [26]). Указы Казиміра, если не de facto, то de jure оставались въ силѣ; самъ Александръ въ 1495, 1496 и 1497 годахъ издавалъ указы, неблагопріятные для русской церкви. Онъ взялъ нѣсколько церквей и монастырей на свое великокняжеское подаванье и на подаванье частныхъ лицъ—католиковъ; онъ подыскивалъ среди русскаго духовенства людей, склонныхъ къ уніи, и щедро награждалъ землями Іосифа Болгариновича, епископа смоленскаго, своего клеврета. Власть митрополита Макарія и его авторитетъ подрывались настолько, что съ нимъ, не стѣсняясь, спорило само духовенство виленскихъ церквей.

Митрополитъ Макарій не долго святительствовалъ. Архимандритъ Свято-Троицкаго монастыря, онъ въ 1494 единодушнымъ избраніемъ духовенства и народа былъ нареченъ митрополитомъ. Онъ встрѣтилъ Елену Ивановну при въѣздѣ ея въ Вильну; онъ былъ свидѣтелемъ ея вѣнчанія; онъ изрѣдка навѣщалъ Вильну, разъѣзжая по своей обширной митрополіи. Какъ ни были бѣдны церкви сѣвера, но онѣ находили богатыхъ покровителей: Слуцкіе, Ходкевичи, Солтаны и прочіе вносили за эти годы свои

не малыя лепты. Иначе обстояло на югѣ. Опустошаемая набѣгами татаръ, южная Русь долго не могла оправиться и храмы ея лежали, большею частью, въ развалинахъ; никто изъ святителей въ нее и не заглядывалъ. Найдя въ православной княгинѣ поддержку и щедрую жертвовательницу, митрополитъ рѣшилъ воспользоваться наступившими благопріятными обстоятельствами и началъ хлопотать о возстановленіи разоренныхъ тамъ церквей. Очень можетъ быть, что съ вѣдома и съ согласія Елены Ивановны, которую не могла не интересовать судьба Кіева, онъ вознамѣрился лично посѣтить древнюю столицу, поклониться ея святынямъ и принять мѣры къ ихъ возстановленію, но къ несчастію, на пути къ югу принялъ отъ руки татаръ мученическую кончину. «Никогда бо сіе случися въ Руской земли, яко нынѣ тому Архіерею Божію отъ поганыхъ». Это событіе должно было потрясти умы православныхъ людей; окружило ореоломъ память святителя, ревностно заботившагося о нуждахъ церкви и сложившаго за нее свою голову, а западная Русь получила въ немъ новаго мученика и ходатая за нее передъ Богомъ.

Наступили для церкви времена междуцарствія. Цѣлый годъ со смерти Макарія не выбирали ему преемника, а между тѣмъ этотъ преемникъ былъ уже давно намѣченъ Александромъ: то былъ смоленскій епископъ Іосифъ. Только въ 1498 году лѣтопись глухо отмѣчаетъ, что Александръ далъ митрополита западно-руской церкви—Іосифа. Происходило ли избраніе митрополита законнымъ порядкомъ? Не противилось ли духовенство и народъ желанію великаго князя?.. неизвѣстно. Лѣтопись молчитъ, одна-

ко тонъ разсказа о назначеніи обоихъ митрополитовъ, Макарія и Іосифа, сильно разнится между собою [27]). Нареченный митрополитъ не скоро получилъ утвержденіе константинопольскаго патріарха, а до той поры, даже въ 1499 году, онъ былъ въ глазахъ православнаго населенія только епископомъ смоленскимъ.

Около этого времени и обозначились первые робкіе шаги Елены Ивановны по отношенію къ православной церкви и на пользу русскаго населенія. Ея вліянію можно приписать тотъ фактъ, что вскорѣ послѣ кончины митрополита Макарія, въ маѣ 1497 года, Александръ уже въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года, желая прійти на помощь южному населенію, далъ привилегію кіевскимъ мѣщанамъ; въ ней говорилось, что вслѣдствіе частыхъ опустошеній отъ татаръ и разореній кіевскіе мѣщане освобождаются отъ платежа мыта повсемѣстно въ Литовскомъ государствѣ, и эта грамота, данная мѣсяцъ спустя послѣ кончины митрополита, скрѣплена охмистромъ великой княгини Войтехомъ Яновичемъ [28]). Въ 1496 году она жалуетъ Пречистенскому собору купленное ею имѣніе Жагоры; въ 1497 году выписываетъ изъ Москвы 13 книгъ, вѣроятно, частью для себя, а частью дла раздачи по церквамъ западной Руси. Въ 1496 году удерживаетъ у себя крестъ съ животворящимъ древомъ, который турокъ Ахматъ везъ Ивану Васильевичу. Такія святыни съ православнаго востока жертвовались потомъ князьями въ пользу церкви: безъ сомнѣнія и эта святыня получила, благодаря Еленѣ Ивановнѣ, то же назначеніе, но только въ пользу западной церкви. Къ этому же времени

могутъ относиться и болѣе крупныя пожертвованія на пользу церквей. Въ одной изъ стѣнныхъ башенъ нижняго замка находилась Покровская церковь. Широкая аллея вела къ ней. Эту церковь, ближайшую къ замку, избрала Елена Ивановна какъ свою домашнюю, дворцовую, и сюда то приходила она молиться. Первыя пожертвованія ея и относятся къ Покровской церкви: великая княгиня богато украсила ее. Къ этому же времени, къ концу XV в., относятъ извѣстіе, что Елена Ивановна построила небольшую деревянную церковь св. Духовскую.

Приглядѣвшись къ западно-русскому духовенству, она скоро поняла неудобство держать при себѣ московскаго священника, отца Ѳому. Уже весной 1495 года шли толки объ его отъѣздѣ изъ Вильны, но Иванъ Васильевичъ упорно настаивалъ на томъ, чтобы отецъ Ѳома остался; тѣмъ не менѣе Елена Ивановна удалила его отъ себя, спустя годъ, потому что въ 1497 году отвѣчала отцу, что онъ, Ѳома, «не мойской», то-есть, не по мнѣ, не изъ числа священниковъ ея подданныхъ, что у нея есть: «свой попъ, добре добръ, изъ Вильны». Слѣдовательно къ 1497 году она настолько уже освоилась съ туземнымъ духовенствомъ, что могла выбрать себѣ священника по душѣ изъ ихъ среды. Вызвать другого священника изъ Москвы она не пожелала подъ тѣмъ предлогомъ, что на Москвѣ она никого не знаетъ и, слѣдовательно, выбрать не въ состояніи. Это была, конечно, одна отговорка, а главная причина та, что, желая быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ западно-русскимъ духовенствомъ, она стѣснялась окружать себя одними москвичами; она и

среди западно-русскаго духовенства сумѣла найти ревностныхъ дѣятелей. Не даромъ польскій историкъ Бартошевичъ говоритъ, руководясь своей точкой зрѣнія: «na nieszęczscie Litwy poszukala sobie Ianaszu i Makarych [29]).

Простой здравый смыслъ подсказывалъ великой княгинѣ, что каковы бы ни были ея личные московскіе идеалы и симпатіи, она не могла и не должна была навязывать ихъ насильственно туземному населенію, которое, хотя православное по вѣрѣ и русское по племени, имѣло однако свою мѣстную политическую точку зрѣнія. Она отыскала среди охватившаго ее хаоса точку опоры, набрела на единственную возможную тропу и, разъ найдя ее, держалась твердо, не уступая ни отцу, ни мужу. Одинъ невѣрный шагъ въ ту или другую сторону и... ее бы снесло мутнымъ потокомъ политическихъ страстей и интригъ!

Собственно говоря, она примкнула къ политикѣ западно-русскихъ выдающихся дѣятелей, самымъ яркимъ представителемъ коихъ впослѣдствіи, при Сигизмундѣ I, былъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Она рѣшила свято хранить православную вѣру и, по мѣрѣ силъ и возможности, быть заступницей за русское населеніе, поддерживать добрыя отношенія съ Москвой, не нарушая вѣрности мужу и своему новому отечеству.

Таково было смутное, неопредѣленное положеніе вещей съ конца 1495 года по 1499 годъ, когда обѣ стороны приглядывались другъ къ другу. Но оно не могло долго длиться: накопившееся электри-

чество искало себѣ выхода и разразилось, наконецъ, бурей. Тяжелъ былъ въ жизни Елены Ивановны 1499 годъ. Рѣшался вопросъ, поставленный Римомъ ребромъ: быть ей или не быть православной?

Для составленія этой главы послужили слѣдующіе источники и пособія:

Акты, относ. къ исторіи западной Россіи, т. I; Сборникъ Императ. Русскаго Историч. общества, т. 35, 1882; Theiner, Monumenta Poloniae, т. II R. 1861; Monumenta Poloniae historica (pomniki dziejowe polski) т. V. Lwow, 1888 г.; Стрыйковскій, Chronica (польское изданіе); Археограф. сборникъ (Супрасльская лѣтопись). Макарій, Исторія русской церкви т. IX; Филаретъ, «Исторія церкви», изд. 6-е; Чистовичъ, «Исторія западно-русской церкви»; Bartoszewicz, Szkic dziejow kosciola ruskiego w Polsce. K. 1880; Нарбутъ, «Dzieje narodu litewskiego» т. 8; Карповъ, Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ. М. 1867; Арх. Іосифъ, Островоротная или Остробрамская икона Богородицы. В. 1890 г.

X.

Гоненія. Разрывъ съ Москвой. 1498—1499.

Что могло побудить литовское правительство сойти съ мирнаго пути, на которомъ оно держалось, хотя бы съ грѣхомъ пополамъ, въ первые годы послѣ брака Александра?

Главная причина кроется въ обычной заносчивости католическаго духовенства и давленіи извнѣ римской куріи: она не могла хладнокровно вынести даже временныхъ уступокъ въ пользу ненавистной и презираемой соперницы. Однако и другія политическія обстоятельства сошлись такъ заманчиво, что, пробудивъ надежду на успѣхъ, привели къ взрыву религіозныхъ страстей.

Скажемъ о нихъ нѣсколько словъ. Удачно пользуясь союзомъ и дружбой хана Менгли-Гирея, Иванъ III обезопасилъ русскія границы отъ разбоевъ крымцевъ и всю силу разбойничьей орды направилъ на Литву и Польшу. Александръ, вступая въ бракъ съ московской княжной, надѣялся, съ помощью тестя, войти въ дружбу съ Крымомъ.

Съ другой стороны крымскій ханъ былъ въ большей обидѣ на московскаго государя: ради дружбы съ нимъ крымцы щадили границы московской украйны, а теперь... не смѣй трогать ни Литвы, ни Польши! И ханъ слалъ грамоту за грамотой, полныя упрековъ по адресу коварнаго друга.

*

Если литовское правительство возлагало большія надежды на бракъ своего государя съ русской княжной, то и великій князь московскій не упускалъ случая извлечь изъ него выгоду для своего государства. Тотъ, кто умѣлъ пользоваться даже силами крымской орды, тотъ, конечно, могъ разсчитывать извлечь выгоду изъ мирныхъ отношеній къ Литвѣ. Повидимому, Иванъ Васильевичъ первое время такъ и смотрѣлъ на Литву и западную Русь.

Сдерживая Менгли-Гирея, онъ присматривался къ тому, какое направленіе приметъ политика Александра. Доказательствомъ тому служатъ частыя дипломатическія сношенія, совѣты дочери и зятю, молчаніе на упреки Менгли Гирея, и то обстоятельство, что съ 1495 по 1500 годъ крымская орда воздерживалась отъ массовыхъ опустошительныхъ нашествій. Историкъ Нарбутъ сознается, что Иванъ Васильевичъ настаивалъ у Менгли-Гирея щадить Литву до тѣхъ поръ, пока Александръ вѣренъ союзу съ Москвой. Были, правда, мелкія вторженія на Волынь и Украйну, но, судя по малому числу плѣнныхъ, это были просто наѣзды татарскихъ ускоковъ и разбойничьихъ шаекъ на свой страхъ, независимо отъ хана. Въ то время степи кишмя кишили авантюристами всякихъ національностей, которые, подъ прикрытіемъ татаръ, грабили своихъ соотчичей. Въ одинъ изъ такихъ налетовъ погибъ въ 1497 году митрополитъ Макарій ѣхавшій въ Кіевъ не съ пустыми руками.

Кто сумѣлъ сдерживать крымцевъ—сумѣлъ бы умиротворить Александра съ другимъ его сосѣдомъ Стефаномъ молдавскимъ, если бы на то было искреннее желаніе литовскаго государя. Посольскіе списки

доказываютъ, что искренняго желанія къ тому не было. 23 января и 19 мая 1496 года идетъ рядъ жалобъ Ивана Васильевича на то, что Александръ не пропускаетъ его пословъ въ Молдавію и не пропускаетъ изъ Турціи посла турецкаго; послѣдняго не пропустили и вернули назадъ, а ѣхавшаго съ нимъ турка Ахмата отправили въ Вильну, гдѣ Александръ отобралъ у него крестъ съ животворящимъ древомъ, жемчугъ и передалъ Еленѣ Ивановнѣ, которая жемчугъ оставила за собой, заплативъ купцу, что слѣдуетъ. На это обстоятельство Иванъ Васильевичъ не обидѣлся, хотя и припомнилъ впослѣдствіи; но на задержку пословъ сильно огорчился: «И намъ, брате, того велми жаль стало, что еси того посла къ намъ не пропустилъ»... Мало того онъ обратился съ жалобой къ дочери: я де стараюсь умиротворить твоего мужа съ Менгли-Гиреемъ и Стефаномъ, а онъ мнѣ на зло творитъ: «То ми, дочи, велми въ досаду стало, что того посла не пропустилъ...» и просилъ ходатайствовать о пропускѣ. Тотъ же Нарбутъ осуждаетъ Александра за безтактный вызывающій образъ дѣйствій, за неумѣніе употребить на пользу и благо Литвы союзъ съ Москвой и приписываетъ ошибки литовскаго государя давленію со стороны Польши и тайному соглашенію Ягеллоновъ. Тогда же, въ маѣ 1496 года, Михаилъ Кляпикъ, одинъ изъ пословъ, самъ видѣлъ, какъ Елена Ивановна при немъ читала грамоту хана Менгли-Гирея на ея имя. Въ грамотѣ ханъ писалъ о своемъ желаніи жить въ дружбѣ съ Александромъ и просилъ ее хлопотать у мужа о томъ же. Приблизительно къ осени 1496 года, Елена Ивановна отправила письмо къ отцу съ Алексѣемъ Семичевымъ, но что именно—неизвѣстно.

Въ посольскихъ книгахъ отъ 29 марта 1498 года есть ссылка на это письмо ея, присланное съ Алексѣемъ Семичевымъ. Иванъ Васильевичъ приводитъ только ея жалобы на мужа, что онъ не даетъ ей волостей за то, что отецъ ея удерживаетъ за собой завоеванные имъ у Литвы области и города: оттого де и мира не можетъ быть...—слова Александра...

И вдругъ 13 іюня 1497 года является къ Ивану Васильевичу въ первый разъ посломъ Иванъ Семеновичъ Сапѣга съ неожиданнымъ извѣстіемъ, что Александръ проситъ тестя прійти на помощь христіанству противъ поганства. Посмотримъ, что было на самомъ дѣлѣ?

Изъ предыдущей главы мы уже видѣли, что въ теченіи 1495 года Александръ искренно дорожилъ союзомъ съ Москвой. Благодаря ходатайству жены и вліянію тестя на Крымъ, ему удалось обезопасить границы своего государства; мало того онъ, подъ предлогомъ своего путешествія съ женой, отклонилъ приглашеніе Яна Альбрехта на сеймъ. Это, вѣроятно, обезпокоило католическую партію и полонофиловъ, опасавшихся возраставшаго вліянія тестя и молодой жены, которую Александръ искренно полюбилъ. Умиротвореніе Москвы, Крыма, Литвы и Молдавіи между собою вовсе не входило въ разсчеты римской куріи и Польши; наоборотъ, смуты на востокѣ всегда были имъ на руку. Однако благоразуміе Александра продолжалось не долго: съ помощью вліянія на него его учителя Каллимаха удалось, наконецъ, отвлечь его отъ Москвы, и въ 1496 году въ Парчевѣ состоялся съѣздъ Ягеллоновъ, гдѣ Александръ уговорился помогать своему брату

Яну Альбрехту въ его замыслахъ противъ Стефана Молдавскаго. Польскій король мечталъ завоевать Молдавію и престолъ ея былъ уже заранѣе назначенъ Сигизмунду. Положено было дѣйствовать въ секретѣ, оффиціально же былъ объявленъ походъ на турокъ,—самая популярная война въ то время. Идею этой политической интриги внушилъ Каллимахъ Buonacorsi, воспитатель и другъ Ягеллоновъ, руководитель ихъ въ иностранной политикѣ. Онъ вскорѣ умеръ, оставивъ своему любимцу Яну Альбрехту 4,000 по завѣщанію.

Въ Польшѣ всѣ вѣрили искренно тому, что цѣль похода—турки; даже магистръ тевтонскаго ордена, вассалъ Польши, повѣрилъ и выставилъ вспомогательный отрядъ. Только одинъ Иванъ Васильевичъ не былъ одураченъ; онъ живо сообразилъ, что тутъ дѣло не ладно; онъ понялъ, почему, вотъ уже годъ, перехватываютъ пословъ, а на всѣ усилія Ивана Васильевича умиротворить Литву съ Крымомъ и Молдавіей, зять холодно и высокомѣрно отвѣчалъ, что дружбой съ Менгли-Гиреемъ и Стефаномъ не стоитъ дорожить, ибо де они плохіе союзники.

Хитрому литвину, Ивану Семеновичу Сапѣгѣ, московскій государь выставилъ интересные вопросные пункты. Ихъ передавали дьяки Ф. Курицынъ и Малко, но обсуждали бояре, а руководилъ князь Патрикѣевъ, самъ родомъ литвинъ, Гедиминовичъ.

1-й вопросъ. Противъ котораго поганства проситъ помощи Литва? Послѣдняя вѣдь и схизматиковъ равняла на одну доску съ поганствомъ. Отвѣтъ: турки, татары, орда. Венгерскій король Владиславъ самъ лично не можетъ принять участіе въ походѣ, но выставляетъ вспомогательный отрядъ въ 11.000.

2-й вопросъ. Въ какомъ мѣстѣ ожидаютъ турокъ? Отвѣтъ: Еще не вѣдомо. Янъ Альбрехтъ будетъ ожидать ихъ къ Каменцѣ. а Александръ въ Луцкѣ.

3-й вопросъ. Отъ кого пришла вѣсть, что доподлинно турки идутъ? Отвѣтъ: отъ польскаго короля... якобы турки переправились черезъ Дунай.

4-й вопросъ, затронувшій больное мѣсто. А съ кѣмъ будетъ Волошскій: съ вами противъ турокъ, или противъ васъ за турокъ, онъ де ихъ вассалъ, человѣкъ подневольный? Отвѣтъ: надѣемся, что съ нами противъ турокъ.

Иванъ Васильевичъ глухо отвѣтилъ, что будетъ дѣйствовать согласно договору и пришлетъ окончательный отвѣтъ съ посломъ. 29 іюля 1497 года посолъ Ивана Васильевича Дмитрій Загряжскій долженъ былъ узнать доподлинно: куда идутъ турки, дабы московскій государь могъ сообразить какимъ образомъ помочь христіанству. Было приказано Загряжскому зайти къ Еленѣ Ивановнѣ съ поклономъ, если она встрѣтится ему по пути, по близости, а буде она въ Вильнѣ или гдѣ далеко въ сторонѣ, то не отыскивать ея нарочно. Значитъ Иванъ Васильевичъ зналъ, что Александръ выступилъ уже съ войскомъ на югъ и жена его провожала. Если вспомнимъ, что въ іюнѣ 1497 года Александръ далъ льготную грамоту кіевскимъ мѣщанамъ и она подписана Войтехомъ Клочко изъ придворнаго штата Елены Ивановны, то можемъ думать, что она провожала мужа въ южную Русь; кіевскіе мѣщане могли видѣть ее и лично просить о помощи.

Наконецъ, въ августѣ секретъ обнаружился вполнѣ. Гонецъ Ивана Васильевича Петръ Лобанъ-Забалот-

скій засталъ Александра съ войскомъ въ Подоліи на пути въ Молдавію и передалъ ему строгое предостереженіе тестя не впутываться въ этотъ походъ, ибо слухи носятся, что цѣль похода не турки, а сватъ и союзникъ Ивана Васильевича—Стефанъ молдавскій. Въ то же время паны-рада заволновались и потребовали отъ своего государя категоричнаго отвѣта: куда, зачѣмъ и противъ кого? Ихъ безпокоила таинственность похода и невыясненность его цѣлей, и они отказались слѣдовать за своимъ государемъ. Сами поляки дѣйствовали вяло; среди нихъ уже пронесся слухъ о настоящей цѣли похода; этотъ слухъ подорвалъ въ войскѣ довѣріе и уваженіе къ королю. Мазовшане первые утекли до дому. Магистръ тевтонскаго ордена отказался участвовать въ походѣ, коли онъ ведется не противъ турокъ и, выставивъ приличную отговорку, удалился; а венгры, не желая усиленія Польши насчетъ Молдавіи, оказали даже помощь Стефану.

Предпринятый и веденный такъ легкомысленно и двоедушно, походъ этотъ кончился страшной катастрофой при отступленіи польской арміи черезъ Буковинскій лѣсъ.

Литвины дальше Брацлава не пошли... И здѣсь выручили русскіе люди. На кличъ Александра вызвались князья: Семенъ Можайскій и Василій Шемячичи; подъ начальствомъ Станислава Кишки, родомъ поляка, они со своими отборными отрядами поспѣшили на выручку Яна Альбрехта и застали польское войско около Чертавицъ: молдоване преграждали ему путь. Появленіе русскихъ ободрило поляковъ и помогло имъ спастись отъ окончательной

гибели. Мы увидимъ далѣе, какъ отблагодарилъ Александръ русскихъ князей[30]).

Польша жестоко поплатилась за необдуманный шагъ своего короля: онъ привлекъ вниманіе турокъ на Дунай. Турецкія полчища, перейдя рѣку, испепелили безнаказанно и разорили южныя области Польши: кому было давать отпоръ? Цвѣтъ рыцарства полегъ въ лѣсу Буковинскомъ! Для Литвы послѣдствія были не менѣе бѣдственны. Молдавскій походъ доказалъ Ивану Васильевичу, что на Литву разсчитывать нечего; безъ помощи Менгли-Гирея обойтись нельзя, и надо дѣйствовать по старой программѣ.

Къ концу молдавскаго похода къ ноябрю 1497 года относится вышеприводимое посольство грека Микулы Ангелова отъ Ивана Васильевича и Софіи Ѳоминишны лично къ Еленѣ Ивановнѣ. Александръ находился тогда въ Винницахъ, а великая княгиня въ Вильнѣ. Иванъ Васильевичъ воспользовался отсутствіемъ мужа, дабы излить передъ дочерью накопившуюся желчь, высказать ей свои опасенія насчетъ ея твердости, перебрать всѣ обиды и грубости Александра съ просьбой не потакать мужу въ его выходкахъ. Къ счастію сохранился письменный отвѣтъ Елены Ивановны, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ, а именно: объ отцѣ Ѳомѣ, о боярынахъ и паньяхъ, увѣренія отцу, что она его наказа не забываетъ и не забудетъ, и что ее тяготитъ тайная переписка. Это письмо чрезвычайно важно: оно показываетъ, что несмотря на трудность своего положенія, на усложняющіяся событія—Елена Ивановна рѣшила дѣйствовать самостоятельно и свое сужденіе имѣть.

Такимъ образомъ мы имѣемъ точную дату, когда великая княгиня освободилась отъ опеки отца.

На посольство Заболотскаго Александръ хвастливо и двусмысленно отвѣтилъ, что Стефанъ самъ виноватъ, ибо союзитъ съ турками; все же главная цѣль похода остается поганство: оно, видите, бѣжало отъ страха у Брацлава, а потому онъ, Александръ, удовольствовался и дальше Брацлава не пошелъ.

Вскорѣ факты доказали, что итальянскіе руководители Ягеллоновъ далеко еще не сложили оружія, и Иванъ Васильевичъ почувствовалъ, что объектомъ интриги становится уже онъ самъ лично. Молдавскій походъ лишь прологъ, а далѣе стала развертываться дѣйствіе за дѣйствіемъ драма, задуманная въ 1496 году и еще ранѣе въ Парчевѣ.

Съ февраля 1498 года начинается опять рядъ жалобъ на задержки пословъ въ Крымъ и изъ Крыма, а въ мартѣ уже слышимъ о задержкѣ пословъ изъ Молдавіи и въ Молдавію, а равно о грабежѣ и задержкѣ купцовъ. Для выясненія накопившихся обидъ были отправлены послами князь Ромодановскій и Кулешинъ, которые руководили Еленой Ивановной въ первые мѣсяцы послѣ свадьбы. Такой составъ посольства доказываетъ, что Иванъ Васильевичъ серьезно и искренно желалъ упорядочить свои отношенія съ Литвой. Между прочимъ онъ напомнилъ Александру его необдуманный походъ на Стефана; напомнилъ, что предостереженіе тестя спасло его отъ катастрофы и погибели, и прибавилъ: опять слухи носятся, будто Янъ Альбрехтъ намѣревается вторично напасть на Стефана и ты вызвался ему

помогать... правы Менгли Гирей и Стефанъ, когда мнѣ говорятъ, что не они виновны въ пролитіи крови, а ты самъ не хочешь съ ними миръ держать; мало того, мнѣ вѣдомо, что ты сносишься съ моими врагами... Съ тѣми же жалобами обратился онъ къ дочери, прибавивъ: князья ордынскіе дали мнѣ знать, что твой мужъ наводитъ ихъ на меня, на отца на твоего, и мнѣ вѣдомо съ чѣмъ посылалъ твой мужъ пословъ къ Стенъ-Стуру въ Швецію; если ты не вѣришь моимъ словамъ и тебѣ надобны тѣ грамоты ордынскія и отецъ твой къ тебѣ ихъ пришлетъ и сообщитъ, о чемъ сносился Александръ со Стенъ-Стуромъ. Вотъ какъ дѣло обстоитъ, а я тебя, дочь, выдалъ за него замужъ, дабы жить съ нимъ въ любви и единачествѣ по докончанію. «И язъ къ тебѣ дочи то приказываю, того дѣля, что ти велѣлъ Богъ отъ насъ родитися, ино бо промежи насъ любовь и свойство не рушилося и впередъ далъ бы Богъ промежи насъ добро было».

Но и это чрезвычайное посольство осталось безъ послѣдствій. Александръ отдался съ головой Яну Альбрехту и полонофиламъ. Еленѣ Ивановнѣ было то вѣдомо отлично: ей осторожной, вдумчивой подобно отцу, оставалось лишь присматриваться къ мужу, выжидать и помнить крѣпко наказъ отца о вѣрѣ.

А что же оставалось дѣлать Ивану Васильевичу? Не въ его характерѣ было отступить ради интересовъ дочери или зятя... Интересъ государства выше всего!.. Не могъ же въ самомъ дѣлѣ московскій государь поступить въ служилые люди къ литовскому и оберегать его границы отъ татаръ?... Но вѣрный

своему осторожному медлительному характеру, онъ не торопилъ хода событій, выжидая ихъ дальнѣйшаго осложненія, развитія и удобнаго случая, чтобы выступить въ рѣшительную минуту. Несмотря на охлажденіе въ своихъ отношеніяхъ къ дочери онъ не прерывалъ сношеній, и его посольства, хотя значительно рѣже, продолжали появлятся въ Вильнѣ; въ тайнѣ онъ готовился уже къ борьбѣ и развязывалъ Менгли-Гирею руки.

Со своей стороны Елена Ивановна, въ виду натянутыхъ отношеній между отцомъ и мужемъ, не могла продолжать задушевной переписки, въ которой она зачастую жаловалась на мужа или осуждала его дѣйствія. Сверхъ того подоспѣли и другія событія, которыя могли глубоко оскорбить ея дочернее чувство...

На Москвѣ не все обстояло благополучно. Защитникъ православія самъ велъ себя двусмысленно. Ея мать Софія Палеологъ находилась въ опалѣ и была удалена отъ двора; братъ Василій—тоже. Елена молдавская восторжествовала окончательно и первенствовала въ кремлевскомъ дворцѣ, а съ нею подняла высоко голову партія жидовствующихъ. Въ февралѣ 1498 года состоялось коронованіе внука Дмитрія и провозглашеніе его наслѣдникомъ престола. Казалось: дѣло Софіи Палеологъ рухнуло, ея вліянію и положенію нанесенъ окончательный ударъ!

Все это доходило до слуха Елены Ивановны медленно, но все же доходило и не могло не обидѣть и не встревожить. (Интересно, что впослѣдствіи, уже въ 1503 г., Иванъ Васильевичъ, наложивъ опалу на

внука, старался скрыть о томъ отъ дочери и говорилъ посламъ: «а воспроситъ дочь,.. да гдѣ нынѣ внукъ... говорити: внукъ его, госпожа, и сноха живутъ нынѣ... потому жъ, какъ напередъ того жили»). И мы дѣйствительно видимъ, что ея послѣднія сношенія съ отцомъ помѣчены мартомъ 1498 года, а затѣмъ переписка круто обрывается на много лѣтъ. Изъ Москвы еще доходили вѣсти, но и онѣ вскорѣ пресѣклись. Послѣднее посольство отъ Ивана Васильевича было въ іюлѣ 1498 года, ..затѣмъ наступило гробовое молчаніе.

Если за спиной отца Елена Ивановна была неуязвима, то теперь, всѣми покинутая, одинокая на чужбинѣ, она казалась заманчиво легкой добычей. Риму ли было упустить столь благопріятный случай! Какъ будто сама судьба давала ему возможность на Еленѣ Ивановнѣ наверстать свою неудачу съ Софіей Палеологъ и вознаградить себя сторицей!

Вотъ въ силу какихъ выгодно сложившихся обстоятельствъ католическому духовенству и литовскому правительству казалось, что пора уступокъ и нерѣшительности миновала и насталъ часъ нанести окончательный ударъ.

Александръ отбросилъ прежнія поблажки и колебанія: достигнутый имъ успѣхъ въ вопросахъ объ одеждѣ, свитѣ и прочее разжигали надежду достичь большаго. Тогда-то, подъ давленіемъ папы, и онъ лично повелъ энергическую аттаку на жену и по совѣту фанатиковъ окружилъ ее такой тѣсной стѣной католиковъ, что всякія ея сношенія съ Москвой прервались и великая княгиня очутилась, какъ бы въ осадѣ.

Мы уже видѣли, что со дня кончины Макарія, 1 мая 1497 года, по май 1498 длилось междуцарствіе. Повидимому Александръ еще колебался навязывать русскому населенію своего клеврета, и послѣднее не теряло надежды получить болѣе достойнаго пастыря; теперь же колебанія миновали, и великій князь утвердилъ на митрополіи смоленскаго епископа Іосифа, изъ фамиліи Болгариновичъ, родственника Ивана Сапѣги [31]).

Новый митрополитъ давно уже пользовался милостями короля, и потому Александръ надѣялся, что онъ оправдаетъ его надежды; дѣйствительно, новоизбранный владыка началъ дѣйствовать въ духѣ, благопріятномъ политикѣ великаго князя. Тогда же, въ концѣ 1498 года, начались притѣсненія православнаго населенія, а главное—личное давленіе на Елену Ивановну. Въ чемъ заключались эти притѣсненія, мы подробно не знаемъ,—знаемъ одно: находившійся при Еленѣ Ивановнѣ подьячій Ѳедко Шестаковъ, изъ западно-русскихъ людей, не москвичъ, написалъ письмо князю Борису Оболенскому, жившему въ Вязьмѣ. Письмо это дошло черезъ третьи руки и содержаніе письма оправдало секретный способъ его доставки. Шестаковъ писалъ: «у насъ стала замятня велика между латыни и нашимъ христіанствомъ; дьяволъ вселился въ смоленскаго епископа и въ Ивана Сапѣгу. Великій князь неволилъ великую княгиню въ латынскую вѣру... да и все христіанство наше хотятъ отсхитить.... И государыню нашу Богъ научилъ, да попомнила науку государя отца своего. И государыня великая княгиня отказала такъ: язъ, государь, безъ воли осподаря отца не могу то учинить»...

Это письмо Шестаковъ просилъ переслать московскому государю, «самъ пойметъ отъ кого», а подробно писать отказывался за невозможностью пересылать. Эта знаменитая грамота, написанная на скорую руку, доставленная съ большимъ трудомъ и замедленіемъ, была получена въ Москвѣ 30 мая 1499 года, почти одновременно съ вѣстью о болѣзни Елены Ивановны.

Можно себѣ представить волненіе Ивана Васильевича! Въ тотъ же день онъ снарядилъ посла, боярина Мамонова, къ дочери. Онъ спрашивалъ дочь: дѣйствительно ли мужъ неволитъ ее въ римскій законъ? Дѣйствительно ли притѣсняетъ православныхъ людей въ своемъ государствѣ? Онъ строго наказывалъ дочери помнить его наказы. Слово въ слово повторяла рѣчь мужа и Софія Ѳоминишна. Елена Ивановна на это не отвѣчала ни слова. Въ то же время дьякъ великаго князя Ѳедоръ Васильевичъ просилъ тайно своего пріятеля, пана Шестакова, извѣстить его подробно о всемъ дѣлѣ.

Что же въ дѣйствительности происходило въ Литвѣ, въ Вильнѣ?

Елена Ивановна выдерживала осаду.

Мы видѣли выше, что Александръ только съ согласія папы подписалъ грамоту о свободѣ вѣроисповѣданія своей жены; однако папа разрѣшилъ съ условіемъ, что разъ бракъ состоится, Александръ старался бы обратить жену въ католичество, пользуясь подходящимъ случаемъ. Совѣщался Александръ и съ родственниками, и тѣ нашли возможнымъ отложить хлопоты объ обращеніи невѣсты въ католичество ad calendas graecas, дабы не повредить на-

чатому сватовству. Зато стоило Еленѣ Ивановнѣ появиться въ Вильнѣ, какъ въ воздухѣ запахло порохомъ и въ средѣ католическаго духовенства возникъ вопросъ о перекрещиваніи схизматиковъ. Авторъ «Записокъ Миноритовъ» прямо говоритъ, что такъ какъ Елена Ивановна была греческаго обряда или что тоже—русскаго, то по этой то причинѣ между прелатами и докторами богословія, съ одной стороны, и миноритами, съ другой стороны, возникъ вопросъ и споръ о перекрещиваніи грековъ, къ обряду коихъ принадлежатъ русскіе, и о посѣщеніи ими богослуженія въ латинскихъ костелахъ. При этомъ спорѣ прелаты и богословы стояли за перекрещиваніе, а миноритъ и среди нихъ отецъ Іоаннъ утверждали противное, находя достаточнымъ одно признаніе главенства папы. Спорящія стороны ссылались на папскія бреве. Отъ частнаго спора перешли къ запросу самого папы. Александръ Борджіа, наслѣдовавшій Иннокентію въ 1492 году, наружно подтвердилъ бреве Иннокентія [32]) братьямъ миноритамъ, то-есть рѣшилъ споръ въ смыслѣ благопріятномъ ихъ мнѣнію. Виленскому католическому епископу Войтеху [33]) онъ писалъ въ томъ же духѣ, но уже гораздо позже, въ 1501 году, когда неудача обозначилась; ранѣе же того посылалъ ему указы въ самомъ нетерпимомъ духѣ. Опасаясь отца ея, Елену Ивановну въ первое время оставляли въ покоѣ, но церкви ей въ дворцѣ не выстроили и окружили ее плотной стѣной католиковъ и русскихъ—двусмысленнаго поведенія. Среди нихъ самый выдающійся былъ Иванъ Сапѣга, православный, что не помѣшало ему быть заодно съ митрополитомъ Іосифомъ Болгариновичемъ, съ посланіемъ котораго Сапѣга былъ въ

Римѣ у папы и, конечно, если не призналъ открыто уніи, то въ душѣ вполнѣ ей сочувствовалъ [34]). Недаромъ папа въ письмѣ къ королю польскому Яну Альбрехту называлъ Сапѣгу вѣрнымъ сыномъ церкви, отвергнувшимъ еретическія заблужденія. Интересно, что Сапѣга, при своемъ возвращеніи на родину, опасался своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, и папа, по сему случаю, поручилъ его охранѣ польскаго короля. Въ теченіе всей жизни Елены Ивановны Сапѣга служилъ ей и держалъ себя двулично; сочувствуя уніи, не разрывалъ связи съ православною церковью и очень часто дѣйствовалъ сообразно желаньямъ великой княгини (рѣчи въ Москвѣ). Есть предположеніе, что Иванъ Сапѣга, послѣ смерти Елены Ивановны, на старости лѣтъ перешелъ въ римское исповѣданіе [35]), но предположеніе это опровергается тѣмъ фактомъ, что погребенъ Иванъ Сапѣга въ православной церкви, откуда уже въ 1629 правнукъ перенесъ его прахъ въ костелъ [36]).

Но присяга?. Присяга стѣсняла Александра.

Ради успѣха самого дѣла нельзя было нарушать ее открыто, грубо. Это могло смутить совѣсть жертвы и подорвать ея уваженіе и довѣріе къ самимъ апостоламъ... Надо было итти окольнымъ путемъ, склонить, напримѣръ, кого либо изъ самихъ русскихъ къ тому, чтобы сдѣлать первый шагъ и тѣмъ снять отвѣтственность въ клятвопреступленіи съ Александра. Согласіе Сапѣги было обезпечено, но онъ не былъ духовнымъ авторитетомъ въ глазахъ великой княгини. Другое дѣло, если бы митрополитъ, главный представитель православной церкви, сдѣлалъ этотъ первый шагъ! Но тогда, въ на-

чалѣ 1497 года, у кормила западно-русской церкви стоялъ Макарій—лицо неподкупное, неуязвимое съ нравственной стороны. Съ этимъ «чертомъ», какъ обзывали его враги, не сладишь!... уговорить его—и думать нечего!... И вдругъ это неудобное лицо... это препятствіе внезапно исчезаетъ со сцены, а на его мѣстѣ появляется давно уже подготовленное для своей роли лицо—Іосифъ, епископъ смоленскій!

Такъ было обойдено послѣднее препятствіе.

Кончина Макарія развязала руки Александру: авторитетный голосъ вождя западно-русской церкви обезпеченъ; сообщники изъ среды самихъ русскихъ набраны; сношенія съ Москвой прерваны...

И вотъ въ зиму 1498—1499 года среди населенія вдругъ пронесся слухъ, что митрополитъ Іосифъ и Иванъ Сапѣга являлись къ Еленѣ Ивановнѣ и лично склоняли ее къ уніи. Дѣйствія митрополита развязали руки католическому духовенству. За нимъ выросли на смѣну монахи бернардины съ горячей проповѣдью и увѣщаніями; еще сильнѣе было давленіе грознаго епископа Войтеха, который получилъ отъ папы право меча на еретиковъ. Понятно, что и Александръ и его родня не оставались безучастными зрителями. Легко себѣ представить отчаянное положеніе несчастной жертвы апостольской ревности Рима? На всѣ увѣщанія ей оставалось одно—ссылаться на отца.

Цѣлые годы душевной борьбы и мучительнаго напряженія сломили, наконецъ, если не нравственныя, то физическія силы великой княгини, и она въ первую половину 1499 года на столько опасно захворала, что встревоженный Александръ счелъ нужнымъ

15 мая 1499 года извѣстить объ ея болѣзни отца. Судя по этому надо предполагать, что она была близка къ смерти, но въ чемъ состояла ея болѣзнь, какъ долго она продолжалась, кто и чѣмъ ее лѣчилъ, намъ неизвѣстно.

Ранѣе, чѣмъ получить оффиціально вѣсть о болѣзни дочери, Иванъ Васильевичъ, какъ мы видѣли, отлично былъ освѣдомленъ обо всемъ происходившемъ въ Литвѣ и понялъ причину болѣзни Елены Ивановны; но онъ не торопился отвѣтомъ, вѣроятно,—выжидалъ исхода болѣзни. На тревожную вѣсть о болѣзни дочери онъ ничего не отвѣчалъ и только, спустя дней десять, уже въ іюнѣ 13 числа 1499 года отправилъ оффиціальнаго посла къ Еленѣ Ивановнѣ отъ своего лица и отъ лица жены съ запросомъ о здоровьѣ, о характерѣ и причинѣ болѣзни и со строгимъ наказомъ: помнить Бога, держаться твердо греческаго закона; въ противномъ случаѣ грозимъ проклятіемъ! Отъ Елены Ивановны отвѣта не было.

Когда прибыло вторичное посольство Александра въ Москву, уже въ августѣ 1499 года, по поводу разныхъ политическихъ дѣлъ—Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ на все, но о притѣсненіяхъ, чинимыхъ дочери, выразился вскользь. Въ этомъ посольствѣ интересна попытка Александра добиться у тестя окончательнаго признанія за Литвой Кіева, въ замѣнъ чего онъ соглашался признать за тестемъ титулъ «всея Руси». Выходку зятя Иванъ Васильевичъ прямо «безлѣпицей» назвалъ. Затѣмъ шли взаимные попреки на секретныя сношенія съ врагами: Иванъ Васильевичъ науськивалъ Менгли-Гирея

на Литву, Александръ же—Шигъ-Ахмата и его сыновей на Москву и Крымъ; но самое интересное для насъ то, что литовскій государь высокопарно извѣщалъ московскаго: онъ де Александръ заключилъ миръ съ Стефаномъ согласно желанію тестя, мало того, онъ вмѣстѣ съ Польшей и Венгріей обязался оборонять пріятеля своего Стефана и проситъ тестя вступить въ ихъ союзъ: «бо и самъ, братъ нашъ, можетъ разумѣти, ижъ Стефана панство всихъ христьянскихъ земель нашего острова есть ворота; Боже того не дай коли... панство его посядетъ тогда ни намъ, ни тебѣ покоя отъ турокъ не будетъ». Но спрашивается, зачѣмъ же было ломать эти ворота въ 1497 году?

Могъ ли Иванъ Васильевичъ вѣрить искренности этихъ пышныхъ фразъ, когда онъ хорошо зналъ, что противъ него самого задумана коалиція и нѣжная забота о Стефанѣ придумана для отвода глазъ? Онъ сухо отвѣтилъ, что самъ справится у Стефана, своего свата и союзника, дѣйствительно ли ему угрожаютъ турки и если да,—то поможетъ ему самъ по себѣ. Какъ зорко Иванъ Васильевичъ слѣдилъ за своими лукавыми западными сосѣдями видно изъ порученія его Мамонову, еще 30 мая 1499 года, доподлинно узнать: заключилъ ли Стефанъ миръ съ Литвой, Польшей и Венгріей? Турки и татары въ мирѣ ли съ Польшей, Литвой и Молдавіей или нѣтъ? Воевали ли нынѣ турки польскую землю? «А про нарядъ (артиллерію) пытати: куда она будетъ направлена лѣтомъ: не на Кіевъ ли? а если не на Кіевъ то куда тогда?» Ясно что онъ былъ на чеку и боялся, чтобы его не предупредили и не застали бы врасплохъ.

Въ декабрѣ 1499 года, посылая вторично Мамонова въ Литву по поводу Крыма и союза съ нимъ, онъ промолчалъ о дочери, но тотъ же посолъ, отправившись къ Еленѣ Ивановнѣ, передалъ ей негодованіе отца на ея молчаніе и требовалъ извѣстить обо всемъ; негодовалъ отецъ и на то, что и въ первый разъ, лѣтомъ, ничего не отвѣчала. «Гораздо ли дѣлаешь?» Отъ Софіи Ѳоминишны было особое письмо къ дочери съ отдѣльнымъ посланцомъ; что писала, неизвѣстно; вѣроятно, что-либо по секрету отъ Ивана Васильевича; прежде же, напримѣръ, Микула Ангеловъ справлялъ порученіе отъ обоихъ. Видно отношенія мужа съ женой были натянуты и это было отчасти причиной упорнаго молчанія дочери. Иванъ Васильевичъ спрашивалъ насчетъ ея болѣзни: поправилась ли она? здорова ли? Софія Ѳоминишна тоже велѣла черезъ своего посланца спросить про болѣзнь и про здоровье, но наединѣ, по секрету отъ Александра, чтобы получить не оффиціальныя, ничего не говорящія свѣдѣнія, а болѣе точныя. Эти справки доказываютъ, что еще въ декабрѣ 1499 года, спустя болѣе полугода отъ начала болѣзни, Елена Ивановна далеко не оправилась вполнѣ и была слаба.

Однако и на сей разъ Елена Ивановна ничего не отвѣчала отцу. Да и что ей было говорить? Обстоятельства сами громко говорили за себя.

Отецъ все медлилъ и ждалъ, не отзовется ли дочь?.. ждалъ, но такъ и не дождался...

Если такъ мало церемонились съ великой княгиней, тѣмъ менѣе щадили остальное населеніе и православную церковь. Къ послѣдней литовскіе государи послѣ Ягаїла относились вообще въ высшей степени

двойственно: то издавая неблагопріятные для церкви указы, то оставляя ихъ безъ движенія; въ связи съ этимъ у православной церкви ни въ чемъ не было твердой опоры и увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Великіе князья, отказываясь иногда отъ крайнихъ мѣръ и насильственныхъ дѣйствій, поощряли всегда все, что могло служить къ ея разложенію. Вотъ почему авторитетъ высшей церковной власти всегда легко подрывался и своевольный низшій клиръ могъ легко находить поощреніе у свѣтской власти. Съ другой стороны великіе князья неохотно давали свое согласіе на избраніе достойныхъ пастырей въ родѣ Макарія или Іоны, а предпочитали выдвигать своихъ покладистыхъ клевретовъ, что тоже не способствовало спокойствію и процвѣтанію православія.

Въ 1499 митрополитъ Іосифъ Болгариновичъ былъ еще нареченнымъ, какъ называлъ его самъ Александръ; слѣдовательно, утвержденіе константинопольскаго патріарха еще не пришло и долго медлило: какъ видно до патріарха доходили неблагопріятные для Іосифа слухи относительно его твердости въ православіи, и онъ не торопился утверждать его, что очень стѣсняло Іосифа. Дабы успокоить сомнѣніе патріарха и выказать себя ревностнымъ сыномъ православной церкви, Іосифъ и задумалъ обратиться въ Царьградъ съ грамотой, въ коей онъ выражалъ свою боязнь подвергнуться гоненію со стороны католическаго духовенства и предупреждалъ объ опасности для православной церкви оставаться безъ законнаго вождя въ виду происковъ римской куріи ввести унію. Если эта грамота и отвѣтъ патріарха достовѣрны, то ее надо относить къ этому именно вре-

мени. Этотъ ловкій шагъ Іосифа возымѣлъ свое дѣйствіе и ускорилъ его утвержденіе. Съ другой стороны, желая обѣлить себя передъ своими единовѣрцами, которые смотрѣли на него косо, какъ на тайнаго уніата, и желая на дѣлѣ выказать свою заботливость о нуждахъ и правахъ русской церкви, онъ, пользуясь расположеніемъ къ себѣ Александра, добился отъ него подтвержденія привилегіи духовенству по уставу Ярославову.

При составленіи этой грамоты свидѣтелемъ былъ охмистръ Елены Ивановны Войтехъ Яновичъ, что указываетъ на поддержку, оказанную митрополиту со стороны самой великой княгини. Въ грамотѣ особенно подчеркиваются слѣдующія положенія.

1) Въ дѣла митрополита и епископовъ не должна вмѣшиваться свѣтская власть. 2) Подаванья митрополита не должны отчуждаться. 3) При подаваньи частныхъ лицъ, люди римскаго закона не могутъ смѣщать православныхъ священниковъ и, 4) вообще за оскорбленіе духовнаго лица католики наравнѣ съ православными отвѣчаютъ передъ судомъ митрополита. Какъ видимъ, эта грамота дѣйствительно имѣла цѣлью оградить православный клиръ отъ своеволія и хозяйничанья пановъ римскаго закона; она какъ бы стоитъ въ разрѣзъ со всей дѣятельностью Іосифа, скорѣе враждебной православію, но, съ другой стороны, онъ отчасти и себя не забылъ: порадѣлъ и «pro domo suo»; ему не трудно было угодить великой княгинѣ. Еще вопросъ? не была ли эта грамота выговорена ею въ уплату за ея согласіе на избраніе Іосифа?

Безусловно утверждать мы не можемъ, но воз-

можность факта тоже нельзя отвергать: не даромъ Александръ медлилъ цѣлый годъ.

Какъ бы то ни было, но этой грамотой, добытой въ самое тяжелое для нея время, Елена Ивановна оказала не малую услугу церкви. Какъ истинный политикъ и истая дочь и ученица своего отца, она не брезгала никакимъ матеріаломъ, бывшимъ у ней подъ рукой: у нея и Сапѣги и Іосифы шли въ прокъ, она и съ ними не ссорилась.

Самъ же Іосифъ, достигнувъ утвержденія въ своемъ санѣ и отвѣчая великому князю любезностью на любезность, въ 1500 году вошелъ въ прямыя сношенія съ Римомъ и сталъ подыскивать среди духовенства единомышленниковъ для подачи грамоты папѣ въ пользу введенія уніи.

Выдача за 1499 годъ привилегіи въ пользу православнаго клира была не единственной заслугой Елены Ивановны. Ея рука чувствуется и въ другомъ событіи. Въ 1500 году, въ маѣ мѣсяцѣ, происходило освященіе Супрасльскаго монастыря. Основанный еще въ концѣ XV вѣка Ходкевичемъ, монастырь былъ затѣмъ перенесенъ въ лѣсную пущу на берегъ рѣки Супрасли и игуменъ отецъ Пафнутій, родомъ изъ Бѣльска, соорудилъ первую небольшую церковь во имя Іоанна Богослова и трапезу. Въ 1500 году, 10 мая, происходило освященіе церкви митрополитомъ Іосифомъ. Это церковное торжество не соотвѣтствовало указу Казиміра, на который такъ часто ссылался Александръ, однако ходатайство Ходкевича возымѣло успѣхъ. Можетъ быть помогла сама великая княгиня, а еще болѣе—грозное движеніе въ самомъ русскомъ обществѣ: Александръ

въ виду наступившей войны съ Москвой боялся раздражить Ходкевича отказомъ.

Елена Ивановна, повидимому, и впослѣдствіи не забывала монастыря: въ немъ сохранилась память о ней, и братія монастыря занесла ея имя въ свой субботникъ или поминникъ; тамъ значится: «Помяни Господи усопшихъ рабъ твоихъ... королевое Елены [37]). Въ монастырѣ до сихъ поръ находится чудотворная икона Богородицы, въ богатомъ окладѣ. Икона эта— даръ Елены Ивановны. Сверхъ того въ описи книгъ Супрасльскаго монастыря на ряду съ даромъ митрополита Іосифа II Солтана «Псалтирь» въ десть; на ряду съ даромъ Сапѣги «Книга Ѳеодора Студита» встрѣчаемъ книги: «Царственникъ (?) съ лѣтописцемъ», «Книга Асафъ съ житіемъ святаго Сергія Чудотворца русскаго», книга «Асафъ съ хожденіемъ Даніила» [38]). Послѣднія могли быть или даромъ великой княгини или же выписаны ею изъ Москвы. Иванъ Васильевичъ и его дочь, конечно, не замедлили познакомить западную Русь съ подвигами святыхъ мужей, подвизавшихся въ Московской Руси и ставшихъ ея покровителями, и тѣмъ самымъ распространить почитаніе ихъ памяти и въ Литвѣ. Нѣкоторыя данныя въ перепискѣ отца съ дочерью какъ бы подтверждаютъ эту мысль и митрополитъ Макарій такъ думаетъ въ своей Исторіи. Повидимому въ православной церкви все обстояло благополучно: за 1499—1501 годы великимъ княземъ была дана даже привилегія, благопріятная православному клиру, и даны послабленія въ постройкѣ церквей и монастырей. Дѣло въ томъ, что имѣлось въ виду вовсе упразднить православіе, на-

неся ему ударъ присоединеніемъ великой княгини къ римскому закону, что способствовало бы введенію уніи съ помощью подобранныхъ клевретовъ, въ лицѣ Іосифа и Сапѣги. Привилегія, имѣя всего болѣе въ виду самого Іосифа, была ему наградой за услуги, а послабленія въ постройкѣ монастырей и церквей были вырваны у великаго князя страхомъ передъ усилившейся эмиграціей и желаніемъ утишить ропотъ и негодованіе населенія. Положеніе православной церкви, снаружи благопріятное, на самомъ дѣлѣ было трагическое: кормило ея было въ рукахъ человѣка, отъ котораго можно было ожидать лишь наихудшаго. Православіе было спасено въ это время твердостью великой княгини, вліяніе коей обуздывало самыя двоедушныя личности, и взрывомъ негодованія русскаго общества; остальное докончили сильная рука Ивана III и блестящій исходъ войны.

Теперь посмотримъ, коснулась ли наставшая буря остального населенія страны и ея высшаго слоя?

За первые три года послѣ брака настало затишье и въ душѣ русскаго населенія блеснулъ лучъ надежды на лучшія времена и на возможность сговориться съ католиками насчетъ совмѣстной мирной жизни. Римская курія поспѣшила разсѣять эти иллюзіи. Вслѣдъ за вѣстью о тяжкомъ положеніи дочери до слуха Ивана Васильевича дошли свѣдѣнія о притѣсненіяхъ, чинимыхъ не только дочери, но и всему православному населенію. По словамъ московскаго государя, которыя подтверждаются другими свидѣтельствами, католическій епископъ Войтехъ и отметчикъ епископъ Іосифъ навязывались со своею проповѣдью не къ одной Еленѣ Ивановнѣ, но

и къ князьямъ и панамъ греческаго закона, къ виленскимъ жителямъ и прочему населенію; говорили имъ, отъ имени великаго князя, чтобы приступали къ римскому закону. Эти рѣчи лично слышалъ князь Семенъ Бѣльскій, отъѣхавшій изъ-за того въ Москву. Велѣлъ также Александръ строить божницы римскаго закона по русскимъ городамъ и въ Полоцкѣ. Стали отнимать женъ отъ мужей, дѣтей отъ отцовъ и силою «покщати» въ римскій законъ. Николи еще не испытывали русскіе люди такихъ притѣсненій и Иванъ Васильевичъ увидѣлъ себя вынужденнымъ вмѣшаться въ дѣла западной Руси [39]).

Такими характерными штрихами описываетъ московскій государь притѣсненія западно-русскаго населенія и его свидѣтельства подтверждаются католическими источниками. Въ папскихъ буллахъ позднѣйшихъ годовъ косвенно подтверждаются эти притѣсненія предыдущихъ лѣтъ. Папа говоритъ Александру, что знаетъ о напрасныхъ, то-есть тщетныхъ, безплодныхъ увѣщаніяхъ великой княгини свѣтскими и духовными лицами [40]); говоритъ, что ради болѣе успѣшнаго обращенія схизматиковъ можно понизить требованія и не перекрещивать [41]). Выражалъ папа радость, что еретики озаряются свѣтомъ истины и для вящаго распространенія уніи присылалъ мощи святыхъ.

Авторъ «Записокъ миноритовъ», о которомъ мы упоминали выше, проводитъ ясно мысль, что братья были призваны въ Литву и жили тамъ для апостольской проповѣди. Онъ пишетъ, что въ 1492 году Александръ, благодѣтель братіи, далъ мѣсто въ Полоцкѣ и средства для возведенія зданій и храмовъ;

устроилъ тамъ же XXIII отдѣленіе ордена; пишетъ, что черезъ дѣятельность отцовъ отдѣленія многія тысячи схизматиковъ, литовцевъ и другихъ, до того времени пребывающихъ язычниками, обратились къ истинѣ; не отрицаетъ также авторъ, что братія дѣйствовала черезъ женщинъ, устраивала разводы [42]). Если же обратимся за справками къ обиженной сторонѣ—самому русскому населенію — то найдемъ въ литовской метрикѣ [43]), цѣлый рядъ жалобъ на бискупа Адальберта-Войтеха, подтверждающихъ тѣ факты, на которые ссылался Иванъ Васильевичъ, а онъ слышалъ ихъ отъ передавшихся къ нему князей. Послы великаго князя, проѣзжая по западной Руси, слышали ихъ изъ устъ самихъ пострадавшихъ. Позднѣе, во время переговоровъ о мирѣ, мы встрѣтимся и съ другими доказательствами о существованіи въ описываемое время религіозныхъ притѣсненій; мы прочтемъ слова самого Александра папѣ, прочтемъ рѣчи Елены Ивановны и цѣлый рядъ другихъ интересныхъ указаній. Конечно Иванъ Васильевичъ сохранилъ достаточно красокъ въ своихъ посольскихъ рѣчахъ великому князя литовскому, а оттуда онѣ перешли и на страницы русскихъ лѣтописей [44]).

Въ наше время долго считали донесенія московскихъ пословъ преувеличенными и относились къ нимъ черезъ-чуръ скептически [45]); въ настоящее же время «Записки миноритовъ» заставили признать справедливость всѣхъ словъ Ивана Васильевича [46]). Въ этихъ «Запискахъ миноритовъ» мы находимъ подтвержденіе его словъ и о Полоцкѣ, и о костелахъ, и о женахъ и дѣтяхъ.

Польскіе историки, какъ Нарбутъ, смягчали разсказъ о притѣсненіяхъ русскаго населенія; Крашевскій признавалъ ихъ открыто, а Бартошевичъ въ своей «Исторіи русскаго, то-есть унитскаго костела» выражаетъ сожалѣніе о томъ, что дѣятельность на пользу уніи не достигла желаемыхъ результатовъ и считаетъ виновницей неудачи Елену Ивановну, а ея дѣятельность на пользу православной церкви несчастіемъ для Литвы. Слова Бартошевича [47]) лучшая похвала Еленѣ Ивановнѣ! Дѣйствительно, она на 100 лѣтъ отсрочила унію! Болгариновичи и Сапѣги ни въ чемъ не уступятъ Терлецкимъ и Потѣямъ,—но на бѣду и на помѣху замысламъ папъ къ концу XV вѣка и къ началу XVI въ Литвѣ была характерная женщина, а на Москвѣ княжилъ ея отецъ—геніальный политикъ. Сто лѣтъ спустя—къ концу XVI вѣка, въ Литвѣ уже нѣтъ никого, а на Москвѣ послѣдніе годы царствованія Грознаго расшатали Русское государство и подготовили почву для смуты!

Видя бѣдственное положеніе родины и отеческой вѣры, напуганные примѣромъ великой княгини, которая, дочь Ивана III, не была гарантирована отъ фанатизма Рима, многіе и многіе находили одинъ исходъ—отъѣздъ въ Москву; между тѣмъ удѣльнымъ князьямъ и всему вообще высшему классу западно-русскаго народа жизнь въ Литвѣ, казалось, должна была быть болѣе привлекательной. Литовское государство давало больше простора личности, создало сословныя привилегіи, не давало чувствовать тяжести государственной опеки. Въ Москвѣ,—наоборотъ, власть государя желѣзнымъ

кольцомъ охватывала всѣ проявленія жизни, и боярину жилось не свободнѣе крестьянина; и тѣмъ не менѣе, несмотря на эту разницу, многіе бояре и князья западной Руси, съ конца 80 годовъ XV вѣка, начинаютъ переходить на московскую службу.

Въ первое нашествіе римской куріи на Литву, въ началѣ княженія Александра, до брака его съ Еленой Ивановной, въ Москву отъѣхали слѣдующіе князья: первымъ былъ Иванъ Михаиловичъ Воротынскій и Александръ Перемышльскій; въ 1490 году—Дмитрій Ѳедоровичъ Воротынскій; въ 1492 году Семенъ Ѳедоровичъ Воротынскій съ племянникомъ Иваномъ Михаиловичемъ; далѣе князь Иванъ Васильевичъ Бѣльскій съ братомъ, а позднѣе—Андрей Васильевичъ; старшій изъ князей Одоевскихъ Иванъ Семеновичъ; князь Мезецкій Михайло Романовичъ, силою приведшій въ Москву и своихъ двухъ братьевъ; наконецъ, князь Андрей Юрьевичъ Вяземскій съ братьями. Въ 1495 году, бракъ Александра съ Еленой Ивановной сразу пріостановилъ отъѣзды: русскіе люди передохнули свободно, стали надѣяться на лучшія времена, и дѣйствительно, 4 года послѣ брака царило спокойствіе и относительное довольство. Казалось бы чего желать лучшаго литовскому правительству? Простой здравый смыслъ, прошлый опытъ и настоящее указывали ясно чего держаться если не на всегда, то хотя бы временно, пока не окрѣпнетъ государство. На погибель Литвы и на счастіе Москвы второе нашествіе римской куріи на Литву въ 1499 году опять ввергло несчастную страну въ хаотическое состояніе и тотчасъ, съ 1499 года, отъѣзды возобновились: первымъ отъѣхалъ въ Москву князь

Семенъ Бѣльскій, за нимъ князья Масальскіе, Хатѣтовскіе, а тамъ повалили уже бояре Мценскіе, Серпейскіе, князья Трубчевскіе; наконецъ, заклятые враги Москвы: князь Можайскій Семенъ и князь Шемячичъ Василій завели переговоры о переходѣ ихъ въ Москву. Объ этихъ лицахъ мы нашли прямыя указанія въ актахъ, а сколько еще подразумѣвается людей средняго и боярскаго круга подъ словами и «многіе другіе». Сколько бояръ и слугъ передавшихся князей оставило въ это время Литву. Случайно, напримѣръ, узнаемъ мы, что нѣкій бояринъ Граборуковъ [48]) бѣжалъ въ Москву вмѣстѣ съ княземъ Шемячичемъ, оставивъ свой дворецъ Рошскаго повѣта.

Въ Москвѣ обращались съ князьями отъѣздчиками довольно бережно и на первыхъ порахъ ставили ихъ въ льготное положеніе, старались даже умиротворять ихъ между собой. Большею частью ихъ употребляли на пограничную службу, и князья усердно оберегали границы по рубежамъ татарскому и литовскому; особенно выдѣлялся среди нихъ своими подвигами князь Воротынскій. Нѣкоторые изъ нихъ получили свои волости, отошедшія къ Москвѣ; въ большинствѣ же московскіе государи оставляли эти волости за собой, давая въ обмѣнъ другія на сѣверо-востокѣ, конечно, изъ предосторожности [49]).

Московскій государь думалъ свою крѣпкую думу, а князья отъѣздчики теряли мало-по-малу свои удѣлы и сливались съ московскимъ боярствомъ и, несмотря на суровую руку Ивана Васильевича, не смотря на то, что князья не могли разсчитывать на

сохраненіе своего исключительнаго положенія, никто не отъѣхалъ обратно изъ Москвы въ Литву. Что за причина тому? Что привлекало ихъ къ Москвѣ? Что заставляло ихъ бросать литовскую службу? Москва привлекала къ себѣ западно-русскихъ людей тѣмъ, что̀ нравственно связывало московскаго государя съ его народомъ: яснымъ сознаніемъ и твердымъ, послѣдовательнымъ проведеніемъ въ жизнь національной идеи. Московскіе великіе князья сумѣли явиться выразителями народнаго стремленія къ единству, порядку и силѣ, сумѣли угадать историческія задачи русскаго народа и вѣрнымъ путемъ шли къ намѣченной цѣли. Каждому, кто выставлялъ свои личные, себялюбивые интересы, московскій государь могъ сказать то же, что онъ сказалъ разобиженному боярину Юрію Захарьевичу, предку и родоначальнику Романовыхъ: «Ты говоришь: тебѣ не пригоже стеречь князя Данила?! *Меня и мое дѣло!*»

Въ этихъ словахъ Ивана III хранятся уже слова Петра Великаго въ его знаменитомъ приказѣ наканунѣ Полтавской битвы; только мысль Рюриковича, въ своемъ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи, выражена Петромъ I еще отчетливѣе и возвышеннѣе.

И вотъ участіе въ служеніи этому родному «дѣлу» заставляло многихъ западно-русскихъ людей перемѣнить своевольную жизнь въ Литвѣ на страдную въ Москвѣ! Справедливы прекрасныя слова г. Карпова: [50]) «не за деньги и вотчины продавали свое старое положеніе князья и бояре, не за блестящій дворъ, не за улыбку московскаго деспота согласились они служить ему, а за то, что этотъ деспотъ руко-

водилъ великимъ дѣломъ»... введеніе внутренняго порядка въ государствѣ, сверженіе татарскаго ига, стремленіе истребить степняковъ степняками, колонизація востока, наконецъ, великая идея народнаго единства, выраженная въ самой простой формѣ, въ титулѣ: «Государя всея Руси». Со времени же своего брака съ Софіей Палеологъ, раздвинувъ кругозоръ русскаго народа, Іоаннъ III поднялъ знамя еще выше и указалъ ему манящую цѣль впереди. У себя же на родинѣ западно-русскіе люди, составляя громадное большинство въ государствѣ, чувствовали себя какъ бы на чужбинѣ, пасынками, а не сынами; видѣли, какъ ихъ силы, кровь и потъ растрачивались безсмысленно и безцѣльно; они уже извѣрились въ государственныя способности Ягеллоновъ, провидя въ нихъ жалкія орудія иноземной интриги; они извѣрились въ самую возможность сохранить свою національную личность и вѣру, а разъ это сознаніе закралось въ душу, явилось разочарованіе и упадокъ духа. Что тутъ дѣлать? Нельзя стоять на распутьи... И вотъ, одни намѣтили себѣ дорогу въ Римъ, а другіе повалили толпами въ Москву. Кстати замѣтимъ, чтобы не ввести читателя въ заблужденіе, что волненіе активное охватывало въ эту пору преимущественно высшій классъ—князей и бояръ; несмотря на весь ропотъ и недовольство народныхъ массъ, князья и бояре отъѣздчики, сами отпадая, не могли увлечь за собой народныя массы: послѣднія все еще оставались вѣрны Литвѣ и хранили искреннюю привязанность къ Гедиминову роду. Надо было все безуміе и презрѣніе къ малымъ симъ со стороны Сигизмунда III Вазы, его ксендзовъ и пановъ, все

самообольщеніе римской куріи, чтобы введеніемъ уніи, раздражить впослѣдствіи эти массы. Когда первый пылъ пропаганды прошелъ и грозные его результаты обозначились, Александръ струсилъ не на шутку и сталъ употреблять всѣ усилія ослабить эмиграцію: тутъ, какъ изъ рога изобилія, посыпались милости на русскихъ людей: Магдебургское право городамъ,—получили Минскъ и Полоцкъ; земли боярамъ и князьямъ,—получили Глинскіе Василій и Иванъ и Масальскій; города князьямъ,—получилъ Можайскій въ 1497 году Черниговъ, а въ 1499 году Гомель и Стародубъ; разрѣшеніе строить новые и возобновлять старые церкви и монастыри,—самый яркій примѣръ чему основаніе Супрасльскаго монастыря въ 1500 году. Пришлось снять осаду и съ Елены Ивановны и воспользоваться ея услугами, дабы усовѣстить непокорныхъ, успокоить напуганныхъ, вдохнуть довѣріе, поколебленное ложью, двоедушіемъ и клятвопреступленіемъ. Дѣйствительно, за это время подписью охмистра великой княгини Войтеха Яновича [51]) скрѣплены: привилегія Полоцка, дарственная грамота Масальскому, судная грамота князю пинскому,—но все тщетно!

Подарки брали, а бѣжать все-таки бѣжали! Первый въ 1500 году сбѣжалъ Семенъ Бѣльскій, а тамъ потянулись и другіе: Стародубо-Можайскій, Масальскіе, а когда, наконецъ, явились въ Москву ея заклятые враги, герои молдавскаго похода, Шемячичи, Иванъ Васильевичъ, съ торжествомъ извѣщая зятя о семъ знаменательномъ событіи, прибавилъ, что гоненія православныхъ людей въ Литвѣ превзошли всякую мѣру и вынуждаютъ его явиться ихъ защитникомъ и покровителемъ.

Желая смягчить гнѣвъ своего тестя, встревоженный Александръ, въ апрѣлѣ 1500 года, прислалъ посольство въ Москву: впервые опять назвалъ его «государемъ всея Руси», оправдывался во взведенныхъ на него обвиненіяхъ и просилъ выдать эмигрантовъ. Но Иванъ III счелъ настоящую минуту наиболѣе удобной, чтобы отмстить зятю за прошлыя обиды, свести съ нимъ окончательно счеты и порѣшить дѣло оружіемъ. Иванъ III гордо отвѣтилъ, что титулъ написанъ по докончанью; что ни Бѣльскаго, ни кого другого не выдастъ; что на всѣ притѣсненія и обиды, чинимыя его дочери и прочему православному люду, у него есть неопровержимыя доказательства. Вскорѣ затѣмъ отправилъ въ Литву складную грамоту съ объявленіемъ войны: «за христіанство хочетъ стоять, доколѣ Богъ ему поможетъ!» и двинулъ войска на границу.

Для составленія этой главы послужили слѣдующіе источники и пособія:

Сборникъ Императ. Русскаго Историч. общества т. 35 (1882); Акты, относ. къ исторіи Зап. Россіи т. I и II., Акты, относ. и исторіи Южн. и Зап. Россіи, т. I и II; Археограф. сборникъ; Theiner, Vetera monumenta Poloniae 1861: т. II; Monumenta Poloniae historica (pomniki dziejowe polski) т. V. Lwow. 1888; Карповъ, «Исторія борьбы Московск. госуд. съ Польско-Литовскимъ М. 1867; Макарій, «Исторія русской церкви т. IX; Филаретъ, то же; Чистовичъ, то же; Bartoszewicz, Szkic dziejow Kosciola ruskiego w Polsce K. 1880; Ярушевичъ, Ревнитель православія кн. К. И. Острожскій. Смоленскъ. 1897 г.; Нарбутъ, Dzieje narodu litewskiego т. 8; Encyklopedia powschechna; Бобжинскій, Очеркъ исторіи Польши т. II. СПБ. 1888; Sapiehowe т. I. СПБ. 1890; Рождественскій, Служилое землевладѣніе въ Моск. госуд. СПБ. 1897 г.; Елагинъ, В. кн. Е. И. въ Ж. М. Н. Пр. 1841 г.

XI.

Война. Избраніе въ польскіе короли. Замиреніе. 1500—1503.

Александръ былъ застигнутъ врасплохъ объявленіемъ войны, и его военныя силы не были въ состояніи удержать напора русскихъ. Войско ихъ перешло границу и, захватывая волости и города отъѣхавшихъ князей, двинулось двумя отрядами: одинъ дошелъ вплоть до Путивля, другой сталъ у Смоленска и взялъ Дорогобужъ. Отрядами начальствовали знакомые уже намъ даровитые братья: бояре Яковъ и Юрій Захарьины.

Въ Литвѣ враги московскаго государя, раздраженные тѣмъ, что имъ не удалось протянуть время и подготовиться вполнѣ, съ досады утопили русскаго гонца Аѳанасія Вязмитина, привезшаго складную грамоту.

Ко времени вторженія русскихъ, передъ Смоленскомъ стоялъ лучшій полководецъ Литвы князь Константинъ Ивановичъ Острожскій съ войскомъ, а на соединеніе съ нимъ отъ Борисова на Березинѣ спѣшилъ Александръ.

Главный воевода всего войска Московской Руси, князь Даніилъ Щеня, одинъ изъ стаи русскихъ орловъ XV вѣка, зная о раздѣленіи силъ противника

и пользуясь его оплошностью, обрушился всей массой силъ на князя Константина и, въ блестящей битвѣ при рѣкѣ Ведроши 14 іюля 1500 г., близъ Дорогобужа, разбилъ Острожскаго на голову, взявъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ Хрептовичемъ и князьями Друцкими. Извѣстіе о побѣдѣ дошло до Ивана Васильевича на третій день, 17 іюля 1500 года, и привело его самого и всю Москву въ полный восторгъ. И понятно! Сраженіе при Ведрошѣ—одна изъ тѣхъ битвъ, которыми обозначаются поворотные пункты въ исторіи, отъ исхода которыхъ зависитъ судьба государствъ.

Ранняя осень и затѣмъ снѣжная зима пріостановила успѣшныя дѣйствія русскихъ. Очутившись въ безвыходномъ положеніи, Александръ искалъ средства помириться съ тестемъ, искалъ посредниковъ для начатія переговоровъ. Онъ отправилъ посольство къ своему брату, королю Венгерскому, съ просьбой содѣйствовать перемирію. Въ письмѣ [52]) къ королю онъ самъ подтверждаетъ жалобы русскихъ на гоненія; онъ проситъ брата помочь ему ради святой христіанской вѣры, вкорененной въ Литвѣ Владиславомъ Ягайло; онъ жалуется, что не только якобы, Москва, но и его подданные на Руси и Литвѣ пытаются эту вѣру «сказити и сгладити»; что, узнавъ такія намѣренія нѣкоторыхъ князей, онъ покаралъ ихъ, а они бѣжали къ московскому государю. Эта просьба о посредничествѣ не осталась безъ отвѣта. Венгерское и литовское посольства съѣхались зимой 1501 года въ Москвѣ для переговоровъ о мирѣ, но переговоры кончились ничѣмъ, и послы уѣхали въ мартѣ 1501 года, ничего не добившись, какъ ничего.

не добился и панъ Заберезенскій своей особой секретной перепиской съ бояриномъ Яковомъ Захарьевичемъ [12]). Иванъ Васильевичъ даже не подалъ руки посламъ, отпуская ихъ. При всемъ своемъ недовольствѣ великій князь не позабылъ однако послать поклонъ дочери: «и къ дочери своей, къ великой княгинѣ Оленѣ, приказалъ князь велики поклонъ». Это была первая вѣсточка изъ дому послѣ долгаго молчанія!

Съ начала весны 1501 года военныя дѣйствія возобновились. На сей разъ они усложнились. Желая обезопасить южную украйну Литвы отъ вторженія Менгли-Гирея, Александръ успѣлъ науськать на Крымъ степную орду хана Шигъ-Ахмата. Въ то же время онъ нашелъ союзника противъ Ивана Васильевича въ лицѣ Плеттенберга, магистра Ливонскаго ордена. Силы русскихъ такимъ образомъ раздвоились, и на первыхъ порахъ Москва терпѣла неудачи съ ливонцами. Тѣмъ не менѣе и въ это лѣто, 1501 года, война ознаменовалась для Литвы потерей города Мстиславля.

Опасное положеніе, въ коемъ находилось Литовское государство, не помѣшало однако усиленной дѣятельности римской куріи.

Мы уже говорили выше, что митрополитъ Іосифъ, добившись утвержденія своего въ санѣ, поворотилъ тотчасъ въ сторону Рима и сталъ готовить грамоту къ папѣ, которая достигла по назначенію 20 августа 1500 года. Эта грамота представляетъ собой сколокъ съ грамоты митрополита Мисаила, посланной въ Римъ въ 1476 году, но только гораздо короче ея. Признается исхожденіе Св. Духа и «отъ Сына»; признается главенство папы; онъ восхва-

ляется, какъ лучшій пастырь. и его просятъ принять въ свое лоно русскую церковь [53]). Посломъ отправился въ Римъ Иванъ Сапѣга, а въ то же время его престарѣлая мать удалилась въ православный монастырь въ Полоцкѣ.

Что отвѣчалъ папа Сапѣгѣ словесно—мы не знаемъ, но повидимому онъ не торопился письменвымъ отвѣтомъ, потому что на него произвело впечатлѣніе сочиненіе краковскаго каноника Сакрана 1500 года: «Истолкователь заблужденій русской вѣры». Каноникъ, современникъ и человѣкъ близко знавшій дѣло, даетъ много интересныхъ свѣдѣній. Онъ отмѣчаетъ прежде всего приверженность русскихъ къ своей вѣрѣ, «ихъ непреклонность: они убѣгаютъ даже мужей своего обряда и ненавидятъ ихъ ученіе» [54]). Онъ указываетъ на тщетность всѣхъ усилій великаго князя литовскаго, который едва началъ обращать русскихъ къ единству съ римской церковью, какъ лишился многихъ князей и вождей народа, поспѣшившихъ передаться съ яростью московскому государю. Сакранъ также жалуется лукаво, что якобы русскіе хотятъ искоренить католичество. Перечисляя заблужденія русской церкви, Сакранъ подмѣтилъ нѣкоторыя особенности, но вмѣстѣ съ тѣмъ записалъ и много несообразностей.

Что папа внимательно прочиталъ это сочиненіе, видно изъ того, что онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по полученіи грамоты Іосифа, отвѣчая не ему, а Войтеху-Адальберту, епископу виленскому, 28 апрѣля 1501 года, пишетъ: «Какъ ни пріятно было получить извѣстія о ревности епископа Войтеха къ приведенію въ римскую церковь народовъ русской митрополіи,

но онъ, папа, отнесся съ осторожностью къ выраженной покорности самого Іосифа; о дозволеніи ему строить церкви — нечего и думать». Далѣе идетъ слово въ слово мнѣніе Сакрана о русскихъ, объ ихъ вѣрѣ и упорствѣ въ заблужденіяхъ. Въ томъ же духѣ, 7 мая 1501 года, папа писалъ Александру, напоминая ему, что русскіе неоднократно соглашались на унію, но унія тѣмъ не менѣе прерывалась [55]).

Тѣмъ не менѣе посланіе Іосифа настроило папу воинственно и въ іюлѣ 1501 года онъ пишетъ рядъ буллъ: къ Александру, епископу Войтеху, къ кардиналу Фридриху, касающіяся прямо Елены Ивановны. Въ буллѣ къ Александру папа пишетъ осторожно, хвалитъ его за старанія привести жену въ римскій законъ, при чемъ обращалъ де ее не лично, помня клятву данную московскому государю; но въ настоящее время, при ея упорствѣ, папа разрѣшаетъ великаго князя отъ клятвы и даже больше того— онъ требуетъ, чтобы Александръ употребилъ всѣ усилія къ обращенію жены въ католичество; если же Елена Ивановна и затѣмъ будетъ упорствовать, великій князь долженъ удалить ее и отвергнуть ее, какъ жену.

Въ еще болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ пишетъ папа къ епископу Войтеху и кардиналу Фридриху [56]), указываетъ на опасность заблужденій жены для спасенія души самого Александра и многихъ другихъ лицъ, желавшихъ бы возвратиться въ лоно римской церкви, но удерживаемыхъ отъ этого шага примѣромъ упорства великой княгини,—а потому совѣтуетъ употребить самыя строгія мѣры: подвергнуть виновную (и виновныхъ) церковному суду, отлучить,

удалить ее изъ дворца и конфисковать имущество. Для большаго подтвержденія своихъ словъ папа даровалъ епископу Войтеху право меча на еретиковъ. Въ то же время онъ поселилъ въ Вильнѣ братьевъ св. Доминика, игравшихъ роль іезуитовъ до возникновенія въ римской церкви этого ордена. (Братья миноритъ ихъ не любили и видимо пикировались съ ними).

Но Александръ потерялъ уже терпѣніе и не слушалъ папскихъ угрозъ; время шло, а онъ не могъ и не хотѣлъ привести папскую буллу въ исполненіе: онъ искренно любилъ и жалѣлъ свою жену. Со времени ея болѣзни въ немъ совершился крутой переворотъ: онъ правда не могъ уже остановить грознаго хода событій—его несло по теченію—но онъ видимо жалѣлъ, что, внявъ подстрекательству римской куріи, такъ легкомысленно рискнулъ миромъ и согласіемъ съ Москвой и со своими подданными русскаго племени и вѣры, миромъ, добытымъ стóль тяжкою цѣною и столькими усиліями. Папскія буллы ему ни единаго солдата не добыли. Сами братья, короли польскій и венгерскій, оставались безучастными зрителями.

Такъ-то безцѣльно, безсмысленно лилась русская и литовская кровь, разорялась и истощалась несчастная страна въ угоду иноземныхъ происковъ. Не даромъ западно-русскіе люди теряли терпѣніе и громко роптали; а тутъ еще митрополитъ Іосифъ внезапно скончался и въ его смерти православные люди усмотрѣли наказаніе Божіе. Иванъ Васильевичъ оказался Литвѣ не подъ силу, а союзники Литвы Шигъ-Ахматъ и Плеттенбергъ плохо помогали.

Въ сентябрѣ 1501 года, когда уже обозначился неблагопріятный исходъ войны, папа сильно понизилъ тонъ и вновь прислалъ буллу, но въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ: онъ разрѣшалъ, ради ускоренія дѣла проповѣди, не перекрещивать схизматиковъ (эта булла и есть та самая, о которой упоминаетъ авторъ «Записокъ миноритовъ» и о которой мы говорили въ предыдущей главѣ).

Зима 1501—1502 года прошла безъ переговоровъ о мирѣ; можетъ-быть потому, что Александръ увлекся польскими дѣлами.

8-го іюня 1501 года умеръ польскій король Янъ Альбрехтъ, ознаменовавшій свое короткое царствованіе широкими планами; въ Польшѣ настала избирательная агитація. Выгоды Польши и римской куріи требовали скрѣпленія связи между Литвой и Польшей, и потому польскіе магнаты стали склоняться на сторону Александра, минуя любимаго всѣми Сигизмунда. Тѣснимый Москвой Александръ, съ своей стороны, желалъ избранія своего въ короли польскіе, хотя оно усложняло его и безъ того трудное положеніе. Онъ надѣялся съ соединенными силами обоихъ государствъ одолѣть врага. На сторонѣ литовскаго великаго князя была и мать Ягеллоновъ престарѣлая вдовствующая королева Елизавета: она не только удержала Сигизмунда отъ протеста, но и способствовала къ скорѣйшему избранію сына въ короли, «несмотря на свою нелюбовь къ невѣсткѣ» [57]).

Въ декабрѣ 1501 года Александръ Казиміровичъ пріѣхалъ въ Краковъ и былъ коронованъ своимъ братомъ кардиналомъ Фридрихомъ. На торжествѣ, между прочими, присутствовала и мать короля, вдов-

ствующая королева Елизавета, и Конрадъ мазовецкій, когда-то претендентъ на руку Елены Ивановны, и епископъ виленскій Адальбертъ-Войтехъ; только супруга короля, Елена Ивановна, отсутствовала на коронаціи. Слишкомъ враждебно было римское духовенство къ православной королевѣ, чтобы допустить коронованіе ея. Еще недавно писались грозныя папскія буллы, а Краковскій капитулъ негодовалъ на самого Александра за его женитьбу, какъ увидимъ то ниже. Современники постарались запечатлѣть въ народной памяти, что Елена Ивановна не была коронована изъ-за приверженности своей къ греческому закону, изъ-за своего упорства. Отмѣчаютъ это миноритъ, говоря, что она не была коронована, ибо отвергла возсоединеніе съ римскою церковью; отмѣчаетъ Sarnicki «diadema denegatum est»; въ роскошно изданномъ описаніи коронованіи Александра имя Елены пропущено, равно какъ и въ молитвахъ, среди многочисленныхъ изображеній отсутствуетъ портретъ королевы. Елена Ивановна и не добивалась коронованія [58]). Не ранѣе 4-го февраля 1502 года, когда коронаціонныя торжества были уже на исходѣ, пріѣхала она въ Краковъ провѣдать мужа, въ чаду празднествъ позабывшаго и про Литву, и про войну. Пріѣхала она, конечно, со своимъ придворнымъ штатомъ и придворнымъ духовенствомъ, которое въ церкви, построенной четвертой женой Ягайла—Сонкой (Софія Андреевна, княжна кіевская), совершало безпрепятственно православное богослуженіе. Такъ, въ виду всей Польши, въ самомъ ея центрѣ, отстояла Елена Ивановна свое право свободнаго вѣроисповѣданія [59]).

Въ довершеніе всего она стала фактически королевой польской. Братья миноритъ отмѣчаютъ этотъ фактъ, говоря, что ее всѣ называютъ королевой, хотя она, какъ схизматичка, не была таковою.

Александръ доказалъ свою любовь къ женѣ на дѣлѣ: ни папскія буллы, ни увѣщанія кардинала-брата, епископа Войтеха, всей родни не заставили его измѣнить женѣ. Наоборотъ—въ Краковѣ, судя по словамъ польскаго историка и по ряду жалованныхъ грамотъ, Елена Ивановна была осыпана милостями мужа.

Коронаціонныя торжества [60]) продолжались: устраивались турниры, всякаго рода развлеченія, наконецъ, пиры для пановъ и ученаго сословія.

Наступила весна, а съ нею и военныя дѣйствія, сборы и тревоги, о которыхъ безпечный Александръ позабылъ въ чаду удовольствій, но не забыла Елена Ивановна: ей удалось уговорить мужа разстаться съ краковскими соблазнами и вернуться въ Литву, гдѣ война была уже на чеку, и гдѣ вскорѣ по ихъ пріѣздѣ, весной 1502 года, открылись военныя дѣйствія. Нарбутъ, на основаніи Стрыйковскаго, характерно описываетъ энергичный поступокъ королевы: она поспѣшила въ Краковъ не ради осмотра пышной столицы, а чтобы отправить своего коронованнаго супруга въ Литву... Ей лучше другихъ извѣстны были намѣренія великаго князя Ивана Васильевича *).

*) Skwapliwie Helena pospieszyla do Krakowa nie tak z ciekawosci oglądania tej pysznej stolicy królestwa swego, jako raczej, aby swego ukoronowanego małżonka sprowadzić do Litwy, gdzie zbieg okolicznosci pobytu jego wymagał nieodzwonie: jej bowiem najlepiej wiadome były zamiary W. X. Jana i ona naiprędzej się o tem dowiedzieć byla w stanie (страница 413).

Отмѣченный Нарбутомъ поступокъ Елены Ивановны характеризуетъ какъ ее, такъ и Александра, и говоритъ о многомъ. Пребываніе въ Краковѣ съ его соблазнами расшатало и безъ того слабое здоровье короля и подготовило тотъ кризисъ, который ускорилъ его кончину. Осыпанная милостями короля, Елена Ивановна не забыла русскихъ людей, которые выносили всѣ тягости войны; она была ихъ ходатайницей предъ мужемъ и многія жалованныя грамоты въ ихъ пользу помѣчены Краковомъ. Отнынѣ вліяніе ея на короля идетъ въ восходящей линіи, а твердое мужественное поведеніе ея заставило умолкнуть враговъ.

Покинувъ Краковъ, Александръ не прямо направился въ Литву, а предварительно, вмѣстѣ съ женой, объѣхалъ Польшу, вездѣ принимая присягу на вѣрность и возбуждая польскій народъ прійти на помощь Литвѣ. Это путешествіе дало Еленѣ Ивановнѣ случай познакомиться съ новой страной и съ новыми подданными своего супруга. Однако на призывы короля поляки откликнулись вяло, и надежды Александра не оправдались. Счастье опять улыбнулось Московской Руси. Плеттенбергъ, магистръ ливонскаго ордена, былъ разбитъ русскими, а Менгли-Гирей извѣстилъ своего закадычнаго союзника, что покончилъ со степной ордой хана Шигъ-Ахмата и руки у него развязаны; князь Дмитрій, по прозванію Жилка, второй сынъ Ивана III, осадилъ Смоленскъ и, если не могъ его взять, то разорилъ окрестности, взялъ Оршу, выжегъ посадъ Витебска и угрожалъ самому Полоцку.

Александръ, убѣдился окончательно, что ему не справиться съ московскимъ государемъ даже въ сою-

зѣ съ Польшей, отъ папскихъ же буллъ помощи было мало. Единственнымъ средствомъ къ спасенію государства оставалось—перемиріе и вотъ зима 1502—1503 годовъ вся проходитъ въ переговорахъ [61]).

Въ январѣ 1503 года пріѣхалъ въ Москву посолъ Сигизмундъ Сантай, но не отъ имени Александра, а отъ имени венгерскаго короля Владислава Казиміровича и римскаго папы, какъ посредниковъ. Привезенныя имъ грамоты (отъ римскаго папы 1501 года, венгерскаго короля отъ 1502 года и кардинала Регнуса отъ 1502 года) трактовали одно и то же: христіанству де грозитъ бѣда отъ турокъ и по сей то причинѣ неудобны и прискорбны ссора и междоусобная война Москвы съ Литвой. Ни въ одной изъ грамотъ не упоминалось о причинѣ войны и посолъ Сантай, только въ своей рѣчи слегка коснулся положенія Елены Ивановны, замѣтивъ, что онъ, «вещественными очами» видѣлъ великую княгиню, которая находится въ должной чести и уроженнаго обычая «держится».

Широковѣщательныя и риторическія грамоты и рѣчи не произвели впечатлѣнія на московскаго государя. Ясно и точно формулировалъ онъ въ своемъ отвѣтѣ послу Сантаю сущность этихъ грамотъ (послѣ чтенія послѣднихъ, сильно отзывающихъ риторичностью подлинника и его плохимъ переводомъ, ясность отвѣтовъ Ивана Васильевича дѣйствуетъ особенно пріятно). На трескучія фразы объ опасности христіанству отъ ислама—Иванъ Васильевичъ съ гордостью отвѣчалъ. «Мы съ Божіей помощью и волей какъ напередъ того за христіанство противу поганства стояли, такъ и нынѣ стоимъ и будемъ стоять».

Громкими фразами о войнѣ съ полумѣсяцемъ нельзя было подкупить московскаго государя, предки коего вынесли безъ громкихъ фразъ и рѣчей всю тяжесть татарскаго ига и довели до паденія Золотую Орду.

Перейдя къ дѣлу, великій князь разъяснилъ причину войны съ зятемъ и, мало того, открыто заявилъ венгерскому королю Владиславу и папѣ, а въ ихъ лицѣ какъ бы всему западу Европы, то, что не однажды говорилъ зятю: «короли Владиславъ и Александръ—отчичи Польскаго королевства и Литовской земли отъ своихъ предковъ, а Руская земля отъ нашихъ предковъ наша отчина». Эту де отчину онъ переступилъ «свойства дѣля», а теперь, въ виду вѣроломства зятя, «за свою отчину будетъ стоять».

Переговоры на томъ и кончились. Сантай добился одного: литовскимъ посламъ было разрѣшено пріѣхать въ Москву для переговоровъ о мирѣ.

4 марта 1503 года въ Москву прибыло великое литовское посольство. Въ числѣ его мы встрѣчаемъ королевскаго писаря и канцлера Елены Ивановны—Ивана Сапѣгу, а также ея охмистра Войтеха Яновича. Сверхъ того прибыли посолъ венгерскаго короля и послы ливонскаго ордена. Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ заручился грамотами отъ епископовъ краковскаго и виленскаго, отъ рады польской и литовской, а главное—письмами жены своей. Послѣднія для насъ особенно важны и интересны, но о нихъ поговоримъ подробнѣе послѣ; предварительно же посмотримъ на общій ходъ переговоровъ.

Заявленіе пословъ было очень смѣло: московскій великій князь нарушилъ мирное докончанье съ зятемъ; незаконно захватилъ города и волости; началъ вой-

ну, благодаря коей льется христіанская кровь и радуется поганство. Александръ Казиміровичъ и его братъ Владиславъ желаютъ прекращенія кровопролитія и возвращенія городовъ и волостей, захваченныхъ московскими войсками. Иванъ Васильевичъ молча выслушалъ рѣчи пословъ; выслушала ихъ и великая княгиня Софія Ѳоминишна; оба приняли грамоты отъ дочери на ихъ имя, и только спустя недѣлю было приказано посламъ быть на государевомъ дворѣ, гдѣ бояре, и во главѣ ихъ Яковъ Захаровичъ, сообщили посламъ отвѣтъ государя. Иванъ III сдержанно объявлялъ, что докончанье нарушилъ не онъ, а зять, и привелъ длинный перечень проступковъ литовскаго государя. Заключеніе въ отвѣтѣ было столь же смѣло, что и требованіе Александра: Русская земля его «отчина» и «не то одно наша отчина, кои городы и волости нынѣ за нами, а вся русская земля Божіей волей, изъ старины, отъ нашихъ предковъ и прародителей наша отчина». Такимъ образомъ обѣ стороны заявили такія требованія, что о мирѣ нечего было и думать.

Тѣмъ временемъ между московскими боярами и послами, уже не отъ имени короля, но отъ имени польской и литовской рады, шли болѣе интимные переговоры, а посредникомъ ихъ являлся венгерскій посолъ... Но Иванъ Васильевичъ стоялъ на своемъ и требовалъ всей русской земли. Изъ этой невозможной дилеммы нашли, наконецъ, приличный выходъ: 17 марта 1503 года послы подали запись уже не о мирѣ, а только о перемиріи. Переговоры о послѣднемъ тянулись нѣсколько дней: спорили о волостяхъ, наконецъ, столковались, и перемирная грамота была

написана. Перемиріе заключили на 6 лѣтъ, и Иванъ Васильевичъ получилъ всѣ волости, имъ занятыя во время войны, не добился одного Смоленска. 28 марта 1503 года грамота была скрѣплена крестнымъ цѣлованьемъ со стороны великаго князя, но передъ отпускомъ пословъ Иванъ Васильевичъ вспомнилъ о дочери, и послы были принуждены сознаться, что папа дѣйствительно неодократно требовалъ отъ Александра—привести жену въ послушаніе римскому престолу; послы сознались, что и по сіе время папскій посолъ находится въ Польшѣ и спрашивали: не желаетъ ли московскій государь снестись съ папой? Такъ дипломатично постарались послы выгородить своего государя отъ отвѣтственности и поставить Ивана III лицомъ къ лицу съ римской куріей, настоящей виновницей всей смуты и войны. Московскій государь отвѣтилъ гордо, что до папы ему дѣла нѣтъ, и напомнилъ Александру свои прежнія требованія о непринужденіи Елены Ивановны къ переходу въ римскій законъ, о церкви и такъ далѣе.

Ивану же Сапѣгѣ великій князь передалъ отвѣтную грамоту на имя дочери, о коей мы скажемъ далѣе.

Для составленія этой главы послужили слѣдующіе источники и пособія: Акты, относ. къ исторіи Зап. Россіи т. I; Сборникъ Императ. Русскаго Историч. общества т. 35. 1882; Theiner, Vetera monumenta Poloniae. т. II, 1861 г.; Стрыйковскій, Chronica (польское изданіе); Карамзинъ т. 6, изд. Смирдина 1852; Соловьевъ Ист. Россіи; Иловайскій, ист. Россіи т. II; Макарій Исторія русской церкви т. IX; Чистовичъ, Исторія западно-русской церкви; Ярушевичъ, Ревнитель православія кн. К. И. Острожскій 1897 г.; Карповъ, Исторія борьбы Моск. госуд. съ Польско-Литовскимъ 1867 г.; Encyklopedia powsch.; Нарбутъ—т. 8; Gołębiowski, Dzieje polski. W. 1848 т. III.

XII.

Участіе Елены Ивановны въ политическихъ событіяхъ. Письмо ея.

Въ настоящей главѣ мы постараемся отмѣтить долю участія Елены Ивановны въ политическихъ событіяхъ и надѣемся доказать значеніе ея дѣятельности.

Но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о политическихъ событіяхъ въ Польшѣ и Литвѣ со дня смерти польскаго короля Яна Альбрехта, 8 іюня 1501 года, по январь того же года.

Голембіовскій въ своей исторіи Польши за время царствованія Ягеллоновъ ссылается на рядъ интересныхъ документовъ изъ библіотеки Радивилловъ въ Несвижѣ и изъ архива короля Станислава Августа; въ примѣчаніяхъ къ исторіи эти документы приводятся имъ частью сокращенно въ переводѣ на польскій языкъ, частью въ подлинныхъ выраженіяхъ по-латыни. Изъ этихъ документовъ видно, что тотчасъ же по смерти Яна Альбрехта у Александра завязалась дѣятельная переписка съ его братомъ, кардиналомъ Фридрихомъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ, примасомъ польскаго духовенства въ королевствѣ. Главнымъ предметомъ переписки было—

*

избраніе Александра въ польскіе короли, при чемъ кардиналъ обѣщалъ ему свое содѣйствіе и дѣйствительно исполнилъ свое обѣщаніе. Такъ 4 августа 1501 года [61]) Фридрихъ пишетъ Александру: «читалъ твое письмо матери. Мы оба увѣрены, что ты будешь домогаться короны польской приличнымъ способомъ, а не силой и оружіемъ, какъ о томъ ходитъ о тебѣ молва». Александръ поспѣшилъ оправдаться и уже въ половинѣ августа 1501 года пишетъ отвѣтное письмо кардиналу и проситъ его быть посредникомъ между имъ и матерью: смягчить нерасположеніе къ нему матери (изъ-за жены) и постараться снять съ нихъ обоихъ незаслуженныя обиды и оскорбленія; они оба де съ женой желаютъ выказать матери покорность. Приводимъ въ переводѣ подлинныя любопытныя выраженія. «Да соблаговолитъ Ваша Свѣтлость успокоить раздраженіе Ея Величества (т.-е. Елизаветы) и да соблаговолитъ умягчить ее, увѣряя отъ нашего имени, что мы, согласно нашему обычаю, желаемъ поступать согласно волѣ Ея Величества вмѣстѣ съ супругой нашей, которая предоставляетъ себя въ полное распоряженіе Ея Королевскаго Величества и желаетъ не менѣе, чѣмъ послѣдняя раба, служить Ея Величеству и все, что ни соблаговолитъ Ея Величество, все то исполнитъ она съ полной радостью и покорностью. И да не думаетъ Ея Величество, что обычаи и настроеніе моей супруги таковы, каковыми усматриваетъ ихъ Ея Величество и каковые, быть можетъ, въ моей супругѣ Ея Величеству не понравились. Въ настоящее время ея обычаи и настроеніе таковы, что не возбудятъ неудовольствія

Ея Величества, а что должно будетъ ей не понравиться, все то будетъ измѣнено согласно волѣ и желанію Ея Величества. Такимъ образомъ какъ мы, такъ и наша супруга желаемъ и обѣщаемъ служить Ея Величеству и повиноваться во всемъ, согласно нашему обычаю» [62]). (Ex. M. S. Bibl. Rad. Nesvis 1501).

Письмо это, написанное, конечно, не безъ вѣдома и не безъ участія Елены Ивановны, подтверждаетъ нашу мысль, что ею было сдѣлано все возможное, чтобы не быть помѣхой мужу и посспособствовать его избранію. Въ силу этой переписки кардиналъ Фридрихъ черезъ посредство Яна Ласоцкаго, далъ знать своему брату Владиславу, королю венгерскому, что хотя онъ лично былъ на сторонѣ Владислава и дѣйствовалъ въ его пользу, но въ Польшѣ желали самостоятельнаго отъ Венгріи короля и болѣе тѣснаго союза съ Литвой, и это желаніе перетянуло всѣхъ на сторону Александра [63]).

Такъ сильно было стремленіе римской куріи и католической партіи въ Польшѣ и Литвѣ во что бы то ни стало сохранить и скрѣпить связь Литвы съ Польшей, что несмотря на то, что Елена Ивановна своимъ упорствомъ нанесла имъ чувствительный ударъ и пораженіе, они все это проглядѣли сквозь пальцы и, въ концѣ-концевъ, настояли таки на избраніи Александра въ короли. Изъ двухъ золъ выбирали меньшее: тяжко имъ было видѣть схизматичку на тронѣ Польскомъ, еще тяжелѣ было бы имъ потерять Литву навѣки.

Покорившись силѣ судьбы, папа римскій и польское духовенство тѣмъ не менѣе были въ высшей степени раздражены и съ трудомъ выносили посрам-

леніе. Легко понять поэтому, что пріѣздъ Елены Ивановны въ Краковъ послѣ коронованія мужа переполнилъ чашу ихъ терпѣнія и возбудилъ ропотъ и негодованіе въ клерикальномъ мірѣ и въ средѣ краковскаго соборнаго капитула. Члены послѣдняго открыто и громко заявляли, что договоръ о бракосочетаніи московской княжны съ великимъ княземъ литовскимъ есть дѣло легкомыслія Александра; онъ де плохой христіанинъ, и самое присутствіе его оскорбляетъ Бога.

Желая обуздать дерзкія выходки, Александръ при отъѣздѣ своемъ изъ Кракова, приблизительно около марта или апрѣля 1502 года, написалъ кардиналу Фридриху письмо, гдѣ рѣзко осуждалъ поведеніе краковскаго капитула [64]). Перечисливъ всѣ вышеприведенныя выходки, онъ прибавляетъ далѣе: «между тѣмъ въ дѣлѣ о бракосочетаніи мы дѣйствовали лишь съ согласія папы и съ содѣйствія кардинала Фридриха. Какъ бы то ни было, краковскому капитулу не подобаетъ въ это вмѣшиваться: это соблазнъ и худой примѣръ для младшихъ. Другое дѣло, если бы лица высшія по своему положенію и по своему просвѣщенію выразили бы намъ свои мысли письменно и подъ секретомъ... мы были бы имъ благодарны даже, но мы не допустимъ выходокъ, подобныхъ вышеприведеннымъ». Это рѣзкое письмо короля показываетъ уже, насколько онъ успѣлъ эмацинироваться изъ подъ ферулы Рима; онъ чувствовалъ, что не столько онъ нуждается въ католической партіи, сколько она въ немъ, а потому и набрался смѣлости.

Стараясь смягчить гнѣвъ короля и выгородить

капитулъ, кардиналъ Фридрихъ бралъ отчасти вину на себя. Онъ отвѣчалъ: «Поводомъ къ неудовольствію на краковскій капитулъ можетъ-быть послужило то, что хотя, дѣйствительно, мнѣ еще въ Римѣ былъ довѣренъ интересъ бракосочетанія Вашего Величества, но я нашелъ нужнымъ посовѣтоваться и съ другими лицами, болѣе меня свѣдующими и просвѣщенными»... отчего и вышелъ де весь шумъ [65]).

Нельзя не отмѣтить перемѣны въ тонѣ Александра при веденіи теперь переговоровъ. Онъ осторожно пишетъ брату, съ достоинствомъ держитъ себя по отношенію къ римскому духовенству, онъ иначе ведетъ переговоры и съ Московскимъ государемъ. Во время же Молдавскаго похода и передъ войной рѣчи его были задорны, легкомысленны. Теперь Александръ измѣнился подъ вліяніемъ ударовъ судьбы и, думаемъ, подъ вліяніемъ жены, которая умѣла вести переговоры и съ отцомъ и съ панами.

Мы уже говорили выше, что надежды Александра на удачный исходъ войны при помощи Польши не оправдались и государство оказалось на краю гибели,—и вотъ сами гордые польскіе прелаты, съ кардиналомъ Фридрихомъ во главѣ, были вынуждены обратиться къ Еленѣ Ивановнѣ съ смиренной мольбой о посредничествѣ передъ ея грознымъ отцомъ. Самое содержаніе этого посланія намъ неизвѣстно, знаемъ только заглавіе рукописи; оно гласитъ: Fredericus Cardinalis caeterique Episcopi Regni Poloniae, Elenae Reginae, Conjugi Regis Alexandri O pośrednictwo [66]), то-есть: кардинала Фридриха и прочихъ епископовъ королевства Польскаго, Еленѣ королевѣ, супругѣ короля Александра. О посредни-

чествѣ. (M. S. Bibl. Rad. Nesvis). Въ той же библіотекѣ Радивиловъ въ Несвижѣ значится полный достоинства отвѣтъ Елены Ивановны, а именно: (M. S. Bibl. Rad. Nesvis. 1502 d. 28 7-bris, то-есть 28 сентября). List Heleny krolowéj do Fryderyka kardynała i biskupow polskich, z Minska pisany. Приводимъ переводъ съ польскаго: Письмо королевы Елены къ кардиналу Фридриху и польскимъ епископамъ въ Минскѣ писанное [67]). «Получила я письмо ваше, въ которомъ вы высказываете вашу печаль по поводу войны между моимъ мужемъ и отцомъ и не скрываете удивленія вашего, что я, столь близко имъ обоимъ родственная, не дѣлаю усилій прервать ее, что доставило бы мнѣ великую славу. Мои чувства были тождественны съ вашими: скорбѣла о томъ, но покорная мужу, ничего не смѣла предпринять безъ его воли, а разъ вы меня вызвали, примусь за дѣло охотно, лишь только получу разрѣшеніе на то отъ короля».

Письмо Елены Ивановны писано по польски; между тѣмъ вся переписка Александра ведется на латинскомъ языкѣ. Фактъ интересный, онъ показываетъ намъ, что королева знала польскій языкъ и вела переписку самостоятельно. Латинскій языкъ, какъ ей неизвѣстный, не былъ пригоденъ.

Это письмо Елены Ивановны несомнѣнно доказываетъ, что она не иначе согласилась вмѣшаться лично въ политику и взять на себя хлопоты о посредничествѣ, какъ только заручившись письменнымъ на то согласіемъ Рима и его сторонниковъ въ Польшѣ и Литвѣ. Краковскія событія послужили ей хорошимъ предостереженіемъ, и она, подобно отцу, всегда

осторожная и осмотрительная, воспользовалась первымъ представившимся ей случаемъ. Александръ, отнынѣ дѣйствуя въ полномъ согласіи съ женой, оказалъ ей сильную поддержку. Вскорѣ послѣ того, приблизительно около ноября 1502 года, Александръ пишетъ венгерскому королю: «О мирѣ съ великимъ княземъ московскимъ хлопочетъ наша жена и литовскіе сенаторы; тѣмъ не менѣе благодаримъ за отправку туда же Сигизмунда Сантая». Въ томъ же Архивѣ [68]), королевской метрики встрѣчаемъ любопытный отвѣтъ Сантая Ивану Васильевичу. «На вопросъ великаго князя русскаго сообщилъ ему, что не имѣю никакихъ свѣдѣній насчетъ костела въ Вильнѣ, но въ лагерѣ видѣлъ королеву и ея дворъ въ святынѣ русской».

Таковы были предварительныя хлопоты и переговоры о мирѣ въ самой Литвѣ и Польшѣ, прежде чѣмъ великое посольство 4 марта 1503 года прибыло въ Москву. Мы видимъ, что великая княгиня принимала въ нихъ самое живое личное участіе. Столь же дѣятельное участіе принимала она и въ Москвѣ черезъ посредство своихъ личныхъ представителей: Войтеха Яновича Клочко, и Ивана Семеновича Сапѣги, ея канцлера. Всѣ они, конечно, имѣли отъ нея наказы, но еще бо̀льшее историческое значеніе имѣютъ ея письма на имя отца, матери и братьевъ, которыя она прислала въ Москву вмѣстѣ съ посольствомъ, и тѣ изустныя рѣчи, которыя Сапѣга держалъ отъ ея имени и согласно ея наказу [69]).

Прошло пять лѣтъ съ 1498 года, какъ прервалась ея переписка съ отцомъ, и только теперь, въ

1503 году, она впервые возобновилась. Но какая перемѣна! Тогда писала неопытная робкая ученица, трепетавшая передъ своимъ строгимъ учителемъ-отцомъ, не смѣвшая шагу ступить, платье перемѣнить безъ его согласія; нынѣ это пишетъ королева польская, побѣдоносно выдержавшая борьбу съ римскимъ престоломъ; искусная въ обхожденіи съ кардиналами и прелатами, черезъ Краковъ заглянувшая и въ Западную Европу. Возможно ли, чтобы въ письмахъ женщины, прошедшей такую школу и выучку не сказалась бы эта перемѣна и въ тонѣ, и въ оборотахъ рѣчи, и въ самой манерѣ выражаться, и въ самомъ ея языкѣ русскомъ?

Письма Елены Ивановны извѣстны съ давнихъ поръ и приводятся цѣликомъ въ большинствѣ историческихъ трудовъ, не говоря уже объ изданіяхъ актовъ того времени. Польскіе писатели нѣсколько разъ переводили ихъ и пользовались ими, какъ матеріаломъ для характеристики великой княгини. Они видятъ въ этихъ письмахъ памятникъ такта и сердечнаго участія Елены Ивановны въ политическихъ дѣлахъ ея новаго отечества; по ихъ словамъ, въ нихъ сказался «весь умъ, все сердце княгини».

Другіе историки, особенно русскіе, относятся къ письмамъ презрительно, приравнивая ихъ къ обыкновеннымъ посольскимъ рѣчамъ; отрицаютъ въ нихъ личное участіе Елены Ивановны и называютъ ихъ «воплемъ несостоятельной литовско-польской брачной политики».

Посмотримъ чей взглядъ справедливѣе?

Письмо Елены Ивановны пространно. По общему своему тону оно, дѣйствительно, подходитъ

къ тону посольскихъ рѣчей и недаромъ Иванъ Васильевичъ упрекалъ дочь въ неискренности. Да иначе и быть не могло: это письмо было оффиціальное, извѣстное литовско-польскому правительству; въ немъ великая княгиня и королева являлась представительницей интересовъ своего мужа и государства, а цѣль письма была—способствовать заключенію мира,—поэтому дико было бы съ ея стороны противорѣчить посламъ. По нашему мнѣнію оффиціальная часть письма составлена въ канцеляріи великой княгини ея канцлеромъ Иваномъ Семеновичемъ Сапѣгой, была просмотрѣна Еленой Ивановной и одобрена литовскимъ правительствомъ, но средняя часть письма—лирическая несомнѣнно продиктована ею Сапѣгѣ и записана имъ съ ея словъ. Здѣсь она имѣла въ виду не только своего отца, но и подданныхъ своего мужа; это былъ какъ бы ея оправдательный манифестъ во всеуслышаніе русскихъ, литвиновъ и поляковъ. Здѣсь Еленѣ Ивановнѣ представился удобный случай оправдаться въ глазахъ послѣднихъ во взводимыхъ на нее нареканіяхъ со стороны родственниковъ Александра, его пановъ и католическаго духовенства, излить всю душу и всю горечь, накопившуюся за столько лѣтъ молчаливыхъ страданій. Умная и дальновидная, могла ли она упустить подобный случай? Она имъ воспользовалась вполнѣ и достигла своей цѣли. Ея письмо имѣло огромный успѣхъ у современниковъ, да и впослѣдствіи всегда читалось и комментировалось съ интересомъ. Мѣстами очень ярко и драматично рисуется положеніе самой княгини и слышится сдерживаемое горькое чувство и потому, несмотря на

искусственное построеніе рѣчи, на неискренность, которая поражаетъ всякаго знакомаго съ истиннымъ ходомъ политическихъ дѣлъ, задушевность иныхъ строкъ и глубокая скорбь, просвѣчивая порой, подкупаютъ невольно читателя. Польскіе писатели правы, когда придаютъ письму важное значеніе для характеристики самой княгини: оно дѣйствительно является важнымъ вещественнымъ памятникомъ ея дѣятельности тѣмъ болѣе, что онъ не единственный, а подкрѣпляется другими подобными же. Въ ея перепискѣ съ отцомъ, веденной внѣ всякаго вліянія литовской канцеляріи, мы уже встрѣчали выраженія, не менѣе сильныя по своей задушевности; ловкость съ какою она, еще неопытная, умѣла отвѣчать отцу и выпутываться изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ ее зачастую ставилъ, подтверждаетъ то, что она была вполнѣ способна продиктовать и свое письмо кардиналу Фридриху.

Письмо Елены Ивановны къ отцу заслуживаетъ полнаго вниманія и каждый, кто прочтетъ внимательно, можетъ замѣтить двойственный, такъ сказать, характеръ его. Начинается оно обычнымъ вступленіемъ: «Государю отцу моему Ивану, Божіею милостью государю всея Русіи (Елена Ивановна всегда признавала за отцомъ этотъ титулъ)... Олена, Божіею милостью королеваа Полская и великая княгини Литовскаа, Рускаа... дочи твоя, челомъ біетъ», за которымъ слѣдуетъ, въ спокойномъ дѣловомъ тонѣ, оффиціальная часть письма. Королева всецѣло стоитъ за интересы Литвы; она знаетъ, что мужъ ея послалъ своихъ великихъ пословъ потолковать объ обид-

ныхъ дѣлахъ, чинимыхъ его государству отъ Москвы. Описывая бѣдствія войны,—«кровь христіанская пролилась»,—Елена Ивановна винитъ отца и оправдываетъ мужа. Она указываетъ, что отецъ выдалъ ее за такого же брата, какъ онъ самъ, и что за нею ничего не далъ, а мужъ держитъ ее тѣмъ не менѣе въ чести и въ любви. О религіозныхъ притѣсненіяхъ она умалчиваетъ, но это умолчаніе есть уже краснорѣчивое доказательство. Будь малѣйшая возможность, Елена Ивановна постаралась бы опровергнуть обвиненія въ притѣсненіяхъ: упомянула же она, что ходитъ въ церковь, что въ Краковѣ и по всѣмъ польскимъ городамъ правила службу на дворѣ своемъ по уставу св. греческой церкви. Наконецъ, королева напоминаетъ отцу, что мужъ неоднократно пробовалъ завести переговоры о мирѣ, но тщетно. Тяжелое положеніе Литовскаго государства заставляетъ родню Александра и пановъ разочароваться въ бракѣ великаго князя... «Матка его, и братья его короли, и зяти его и сестры и панове рада его... всѣ надѣялися чтоби со мною зъ Москвы на Литву пришло все доброе»... а между тѣмъ они «видятъ, что со мною все лихо къ нимъ вышло». Упоминаніе о роднѣ мужа вызываетъ скорбный вопль Елены Ивановны: «Помысль, государю отче... и умилосердись!» Вслѣдъ затѣмъ начинается наиболѣе картинная и задушевная часть письма: здѣсь говоритъ уже не королева, не жена Александра Казиміровича, здѣсь дочь съ глубокою скорбью рисуетъ отцу тяжелую картину своего состоянія: «Я, служебница и дѣвка твоя, и подножье твое, Господа Бога со слезами молила, чтобы тебе Господь Богъ держалъ на

многіе лѣта здорового, счастливого, веселого...» а его здоровіемъ и ей «мирное пребываніе въ государьствѣ, а отъ государя моего любовь, а отъ нашихъ земль подданныхъ дары и служба, но, господине, твоимъ нежалованіемъ все то мнѣ обернулось въ горькія слезы». Слова «какъ ми очи свои указати свекрови своей, и которымъ потѣшеніемъ имать обослати и невидѣти мене дѣверь мой...» звучатъ на образецъ народныхъ причитаній и плачей, примѣръ которыхъ можно встрѣтить и на страницахъ лѣтописей. Достигнувъ высшей точки своей въ словахъ: «Лучше ми было подъ ногами твоими, государя своего», въ твоей землѣ умерети, нежели тую славу о себѣ чюти», плачъ Елены Ивановны обрывается: она отъ скорби своей не можетъ «шире» писать и переходитъ на дѣловой тонъ. Она проситъ отца согласиться на миръ, проситъ милостиво выслушать пословъ ея мужа, проситъ ради ея тяжелаго положенія; указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на ту пользу, какую принесетъ заключеніе мира для церкви и для людей греческаго закона, а ей «великое въ вѣрѣ потверженіе». И снова вырывается изъ устъ ея лирическое отступленіе: «вся вселенная... толко на мене вопіетъ,—коли бы де и она хотѣла, николи бы де и того лиха не было».

Лирическія отступленія и придаютъ письму Елены Ивановны особый интересъ. Помимо историческаго своего значенія, оно пріобрѣтаетъ значеніе литературнаго памятника. Въ нашей древней литературѣ мало произведеній этого рода, а письму Елены Ивановны, сверхъ того, нельзя отказать въ художествен-

ныхъ достоинствахъ, въ задушевности и въ производимомъ на читателя впечатлѣніи *).

Таково письмо, которое Иванъ Сапѣга подалъ отцу и братьямъ, и сверхъ того правилъ челобитье Елены Ивановны, то-есть говорилъ рѣчь отъ ея имени къ отцу. Это происходило въ день оффиціальнаго пріема посольства, но въ отсутствіе пословъ, удалившихся на половину Софіи Ѳоминишны; Сапѣга же носилъ къ ней — Софіи — письмо дочери, но также наединѣ отъ пословъ.

Челобитье Елены Ивановны къ отцу по существу своему не отличается отъ письма. Въ немъ великая княгиня сообщаетъ отцу, что ей вѣдома цѣль посольства, и она проситъ отца утолить гнѣвъ свой на зятя и прекратить войну, изъ-за которой льется христіанская кровь и радуется поганство. Въ заключеніе рѣчи Елена Ивановна повторяетъ о своемъ тяжеломъ положеніи: отовсюду слышитъ она упреки, что война ведется изъ-за нея; что будь желаніе Елены Ивановны иное, отецъ изъ любви къ дочери послушался бы ея. Проситъ, подъ конецъ, великая княгиня отца не сердиться на то, что въ письмѣ своемъ *широко* пишетъ, другими словами, извиняется, что можетъ быть написала что̀ лишнее, отступивъ отъ московскаго образца; выражалась витіевато, а не въ московскомъ дѣловитомъ трезвомъ духѣ.

Въ письмахъ къ матери и братьямъ выпущена политическая часть; сохранены многія лирическія мѣста въ сжатомъ видѣ и просьбы о заступничествѣ.

Иванъ Васильевичъ оцѣнилъ письмо дочери по

*) Интересный вопросъ представляетъ самый языкъ письма, какъ языкъ смѣшанный.

своему. Въ политическихъ дѣлахъ онъ руководился одними государственными соображеніями. Въ письмѣ Елены Ивановны онъ обратилъ вниманіе только на религіозный вопросъ, и сверхъ того замѣтилъ: «не пригоже тебѣ дочка не по дѣлу намъ писати». Онъ негодуетъ, что она обманула его: скрыла религіозныя притѣсненія въ то время, когда послы ея мужа сами сознались въ папскихъ насиліяхъ. Тяжелое положеніе дочери обезпокоило Ивана Васильевича только въ одномъ отношеніи: не учинила бы нечести роду своему и закону греческому, не соблазнилась бы въ латинство—и поэтому оба, отецъ и мать, строго-на-строго наказываютъ дочери блюсти вѣру православную«и хоти будетъ тебѣ, дочка, про то и до крови пострадати и ты бы пострадала, а того бы еси не учинила». Такъ онъ учитъ ее сурово, безъ тѣни какой либо чувствительности, потому что и самъ бы такъ поступилъ при случаѣ: не пожалѣлъ бы и самого себя. Москва въ ту пору не научилась еще играть словами: слово соотвѣтствовало мысли, а дѣло—слову. Если же, продолжаетъ онъ, она покривитъ душою,—отецъ и мать лишатъ ее благословенія, а съ зятемъ Иванъ Васильевичъ будетъ вести рать безъ конца.

Этотъ наказъ—отвѣтъ на челобитье, а не на письмо—Иванъ Васильевичъ сообщилъ Сапѣгѣ 4 апрѣля 1503 года.

7-го числа апрѣля посольство тронулось въ обратный путь. Въ тотъ же день, 7 числа, въ девятомъ часу утра, скончалась Софія Палеологъ.

Семейныя тревоги и несогласія, государственныя заботы и труды, смерть жены подорвали здоровье Ивана Васильевича: онъ сталъ хворать.

Къ этому времени, то-есть ко времени пребыванія пословъ въ Москвѣ, относится любопытный фактъ: Елена Ивановна посылала къ греку Юрію Малому на Москву порученіе купить ей чернаго соболя на шапку. Намъ думается, что врядъ ли Елена Ивановна, покупавшая мѣха сотнями и тысячами, посылала на Москву ради одного соболя на шапку. Грекъ Юрій Малый былъ близкое лицо къ Софіи Ѳоминишнѣ и ея сыну Василію Ивановичу, который одно время даже имѣлъ намѣреніе жениться на родственницѣ Юрія. Намъ сдается, что соболь былъ лишь предлогомъ; на самомъ дѣлѣ за нимъ скрывалась секретная переписка Елены Ивановны съ матерью и братомъ, при чемъ Малый служилъ посредникомъ. Ей естественно было желать объясниться съ матерью по душѣ и примириться съ нею и отцомъ, а также узнать всѣ семейныя новости за пятилѣтній періодъ времени, когда столько трагическаго случилось на Москвѣ и касалось самыхъ близкихъ ей лицъ. Сапѣгѣ нельзя было довѣриться, и ему бы не довѣрили въ Москвѣ; грекъ Юрій былъ самое подходящее для того лицо. Судя по отвѣту Ивана Васильевича, о чемъ скажемъ далѣе, Еленѣ Ивановнѣ удалось вполнѣ помириться и возстановить прежнія дружескія отношенія со своей семьей.

Похоронивъ жену, отпраздновавъ Пасху—16 апрѣля 1503 года—Иванъ Васильевичъ снарядилъ отвѣтное посольство въ Литву для присутствованія при крестномъ цѣлованіи со стороны Александра и по поводу другихъ дѣлъ. Для Литвы условія перемирія были очень тяжелы, и Александръ медлилъ скрѣпить

грамоту крестнымъ цѣлованіемъ; произошли къ тому же и другія довольно крупныя недоразумѣнія, повлекшія за собой даже арестъ пословъ. Такимъ образомъ московское посольство пробыло въ Литвѣ до сентября 1503 года.

Просматривая статейные списки этого посольства, нельзя не замѣтить, что сношенія съ Еленой Ивановной составляютъ главную ихъ сущность и значеніе.

Побывавъ у короля, послы отправились къ королевѣ, гдѣ состоялся оффиціальный пріемъ въ присутствіи ея свиты и канцлера Ивана Сапѣги. Послы передали поклоны и подарки отъ отца и братьевъ, и королева приказала имъ сѣсть. Посидѣвъ немного, главный посолъ Петръ Плещеевъ всталъ и сообщилъ Еленѣ Ивановнѣ, что, волею Божіею, ея мать, великая княгиня Софія Ѳоминишна, скончалась и, отходя со свѣта, приказала передать дочери ея прощеніе и благословеніе и послала ей золотой крестъ съ животворящимъ древомъ и съ мощами. Съ этими словами Плещеевъ и передалъ ей завѣщанный даръ. Нѣсколько времени длилось молчаніе. Молчаніе прервалъ Губа Маклаковъ. Передавая великой княгини изъ рукъ въ руки три черныхъ соболя, онъ сказалъ: «ты приказывала къ Юрію Малому къ греку, а велѣла себѣ купити соболь черный на шапку, и отецъ твой, госпоже, послалъ тебѣ три соболя черныхъ». Такъ любезно отвѣтилъ Иванъ Васильевичъ на просьбу дочери и вмѣсто одного прислалъ ей цѣлыхъ три. Замѣтимъ еще, что оффиціально недовольный дочерью, онъ относился къ ней частнымъ образомъ привѣтливо, ибо секретная переписка разсѣяла тучи. Затѣмъ

послы перешли къ очереднымъ дѣламъ и сообщили оффиціальный отвѣтъ Ивана Васильевича на извѣстное уже намъ оффиціальное письмо Елены Ивановны. Приводимъ письмо Ивана Васильевича или скорѣе его наказы, ибо послы не читали, а передали его изустно, какъ то было въ обычаѣ того времени.

«Ты говоришь, что въ Литвѣ надѣялись получить съ тобой все доброе: миръ и любовь, а вышло иначе; изъ-за тебя де вышла ссора и кровопролитіе, благодаря кознямъ князей отъѣздчиковъ: Стародубовскаго, Шемячича, Бѣльскаго и иныхъ, но то неправда: не на тебѣ вина и не на князьяхъ: послѣдніе отстаивали свою вѣру, и ты сама подверглась вмѣстѣ съ князьями насильственной проповѣди и понужденію перейти въ латинство; и къ тебѣ, и къ князьямъ мужъ твой подсылалъ отметника смоленскаго епископа Іосифа, бискупа Виленскаго, чернецовъ бернардиновъ. Мало того, послы твоего мужа сами сознались, что папа не разъ писалъ твоему мужу, чтобы нудилъ тебя въ латинство, и предлагали мнѣ снестись о томъ съ папой, но я отказался, потому что мнѣ до папы дѣла нѣтъ: у меня было дѣло не съ папой, а съ твоимъ мужемъ,—онъ и въ отвѣтѣ. Я чаялъ, дочка, черезъ тебя видѣть укрѣпленіе греческаго закона на Литвѣ, а вышло обратное и такія притѣсненія, какихъ прежде не бывало, отчего князья и бѣжали, обороняя вѣру. Я чаялъ, дочка, что ты, ради родства и спасенія души своей, будешь говорить правду намъ, а не ложь, а ты дочка гораздо ли дѣлаешь, что къ намъ неправду приказываешь, будто тебѣ о вѣрѣ насилія не было, а намъ, дочка, гораздо вѣдомо, что тебѣ о вѣрѣ насилія

были». Отвѣтъ заканчивается наказомъ держаться твердо греческаго закона, хлопотать о церкви, и прочее. Затѣмъ слѣдуютъ наставленія отъ своего лица и отъ имени усопшей матери;—благословеніе, если пребудетъ тверда въ вѣрѣ,—проклятіе, если отступитъ и посрамитъ свой родъ, и неизмѣнное суровое memento mori: «а хоти будетъ, дочка, про то тебѣ и до крови пострадати и ты бы пострадала, а того бы еси не учинила».

Пріемъ кончился, но тутъ канцлеръ Иванъ Семеновичъ Сапѣга обратился къ посламъ и тихо спросилъ ихъ: «Есть ли у нихъ наказъ Ивана Васильевича противъ тѣхъ рѣчей, что онъ говорилъ отъ имени княгини-королевы отцу ея въ бытность его, Сапѣги, въ Москвѣ еще въ мартѣ мѣсяцѣ?» Послы также тихо отвѣтили: «Есть! Но будутъ де говорить Еленѣ Ивановнѣ наединѣ, когда то будетъ удобно», при чемъ прибавили, что привезли грамоту и самому Сапѣгѣ.

Передъ нами происходитъ нѣчто интересное, что приподымаетъ завѣсу и бросаетъ свѣтъ на многое. Статейные списки вполнѣ подтверждаютъ существованіе, кромѣ оффиціальной переписки, другой, полуоффиціальной, съ вѣдома Александра, но въ секретѣ отъ пановъ-рады и духовенства; посредникомъ здѣсь былъ Сапѣга. Но тамъ же, въ спискахъ, есть намекъ на существованіе третьей переписки, еще болѣе секретной, помимо Сапѣги, которому не довѣряли, и черезъ посредство близкихъ лицъ къ Еленѣ Ивановнѣ на Литвѣ и на Москвѣ. Для такихъ сношеній Юрій Грекъ былъ самое подходящее лицо.

Статейные списки сообщаютъ намъ содержаніе

тѣхъ наказовъ Елены Ивановны къ отцу, которые въ мартѣ мѣсяцѣ Иванъ Семеновичъ передалъ Ивану III.

Елена Ивановна объяснила отцу, что держится нерушимо греческаго закона и что отъ мужа своего мало терпитъ притѣсненія. Она указала на настоящихъ главныхъ виновниковъ несчастія: на кардинала Фридриха, епископа Войтеха и литовскихъ пановъ, которые много говорятъ хулы про греческій законъ и про нея самоё,—называютъ ее некрещеной. Благодаря этимъ лицамъ (о свекрови она умалчиваетъ), папа сталъ настаивать на ея обращеніи въ латинство. Таково было тяжелое положеніе Елены Ивановны по словамъ ея самой. Не легче приходилось Александру, и жена, понимая его щекотливое положеніе, жалѣла его, не въ силахъ была его обвинять и выгораживала отъ отвѣтственности. Кромѣ того она выражала опасеніе, что по смерти мужа ей придется плохо, потому что мужъ ея единственная опора на чужбинѣ. Она просила отца добыть у Александра новую грамоту, скрѣпленную подписью не только короля, но и кардинала Фридриха и бискупа Войтеха Табора. Тогда же въ мартѣ 1503 года, въ Москвѣ, Сапѣга представилъ проектъ грамоты, составленный имъ со словъ Елены Ивановны.

Всѣ эти наказы были извѣстны Александру и Сапѣгѣ и, тѣмъ не менѣе, послы отказывались сообщить отвѣтъ Ивана Васильевича въ присутствіи Сапѣги—значитъ въ инструкціяхъ находились отвѣты на такіе вопросы Елены Ивановны, которые получились черезъ посредство другого лица, а не Сапѣги.

Иванъ Васильевичъ могъ вполнѣ остаться доволенъ

сообщеніями Елены Ивановны; онъ узналъ на дѣлѣ характеръ дочери: ея твердость и дальновидность, ея умѣнье пользоваться обстоятельствами и ковать желѣзо пока оно горячо, и восхищеніе грознаго отца сказалось въ словахъ: «ино то, дочка, дѣлаешь гораздо (хорошо), что своей души бережешь, да и имени своего; нашъ наказъ памятуешь и имени нашего бережешь».

Послы привезли съ собой также грамоту о подтвержденіи свободы вѣроисповѣданія. Она была написана отъ имени отца и согласно желанію Елены Ивановны со словъ ея проекта грамоты. Посламъ было приказано предварительно представить эту грамоту на просмотръ королевѣ и затѣмъ уже подать королю для подписи. Вотъ еще доказательство, что Елена Ивановна лично руководила своей канцеляріей и Сапѣга никогда бы не осмѣлился написать что-либо безъ ея вѣдома.

Эта грамота почти тождественна съ первой; въ ней только одна, но очень важная прибавка: Александръ обязуется не только не нудить, но даже не давать воли, если она сама захочетъ приступить къ римскому закону. Вотъ какой стѣной огораживала себя королева отъ какихъ бы то ни было назойливыхъ увѣщаній и проповѣдей! Повидимому Елена Ивановна желала рѣшеніе вопроса о вѣроисповѣданіи соединить за одно съ политическими переговорами, что было выгоднѣе и ручалось болѣе за успѣхъ, но Иванъ Васильевичъ, держась прежняго своего взгляда не смѣшивать государственныхъ вопросовъ съ семейными, и здѣсь поступилъ также; сначала рѣшилъ споръ о границахъ и о перемиріи, тогда уже заговорилъ объ

интересахъ дочери. На Литвѣ—то же самое: московскіе послы сначала добились крестнаго цѣлованія отъ Александра и только тогда подали грамоту, подтверждающую вновь свободу совѣсти Елены Ивановны. Иванъ Васильевичъ хорошо зналъ, что если соединить эти вопросы воедино, то интересы дочери не иначе обезопасишь, какъ только уступкой какого либо города или волости.

На ряду съ вопросами о вѣрѣ, Елену Ивановну занимали финансовыя и экономическія соображенія. И здѣсь она не упустила изъ вида случая и времени похлопотать въ свою пользу. По ея приказанію Иванъ Семеновичъ Сапѣга предупреждалъ великаго князя московскаго, что свекровь, то-есть Елизавета австрійская, уже стара и въ случаѣ ея смерти великая княгиня проситъ отца похлопотать за нея у мужа, дабы ей, Еленѣ Ивановнѣ, отдали бы въ Польшѣ тѣ города, которые шли въ удѣлъ польскимъ королевамъ. Отецъ обѣщалъ не забывать ее и беречь ея дѣло, обѣщалъ не только за себя, но и за своихъ сыновей-преемниковъ.

Вспомнивъ теперь, какою пріѣхала Елена Ивановна въ Литву и какою теперь стала,—видимъ въ ней большую перемѣну. Правда, основныя черты характера не измѣнились, но обозначились рѣзче: годы испытаній закалили ее. Она дѣйствуетъ самостоятельно и смѣло; дѣйствуетъ по очень опредѣленной программѣ. Она не хуже отца отдаетъ приказы, руководитъ своей канцеляріей, блюдетъ зорко свои интересы; знаетъ, когда смолчать, когда слово вымолвить; въ секретныхъ сношеніяхъ строго блю-

детъ черту, перейдя которую легко впасть въ измѣну. Она осталась вѣрной дочерью православной церкви и на этой почвѣ сближалась съ отцомъ; съ другой стороны, какъ великая княгиня литовская, помнила интересы мужа—государя своего и своей страны.

Источниками для этой главы послужили: переписка Елены Ивановны съ отцомъ и посольскія рѣчи въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 35, 1882 г.; ссылки на рукописный матеріалъ библіотеки Радивилловъ у Голембіовскаго, Dzieje polski, т. III. W. 1848.

XIII.

Хозяйственная дѣятельность Елены Ивановны.

Война и послѣдующія событіи отвлекли наше вниманіе отъ внутренней дѣятельности Елены Ивановны. Мы видѣли уже, какое тяжелое время она переживала за 1499 годъ, видѣли что къ 1501 году въ положеніи ея совершился поворотъ къ лучшему. Съ 1495 по 1499 годъ великая княгиня тщетно била мужу челомъ о волостяхъ; единственное имѣніе Жагоры, упоминаемое за это время, какъ ей принадлежащее, было ею куплено на собственныя деньги; въ промежутокъ же времени съ 1501 по 1506 года идетъ цѣлый рядъ жалованныхъ грамотъ Александра женѣ; про многія земли извѣстно, что онѣ пожалованы ей именно въ 1501 году.

Составить полную карту владѣній великой княгини нельзя. Извѣстны лишь тѣ земли, которыя упоминаются въ изданіяхъ актовъ, а сколько свѣдѣній о хозяйствѣ Елены Ивановны хранитъ, быть можетъ, литовская метрика! Только при полномъ перечнѣ владѣній можно будетъ рѣшить и другой интересный вопросъ, была ли у великаго князя руководящая мысль при пожалованіи той или другой волости или же это пожалованіе носило характеръ простой случайности.

Воспользуемся однако наличными данными и прослѣдимъ земли Елены Ивановны по картѣ. Владѣнія ея были расположены, по большей части, въ воеводствахъ Виленскомъ и Трокскомъ.

Къ сѣверо-востоку отъ Вильны лежалъ дворъ Контяжинъ (съ 1501) и у самой границы Литовскаго государства волости Укольская и Друская, примыкавшія къ городу Бреславлю, и самъ городъ Бреславль. Къ сѣверо-западу отъ Вильны были расположены на рѣкѣ Свентѣ имѣнія Оникшты, на Нѣманѣ—крупный изъ господскихъ дворовъ Вилькея и наконецъ, волости Жмудская и Дирванская. На восточной границѣ обширнаго Виленскаго воеводства находились имѣнія Княжичи и Тетеринъ (1501) и замокъ—городъ Могилевъ, бывшее вѣно Ядвиги (съ 1503).

Въ воеводствѣ Трокскомъ владѣнія были не столь разбросаны: въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга вдоль по Нѣману находились Ездненскій дворъ, Стеклишки, крупное имѣніе Бирштаны и волость Жижморы. Не былъ ли также въ пользованіи княгини г. Ковно, этотъ оплотъ Литвы отъ нѣмцевъ? Охмистръ Елены Ивановны Войтехъ Яновичъ былъ и намѣстникомъ ковенскимъ.

На восточной московской границѣ Елена Ивановна владѣла въ Мглинскомъ повѣтѣ дворами Носово и Лосично (1501), волостью Городище (1501); близъ города Мстиславля—замкомъ Попова Гора: впослѣдствіи отошедшимъ къ Москвѣ, и сильнымъ замкомъ Чечерскомъ; близъ Орши въ Витебской землѣ ей достались имѣнія князя Шемячича Обольцы и Смольняны (1501) и дворъ Городище Ново-

гродскаго повѣта, бывшій за отъѣхавшимъ въ Москву княземъ Бѣльскимъ (1501).—Сверхъ того ей принадлежало нѣсколько имѣній въ разныхъ мѣстахъ, Тростенецъ близъ Минска, замокъ Гора подлѣ Вильны, городъ Городно на берегу Нѣмана [70]).

Наконецъ, преданіе говоритъ, что подлѣ Вильны въ живописной мѣстности Маркуци, находился загородной дворецъ великой княгини, ея любимое лѣтнее мѣстопребываніе. «Немудрено, что великая княгиня любила проводить здѣсь лѣтніе мѣсяцы. Берегъ Вилейки представляетъ въ томъ мѣстѣ крутой обрывъ, поросшій деревьями и кустарниками; внизу шумитъ рѣзвая Вилейка, прыгая по камнямъ и дѣлая причудливые повороты; противоположный, низменный берегъ, весь утопающій въ роскошной зелени, лежитъ совершенно у вашихъ ногъ... Однимъ словомъ, трудно оторваться отъ картины, представляющейся глазамъ съ высокаго крутого обрыва [71])». Маркуци были подарены Александромъ Казиміровичемъ женѣ и принадлежали повидимому къ такимъ же загороднымъ дворцамъ, какъ и Мѣдники. Послѣднія за Остробрамскими воротами были окружены густою лѣсною пущею, гдѣ великіе князья любили охотиться [72]). Елена Ивановна вѣроятно почасту живала въ этихъ дворцахъ, а Маркуци заслужили ея особенную любовь вѣроятно своимъ видомъ, напоминавшимъ видъ на Москву рѣку.

Благодаря всѣмъ этимъ пожалованіямъ мужа Елена Ивановна могла испытывать нѣкотораго рода удовлетвореніе, могла успокоиться при мысли, что она, подобно московскимъ княгинямъ, подобно своимъ литовскимъ предшественницамъ, владѣла соб-

ственными волостями. Она могла примѣнить и дѣйствительно примѣнила на дѣлѣ свои хозяйственныя способности, свое скопидомство, наслѣдственное въ родѣ Калиты. Недвижимая собственность да еще при условіяхъ землевладѣнія того времени придала великой княгинѣ больше вѣса и значенія, расширила сферу ея дѣятельности. Елена Ивановна недаромъ воспиталась въ московской великокняжеской обстановкѣ XV вѣка: она хорошо понимала значеніе поземельной собственности и упорно добивалась волостей не изъ за однѣхъ матеріальныхъ выгодъ,—однѣ деньги ее не удовлетворяли. Нѣкоторыя изъ владѣній Елены Ивановны были ей даны только въ пожизненное пользованіе; сюда относятся, конечно, города, напримѣръ: Могилевъ былъ данъ пожизненно, имѣнье Обольцы перешло впослѣдствіи къ королевѣ Бонѣ. Большинство же земель было даровано королевѣ на полную ея волю, и она щедрою рукою раздавала эти земли на церкви, награждала ими своихъ приближенныхъ. Условія землевладѣнія въ XV и XVI вѣкахъ были таковы, что великая княгиня на ряду съ правами частнаго землевладѣльца пользовалась въ своихъ волостяхъ и правами государственными. Управленіе и судъ лежали всецѣло на землевладѣльцѣ. Послѣдній былъ обязанъ слѣдить за отбываніемъ государственныхъ повинностей со своего имѣнія; повинности же сводились—къ городовой т. е. къ починкѣ укрѣпленій, къ дорожной—исправленіе мостовъ и дорогъ, къ военной. Послѣднюю несли на себѣ бояре и слуги данной волости. Надзоръ за точнымъ исполненіемъ этихъ повинностей и лежалъ на землевладѣльцѣ. Въ волостяхъ, особенно

столь обширныхъ и разнообразныхъ, каковы бывшія во владѣніи Елены Ивановны, встрѣчались всѣ классы общества: отъ самыхъ высшихъ—бояръ до самыхъ низшихъ—рабовъ и подневольной челяди. Забота объ охранѣ ихъ личности и имущества, надзоръ за ихъ взаимными общественными отношеніями тоже было въ вѣдѣніи землевладѣльца волости. Наконецъ и право суда надъ населеніемъ, жившимъ въ волости, принадлежало землевладѣльцу. Въ подобнаго рода имѣніяхъ великій князь отрекался отъ всѣхъ своихъ правъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которыя онъ имѣлъ на всѣ имѣнія въ государствѣ въ качествѣ представителя верховной политической власти [73]). т. е. право войны и мира, право чеканки монеты, уголовный и гражданскій судъ при спорѣ владѣльцевъ волостей между собой, съ церковью или въ случаѣ жалобъ на нихъ подвластныхъ имъ лицъ. Надзоръ великокняжескихъ намѣстниковъ надъ подобными имѣніями былъ самый поверхностный. Такимъ образомъ Елена Ивановна въ своихъ обширныхъ, разбросанныхъ и разнохарактерныхъ владѣніяхъ являлась не только въ роли простаго хозяина — эксплоататора земли, но и въ роли государственнаго дѣятеля. У нея были города или замки, дворы, дворцы и волости. Подъ волостью разумѣлась вообще совокупность земельныхъ участковъ, населеніе которыхъ составляло одну служило-тяглую и податную общественную единицу. Въ составъ волости входили города, и дворы съ ихъ угодьями и землями. Величина, богатство, заселенность подобныхъ волостей была, конечно, различна.

Подъ дворомъ разумѣлась, собственно говоря, усадьба, гдѣ находились хоромы и клѣти для должностныхъ лицъ и челяди, а также хозяйственныя постройки какъ-то: погреба, подклѣти, свирни (амбары), клуни, стайни (хлѣва) и пр. пр. Лишь въ нѣкоторыхъ дворахъ находились помѣщенія для велико-княжеской семьи и ея свиты. Понятно, что ко двору-усадьбѣ примыкали дворныя земли и угодья. Хозяйственныя статьи были разнообразны: тутъ были и поля, и сѣножати, и ловы, и хмѣльники и мельницы; напримѣръ, въ инвентарѣ двора Смольняны значатся большія сѣножати, ловы, дани—медовыя, куничныя, бобровыя; при рѣкѣ стояла мельница; во дворѣ Ездненскомъ былъ хмѣльникъ. Инвентарь имѣнія Бирштаны, за время управленія его Еленою Ивановною, даетъ реальное представленіе объ одномъ изъ такихъ дворовъ.

«На память, съ чимъ дворъ Бирштаны королевой ее милости ся досталъ, а увязывалъ ее милость кн. Василій Полубанскій. Животины дворное знашолъ есми коровъ двѣ съ теляты, а чотыре безъ телятъ, воловъ десять, телятъ лонскихъ девятеро, а клячъ семь, а свиней шесть, поросятъ девятеро... а жита чотыры стирты великіи, а пятая околоту... а пшеницы стожокъ. Челяди невольное сто и осмеро душъ подъ Юркеловою рукою; осочниковъ двадцать и четыри; подъ волостнымъ приставомъ Петромъ осмдесятъ службъ, подъ приставомъ посольскимъ Мацкомъ девеносто и тры службы, подъ Римошомъ сто службъ, а пустовщинъ тридцать и чотыри, подъ Меркусомъ шестидесятъ и семь службъ, а пустовщинъ одинадцать...».[74]). Въ грамотѣ, жалованной Микитиничу, подробно перечисляются границы владѣнія съ

большой точностью «Ганусовскому дворцу: почонши отъ озера Колниноса, рѣчкою Недрисною у Болю рѣчку, а Болею у рѣчку Першайку; а съ другое стороны съ того же озера—рѣчкою Аринкгисъ у рѣчку у Першайку жъ, а Першайкою до Немна» [75]). Такой дворъ могъ находиться въ городѣ, селѣ, могъ существовать отдѣльно, въ видѣ хутора; въ послѣднемъ случаѣ онъ, большею частью, назывался дворцомъ. Если дворъ находился въ городѣ или близъ него, то ко двору примыкали еще поселенія торгово-промышленнаго люда и мѣщанъ; если дворъ находился въ селѣ, то къ нему тянули земли крестьянскаго общества и мелкихъ землевладѣльцевъ.

Обширныя дворныя земли и угодья обрабатывались отчасти челядью т. е. рабами, жившими на продовольствіи хозяина, отчасти крестьянами, поселенными на дворныхъ земляхъ. Послѣдніе находились въ различнаго рода зависимомъ положеніи: одни—тяглые—обрабатывали земли и платили подати натурой; другіе служили по угодьямъ (какъ бортники и т. п.) или какъ ремесленники, третьи—данники—платили извѣстную сумму податей. Городовые мѣщане обязаны были также повинностями и иногда участвовали въ хозяйственныхъ работахъ. Наконецъ, были зажиточные крестьяне и мелкіе свободные землевладѣльцы, которые несли службу то военную (панцырные), то административную. Изъ ихъ числа выбирались слуги, которые иной разъ дослуживались до боярства.

Сложное хозяйство и смѣшанное населеніе требовало много заботъ и строгаго надзора. Цѣлый рядъ крестьянскихъ властей—приставовъ, сотскихъ и др. слѣдили за тѣмъ, чтобы челядь и крестьяне выхо-

дили на работу, чтобы во время собирались подати. Направлять ходъ работъ должны были тіуны, намѣстники и его помощники; высшія должностныя лица приводили въ извѣстность доходы имѣнія. Всѣ повинности и подати шли обыкновенно натурой, и на обязанности намѣстника лежало отдѣлить 10-ю часть доходовъ церкви, оставить и убрать необходимое для продовольствія, а излишекъ выгодно продать. Намѣстникъ же слѣдилъ за исправностью построекъ, за цѣлостью инвентаря. Елена Ивановна, какъ владѣлица цѣлаго ряда угодій, вѣдало не малое число такихъ должностныхъ лицъ. Отъ нихъ она получала росписи доходовъ, донесенія а ходѣ работъ. Для контроля посылался обыкновенно писарь. Такимъ писаремъ у Елены Ивановны былъ Иванъ Сапѣга, который провѣрялъ отчеты намѣстниковъ и составлялъ инвентари имѣній.

И вотъ Елена Ивановна лично посѣщала свои имѣнія и эти разъѣзды имѣлъ, повидимому, въ виду Иванъ Васильевичъ, когда въ февралѣ 1505 года говорилъ своимъ посламъ «а только не будетъ королевы и великой княгини Олены съ королемъ вмѣстѣ, и гдѣ ее ни скажутъ и Рахманину у короля къ ней проситься». Нѣсколько грамотъ Елены Ивановны, дошедшія до насъ, даны ею то въ Городнѣ, то въ Бѣльскѣ, то въ Оникштахъ, гдѣ она прожила около мѣсяца [76]).

Насколько интересовало королеву хозяйство, на сколько входила она въ разныя мелочи—можно судить по ея перепискѣ съ отцомъ. Въ 1503 году Иванъ Сапѣга передавалъ ея просьбу прислать ей 500 горностаевъ и $1^1/_2$ тысячи подпалей, что и было исполнено Иваномъ Васильевичемъ. Въ 1504 г. ей понадо-

билось 300 бѣлокъ. Врядъ ли такое количество мѣховъ шло на одну только личную потребу королевы. Она еще отыскивала себѣ болѣе цѣнныя вещи: такъ она спрашивала у отца кречетовъ и особыхъ «черныхъ соболей съ неотрѣзанными передними и задними ногами и съ ноготками», (послѣднее, можетъ быть, для набивки чучелъ). Эта просьба, видимо, привела въ смущеніе Ивана Васильевича, который отвѣчалъ, что приказалъ отыскать такого соболя, но что въ продажѣ ихъ не имѣется. Выписывала Елена Ивановна изъ Москвы рыбу, при чемъ вмѣсто свѣжей Иванъ Васильевичъ выслалъ сухую, потому что время стояло весеннее (мартъ 1504). На всѣ хозяйственныя распоряженія и просьбы дочери Московскій государь отзывался съ большой предупредительностью и удовольствіемъ; онъ былъ готовъ отправить мѣха и рыбу на собственныхъ подводахъ до Вильны и до Кракова въ случаѣ, если послы не получатъ подводъ отъ литовскаго правительства. Въ свою очередь и Елена Ивановна исполняла любезно просьбы отца. Когда въ 1503 онъ просилъ отпустить въ Москву, изъ имѣнія Смольняны, сына того серебряныхъ дѣлъ мастера Лапши, который проживалъ въ Москвѣ — Елена Ивановна въ скорости отвѣтила, что послала уже грамоту Смольнянскому намѣстнику Гагарѣ, чтобы онъ немедленно отпустилъ Игната съ имуществомъ въ Москву къ отцу [77]).

Но не однѣ хозяйственныя хлопоты занимали Елену Ивановну. Владѣніе землями поставило ее лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ должностныхъ людей. Она слѣдила за ними и разбирала жалобы населенія на своихъ тіуновъ. Такъ тіунамъ жмудскихъ

волостей она приказала разобрать дѣло о насиліи, учиненномъ нѣкоему боярину. Она оберегала неприкосновенность своего имущества и судилась въ 1502 г. съ паномъ Юріемъ Ильиничномъ о захватѣ послѣднимъ земель и пущъ Контежинскаго двора. Всѣ классы населенія соприкасались съ королевой и постоянно обращались къ ней съ просьбами о льготахъ, объ освобожденіи отъ податей, о пожалованіи за службу. Въ числѣ ихъ мы видимъ и бояръ, и мѣщанъ и крестьянъ. Елена Ивановна награждала щедрою рукой и почти всѣ извѣстныя намъ грамоты ея—грамоты жалованныя. Въ 1505 г. она освобождаетъ могилевскихъ бояръ отъ всѣхъ повинностей, кромѣ панцырной службы; другимъ она даруетъ въ вѣчное владѣніе земли, дворы; третьимъ и земли и людей; наконецъ, награждаетъ однѣми службами т. е. домами челяди или крестьянскими. Для примѣра укажемъ на нѣкоторыя изъ такихъ пожалованій: своему намѣстнику Матвѣю Микитиничу жалуетъ она въ потомственное владѣніе дворъ Ездно и дворцы Ганусовскій и Шлегеровскій (1507 г.); боярину Вербилу двѣ службы людей въ Стеклишкахъ; дворянину Тарновскому дворецъ Гринковскій «съ челядью невольною, съ людьми путными, данными и тяглыми» *).

*) Все это—по Любавскому. Смотри его ссылки на Литовскую Метрику. Остальныя жалованныя грамоты: въ Вильнѣ бояринъ Словикъ получаетъ людей, въ Дирванской волости намѣстникъ Станковичъ—20 людей; въ Оникштахъ, Крашинской волости, людей и земли получаетъ бояринъ Ивашко Яцковичъ, а въ Бреславлѣ бояринъ Пашко Ильиничичъ—человѣка Михайлу Кушленковича изъ Укольской волости и сверхъ того путныя земли. (Акты зап. Россіи, II, № 81).

Раскрывается передъ нами постепенно и составъ лицъ, приближенныхъ къ Еленѣ Ивановнѣ. О канцлерѣ ея и писарѣ Иванѣ Сапѣгѣ—онъ же намѣстникъ Жижморскій и Бреславскій—мы уже знаемъ, равно какъ и объ охмистрѣ и намѣстникѣ ковенскомъ Войтехѣ Яновичѣ, съ 1507 г. ставшемъ маршалкомъ. Ключникомъ королевы былъ бояринъ Митя Ивановичъ, намѣстникъ Оболецкій. Про него говорится, что онъ родомъ былъ изъ Москвы (можетъ быть бѣжалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ Шемячичемъ и остался въ Литвѣ); женатъ онъ былъ на Гальцевской (послѣдніе изъ рода Одинцевичей, а слѣдовательно, изъ рода князей Друцкихъ) [78]) и пользовался покровительствомъ князя К. Острожскаго [79]). Любимымъ намѣстникомъ Елены Ивановны былъ служившій ей съ молодыхъ лѣтъ и пользовавшійся благосклонностью самаго Александра Казиміровича князь Матвѣй Микитиничъ Головчинскій. Онъ намѣстничалъ къ Княжичахъ, Тетеринѣ, Бирштанахъ, Опикштахъ и Могилевѣ. Онъ былъ настолько богатъ, что ссудилъ королю Сигизмунду 200 тысячъ копъ грошей [80]). Кравчимъ королевы былъ Юрій Алексѣевичъ Гольшанскій. Наконецъ, извѣстны намѣстники Смольнянскій Гагара и Дирванской волости Станковичъ, но только по имени. О Федкѣ Шестаковѣ мы говорили выше.

Иванъ Васильевичъ и послѣ войны продолжалъ укорять, что штатъ Елены Ивановны состоялъ изъ людей римскаго закона, что Александръ Казиміровичъ отослалъ въ Москву и тѣхъ малыхъ людей, которыхъ онъ оставилъ при дочери, вѣроятно, хлѣбниковъ и поваровъ. По его словамъ у дочери его

*

осталась только одна женка греческаго закона, пріѣхавшая съ нею въ Литву [81]). Вполнѣ провѣрить сѣтованія Ивана Васильевича нельзя, но, въ числѣ поименованныхъ лицъ, нѣкоторыя были завѣдомо православные люди. Не принадлежалъ ли къ штату Елены Ивановны и тотъ Григорій Унковскій, по прозванію Москвитинъ, который послѣ смерти Елены Ивановны владѣлъ ея дворцомъ въ Горахъ и затѣмъ бѣжалъ въ Москву [82]).

Географическое положеніе Литвы и въ частности Вильны дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ свѣдѣнія о живомъ торговомъ движеніи. Въ Вильнѣ проживали и селились многіе купцы нѣмецкіе, голландскіе, англійскіе и среди нихъ видное значеніе имѣли купцы русскіе. Благодаря послѣднимъ литовская столица славилась своими мѣхами. Война съ Москвою прервала торговыя сношенія, но они возобновились при первыхъ толкахъ о перемиріи. Уже въ ноябрѣ 1503 г. ѣдутъ виленскіе купцы въ Москву. Александръ Казиміровичъ, видя быстрый ростъ торговли, опасаясь за интересы туземнаго населенія, позаботился урегулировать торговыя сношенія. Обыкновенно русскіе купцы проживали въ гостиномъ дворѣ, ими же построенномъ, или на частныхъ квартирахъ. Въ 1503 году литовскій князь рѣшился построить гостиный дворъ, куда и перешла торговля. Дворъ этотъ на Замковой улицѣ занималъ большое пространство и по красотѣ постройки принадлежалъ къ лучшимъ зданіямъ города. Сюда-то и пріѣзжали во множествѣ гости изъ Москвы, Новгорода, Твери; здѣсь то восхищались иностранцы дорогими и обильными мѣхами. Сама великая княгиня принимала уча-

стіе въ этой торговлѣ, что доказывается слѣдующими соображеніями.

Сокровища Елены Ивановны, отданныя на храненіе миноритамъ, называются «нѣкоторою» частью ея казны, а между тѣмъ эта часть оказывается очень существенною. Однихъ сундуковъ съ золотомъ и серебромъ было 14; въ одномъ изъ нихъ было, напр. 16 тысячъ грошей, 2000 флориновъ; содержимое сундуковъ три человѣка не могли описать въ цѣлый день [83]).

Извѣстно затѣмъ, что королева щедро одаривала приближенныхъ, не малые вклады положила она въ монастыри и церкви, не малыхъ денегъ стоили ей постройка и украшеніе церквей. Очень можетъ быть, что она оставила деньги на поддержаніе церквей послѣ своей смерти. Извѣстно, что въ Пречистенскомъ соборѣ было два сундука съ драгоцѣнностями, похищенные миноритами [84]).

Начало богатству Елены Ивановны положило данное Иваномъ Васильевичемъ приданое, на счетъ котораго она прожила первые годы, когда мужъ не давалъ ей волостей. Но ни это приданое, ни волости, доставшіяся далеко не въ отличномъ видѣ, ни щедрость Александра Казиміровича, казна котораго была въ разстройствѣ—не могли быть единственными источниками для пополненія крупной казны Елены Ивановны. Такимъ источникомъ и была торговля. Занятіе торговлей было въ обычаѣ того времени: торговали и знатные русскіе люди, напр. кн. Острожскій, торговали, имѣли мельницы и другія доходныя статьи знатные паны; на Москвѣ велъ торговлю самъ великій князь. Что же удивительнаго,

если и Елена Ивановна приняла къ ней участіе съ помощью московскихъ и западно-русскихъ гостей.

Посольскія книги даютъ намекъ на торговые обороты великой княгини. Въ ноябрѣ 1503 г. Иванъ Васильевичъ исполняетъ просьбу дочери, посылаетъ ей 500 горностаевъ и 1500 бѣлокъ-подпалей «и язъ къ тебѣ послалъ—а что еси приказывала ко мнѣ, чтобы ми прислати къ тебѣ соболь чернъ съ ногами—и мы къ тебѣ соболи черные пошлемъ». Обѣщалъ прислать и кречетовъ «что еси приказывала ко мнѣ». Елена Ивановна била отцу челомъ на великомъ его жалованьи, но прибавила, что подъячій ошибся: ей нужно не подпалей, а бѣлки-сибирки» поддіачій омылился о сибиркѣ, да написалъ о подпали».

Въ мартѣ 1504 г. Иванъ Васильевичъ исполняетъ и эту просьбу дочери и другія; онъ высылаетъ 300 бѣлокъ, кречетовъ и рыбы сухой, объясняя при этомъ, что свѣжую рыбу вышлетъ попозже.

Дочь Ивана III могла проявить не однѣ только практическія способности въ хозяйственной дѣятельности: новое поле дѣйствія представила ей Вильна, для украшенія и расширенія которой много было сдѣлано въ княженіе Александра. Къ пріѣзду невѣсты великій князь озаботился украсить великокняжескій замокъ новыми каменными и деревянными постройками; но привыкшая къ роскоши двора Софіи Ѳомишны, выросшая въ московскомъ Кремлѣ Елена Ивановна скептически относилась къ новой столицѣ. Изъ нижняго замка не было того чуднаго вида, что раскрывался передъ взоромъ изъ оконъ Кремлевскаго дворца: высокая замковая гора была въ развалинахъ, въ нижнемъ замкѣ ютились дома

частныхъ лицъ. Еленѣ Ивановнѣ показалось и тѣсно и грязно. Самостоятельно распоряжаться въ замкѣ она не могла, но при первой же возможности позаботилась о своихъ землякахъ: на собственныя деньги купила она плацъ нѣкоего ксендза Филиповичаи выстроила здѣсь посольскій дворъ для московскихъ пословъ и бояръ. Быть можетъ, по совѣту жены Александръ Казиміровичъ обратилъ вниманіе на верхній замокъ и сталъ устраивать арсеналъ, мастерскія для выдѣлки оружія, богатое собраніе котораго удивляло уже въ половинѣ XVI вѣка иностранцевъ. Но, конечно, Елена Ивановна не могла достигнуть многого въ Вильнѣ и удовольствовалась для себя лично тѣмъ, что въ Маркуци, на берегу Вилейки, построила загородный дворецъ, откуда могла наслаждаться видомъ, напоминавшимъ ей московскій просторъ.

Александръ Казиміровичъ болѣе другихъ государей Литвы любилъ Вильну и сдѣлалъ этотъ городъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ. Легко понять, что и Еленѣ Ивановнѣ жилось здѣсь, въ кругу прославно-русскаго населенія, лучше, чѣмъ въ литовскихъ Трокахъ. Пребываніе великокняжескаго двора способствовало росту города: привлекло въ Вильну пановъ, оживило и безъ того обширную торговлю, потянуло къ городу населеніе страны. Вильна стала застраиваться дворцами вельможъ, стала богатѣть и всецѣло заняла положеніе перваго города въ Литовскомъ государствѣ. Мы говорили, что Александръ выстроилъ гостиный дворъ на Замковой улицѣ, отличавшійся красотою постройка.

Строительная дѣятельность Александра Казиміровича пошла дальше. Въ то время, какъ Москву опоясывала стѣна, въ Вильнѣ Елена Ивановна застала обломки послѣдней, тынъ, валы. Между тѣмъ набѣги крымцевъ были часты и Вильна легко могла подвергнуться опустошенію. Въ 1498 году въ тотъ самый годъ, когда Александръ Казиміровичъ сталъ опасаться воинственнаго настроенія Крымскаго хана, было обращено вниманіе на охрану столицы. Великій князь рѣшается заложить каменную стѣну. «Торжественно состоялась закладка. Крестный ходъ, сопровождаемый всѣмъ населеніемъ города, различные цехи со своими значками, высшія духовныя и гражданскія власти, великій князь литовскій, сопутствуемый своею свитою (и, конечно, великая княгиня) обходили мѣсто, назначенное для возведенія стѣны, при чемъ виленскій епископъ Войтехъ окроплялъ святой водою». На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагались башни, епископъ благословлялъ камни. Въ торжествѣ принимала участіе, хотя и косвенное, православная церковь. Съ 14 православныхъ храмовъ раздавался колокольный звонъ, у церкви св. Пятницы время отъ времени стрѣляли изъ старой Витовтовой пушки. Съ особенной торжественностью заложены были Остробрамскія ворота (тогда Мѣдникскія). Самъ Александръ положилъ здѣсь первый камень. На воротахъ была воздвигнута чудотворная икона Божіей Матери, а невдалекѣ построена церковь св. Петра. Заложенная въ 1498 году стѣна была закончена черезъ пять лѣтъ, къ 1503 году [85]).

Такъ годы жизни Елены Ивановны въ Вильнѣ

совпали съ оживленной строительной дѣятельностью, подобно тому какъ годы ея дѣтства въ Москвѣ были годами расцвѣта, можно сказать, архитектурнаго искусства на Руси.

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ:

Акты Зап. Россіи т. I.; Акты Южн. и Запад. Россіи т. I.; Сборникъ Императ. Историч. Общества т. 35; Архивъ Сангушекъ; Любавскій «Областное дѣленіе Литовско-Русскаго государства». (Чтенія въ Императ. Обществѣ исторіи и древн. М. 1892—1893); Елагинъ, Ж. М. Н. Пр. 1842; Акты изд. Виленскою Археогр. комиссіей т. XX—статья о Вильнѣ; Boniecki Poczet rodow.; Вильна и окрестности 1883.

XIV.

Участіе Елены Ивановны въ дѣлахъ церкви съ 1501 по 1507 г.

Переживая тяжелую борьбу, Елена Ивановна своею личностью дала уже оплотъ и примѣръ православнымъ людямъ. При первой же возможности она приняла и прямое участіе въ событіяхъ, переживаемыхъ западно-русскою церковью. Наше дѣло, конечно, писать не исторію церковную за данный періодъ времени, а выяснить роль и значеніе Елены Ивановны въ дѣлахъ церкви.

Мы видѣли выше положеніе западно-русской церкви съ 1495 года, положеніе трудное, исполненное внѣшняго давленія, внутреннихъ неурядицъ; видѣли и первые робкіе шаги великой княгини на пользу православія: то жалуетъ она имѣніе Пречистенскому собору, то пріобрѣтаетъ для церкви крестъ, то замолвитъ слово за православныхъ жителей разореннаго города, то выписываетъ книги изъ Москвы. Измѣнилось къ лучшему около 1501 года общественное положеніе великой княгини, усилилось и ея значеніе въ дѣлахъ церкви.

Чѣмъ же характеризуется для западно-русской церкви это время съ 1501 по 1507 годы? На чемъ отразилось участіе и вліяніе королевы?

Главною опасностью для православія во время митрополита Іосифа Болгариновича была возможнесть уніи. Не даромъ митрополитъ заискивалъ въ Римѣ, распространялъ мысли объ уніи среди православныхъ, допускалъ римскую пропаганду; онъ умеръ, въ 1501 году, а политическія обстоятельства измѣнились къ лучшему, и тогда дѣлу уніи были нанесены ударъ за ударомъ.

Первымъ ударомъ были стойкость и побѣда самой королевы въ ея личной борьбѣ, а затѣмъ началась въ церкви дальнѣйшая работа по внутреннему ея переустройству. Для этого прежде всего надо было поднять авторитетъ высшей духовной власти, выбравъ достойнаго владыку.

Елена Ивановна намѣтила среди знакомыхъ ей духовныхъ лицъ такого человѣка, который соотвѣтствовалъ бы данной минутѣ... То былъ архимандритъ минскаго Вознесенскаго монастыря—Іона. Покровительствуя минскому монастырю, Елена Ивановна была въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ архимандритомъ, а нѣкоторыя данныя говорятъ и за то, что Іона былъ извѣстенъ великой княгинѣ съ давнихъ поръ, будучи еще священникомъ въ Вильнѣ; существуетъ даже предположеніе, что онъ и былъ тѣмъ священникомъ «добре добрымъ изъ Вильны», о которомъ она упоминала въ своей перепискѣ съ отцомъ. Будущій митрополитъ былъ изъ среды бѣлаго духовенства, былъ вдовъ, имѣлъ дѣтей и сынъ его, Семенъ Кривой, участвовалъ въ московской войнѣ и находился въ плѣну въ Москвѣ. Есть еще предположеніе, что Іона былъ москвичъ родомъ.

Фактическихъ свѣдѣній объ этой личности, какъ видимъ, очень мало, но за то въ отзывахъ объ его дѣятельности нѣтъ недостатка. Дубовичъ называетъ его человѣкомъ «благочестивымъ, но простымъ», Коссовъ—«весьма набожнымъ», а іезуитъ Кулѣшъ добавляетъ, что «при немъ схизма подняла голову» [86]).

Именно такого строго православнаго, высоконравственнаго человѣка, чуждаго іезуитизма и двоедушія и нужно было для западно-русской митрополіи. Елена Ивановна поняла это и, благодаря ея ходатайству, о чемъ единогласно говорятъ и современники и историки нашего времени, Іона, послѣ смерти Іосифа Болгариновича, былъ выбранъ въ митрополиты, но оставался нареченнымъ до 1503—1504 года, когда воспослѣдовало утвержденіе его въ санѣ отъ константинопольскаго патріарха.

Насколько новый митрополитъ оправдалъ довѣріе королевы можно судить по тѣмъ же отзывамъ: «при немъ схизма» подняла голову: не только простые, «но и благородные ею заразились...» говоритъ Кулѣшъ. Историки русской церкви единогласно называютъ Іону «достойнымъ пастыремъ», считаютъ, что благодаря ему русская церковь и народность достигли такихъ результатовъ, что устрашили польско-католическую партію, а польскій историкъ Бартошевичъ обвиняетъ въ безпечности Александра Казиміровича, который не долженъ былъ де допускать подобнаго владыку, москвича, кроткаго какъ овечку, но коварнаго, къ управленію церковью. Іона погубилъ де дѣло уніи, поворотилъ церковь къ схизмѣ [87]).

Дальнѣйшія событія покажутъ насколько эти отзывы справедливы. Дѣло уніи погибло... схизма

подняла голову, говорятъ современники католики, и что же мы видимъ?

По смерти Александра VI Барджіа на папскій престолъ вскорѣ вступилъ Юлій II, de la Bovere, врагъ семейства Борджіа. Пользуясь столь благопріятнымъ обстоятельствомъ, Александръ Казиміровичъ въ 1504 — 1505 году обратился къ новому папѣ съ просьбой снять съ него запрещеніе, наложенное на него папой Александромъ VI. Онъ ссылался на опасность отъ тестя, разорившаго его государство, ссылался на невозможность продолжать давленіе на жену.

Видя безуспѣшность борьбы, въ пылу которой главари польско-католической партіи на Литвѣ епископъ Войтехъ Таборъ, Николай Радивилъ и другіе своими крайностями и увлеченіями пошатнули даже положеніе своей партіи на Литвѣ, папа Юлій II нашелъ болѣе приличнымъ и благоразумнымъ пріостановить на время пропаганду и потому онъ отнесся снисходительно къ просьбѣ короля. Въ 1505 году онъ прислалъ буллу, въ которой разрѣшалъ Александру жить съ Еленой Ивановной, какъ съ супругой, не принуждать въ римскій законъ: «если» добавляетъ онъ «Елена будетъ» содержать декреты Флорентійскаго собора» [88]). Но конечно, эти слова только прикрываютъ собой отступленіе римской куріи!

Около того же времени великій князь литовскій и король польскій входитъ въ сношеніе... и съ кѣмъ же?.. съ константинопольскимъ патріархомъ. Онъ послалъ патріарху Іоакиму письмо по поводу основанія Супрасльскаго монастыря извѣстнымъ благотво-

рителемъ Ходкевичемъ. Почему счелъ нужнымъ писать великій князь? что за вынужденная необходимость?.. А между тѣмъ въ письмѣ Александръ Казиміровичъ не задумался назвать своего маршалка «правовѣрнымъ», выхвалять его за то, что основалъ «славный монастырь» на свое иждивеніе [89]). Всего вѣроятнѣе, что письмо было составлено и подписано Александромъ по просьбѣ Елены Ивановны.

Отвѣта патріарха мы не знаемъ да врядъ ли онъ и былъ когда, потому что патріархъ могъ стѣсняться вопросомъ: кому отвѣчать? Еленѣ Ивановнѣ отвѣчать было нельзя, ибо письмо получено не отъ ея имени, а Александрова подпись не ручалась за то, что ему полюбится получить отвѣтъ, на виду епископа Табора, Радивила и другихъ? Извѣстенъ намъ только отвѣтъ патріарха Ходкевичу. Въ 1505 году Іоакимъ писалъ, что посылаетъ свое благословеніе Ходкевичу и епископу смоленскому Іосифу Солтану за ихъ пожертвованія, давалъ рядъ наставленій братіи и повелѣвалъ, чтобы имена благотворителей были вѣчно поминаемы въ монастырѣ. И братія дѣйствительно записала ихъ въ свой субботникъ, но на ряду съ ними поставила и королеву Елену [90]).

Конечно, поводъ къ переписскѣ Александра съ константинопольскимъ патріархомъ былъ маловажный... но фактъ этотъ имѣлъ громадное значеніе, удовлетворяя религіозному чувству православнаго населенія. Врядъ ли это могло быть пріятно римскому клиру. И кто внушилъ Александру мысль о письмѣ? Скажутъ: Ходкевичъ, епископъ Солтанъ, русская партія? Конечно и Ходкевичъ, и Солтанъ, и получившій вліяніе Глинскій могли повліять, но не ближе ли

была къ Александру Казиміровичу королева, благодаря которой сама русская партія могла сформироваться и окрѣпнуть?

Приведенные факты показали намъ, что Римъ отказался отъ попытокъ къ уніи, что литовскій великій князь пересталъ игнорировать константинопольскаго патріарха, признавая косвенно его вліяніе на дѣла западно-русской церкви, признавая за патріархомъ право награждать за службу на пользу православнаго исповѣданія. Не справедливы ли слова, что унія погибла и православіе подняло голову?

Торжествуя побѣду нельзя было однако закрывать глаза на будущее: надо было найти въ самой церкви оружіе для борьбы въ случаѣ новаго натиска Рима. Высшее духовенство далеко не всегда было на высотѣ своего призванія; примѣръ Болгариновича былъ заразителенъ и историкъ церкви вынужденъ сказать, что большинство владыкъ «не заботилось объ интересахъ вѣры и церкви», а только о личныхъ и имущественныхъ благахъ. Являлся потому вопросъ о привлеченіи свѣтскихъ людей къ интересамъ церкви, объ участіи въ церковныхъ дѣлахъ самой паствы.

Стремленіе прихожанъ къ вмѣшательству въ церковныя дѣла, возникновеніе братствъ, патронатство частныхъ лицъ—все это однако мѣропріятія обоюдоострыя. Съ одной стороны, активное участіе населенія въ церковныхъ дѣлахъ сдерживало недостойныхъ пастырей, поддерживало ревность къ вѣрѣ, съ другой—вносило иногда вредные и чуждые элементы.

Митрополитъ Іона, повидимому, былъ склоненъ ввести въ церковную практику свѣтскій элементъ. Мы

не встрѣчаемъ за время его управленія церковью ссоръ съ подчиненнымъ ему духовенствомъ или паствою; мы находимъ, напротивъ, нѣсколько случаевъ добровольнаго отказа митрополита отъ своихъ правъ въ пользу частныхъ лицъ. Ярушевичъ [91]) отмѣчаетъ, что по вопросу о патронатствѣ митрополитъ Іона держался иного мнѣнія, чѣмъ его предшественники. Супрасльскій монастырь получилъ патрономъ Ходкевича, Коложскій гродненскій—Богуша Боговитиновича. Въ послѣднемъ случаѣ замѣчательна грамота [92]) 1506 года: митрополитъ отказывается отъ всѣхъ доходовъ съ монастыря и даруетъ ктитору Боговитиновичу право избирать игумена.

Этотъ взглядъ владыки раздѣляла и королева. Она взяла въ патронатство минскій Вознесенскій монастырь.

Одобреніемъ патронатства митрополитъ Іона способствовалъ усиленію русской партіи, и знатные русскіе люди оправдали довѣріе къ нимъ и помогли владыкѣ въ дѣлѣ уничтоженія попытокъ къ уніи. Нечего и говорить, что права, пріобрѣтенныя вышеупомянутыми лицами, были употреблены ими на пользу церкви, но тѣмъ не менѣе является вопросъ: полезенъ ли этотъ прецедентъ? Безусловно вредны были «наданья церквей и монастырей», исходившія отъ враждебнаго правительства въ видахъ «кормленія», ибо такимъ путемъ патронами православныхъ храмовъ являлись лица римскаго исповѣданія, но патронатства, возникавшія по иниціативѣ владыкъ, должны были служить только на пользу церкви. Что касается до братствъ, то послѣднія хотя и начинаютъ возникать въ описываемое время, но дѣятельность ихъ еще не оформилась.

Но если интересъ дня требовалъ привлеченія свѣтскихъ лицъ, то, съ другой стороны, выработанныя традиціи заставляли Елену Ивановну склоняться къ поднятію духовнаго авторитета владыкъ не только тѣмъ, что она способствовала избранію достойныхъ лицъ во епископы, но и тѣмъ, что дѣятельно ограждала ихъ власть и имущественныя права отъ посягательствъ, какъ со стороны враждебнаго имъ правительства, такъ и со стороны корыстныхъ лицъ въ самой паствѣ. Такія соображенія относительно королевы приходятъ на умъ на основаніи слѣдующаго факта.

Въ 1503 году измѣнилось отношеніе правительства къ епископу полоцкому Лукѣ. Въ 1499 году у епископа были отняты архіерейскія вотчины по спору съ крылошанами, а въ 1503 году эти вотчины были ему возвращены. Мало того, въ тотъ же самый день ему выдается грамота, подтверждающая права духовенства, та самая, что была дана нѣкогда Іосифу Болгариновичу [93]). При составленіи столь благопріятныхъ для владыки грамотъ, присутствовалъ охмистръ королевы Войтехъ Яновичъ Клочко, тогда какъ въ 1499 году въ грамотахъ, враждебныхъ епископу Лукѣ, мы его подписи не встрѣчаемъ.

Участіе Елены Ивановны въ дѣлахъ церкви отразилось и на усилившейся въ это время благотворительности въ пользу церквей и монастырей.

Первыми церквами, на которыя обратила вниманіе Елена Ивановна, были церкви Вильны. Пожаловавъ въ даръ Пречистенскому собору имѣніе Жагоры, великая княгиня озаботилась украшеніемъ церкви Покровской. Послѣдняя, благодаря своему

мѣстоположенію—она примыкала къ нижнему (кривому) замку, была даже сооружена въ стѣнѣ, окружавшей послѣдній, на мѣстѣ одной изъ башенъ,—сдѣлалась дворцовой церковью, и великая княгиня обновила и украсила ее. Вблизи Пречистенскаго собора Елена Ивановна построила Спасскую церковь, просуществовавшую многія столѣтія, построила она ее въ честь нерукотворнаго образа Спасителя, который получила въ благословеніе отъ родителей своихъ. Этотъ образъ Спасителя, поставленный ею въ сооруженной церкви, былъ нѣкогда привезенъ Софіей Ѳоминишной въ Москву вмѣстѣ съ чудотворной иконой Божіей Матери. Эти иконы, достояніе рода Палеологовъ, вывезенныя изъ Византіи, сопутствовали и отъѣзжавшую на Литву дочь Софіи Ѳоминишны.

Еленѣ Ивановнѣ приписываютъ и устройство Св. Духовскаго монастыря на мѣстѣ деревянной церкви, построенной первою супругой Ольгерда Маріей Ярославной. Къ концу XV в. относятъ возобновленіе деревянной Св. Духовской церкви иждивеніемъ великой княгини. При этомъ интересно отмѣтить, что, годъ спустя послѣ смерти Елены Ивановны, въ 1514 г., кн. Острожскій перестроилъ эту церковь въ каменную [94]).

Но, устраивая новый монастырь, не могла Елена Ивановна оставить безъ вниманія обитель Св. Троицкую, тѣмъ болѣе что тамъ находился образъ Корсунской Божіей Матери (нынѣ Островоротной или Остробрамской). Въ концѣ города, у такъ называемаго Остраго конца, по дорогѣ въ Мѣдники, находилась часовня, въ которой и помѣщалась св. икона. Когда при постройкѣ стѣны, особенно торжественно заложенной на этомъ мѣстѣ, воздвигнуты

были ворота, св. икона помѣщена была надъ ними съ южной стороны. Охрана города какъ бы поручалась заступничеству Божіей Матери [95]). Помѣщеніе иконъ на воротахъ было въ обычаѣ Руси: вспомнимъ ворота Кіева, а въ особенности Москвы. Легко можно предположить, что Еленѣ Ивановнѣ и принадлежитъ мысль поставить на вратахъ св. икону. Невдалекѣ была построена церковь во имя св. Петра, но когда именно — въ точности неизвѣстно. Церковь во имя свв. апостоловъ Петра и Павла существовала уже въ Вильнѣ и можно полагать, что вышеупомянутая при Острыхъ воротахъ была сооружена въ память св. митрополита московскаго.

Если въ Вильнѣ благотворительность Елены Ивановны могла встрѣчать препятствіе со стороны латинскаго духовенства и епископа Войтеха, то внѣ Вильны великая княгиня была свободна.

И вотъ она обращаетъ вниманіе на Минскъ: ей приписывается, если не основаніе, какъ думаетъ, напримѣръ, Дубовичъ, то устройство минскаго Вознесенскаго монастыря и возстановленіе каѳедральной церкви города. Церковь Рождества Богородицы въ замкѣ дѣлается извѣстной только съ 1500 года по поводу слѣдующаго чудеснаго случая. Во время одного изъ татарскихъ набѣговъ на южную Русь чудотворная икона была въ Кіевѣ выброшена въ Днѣпръ, поднялась вверхъ по Днѣпру и по рѣкѣ Свислочи доплыла до Минска, гдѣ остановилась и гдѣ была 13 августа 1500 года внесена въ церковь Рождества Богородицы [96]). Чудесное событіе должно было еще болѣе расположить Елену Ивановну къ Минску, гдѣ она почасту живала. Въ Минскѣ, осенью 1502

года, получила она знаменательное письмо кардинала Фридриха и польскихъ прелатовъ съ мольбой о посредничествѣ. Изъ Минска, 28 сентября 1502 года, помѣченъ ея отвѣтъ на это посланіе. Тогда же, въ 1502 году, она жалуетъ имѣніе Тростенецъ Вознесенскому монастырю и это пожалованье подтвердилъ самъ великій князь. Вплоть до XVII вѣка сохранялась въ Минскѣ память о королевѣ и ея имя упоминалось во многихъ королевскихъ грамотахъ монастырю [97]).

Примѣру королевы слѣдовали и знатные русскіе люди. Князь Мстиславскій жалуетъ въ 1505 году два имѣнія монастырю въ Пустыницѣ. Великій князь подтверждаетъ купли братіи Кіевскаго Пустынскаго монастыря [98]). Супрасльскій монастырь, освященный въ 1500 году, расширялся, богатѣлъ. Ходкевичъ и епископъ Солтанъ не переставали жертвовать на монастырь угодья, имѣнія, а въ 1503 году совершилось освященіе великой церкви во имя Благовѣщенья съ двумя придѣлами. Богушъ Боговитиновичъ щедро надѣлилъ гродненскій Коложскій Борисоглѣбскій монастырь. Лучшимъ же памятникомъ дѣятельности русскихъ людей этого времени является завѣщаніе кіевскаго воеводы Дмитрія Путятича [99]). Душеприказчикомъ былъ князь Михаилъ Глинскій, при утвержденіи завѣщанія присутствовалъ охмистръ и канцлеръ королевы. Путятичъ все свое состояніе завѣщалъ церквамъ и монастырямъ, перечисляя ихъ по порядку. Одинаково щедро надѣлилъ онъ родной Кіево-Печерскій монастырь и Пречистенскій соборъ въ Вильнѣ. Не позабылъ также монастырей виленскаго Святой Троицы и Вознесенскаго минскаго.

Въ связи съ успѣхами западно-русской церкви стоитъ и усиленіе русской партіи. Молдавскій походъ, гдѣ русскіе поддержали Александра и спасли Яна Альбрехта отъ конечной гибели, Московская война, которую Литва и Русь вынесли на своихъ плечахъ, примѣромъ чему служитъ мужественная оборона Смоленска съ епископомъ Солтаномъ во главѣ, наконецъ, борьба съ польскимъ можновладствомъ должны были способствовать перемѣнѣ во взглядахъ и отношеніяхъ Александра Казиміровича къ русскимъ. Елена Ивановна, при возрастающемъ вліяніи своемъ на мужа, поддержала и усилила въ немъ эти чувства, а затѣмъ ей помогли и такіе дѣятели, какъ Глинскій и, впослѣдствіи, князь Константинъ Острожскій. Но не забудемъ, что въ давное время, съ 1500 по 1507 годъ, знаменитый, впослѣдствіи, ревнитель православія находился въ плѣну и дѣйствовать не могъ, а князь Михаилъ Глинскій дѣлается «собиннымъ другомъ» Александра Казиміровича къ концу царствованія. Неужели онъ болѣе, чѣмъ Елена Ивановна, одушевлялъ короля въ эти послѣдніе годы? Не вѣрнѣе ли предположить, что именно благодаря королевѣ русскіе люди сами стали ближе къ Александру и получили на него вліяніе? Умный и способный, европейски образованный и бывалый князь Глинскій [100]) участвовалъ въ избраніи Александра на престолъ литовскій, но значеніе получилъ только въ послѣдніе годы его царствованія. Стоитъ взглянуть на то, какъ выдвигала Елена Ивановна своими личными пожалованіями русскихъ людей и какъ интересовалась отношеніемъ къ нимъ Александра [101]). Уже въ 1502 году отличила она князя Матвѣя Микитинича Головчинскаго; въ

присутствіи ея охмистра Войтеха Яновича Клочко, ея кравчаго князя Юрія Александровича Гольшанскаго, ея канцлера Ивана Сапѣги (который былъ у великаго князя «на росказанье» этого дѣла) король выдалъ князю Головчинскому въ Краковѣ дарственную грамоту на дворъ Струну въ Виленскомъ повѣтѣ, и впослѣдствіи сама Елена Ивановна щедро надѣляла этого «скромнаго и религіознаго человѣка». Охмистръ королевы присутствуетъ и при дачѣ имѣнія князю Чарторыйскому [102]). Въ 1505 и 1506 годахъ князья Глинскіе получаютъ отъ короля жалованныя грамоты и на одной изъ нихъ встрѣчаемъ подпись охмистра Войтеха Клочко. Сильно выдвинулся и епископъ смоленскій Іосифъ Солтанъ, какъ своими пожертвованіями на пользу церкви, такъ и своей службой во время московской войны при осадѣ Смоленска. Не мало грамотъ получилъ онъ отъ великаго князя, а въ 1505 году, по его просьбѣ и по просьбѣ бояръ и жителей Смоленска, король даровалъ городу особую грамоту. Въ ней знаменательны слова: «намъ христіанство греческаго закона не рушити, налога имъ на вѣру не чинити, въ церковныя земли и воды и въ монастыри не вступатися» [103]). На ряду съ поддержкой частныхъ лицъ мы должны отмѣтить и отношеніе къ русскимъ городамъ. Если въ 1501 году дарственныхъ грамотъ мы не встрѣчаемъ (кромѣ грамоты Бельзской землѣ), то въ 1502 и 1503 находимъ цѣлый рядъ: мѣщанамъ городенскимъ, землѣ Волынской, мѣщанамъ смоленскимъ, кіевскимъ. Послѣднія, равно какъ и чрезвычайно важная уставная грамота Витебску, заключены въ присутствіи [104]) охмистра Елены Ивановны Клочко и канцлера ея Сапѣги. Ясно,

что королева зорко присматривалась къ нуждамъ православнаго населенія и вліяла въ его интересахъ на мужа и на литовско-польское правительство. Жители Витебска тоже, подобно Смоленску, за вѣрную службу во время войны получили по упомянутой грамотѣ чрезвычайныя права: великій князь не долженъ вмѣшиваться въ дѣла церковныя, въ дѣла семейныя и наслѣдственныя. Каждый житель Витебска воленъ отъѣхать изъ земли своей, но только въ Литву; каждый ляхъ или русинъ, перешедшійвъ Витебскѣ въ православное исповѣданіе, не долженъ терпѣть притѣсненій отъ правительства. Уже приведенные пункты показываютъ намъ воочію, какъ оберегали русскіе люди судьбу своей народности и своей церкви, и доказываютъ тѣмъ самымъ основательность обвиненій въ притѣсненіяхъ въ предыдущіе годы. Если бы ихъ не существовало, то нечего бы было ограждаться такими грамотами. При дачѣ этой грамоты Витебску даже присутствовали епископъ Войтехъ Таборъ и Радивилъ, главари католическо-польской партіи; вспомнимъ, что и Елена Ивановна требовала подписи кардинала Фридриха, епископа Войтеха и пановъ рады подъ грамотой о своемъ свободномъ вѣроисповѣданіи.

Подобное милостивое отношеніе къ русскимъ городамъ и награда имъ за службу зависѣли всецѣло отъ личной воли Александра, если обратимъ вниманіе на то, что даже Вильна не получила столь щедрыхъ льготъ [105]).

Итакъ мы видимъ, чѣмъ ознаменовался періодъ съ 1500—1507 годъ и на чемъ отразилось вліяніе королевы,—но мы имѣемъ еще данныя, по которымъ можемъ предположить, что вопросъ объ устрой-

ствѣ церкви интересовалъ Елену Ивановну, и вѣроятно, самого митрополита Іону глубже, чѣмъ кажется, что у нихъ мелькала уже мысль о церковныхъ реформахъ, и они исподволь подготовлялись къ нимъ.

Въ 1505 году Елена Ивановна переписывалась съ московскимъ митрополитомъ Симономъ и просила у него «Уставъ церковный». Ея просьба была обращена прямо къ митрополиту Симону, но стала извѣстна Ивану Васильевичу. Великій князь прислалъ «Уставъ церковный» и потомъ видимо интересовался дѣятельностью дочери, посылая ей тайныя рѣчи. Не около ли этого времени послала Елена Ивановна даръ свой родной Москвѣ—колоколъ на одну изъ московскихъ церквей, ибо врядъ ли Сапѣга, Иванъ Семеновичъ, привезшій этотъ колоколъ на Москву, при королѣ Александрѣ, привезъ его въ даръ отъ себя? Колоколъ оставался на своемъ мѣстѣ еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, когда послужилъ поводомъ къ разговору между боярами и панами, въ числѣ коихъ былъ Левъ Сапѣга, въ 1635 году [106]).

Въ это же время, то-есть въ 1505 году, митрополитъ Іона обратился съ письмомъ къ московскому владыкѣ Симону по случаю нахожденія въ плѣну на Москвѣ сына его Семена Кривого; можетъ быть это письмо было лишь поводомъ завязать сношенія съ московскимъ митрополитомъ и обмѣнятся съ нимъ мыслями по церковному управленію. Не забудемъ, что м. Симонъ былъ однимъ изъ духовныхъ писателей своего времени, авторъ прекраснаго поученія священнослужителямъ, а Іона, если и не былъ родомъ москвичъ, то свое прозваніе получилъ за дѣятельность въ московскомъ духѣ.

Дѣйствительно, Іона былъ владыка въ духѣ строго православномъ, въ духѣ московскихъ Іоны, Петра Алексѣя и другихъ. Онъ былъ по душѣ Еленѣ Ивановнѣ, какъ противоположность типу епископа-феодала, преобладавшаго въ римской церкви этого времени. Подражаніе этому римскому типу стало уже закрадываться и въ западно-русскую церковь, а впослѣдствіи этотъ типъ сталъ ея язвой растлѣнія.

Послѣдній штрихъ къ облику митрополита Іоны даетъ его завѣщаніе [107]). Въ своемъ завѣщаніи первосвятитель оставляетъ большую часть имущества церквамъ и монастырямъ; оставляетъ сыну своему, пріятелямъ и слугамъ; оставляетъ и своему государю. Нужды нѣтъ, что въ 1507 году короля Александра уже не было въ живыхъ и престолъ занималъ Сигизмундъ 1: владыка оставлялъ не тому или другому Ягеллону, а государю своей страны!

Въ 1507 году митрополитъ Іона скончался; еще раньше умеръ король Александръ. Наступили годы вдовства Елены Ивановны; наступило новое царствованіе; наступила при новомъ владыкѣ Іосифѣ Солтанѣ пора устройства умиротворенной, восторжествовавшей западно-русской церкви.

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ: Акты Зап. Россіи т. I; Сборникъ Императ. русск. историч. общества т. 35; Тейнеръ, Vetera monumenta Poloniae т. II 1861; Акты Южн. и Зап. Россіи т. I; Акты Минской губ.; Сборникъ Муханова; Археографич. сборникъ т. IV; Макарій, Исторія церкви т. IV; Филаретъ, Исторія церкви; Чистовичъ, Исторія западно-русской церкви; Ярушевичъ, кн. К. И. Острожскій. Смоленскъ 1897 г.; Бартошевичъ Szkic dziejow kosciola ruskiego w Polsce Krakow 1880.

XV.

Послѣдніе годы замужества. Смерть Александра 1503—1506.

Изъ предыдущихъ главъ мы видѣли, что Еленѣ Ивановнѣ удалось примириться съ отцомъ и возстановить съ нимъ прежнія дружескія сношенія; вмѣстѣ съ тѣмъ возобновилась прерванная переписка отца съ дочерью и обмѣнъ между ними мыслей, чувствъ, надеждъ и предположеній, но уже на равной ногѣ. Старикъ-отецъ отказался отъ мелочного вмѣшательства и руководительства дочерью, предоставивъ ей полную свободу дѣйствій, иногда только прося ея содѣйствія. Такой случай представился по вопросу о женитьбѣ ея брата Василія. Въ 1503 г. въ маѣ Иванъ Васильевичъ сообщалъ дочери, что хочетъ женить сыновей своихъ и поручаетъ ей разузнать: «у которыхъ государей греческаго закона или римскаго закона будутъ дочери, гдѣ бы пригоже сына женити». Самъ онъ интересовался судьбою дѣтей сербскаго деспота Стефана, проживавшихъ въ Уграхъ.

Пріѣхавшій въ ноябрѣ посолъ дьякъ Никита Губа-Моклаковъ явился къ Еленѣ Ивановнѣ за отвѣтомъ. Иванъ Васильевичъ приказалъ дьяку разспросить обо всемъ королеву и хлопотать, чтобы она послала уз-

нать о судьбѣ деспотовъ сербскихъ; дьяку велѣно было дожидаться въ Вильнѣ точныхъ извѣстій. Любопытенъ отвѣтъ Елены Ивановны; по словамъ посольской книги «королева сама говорила». Приведемъ слова ея; «А у макрабіа (т. е. у маркграфа Бранденбургскаго, женатаго на сестрѣ Александра Софіи) повѣдаютъ пять дочерей; большая осминадцати лѣтъ, хрома, нехороша; подъ большею четырехнадцати лѣтъ, а парсуною её повѣдаютъ хорошу. А у баварскаго князя, у королева зятя, дочери повѣдаютъ же, а того не вѣдаютъ, колкихъ лѣтъ, а матери у нихъ не стало (т.-е. Ядвиги). А у щетинскаго князя, у королева же зятя, повѣдаютъ же дочери, а того же не вѣдаютъ колкихъ лѣтъ, а матери у нихъ не стало жъ, а слава про матерь (сестру Александра Анну † 1504) и про нихъ добра. А у фрянскаго короля сестра, а угорскому королю своякина, а заручена была за Олбрехта короля (сестра Франциска I принцесса Ангулемская); парсуною повѣдаютъ хорошу да хрома, да нынѣ деи на себя чепецъ положила, пошла на клаштарь» [108]). Про дочь же датскаго короля, Иванъ Васильевичъ «самъ де вѣдаетъ болѣе меня». Въ этомъ перечнѣ невѣстъ, какъ видимъ, большинство государей въ родствѣ съ Александромъ. Елена Ивановна передавала слухи, ходившіе при ея дворѣ, и нельзя не удивиться, что о многихъ племянницахъ своихъ король зналъ очень мало (напр. про дочерей штетинскаго князя). Но дьякъ Моклаковъ особенно интересовался дѣтьми Стефана, деспота сербскаго; королева, хотя и «пытала», по словамъ ея, но «допытатися ихъ» не могла. Между тѣмъ Ивану Васильевичу всего желательнѣе было

породниться съ государемъ православнымъ и Губа-Моклаковъ сталъ настаивать, чтобы королева послала въ Угры узнать о деспотовыхъ дѣтяхъ. «И ты, госпоже, пошли опытати, а язъ, госпоже, дотолѣ лежу». Но энергичное заявленіе дьяка осталось безъ результата. Елена Ивановна отказалась наотрѣзъ посылать въ Угры, равно какъ и къ другимъ государямъ. «Какъ ми посылати? чтобы былъ отецъ мой съ королемъ въ миру, ино бы то пришло, чтобъ язъ послала поотвѣдати»; теперь же пусть великій государь самъ посылаетъ пословъ своихъ. Въ концѣ отвѣта своего Елена Ивановна передала отцу и соображенія свои относительно возможности сватовства и совѣты, какъ повести это дѣло. «А за такова бы государя за великаго, кто не хотѣлъ дати!» говорила она, но затрудненіе великое составляетъ вопросъ о вѣрѣ: «да у нихъ такъ въ латынѣ крѣпко, что у нихъ безъ папина вѣдома никакоже не дадутъ въ греческій законъ; а насъ укоряютъ безпрестанно, а зовутъ насъ некрестьми». Эти слова Елены Ивановны весьма знаменательны; эти свѣдѣнія добыты ею на собственномъ опытѣ.

Видя, что изъ перечисленныхъ невѣстъ Иванъ Васильевичъ скорѣе всего можетъ остановиться на дочери маркграфа Бранденбургскаго, и зная, что эта невѣста— внучка Елизаветы австрійской, королева прибавила «нѣчто къ маркграбью пошлетъ, и онъ бы ся велѣлъ старые королевы таити; занже она всѣхъ пущи греческой законъ укоряетъ». Какъ извѣстно, дѣло это о женитьбѣ Василія Ивановича вскорѣ замолкло, и Ивану Васильевичу не удалось породниться ни съ кѣмъ изъ иностранныхъ государей.

Иванъ Васильевичъ, продолжая наблюдать за направленіемъ внѣшней политики Польско-Литовскаго государства, заинтересовался вмѣстѣ съ тѣмъ и событіями его внутренней жизни. «Гдѣ нынѣ король? въ Литовской ли землѣ или въ Лясѣхъ? и въ коемъ мѣстѣ? и королева съ нимъ ли вмѣстѣ? и что ихъ дѣло въ Литовской землѣ?» вотъ что желалъ знать московскій государь въ 1503 году, отправляя своихъ пословъ. *Дѣло ихъ* то-есть Александра и Елены въ Польшѣ и Литвѣ дѣйствительно заслуживаетъ полнаго вниманія. Литовскій великій князь—одинъ изъ тѣхъ польскихъ королей, кратковременное царствованіе которыхъ изобиловало богатыми послѣдствіями для Польши [109]): онъ сталъ королемъ преобразователемъ и законодателемъ. Странная судьба, странная, какъ и вся дѣятельность рода Ягеллоновъ! Подобно всѣмъ Ягеллонамъ и Александръ въ теченіе своей жизни былъ окованъ тою роковою цѣпью, которую сковалъ для своихъ потомковъ Ягайло. Вспомнимъ, что даже великій Витовтъ не уяснилъ себѣ и не сумѣлъ провести въ жизнь и выполнить государственныхъ задачъ своей родины. Подобно всѣмъ Ягеллонамъ Александръ въ теченіе своей жизни находился въ двойственомъ положеніи, среди двухъ и больше огней, старался примирять непримиримое, соединять не соединимое. Точно такъ же теперь, когда дѣятельность рода Ягеллоновъ отошла въ область исторіи, оцѣнка ихъ разнообразна и противорѣчива. Историки Польши, Литвы и Западной Руси смотрятъ и оцѣниваютъ эту дѣятельность съ различныхъ точекъ зрѣнія, и сколько надо поработать, чтобы когда-нибудь въ будущемъ создался бы безпристрастный взглядъ, все охватывающій и все уясняющій!

На первыхъ порахъ Александръ Казиміровичъ дорого заплатилъ польскимъ магнатамъ за свое избраніе: онъ подтвердилъ передъ коронаціей Мельницкую привилегію и уничтожилъ такимъ образомъ плоды реформъ Яна Альбрехта. Магнаты подняли голову. Согласно Мельницкой привилегіи 1501 года паны—члены сената вѣдали всю сумму верховной власти въ государствѣ; король былъ только президентомъ этого сената. Понятно насколько ослабло значеніе королевской власти и насколько поднялось значеніе олигархіи. Открывшіяся военныя дѣйствія весной 1502 года отозвали Александра въ Литву; онъ предоставилъ сенату управленіе Польшей, а президентомъ сената назначилъ своего брата кардинала Фридриха, который, впрочемъ, вскорѣ умеръ, въ 1503 году.

Грозная война съ Москвой на долго отвлекла вниманіе Александра Казиміровича отъ его новаго государства, и Литовское правительство вынуждено было добиваться мира съ Иваномъ Васильевичемъ. Мы видѣли уже въ предыдущихъ главахъ, что вся зима 1503 года прошла въ переговорахъ.

Въ эти годы опасности для государства польскій сенатъ изъ рукъ вонъ плохо распоряжался дѣлами страны: войска не получали жалованья во время; подати собирались туго; набѣги татаръ оставались безнаказанными; въ странѣ свирѣпствовали разбойничьи шайки пановъ и въ нихъ участвовали даже женщины. У братьевъ миноритовъ отмѣчено смутное настроеніе умовъ, распри жителей и ропотъ на безначаліе [110]). Народъ сталъ призывать короля и взывать о помощи.

Александръ Казиміровичъ, заключивъ перемиріе съ тестемъ, поспѣшилъ въ Польшу и здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ онъ проявилъ большую энергію. Первымъ дѣломъ его было очистить Польшу отъ разбойничьихъ шаекъ и наѣздовъ. Онъ казнилъ смертною казнію нѣкоторыхъ пановъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, повѣсилъ даже женщину, ихъ соучастницу. Миноритъ говоритъ, что въ то время, въ 1504 году, пострадали многія лица среди магнатовъ, богачей и даже духовенства [111]). Покончивъ со смутьянами въ Польшѣ, Александръ, унаслѣдовавъ планы своего брата Яна Альбрехта, вступилъ въ борьбу съ можновладствомъ. Не мѣсто здѣсь входить въ подробности этой борьбы. Достаточно сказать, что «король собралъ въ 1504 и 1505 году два большихъ сейма, уничтожилъ Мельницкую привилегію и законодательнымъ путемъ опредѣлилъ новую форму правительства». Королю не удалось, правда, проложить дорогу къ абсолютному правленію, къ чему стремился Янъ Альбрехтъ, но ему удалось ослабить можновладство допущеніемъ шляхты къ участію въ дѣлахъ правленія, удалось освободить изъ подъ власти сената исполнительную и судебную власть. Въ борьбѣ съ магнатами Александръ имѣлъ сподвижникомъ бывалаго канцлера своего брата, выдающагося польскаго патріота того времени, каноника Яна Ласкаго, который сохранилъ вліяніе на дѣла и въ правленіе Александра. Послѣдній отыскивалъ и выдвигалъ новыхъ людей въ Польшѣ въ противовѣсъ магнатству, а въ Литвѣ выдвинулъ русскаго человѣка Михаила Львовича Глинскаго. Ласкій вполнѣ сочувствовалъ стремленіямъ обоихъ братьевъ

усилить королевскую власть; имъ кодифицированы польскіе законы предыдущихъ царствованій въ одинъ статутъ, извѣстный подъ именемъ статута короля Александра. Для созыва сейма, для проведенія финансовыхъ мѣръ и прочихъ реформъ король подолгу проживалъ въ Польшѣ; между тѣмъ въ Литвѣ вспыхнули смуты. Александру скоро стала ясна причина смутъ. Какимъ довѣріемъ короля пользовался въ Польшѣ «*Homo novus*» канцлеръ Янъ Ласкій, такимъ довѣріемъ Александра облеченъ былъ «его собинный другъ» князь Михаилъ Глинскій на Литвѣ. Глинскій былъ русскій человѣкъ, ради карьеры перешедшій въ католичество, заполучившій въ Италіи европейское классическое образованіе, прослужившій довольно долго въ войскахъ Германской имперіи. Онъ зналъ хорошо себѣ цѣну, заимствовалъ у западно-европейцевъ ихъ гордость, самомнѣніе, неразборчивость въ средствахъ къ достиженію цѣли, тотъ чувственный скептицизмъ, который характеризуетъ Европу XVI столѣтія, благодаря итальянскимъ наставникамъ и воспитателямъ. Глинскій не могъ примириться съ тѣмъ униженнымъ и оскорбительнымъ положеніемъ, какое выпадало на долю русскаго человѣка въ Литовско-Русскомъ государствѣ того времени. Въ борьбѣ съ магнатами-соперниками онъ не разбиралъ средствъ и ни предъ чѣмъ не останавливался. На такого человѣка, конечно, нельзя было положиться и потому Глинскій не пользовался расположеніемъ Елены Ивановны и не могъ стоять во главѣ русской партіи; послѣдняя чуждалось его, какъ ренегата, а католики-паны завидовали ему, видя въ немъ соперника.

Влеченіе Александра къ Глинскому, помимо личныхъ свойствъ послѣдняго, можно объяснить и общностью образованія: оба получили образованіе въ итальянскомъ духѣ. Въ сообществѣ Глинскаго Александръ Казиміровичъ часто вдавался въ кутежи, которые разстраивали здоровье короля. Не потому ли Елена Ивановна не любила Глинскаго и считала его однимъ изъ виновниковъ смерти короля? Это довѣріе короля къ русскому человѣку возбудило страшную зависть въ литовскихъ магнатахъ, а необузданный характеръ Глинскаго поддавалъ еще жару этой враждѣ. Симъ обстоятельствомъ воспользовались польскіе магнаты. Обузданные королемъ въ Польшѣ, они отмстили ему, войдя въ тайныя сношенія съ литовскими панами-католиками, и подстрекнули ихъ къ смутамъ. Въ этой борьбѣ съ Глинскимъ были замѣшаны, между прочимъ, извѣстный уже намъ панъ Янъ Заберезинскій и Войтехъ Таборъ епископъ виленскій. Разгнѣванный король лишилъ Заберезинскаго воеводства Трокскаго, Войтеха исключилъ изъ сената и со всей энергіей сталъ на защиту Глинскаго, а въ Польшѣ продолжалъ свои реформы. Вотъ эта та борьба Александра съ панами и интересовала его геніальнаго тестя!

Еленѣ Ивановнѣ, воспитанной въ Москвѣ Ивана III, въ традиціяхъ единства и сосредоточенія силъ, это стремленіе мужа къ централизацію власти было понятно и сочувственно; раздѣлялъ его и канцлеръ Ласкій, что повело къ согласію королевы съ канцлеромъ; по крайней мѣрѣ у насъ нѣтъ повода заподозрѣть противное, а есть нѣкоторыя данныя заключать, что она во многихъ случаяхъ дѣйствовала съ нимъ въ полномъ согласіи.

Сочувствуя мужу и Ласкому въ ихъ стремленіяхъ, королева однако держала себя вдали отъ польскихъ дѣлъ. Судьба Литовско-Русскаго государства интересовала ее гораздо больше и она проявила не-разъ свою личность въ тѣхъ случаяхъ, когда Литвѣ угрожала опасность. Но выказавъ не разъ мужество и твердость въ критическіе моменты, выручая не разъ мужа, она не вмѣшивалась въ политическія интриги, въ которыхъ не было недостатка; она держалась нейтральной позиціи; она не походила на королеву Бону, которая любила пользоваться смутами и интригами для пополненія своихъ денежныхъ средствъ, отчего Бона и получила отъ многихъ названіе «злогогенія Польши и Литвы». Этою тактичностью и сдержанностью Елена Ивановна пріобрѣла уваженіе и добрый о себѣ отзывъ польскаго народа: не коронованная, не признанная оффиціально королевой, она носила этотъ титулъ «de facto» и его признавали за нею всѣ. Братьи миноритъ, какъ мы видѣли выше, съ удивленіемъ отмѣчаютъ этотъ фактъ.

Борьба съ польскимъ можновладствомъ и литовскими панами дорого обошлась королю: на съѣздѣ въ Радомѣ 1505 года по дѣлу Глинскаго, Александръ почувствовалъ первый приступъ болѣзни, первый ударъ паралича. Оправившись, онъ поспѣшилъ въ Краковъ продолжать начатыя, какъ мы знаемъ, реформы,—но не таково было положеніе Польско-Литовскаго государства, чтобы король могъ всецѣло отдаться заботамъ внутренней политики. Иванъ Васильевичъ мѣтко охарактеризовалъ положеніе въ словахъ: «а какъ Менгли Гирей съ литовскимъ? и какъ литовскій съ нимъ? въ перемирьѣ или нѣтъ? А турецкой? Ту-

рецкой съ угорскимъ и съ ляхи въ перемирьѣ ли или нѣтъ, и коли въ перемирьѣ на колко лѣтъ» [112])? Дѣйствительно, почти со всѣми сосѣдями Польша и Литва были въ ненадежныхъ отношеніяхъ временнаго перемирія. Съ Москвою перемиріе поддерживалось и послѣ смерти великаго государя, послѣдовавшей осенью 1505 года. Духъ Ивана Васильевича жилъ еще въ Москвѣ и задирать ее было страшно: она была по-прежнему грозна; но съ пріятелемъ Ивана Васильевича, Менгли Гиреемъ, дѣло обстояло иначе. Татары, пользуясь смутами и крамолой литовскихъ пановъ, безнаказанно вторгнулись осенью въ 1505 году въ Литву и русскую Украйну, опустошая все огнемъ и мечомъ и уводя за собой 100.000 плѣнныхъ, кромѣ убитыхъ и раненыхъ. Паны и сенаторы, собираясь на сеймики, шумѣли противъ Глинскаго и короля и постыдно бѣжали за Нѣманъ при первомъ крикѣ: «татары»! Татарскія полчища, не дойдя до Вильны 10 верстъ, повернули на Слуцкъ и осадили его. Осада Слуцка интересна тѣмъ, что ее выдержала, отбивъ всѣ штурмы, вдова князя Симеона Юрьевича Слуцкаго, княгиня Анастасія, которую Нарбутъ называетъ «bohaterka swojego wieku», богатыремъ своего вѣка. Александръ находился въ то время въ Краковѣ. Въ началѣ 1506 года умерла мать его, вдовствующая королева Елисавета. Похоронивъ мать въ Краковѣ, король въ маѣ 1506 г. вернулся въ Вильну совсѣмъ больной. Его стали усиленно лѣчить. На смѣну Матвѣя Блонья, каноника гнѣзненскаго, лѣченіе коего надоѣло королю, былъ приеванъ, по его желанію и по совѣту Глинскаго, нѣкій алхимикъ Александръ

*

Балинскій. Его странное лѣченіе ослабило короля еще болѣе, а дозволеніе пить вино ускорило новый ударъ. Видя, что дѣло плохо, Ласкій и Елена Ивановна рѣшились вмѣшаться лично и на свой страхъ и отвѣтственность прогнали шарлатана-доктора. Между тѣмъ какъ больной король лежалъ въ Вильнѣ, а несчастныя Литва и Русь не успѣли еще опомниться отъ прошлогодняго разоренія, въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1506 года пронесся слухъ, что сыновья Менгли Гирея съ громадными полчищами появились за Днѣпромъ. Король издалъ указъ о посполитомъ рушеньѣ, но и въ дни горя и бѣдствія отечества крамольная шляхта и паны съ мѣста не двигались, крича и требуя, пусть самъ король станетъ во главѣ войска. Въ эту страшную минуту крамолы и измѣны Елена Ивановна не растерялась. По совѣту Глинскаго, съ помощью Ласкаго она подняла больного мужа на ноги и въ сопровожденіи епископа Войтеха, Яна Заберезинскаго, Ласкаго и свиты двинулась съ нимъ, преодолѣвая всѣ препятствія и трудности въ Лиду на сборной пунктъ ополченія. Въ Лидѣ находился великокняжескій замокъ, построенный Гедиминомъ въ 1223 — 1230 годахъ. Окруженный крѣпкими стѣнами, онъ представлялъ надежное мѣсто для пребыванія короля. Въ одной изъ башенъ въ верхнемъ этажѣ находились зала и внутренніе покои, а въ нижнемъ—архивъ и судебная изба [113]). Много вѣковъ до конца прошлаго столѣтія просуществовалъ этотъ замокъ, свидѣтель послѣднихъ дней жизни Александра Казиміровича, свидѣтель его волненія, безпокойства, томленія и мученій, увеличивавшихся по мѣрѣ того, какъ доходили извѣстія о приближеніи татаръ,

о томъ, что ихъ передовые отряды показались въ виду самой Лиды. Король мучился сознаніемъ невозможности сѣсть на коня, мучился медленнымъ сборомъ войска! А что пришлось пережить русской православной великой княгинѣ, одинокой, съ больнымъ умирающимъ мужемъ на рукахъ, среди крамольныхъ пановъ и изувѣрныхъ фанатиковъ въ родѣ Войтеха Табора? Не она ли писала отцу нѣкогда, что не боится притѣсненій, пока живъ мужъ, а со смертью его и за жизнь свою не ручается. Теперь суровый защитникъ правъ и вѣры русскаго племени давно уже—въ могилѣ, и дни мужа ея сочтены! Однако мужественный подвигъ умирающаго короля и его вѣрной жены пристыдилъ, наконецъ, крамольниковъ; собрались наконецъ подъ стѣнами Лиды передовые отряды ополченія, которые отогнали отъ стѣнъ Лиды шайки татаръ и принесли съ собой трофеями татарскія головы на пикахъ. Первый успѣхъ подѣйствовалъ ободряющимъ образомъ. Ополченіе стало рости числомъ, крамольное волненіе начало стихать. Однако Александру становилось все хуже и хуже, хотя сознаніе не покидало его. Онъ приготовился къ смерти, причастился святыхъ Таинъ и озаботился составленіемъ завѣщанія, по которому предоставилъ все брату Сигизмунду и ему же поручилъ охрану и защиту своей жены Елены Ивановны. Михаилу Глинскому поручилъ онъ начальство надъ собравшимся ополченіемъ, которое и двинулось противъ татаръ. Такимъ образомъ, благодаря мужеству, находчивости и присутствію духа Елены Ивановны цѣль была достигнута, ополченіе собрано и двинуто на врага; оставаться теперь въ опустѣломъ

замкѣ было безцѣльно, да и опасно. Налетѣвшая шайка татаръ могла осадить замокъ и, если не взять штурмомъ, выморить голодомъ. Рѣшено было перевезти короля въ Вильну. Не легко было совершить этотъ переѣздъ. Устроили нѣчто въ родѣ гамака, повѣсивъ и укрѣпивъ его между двухъ лошадей, на которыхъ верхомъ сидѣли два пана изъ свиты, стараясь уравнять ходъ лошадей. Елена Ивановна ѣхала всю дорогу подлѣ мужа. Медленно, шагъ за шагомъ, двигался поѣздъ и, наконецъ, достигъ Вильны. Александръ Казиміровичъ лишился уже языка.

Глинскій оправдалъ довѣріе короля: онъ одержалъ подъ Клецкомъ блестящую побѣду надъ татарами, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Татары бѣжали, побросавъ обозъ, всю добычу и всѣхъ плѣнныхъ, а подъ Копылемъ и Петроковомъ нанесла имъ ударъ княгиня Анастасія Слуцкая во главѣ своего отряда.

Извѣстіе о побѣдѣ быстро достигло Вильны и застало Александра Казиміровича еще въ живыхъ; онъ былъ въ сознаніи, понялъ радостную вѣсть о побѣдѣ, жалъ руки окружающимъ и знаками выражалъ свою радость и благодарность Богу за побѣду. Въ ночь на 20 августа 1506 г. Александръ Казиміровичъ скончался въ нижнемъ Виленскомъ замкѣ и былъ похороненъ тамъ же, въ костолѣ св. Станислава. Литовскіе паны не согласились отдать его тѣло для погребенія въ Краковѣ, не хотѣла, вѣроятно, этого и королева. Такимъ образомъ могила Александра Казиміровича сохранилась до нашихъ дней въ той самой Вильнѣ, которую онъ, по преданію, любилъ и для украшенія которой много сдѣлалъ.

Бракъ Елены Ивановны, заключенный по поли-

тическимъ разсчетамъ, не былъ однако изъ несчастливыхъ, несмотря на всѣ происки Рима, пановъ и родни Александра. Мы не имѣемъ данныхъ о семейной жизни королевы, но ни свекровь, ни многочисленные враги не могли найти повода къ злословію, и польскіе историки, со словъ современниковъ, говорятъ о согласной жизни супруговъ, видя въ томъ заслугу Елены Ивановны. Можетъ быть, нѣкоторыя русскія черты въ характерѣ Александра, сходство во вкусахъ послужили къ сближенію супруговъ.

Глава составлена по слѣдующимъ книгамъ: Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. 35; Нарбутъ, Dzieje narodu litowskiego т. VIII; Бобжинскій, Очеркъ исторіи Польши т. II; Карповъ, «Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ».

Вдовство. 1506—1513.

Прибывшій въ Вильну Сигизмундъ I былъ торжественно встрѣченъ литовскими и русскими людьми и занялъ великокняжескій престолъ. Новый государь заслужилъ у историковъ западно-русскихъ и литовскихъ эпитеты дальновиднаго, вѣротерпимаго; время его разсматривается, какъ одно изъ благопріятныхъ для жизни православной церкви и народностей русской и литовской; народы русскій и литовскій сохранили о Сигизмундѣ Старомъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Онъ же и законодатель Литвы, какъ Александръ въ Польшѣ: при Сигизмундѣ I составленъ Литовскій Статутъ на русскомъ языкѣ. Но Сигизмундъ не былъ иниціаторомъ этого направленія. Мы видѣли уже, что жаркій полонофилъ Александръ разочаровался въ своей мечтѣ, испытавъ всѣ крайности папизма, крамолу и измѣну католическихъ пановъ Польши и Литвы. Къ концу своего бурнаго царствованія, опираясь на жену и въ согласіи съ нею онъ поворотилъ руль государственнаго корабля въ противоположную сторону. Сигизмундъ, молчаливый свидѣтель, себѣ на умѣ, всѣхъ потрясеній и послѣдствій крайняго полонофильства, не рѣшился поворачивать корабль обрат-

но, а предоставилъ ему плыть въ данномъ Александромъ направленіи. Иначе смотрятъ на этого государя польскіе историки и въ томъ числѣ Бобжинскій, но насъ уже не должны удивлять разнорѣчивые взгляды на дѣятельность государей изъ дома Ягеллоновъ.

Елена Ивановна при новомъ царствованіи оказалась въ положеніи вдовствующей королевы. Нѣкогда, еще при жизни отца, она съ трепетомъ представляла себѣ это положеніе, считала, что можетъ жить спокойно только при жизни мужа, «а когда, по грѣхамъ, мужа въ животѣ не станетъ, ино тогда арцибискупъ и панове о греческомъ законѣ силу учинятъ». Эти мрачныя предчувствія на первыхъ порахъ не сбылись. Александръ Казиміровичъ въ своемъ завѣщаніи просилъ брата беречь Елену Ивановну: просилъ о сохраненіи въ почетѣ и уваженіи своей любимой жены [114]). Василій Ивановичъ едва узналъ оффиціально о вступленіи на престолъ Сигизмунда I, какъ первымъ долгомъ напомнилъ ему обязательство, данное Александромъ о вѣроисповѣданіи жены, напомнилъ, чтобы сестру берегъ... и къ римскому закону не нудилъ [115]). Наконецъ, благоразуміе подсказывало Сигизмунду, что необходимо привлечь къ себѣ русскихъ знатныхъ людей и населеніе, а для этого надо было оказывать почетъ и уваженіе любимой всѣми королевѣ. Ко всему вышесказанному надо прибавить, что сама Елена Ивановна очень доброжелательно относилась къ брату своего мужа, продолжая стоять за интересы Польско-Литовскаго государства. Когда Василій Іоанновичъ узналъ по слухамъ о смерти Але-

ксандра и, зная вліяніе своей сестры, писалъ, чтобы она «похотѣла и говорила бы бискупу и паномъ и всей радѣ и земскимъ людямъ, чтобы похотѣли его государства [116])», Елена Ивановна очень рѣшительно и холодно отвѣчала: «государство свое Александръ король поступился брату своему Жидимонту». Отказъ сестры непріятно подѣйствовалъ на Василія III и былъ причиною временнаго охлажденія между братомъ и сестрою. Тѣмъ не менѣе она не упустила случая похлопотать за плѣнныхъ литовско-русскихъ людей на Москвѣ; она просила, чтобы братъ отпустилъ, по крайней мѣрѣ, пана Григорія. Интересно, что это былъ тотъ Григорій Остиковичъ, родомъ православный жмудинъ, о которомъ рѣчь наша еще впереди.

Понятно теперь, почему Сигизмундъ Казиміровичъ, исполняя волю брата, оказывалъ вниманіе невѣсткѣ. Въ январѣ 1507 года онъ пожаловалъ ей городъ Бѣльскъ съ Саряжемъ и Брянскомъ и со всѣми угодьями, данями и сборами, и эту дарственную грамоту скрѣпляли епископъ Войтехъ и паны-католики [117]). Но, насколько можно судить по печатнымъ изданіямъ, это пожалованіе Сигизмунда I было и единственное. Впослѣдствіи онъ подтвердилъ не мало грамотъ Елены Ивановны, но то были ея личныя распоряженія.

Елена Ивановна продолжала и послѣ смерти своего мужа свою хозяйственную дѣятельность: объѣзжала свои имѣнія. Такъ въ 1512 году была въ Оникштахъ, гдѣ выдала двѣ грамоты; бывала въ Бѣльскѣ и Бреславлѣ. Двѣ грамоты являются памятникомъ ея управленія: въ одной она разбирала

жалобу о грабежѣ, въ другой вводила во владѣніе людьми пожалованное ею лицо [118]). Не имѣя наслѣдниковъ, Елена Ивановна не дорожила своими землями и щедрою рукою раздавала ихъ приближеннымъ русскимъ людямъ. Можетъ быть, къ этому времени относится не имѣющее даты пожалованье Демидовичу имѣнія Кашперешки [120]). Но главное что должно интересовать насъ—это дѣятельность Елены Ивановны на пользу русскаго населенія и церкви.

И при Сигизмундѣ I, какъ и при жизни мужа, русско-литовская великая княгиня, чуждая мелкаго тщеславія, дѣйствовала осторожно, лишь въ крайнихъ случаяхъ выступая лично, большею частію скрываясь за спиной выдающихся русскихъ дѣятелей того времени: одного направляла, другого вдохновляла, третьему помогала. Скоро обозначились результаты.

Въ Бреславлѣ вдовствующая королева построила женскій монастырь. Янушевичъ, еще отъ короля Александра получившій разрѣшеніе, выстроилъ или обновилъ въ Вильнѣ церковь Рождества Богородицы, а Елена Ивановна оказала ему помощь: по ея просьбѣ князь Головчинскій, ея любимый намѣстникъ, снабдилъ Янушевича 100 злотыхъ. Обрушившійся въ 1506 году Пречистенскій соборъ лежалъ въ развалинахъ до 1511 года, когда было разрѣшено перестроить его гетману Константину Ивановичу Острожскому. Храмъ былъ воздвигнутъ въ византійскомъ стилѣ, пятиглавый. Самъ князь Константинъ Ивановичъ не находился въ это время въ Вильнѣ, ибо его отвлекали военныя дѣйствія противъ

татаръ, слѣдовательно другое лицо наблюдало за постройкой и, конечно послѣдняя, не обошлась безъ поддержки и помощи Елены Ивановны. Самая архитектура византійскаго типа о пяти главахъ напоминаетъ храмы восточной Руси. Что считали невозможнымъ разрѣшить изъ политическихъ соображеній вдовствующей королевѣ явно, разрѣшено было славному гетману послѣ Оршанской переправы. И кромѣ Пречистенскаго собора Константину Ивановичу приписывается возстановленіе и украшеніе церквей Вильны: Никольской, Покровской—домовая церковь королевы не далеко отъ нижняго замка—а впослѣдствіи Троицкой.

Послѣднее, чего добилась Елена Ивановна, это право патронатства на Свято-Троицкій монастырь въ Вильнѣ. Нарбутъ говоритъ, что она его возстановила изъ развалинъ. Въ грамотѣ отъ 1510 года января мѣсяца Сигизмундъ пишетъ, что онъ снизошелъ на просьбу невѣстки своей и передаетъ ей право на монастырь до ея смерти: «она маетъ обирати архимандрита». Дана грамота «въ Краковѣ [120])», что даетъ поводъ предполагать о присутствіи тамъ же въ то время самой вдовствующей королевы. Этою грамотою Елена Ивановна получила возможность дѣйствовать уже въ самой Вильнѣ открыто, не скрываясь за другими личностями, „благотворить церквамъ столицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ получила нравственное удовлетвореніе. Стоитъ вспомнить борьбу изъ-за постройки дворцовой церкви!

Въ 1507 году митрополитъ Іона умеръ и очень скоро на мѣсто его былъ избранъ епископъ смоленскій Іосифъ Солтанъ [121]), аристократъ по рожденію, къ 1509 году

получившій уже утвержденіе отъ Константинопольскаго патріарха. Еще будучи смоленскимъ епископомъ Іосифъ Солтанъ выдвинулся изъ среды западно-русскаго духовенства, какъ своими родственными связями—онъ былъ въ родствѣ съ Тышкевичами, Горностаями, князьями Чарторыйскими, Буйницкими, Четвертинскими —такъ и своею дѣятельностью. Крупными пожертвованіями на монастыри и церкви, особенно на Супрасльскій, епископъ смоленскій сталъ извѣстенъ константинопольскому патріарху, а искусной защитой Смоленска отъ московскихъ войскъ обратилъ на себя милостивое вниманіе правительства. Несомнѣнно, что Іосифъ Солтанъ былъ хорошо извѣстенъ Еленѣ Ивановнѣ и, весьма вѣроятно, что королева вмѣстѣ съ княземъ Константиномъ Острожскимъ содѣйствовала его скорому избранію въ митрополиты. Новый выборъ былъ чрезвычайно удаченъ и энергія Солтана поставила его въ рядъ замѣчательныхъ пастырей западно русской церкви.

Получивъ утвержденіе въ своемъ санѣ, митрополитъ къ 25 декабря 1509 года созвалъ въ Вильнѣ соборъ западно-русскаго духовенства. Составъ его былъ многочисленъ, и представительство духовенства было полное, всѣхъ степеней: 7 епископовъ, архимандриты, игумены, протопопы, священники. Среди нихъ отмѣтимъ архимандрита минскаго Вознесенскаго и Свято-Троицкаго виленскаго монастырей, которые находились подъ покровительствомъ Елены Ивановны, и отца Матвѣя, протоіерея Росской церкви святого Юрія въ Вильнѣ, извѣстнаго своимъ завѣщаніемъ [122]).

Результатомъ дѣятельности собора явились такъ на-

зываемыя «Дѣянія» собора, помѣченныя 18 январемъ 1510 года. Этотъ интересный и важный памятникъ рисуетъ картину жизни западно-русской церкви и возбуждаетъ не мало вопросовъ.

Послѣ краснорѣчиваго вступленія, напоминающаго собой старинныя поученія, слѣдуетъ рядъ постановленій, направленныхъ противъ тѣхъ безпорядковъ въ церкви, которые, говорится во вступленіи: «видѣхъ видѣніемъ и слышахъ слышаніемъ» и которые заставляютъ и соборъ, подобно апостолу Павлу, «скорбѣти и болѣти о справахъ церковныхъ [123])». Нѣкоторыя изъ постановленій касаются недостатковъ духовенства, а частью мірянъ, недостатковъ, свойственныхъ различнымъ временамъ и мѣстностямъ, какъ то: о самовольствѣ чернецовъ, объ исключеніи изъ сана священническаго лицъ недостойныхъ, о попахъ вдовцахъ и такъ далѣе. Но есть и такія постановленія, которыя отмѣчаютъ характерные недостатки и особенности въ церковной практикѣ собственно Западной Руси XVI вѣка, какъ напримѣръ: о стремленіи духовенства изъ корыстныхъ разсчетовъ добиваться себѣ мѣстъ въ кормленіе при жизни еще своихъ предшественниковъ, о злоупотребленіяхъ пановъ-патроновъ, о происходящихъ отсюда небреженіяхъ церквей. Наконецъ, послѣднее постановленіе собора прямо указываетъ на взаимныя отношенія церкви и правительства. «Если отъ господаря или отъ вельможъ и властителей будетъ присыланіе въ этихъ соборныхъ правилахъ, хоть единое нарушити... намъ ни единому не дерзнути и непоколебимо стати». Изъ этихъ словъ ясно видно, что западно-русское духовенство сознало необходи-

мость сплотиться и дѣйствовать соборне противъ давленія иновѣрной партіи, руководившей правительствомъ; ясно видно, что несмотря на благую временную перемѣну, соборъ 1509 года не считалъ западно-русскую церковь застрахованною отъ дѣйствій, могущихъ клониться къ вреду церкви. Впрочемъ не эта мысль—дѣйствовать дружно при натискѣ правительства—есть главная мысль «Дѣяній». Духовенство озабочивалось еще болѣе отношеніемъ свѣтскихъ людей къ церкви.

Дѣятельность собора подробно разобрана митрополитомъ Макаріемъ въ его «Исторіи церкви», но въ недавнее время чрезвычайно интересный взглядъ встрѣчаемъ въ книгѣ Ярушевича: «Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій». «Соборъ, пишетъ онъ, имѣлъ цѣлью упорядочить церковную дисциплину чрезъ возвышеніе власти митрополита и епископовъ въ ущербъ бѣлому духовенству, съ одной стороны, и чрезъ возможно большее ограниченіе мірского участія въ дѣлахъ церкви, съ другой. Этотъ ошибочный, въ данномъ случаѣ, путь, выдвинутый Іосифомъ Болгариновичемъ, въ испрошенной у Александра грамотѣ 1499 года, не могъ быть пріятенъ панамъ, патронамъ, благодаря которымъ, по всей вѣроятности, и состоялся самый соборъ...» а далѣе: «для самой же церкви постановленія собора не принесли пользы, скорѣе наоборотъ, успѣхъ введенія уніи 1596 года весьма много зависѣлъ именно отъ сравнительно большого усиленія высшей іерархіи». «Вотъ почему, заключаетъ Ярушевичъ, такое необычайное явленіе въ западно-русской церковной жизни, какъ соборъ 1509 — 1510 годовъ прошелъ для нея почти

незамѣтно». Приведенный взглядъ Ярушевича поднимаетъ очень интересный вопросъ о значеніи патронатства и братствъ въ Западной Руси и о томъ какіе взгляды существовали на это въ средѣ самихъ современниковъ. Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что митрополитъ Іосифъ Солтанъ держался иного направленія въ своей дѣятельности, чѣмъ митрополитъ Іона. Почему Іона, демократъ по происхожденію, прозванный Москвичомъ, покровительствовалъ патронатству и братствамъ, а аристократъ Іосифъ Солтанъ былъ имъ враждебенъ? Все это вопросы, требующіе особаго тщательнаго историческаго изслѣдованія.

Въ связи съ дѣятельностью собора и въ связи съ желаніемъ поднять авторитетъ духовной власти стоитъ и грамота 1511 года, въ которой Сигизмундъ I, по просьбѣ митрополита Іосифа, Константина Острожскаго и другихъ пановъ греческаго закона, подтвердилъ привилегіи православнаго духовенства. Если въ 1509—1510 годахъ, то-есть во время собора, можно предполагать участіе Елены Ивановны,—если не прямое, то косвенное,—то въ данномъ случаѣ, въ 1511 году его не замѣтно, и Ивашко Сапѣга, подписавшійся подъ грамотою былъ уже маршалокъ и секретарь короля, а не королевы Елены.

Крупными пожертвованіями на монастыри и церкви, разрѣшеніемъ строить и поддерживать храмы, усилившимся значеніемъ русскихъ людей,—вотъ чѣмъ знаменуется время архіерейства митрополита Іосифа Солтана.

Западная Русь выставила за этотъ періодъ много замѣчательныхъ людей: на ряду съ княземъ Острож-

скимъ, Ходкевичемъ, Жеславскимъ, митрополитомъ Іосифомъ стоятъ: протоіерей отецъ Матвѣй, глубоко начитанный человѣкъ своего времени, оставившій среди своего имущества не мало книгъ, и Даніилъ Переяславскій, подвижникъ начала XVI вѣка, основатель Троицкой обители, любитель и благотворитель странныхъ. Возможность строить, возстановлять и украшать церкви и монастыри, которой воспользовались многіе русскіе люди въ первой половинѣ XVI вѣка, стремленіе къ упорядоченію внутренней жизни церкви свидѣтельствуетъ о справедливости словъ, что первая половина XVI вѣка—лучшій періодъ въ исторіи западно-русскаго народа и его церкви сравнительно съ предыдущими и послѣдующими и, конечно, подобное спокойное состояніе ихъ послѣ недавней борьбы объясняется, главнымъ образомъ, личною дѣятельностью Елены Ивановны и ея главныхъ сподвижниковъ: князя Константина Ивановича Острожскаго, митрополитовъ—Іоны и Іосифа Солтана и цѣлаго ряда другихъ русскихъ людей, которыхъ Елена Ивановна умѣла отличать и поощрять. Относительно великой княгини вполнѣ можно сказать, что она вдохнула душу живу въ замиравшую жизнь Западной Руси и Литвы, раздула искру, готовую погаснуть, внесла лучъ надежды въ среду, гдѣ царили отчаяніе и уныніе. Она принесла пользу и самой Литвѣ не только тѣмъ, что поддержала православныхъ среди собственно литвиновъ, а ихъ не мало было въ то время, какъ среди аристократіи, такъ и въ средѣ народа, но и тѣмъ, что пробудила народное чувство даже въ средѣ католической партіи.

Для главарей католической партіи королева и была тѣмъ опасна, что приходила въ частыя сношенія съ простымъ народомъ, проживая въ своихъ имѣніяхъ и повсемѣстно поддерживая православный элементъ. По словамъ Стебельскаго она усиленно охраняла людей греческаго закона и старалась селить ихъ по многимъ мѣстамъ [123]). Опасаясь популярности Елены Ивановны, магнаты вступили въ борьбу: наѣздами и грабежомъ стали безпокоить ее и тѣмъ самымъ пыталась подорвать ея положеніе въ Литвѣ. Имъ это было тѣмъ легче, что хотя Елена Ивановна хозяйничала попрежнему, благотворила церквамъ и монастырямъ, оказывала, по силамъ, поддержку русско-литовскому люду, но ясно было, что королева отходила уже на задній планъ и положеніе ея было шатко. Новое царствованіе выдвигало на первый планъ новыхъ людей; новые дѣятели какъ, напримѣръ, князь Острожскій становились во главѣ русской партіи, а вдовствующая королева, конечно, не имѣла и не могла имѣть прежняго прямого вліянія на ходъ политической жизни, не могла оказывать и прежней сильной поддержки, какъ то было при мужѣ. Сигизмундъ, положимъ, хорошо относился къ невѣсткѣ; даже, въ благодарность за поддержку, оказанную ему при восшествіи на престолъ и при заключеніи мира, расширилъ сферу ея благотворительной дѣятельности въ самой Вильнѣ, но большой заботы о ней у него не было и жила королева вдали отъ двора. На всѣ запросы московскаго государя, не притѣсняетъ ли Сигизмундъ его сестры, послѣдній могъ по справедливости сказать, что онъ ее въ чести держитъ, но подобно тому какъ при жизни мужа Елена Ивановна

терпѣла не столько отъ него самого, сколько отъ окружающихъ лицъ, такъ и теперь не отъ Сигизмунда могла она ожидать и опасаться притѣсненій, а отъ тѣхъ же представителей полонофильской католической партіи, противъ которыхъ теперь защиты у ней не было. Какъ ни была благопріятно обставлена Елена Ивановна въ первые годы вдовства, пока нуждались въ ея помощи,—лишь только необходимость въ ея услугахъ миновала, положеніе ея мало-по-малу стало измѣняться къ худшему, и отъ ея прозорливости не укрылись первые признаки осуществленія ея былыхъ предчувствій: мысль объ отъѣздѣ изъ Литвы на родину стала тогда закрадываться въ ея душу.

Положеніе королевы мы можемъ прослѣдить по выпискамъ изъ посольскихъ книгъ, по отрывкамъ изъ Литовской Метрики и по запискамъ Яна Коморовскаго, монаха ордена миноритовъ [124]). Къ величайшему сожалѣнію не отыскались до сихъ поръ посольскія книги за 1505—1514 годы и мы должны довольствоваться краткой выпиской, составленной при Іоаннѣ Грозномъ, выпиской, въ которой постоянно встрѣчаются досадныя слова: «что королева отвѣтъ чинила—того въ книгахъ не написано».

Какъ мы выше говорили, Елена Ивановна въ 1506 году отказала въ просьбѣ брату помогать ему въ достиженіи имъ польско-литовской короны и подтвердила волю мужа своего, чтобы престолъ перешелъ Сигизмунду, но она не хотѣла, повидимому, прерывать дружескихъ сношеній съ братомъ Василіемъ и съ слѣдующимъ же посольствомъ Сигизмунда въ 1507 году послала ему челобитье. Тѣмъ

не менѣе переписка между братомъ и сестрой вскорѣ прекратилась и до половины 1508 года Василій Іоанновичъ не получалъ извѣстій отъ сестры: «отъ Жидимонта у насъ не разъ бывали послы, а отъ тебя не бывало никакой вѣсти». Натянутыя отношенія Литвы съ Москвой, закончившіяся открытой войной, были, конечно, причиной молчанія королевы. Стоитъ лишь вспомнить подобное же молчаніе ея въ первые годы жизни въ Литвѣ, наступившее тотчасъ же, какъ только отношенія ея отца съ мужемъ приняли угрожающій характеръ. Она и теперь, при Сигизмундѣ I, держалась прежняго образа дѣйствій, занимая нейтральную позицію: не желая повредить русской партіи какимъ либо опрометчивымъ словомъ или поступкомъ, она не совалась безъ спроса впередъ, но лишь только откровенно обращались къ ней за содѣйствіемъ, охотно шла на помощь.

Сигизмундъ I непрочь былъ отъ войны въ надеждѣ теперь, со смертію великаго государя, вернуть удачной войной потерянныя завоеванія Витовта. Его первыя посольскія рѣчи были задорны. Въ Москвѣ войны не боялись и на требованія литовско-польскаго правительства отвѣчали не меньшими требованіями. При такомъ воинственномъ настроеніи обоихъ правительствъ немудрено было разыграться войнѣ, и война вспыхнула, но одновременно съ войной въ Литвѣ разразился бунтъ князя Михаила Львовича Глинскаго.

Мы не станемъ вдаваться въ подробности этого бунта: онѣ бы завлекли насъ слишкомъ далеко въ сторону, но не можемъ не сказать нѣсколько словъ о двухъ самыхъ выдающихся дѣятеляхъ того време-

ни, изъ которыхъ одному суждено было стать преемникомъ Елены Ивановны.

Лавры побѣдителя подъ Клецкомъ на давали спать панамъ-сенаторамъ: они опасались, какъ бы онъ не возымѣлъ надъ Сигизмундомъ того-же вліянія, что и надъ Александромъ; и вотъ стоило новому государю появиться въ Вильнѣ, какъ началась ожесточенная травля князя Глинскаго. Ему приписывались всевозможныя дьявольскія комбинаціи и планы: то онъ предавалъ Литву Владиславу венгерскому, то московскому государю, то самъ хотѣлъ занять великокняжескій престолъ.

Борьба кончилась, наконецъ, гибелью личнаго врага Глинскаго — пана Яна Заберезинскаго. Послѣдній былъ когда то сватомъ Елены Ивановны; повидимому она находилась съ нимъ въ такихъ же хорошихъ отношеніямъ, что и съ Ласкимъ. Кровавая расправа Глинскаго была на руку его противникамъ: она отшатнула отъ него всѣхъ русскихъ людей и королеву, лишила его ея поддержки; ему не оставалось другого выхода, какъ бѣгство въ Москву.

Взамѣнъ Глинскаго русская партія вызвала князя Острожскаго и облегчила ему возможность бѣжать изъ плѣна. Этотъ обмѣнъ оказался выгоднымъ для обѣихъ сторонъ. Глинскій далъ предпріятіямъ Москвы энергическій толчокъ, а князь Острожскій оказался наиболѣе подходящимъ лицомъ, чтобы поддержать при жизни Елену Ивановну, а затѣмъ замѣнить ее послѣ ея смерти. Семилѣтній плѣнъ на Москвѣ сослужилъ великую службу знаменитому князю, послужилъ ему превосходной школой. Іоаннъ III, воспитавшій свою дочь для дѣятельности на Литвѣ и западной Руси, самъ того не

зная, подготовилъ въ лицѣ Острожскаго ей преемника. Если Іоаннъ III сурово, даже жестоко обошелся на первыхъ порахъ съ литовскимъ плѣнникомъ, то на русское общество Константинъ Ивановичъ не могъ пожаловаться: оно его жалѣло и чѣмъ могло помогало. Въ Москвѣ русско-литовскій богатырь обновилъ и освѣжилъ свои понятія и чувства къ вѣрѣ—вѣрѣ предковъ, научился понимать глубину ея идеи и сущность борьбы съ папизмомъ. Въ Москвѣ онъ почерпнулъ много свѣдѣній и знаній по военному дѣлу и техникѣ, которыя въ то время, при Іоаннѣ III, стояли на Москвѣ куда выше, чѣмъ въ Литвѣ и Польшѣ, что сознавали сами литвины.

Тамъ же присмотрѣлся онъ и привыкъ къ сторожевой службѣ по татарскому рубежу, приглядѣлся къ механизму военной администраціи— и то и другое онъ усвоилъ и впослѣдствіи съ успѣхомъ примѣнилъ у себя на родинѣ. Въ Москвѣ же усвоилъ онъ чувство дисциплины и самоотверженія. Многому и другому хорошему научился нашъ богатырь въ Москвѣ, хотя и пришлось ему, волею судебъ, не разъ бороться со своей наставницей и учительницей. Но, какъ аристократъ, онъ былъ враждебенъ ея демократическому духу. Сознаніе одолженности во многомъ Москвѣ жило въ душѣ князя Острожскаго. Онъ свято чтилъ память о святомъ Дмитріи Прилуцкомъ, у мощей котораго получилъ исцѣленіе, и способствовалъ распространенію памяти о немъ въ южной Руси, а послѣ Оршинской битвы, которая возстановила его поколебленный престижъ военный, онъ выказалъ русскимъ плѣннымъ большое участіе, посѣщалъ ихъ въ мѣстахъ заключенія, утѣшалъ и помогалъ во многомъ [125]).

Вернемся однако ко вспыхнувшей войнѣ Литвы съ Москвой.

Какъ часто случалось съ литовскимъ правительствомъ, оно оказалось неготовымъ къ войнѣ и потому неудивительно, что военныя дѣйствія то оттягивались, то прерывались дипломатическими переговорами. Одновременно съ войною шла попытка Сигизмунда устроить междоусобіе въ Москвѣ между Василіемъ и его братомъ Юріемъ [126]), но дѣло это не удалось и кончилось ничѣмъ. Въ общемъ военное счастіе клонилось на сторону московской Руси. Не мудрено, что литовско-польскій государь былъ вскорѣ вынужденъ завязать мирные переговоры, и въ 1508 году снаряжаетъ онъ въ Москву посольство и обращается за посредничествомъ къ невѣсткѣ. Ясное доказательство, что война и бунтъ Глинскаго были главными причинами того, что королева Елена воздерживалась отъ сношеній съ братомъ, теперь же, по просьбѣ Сигизмунда, она отправила брату письмо со своимъ человѣкомъ Ондреемъ Держкой. Этого письма у насъ нѣтъ, но существуетъ отвѣтъ на него Василія Іоанновича. Судя по этому отвѣту, мы можемъ видѣть, что Елена Ивановна просила брата прекратить войну, быть въ мирѣ съ Сигизмундомъ и обвиняла Глинскаго въ измѣнѣ. Точно такъ же смотрѣла она прежде на князей отъѣздчиковъ, и ея приближенные люди присутствовали при постановленіи о конфискаціи имущества всѣхъ отъѣзжихъ князей. Былъ ли такой взглядъ ея личнымъ взглядомъ или то было одно оффиціальное, вынужденное ея положеніемъ отношеніе—рѣшить трудно; одно можно утвердительно сказать, что лично она была

раздражена на Глинскаго. Вмѣстѣ съ отвѣтомъ московскаго государя, что онъ мира хочетъ, письмо Елены Ивановны вызвало его упрекъ въ томъ, что она скрываетъ трудное свое положеніе, которое подтверждается тѣмъ, что она вѣстей о себѣ не даетъ, не шлетъ. Подобно отцу Василій Іоанновичъ напоминаетъ сестрѣ наказъ о вѣрѣ: «не нанести укоризны греческому закону». Наконецъ, осенью 1508 года былъ заключенъ «вѣчный» миръ между Москвой и Литвой.

Однако этотъ *вѣчный миръ не былъ даже долговѣчнымъ*. Пять лѣтъ съ 1508 по 1513 годы еще кое-какъ протянули мирныя отношенія, а въ 1513 году война возобновилась. Въ Литвѣ не могли примириться съ отъѣздомъ Глинскаго и требовали его выдачи, а московскій государь старался извлечь политическую выгоду изъ заботъ о положеніи сестры своей. Если мы не можемъ принять за чистую монету заботу Василія Іоанновича о сестрѣ, то, съ другой стороны, не можемъ совершенно отвергать основательности его нареканій.

Къ разсмотрѣнію положенія королевы и послѣднихъ годовъ ея жизни мы теперь и переходимъ.

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ: Акты западной Россіи т. II; Акты историческіе т. I; Сборникъ Императ. русск. истор. общества т. 35; Monumenta Poloniae... т. V Lwow 1888 г; Лѣтописи т. II, VI, VII, VIII; Археографическій сборникъ т. VI; Макарій, Исторія церкви т. IX; Чистовичъ, Исторія западно-русской церкви; М. Евгенія, Описаніе Соф. собора; Карповъ, Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ; Ярушевичъ, Кн. К. И. Острожскій. Смоленскъ. 1897 г.; Нарбутъ, Dzieje narodu litewskiego т. IX; Бобжинскій, Очеркъ исторіи Польши. т. II.

XVII.

Кончина Елены Ивановны. (1513).

Въ 1508—1509 годахъ миръ былъ заключенъ, а Василій Іоанновичъ по-прежнему не получалъ извѣстій отъ сестры и въ 1509 году былъ снова вынужденъ дать знать Еленѣ Ивановнѣ: «чтобы она безъ вѣсти государя ни о чемъ не держала».

Наконецъ, королева сообщила, повидимому, что-то неладное насчетъ своего положенія боярину Григорію Ѳедоровичу, одному изъ членовъ оффиціальнаго посольства къ Сигизмунду, потому что Василій III счелъ нужнымъ снарядить особое посольство къ сестрѣ. Во главѣ его стоялъ печатникъ Микула Ангеловъ, тотъ самый, что ѣздилъ съ интимнымъ порученіемъ къ Еленѣ Ивановнѣ отъ Ивана Васильевича и Софіи Ѳоминишны въ 1497 году. Этотъ Микула Ангеловъ «человѣкъ свой добрый» имѣлъ порученіе переговорить откровенно съ королевой обо всемъ, о чемъ намекала Елена Ивановна боярину Григорію Ѳедоровичу, а именно: «что Жигимонтъ се не въ чти... держитъ, да и сила отъ короля и пановъ-рады ей королевѣ чинитца великая; города и волости выпустошили (разорили), а воевода виленскій Радивилъ земли отымаетъ».

Обида отъ пановъ—дѣло вполнѣ правдоподобное:

вспомнимъ, что королева уже судилась однажды за нарушеніе ея поземельной собственности. Она отлично знала недоброжелательное отношеніе къ ней пановъ-рады, усилившееся за послѣдніе годы царствованія Александра, во время столкновенія Глинскаго съ Заберезинскимъ. Затихшая не на долго ненависть вспыхнула съ новой силой, когда Сигизмундъ выказалъ уваженіе вдовѣ брата и снизошелъ на просьбы ея въ пользу русскаго населенія и церкви. Королева стала опасаться и за себя лично и за свою казну.

По смерти мужа она очистила нижній замокъ и вывезла свои вещи и казну, но куда ей было дѣвать ее? Гдѣ найти безопасное мѣсто отъ грабежа пановъ? Дома православныхъ людей и монастырей очень часто бывали въ Польшѣ и Литвѣ жертвою наѣзда и грабежа. Въ виду этого, а также того факта, что католическіе монастыри пользовались большей безопасностью, королева отдала нѣкоторыя изъ своихъ драгоцѣнностей на сохраненіе ордену миноритовъ. Сокровища Елены Ивановны были очень велики: 14 сундуковъ съ золотомъ и серебромъ, большія и малыя блюда, драгоцѣнныя вещи, дорогіе каменья, золотыя чаши и шитыя золотомъ одежды (около 350 *). Не въ это ли время отдала королева

*) Мы не могли воспользоваться статьею проф. Бережкова «Елена Ивановна...» въ трудахъ IX археологическаго съѣзда, полученной въ Петербургѣ уже тогда, когда послѣдніе листы книги были прокорректированы. Тѣмъ не менѣе постараемся воспользоваться слѣдующими данными. Перечисленіе имущества Елены Ивановны у миноритовъ совпадаетъ съ росписью приданаго, даннаго Иваномъ Васильевичемъ.

Авторъ статьи имѣлъ подъ руками эту роспись приданаго

Пречистенскому собору два сундука съ громаднымъ числомъ золота, серебра, драгоцѣнностей и драгоцѣнныхъ камней! Янъ Коморовскій зналъ о томъ, и послѣ смерти королевы паны особенно внимательно занялись описаніемъ именно этихъ двухъ сундуковъ, приказавъ принести ихъ изъ церкви Пречистой. Случайное указаніе на пожертвованіе Пречистенскому собору, слова Миноритовъ, что королева довѣрила имъ только часть своего имущества—заставляетъ думать, что Елена Ивановна, не имѣя наслѣдниковъ, не скупилась на вклады въ церкви и монастыри и снабдила деньгами для церковной благотворительности такихъ довѣренныхъ лицъ, какъ кн. Головчинскій или кн. Острожскій. Интересно, что послѣдній строилъ не мало церквей не только у себя на югѣ, но и въ Вильнѣ, строилъ тогда, когда еще не разбогатѣлъ. (Первое время по возвращеніи изъ Москвы денежныя дѣла его были въ разстройствѣ и поправились только къ 1518 году).

(Дѣло Гл. Архива М. И. Д. въ Москвѣ въ портфеляхъ Малиновскаго), которое состояло изъ серебряной и золоченой посуды, изъ шелковой рухляди—бархата, камокъ, атласовъ, тафты; изъ мѣховъ и денегъ, изъ дорожныхъ экипажей и лошадей. Перечисляются подарки матери и отца. Великій князь благословилъ дочь иконой Божіей Матери «на сизу, обложена золотомъ, а въ ней 8 червцовъ и 8 зеренъ гурмыскихъ». Софія Ѳоминишна благословила иконой Спасителя «на лалѣ, а въ ней 4 лала, да два яхонта, да 8 зеренъ гурмыскихъ». Въ Дорогомиловѣ отецъ подарилъ «рогъ изъ новыхъ роговъ, окованъ серебромъ, позолоченъ, да горшокъ серебрянъ, вѣнецъ у него писанъ и золоченъ...», а мать «дала дочери... жиковину золоту, а въ ней яхонтъ да 7 зеренъ гурмыскаго». Въ этой то росписи приданаго Пописана тапкана, въ коей ѣхала Елена Ивановна изъ Москвы.

(См. Труды IX Археологическаго Съѣзда ст. М. Бережкова стр. 12, 13а, также стр. 3).

Итакъ, отдавъ свою казну на храненіе миноритамъ, королева разсчитывала, повидимому, на преданность братьевъ ордена. Почему она обратилась именно къ миноритамъ—объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что братья ордена мягче другихъ лицъ католическаго духовенства относились къ ней и были даже противъ ея перекрещиванья. Александръ Казиміровичъ былъ къ тому же благотворителемъ ордена, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ синодикъ. Въ память мужа сама Елена Ивановна благотворила ордену и оказывала ему поддержку, которой братьямъ чувствительно было лишиться. Все это вмѣстѣ объясняетъ намъ тотъ фактъ, что королева безъ опасенія вручила свои сокровища gwardianus'у ордена Яну Комаровскому. Но она жестоко ошиблась!

Свѣдѣній о посольствѣ Микулы Ангелова у насъ нѣтъ. По всей вѣроятности Василій III предлагалъ сестрѣ помощь и средства выйти изъ невыносимаго положенія, но, повидимому, она колебалась и не рѣшалась сдѣлать шагъ, могущій вызвать войну между только что примирившимися сторонами. Это можно заключить изъ того, что сношенія опять прерываются на долго и ограничиваются одними поклонами и челобитьями. Только въ 1511 году мы встрѣчаемся съ двумя посольствами къ ней. Первое было въ связи съ оффиціальнымъ посольствомъ къ Сигизмунду. Дьякъ Третьякъ Далматовъ и сынъ боярина и воеводы Юрія Захарьина Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ были отправлены толковать о порубежныхъ дѣлахъ и, по исполненіи этого порученія, дьякъ Далматовъ долженъ былъ ѣхать къ королевѣ. Ему поручалось узнать ея мысли о

государевыхъ дѣлахъ и о своихъ собственныхъ, и каковъ ея прожитокъ, и нѣтъ ли которыя «нечти отъ короля и отъ пановъ и какъ къ ней впередъ посылать государю людей своихъ». Эти слова доказываютъ, что переговоры Елены Ивановны съ братомъ опять приняли серьезный характеръ. Вѣроятно снова дошли неблагопріятные слухи до Василія, и онъ воспользовался случаемъ повторить свои предложенія, а сестра, понимая, что братомъ руководятъ не столько родственныя чувства, сколько политическіе разсчеты, и опасаясь стать орудіемъ интригъ князя Глинскаго, все еще не рѣшалась и колебалась; малѣйшая перемѣна къ лучшему, малѣйшее вниманіе къ ея жалобамъ и просьбамъ охлаждали ея порывъ. Досадное молчаніе посольской книги не даетъ намъ возможности узнать, что же слышалъ Далматовъ отъ королевы. «Были у королевы, а что имъ королева отвѣтъ чинила, того въ книгахъ не написано». Какъ бы то ни было, но въ томъ же году Василій Іоанновичъ снарядилъ второе, уже отдѣльное посольство съ Загряжскимъ и подьячимъ Космыниномъ. Единственною его цѣлью было якобы посылка бѣлокъ и соболей. «А какъ пріѣхалъ посолъ назадъ то ненаписано». Упорное отрицаніе приказной выписки заставляетъ, наконецъ, думать, что и въ посольской книгѣ были пропуски и пропуски съ тенденціей *). Остается предполагать — либо Елена Ивановна не отвѣчала брату, либо московское пра-

*) Повидимому переписку великаго князя съ дочерью вѣдалъ особый дьякъ Мамыревъ (см. стр. 227 и указатель Сб. И. И. общ.), а потому надо предполагать, что письма Елены Ивановны хранились отдѣльно, не въ посольскихъ книгахъ.

вительство держало въ тайнѣ эти отвѣты. Обыкновенно предполагали первое и Василію III приписывали придирки то изъ политическихъ разсчетовъ, то подъ вліяніемъ Глинскаго, но записки миноритовъ раскрываютъ другое: онѣ доказываютъ, что у Елены Ивановны шли секретные переговоры съ братомъ объ отъѣздѣ на родину.

Изъ записокъ братьевъ миноритовъ мы узнаемъ, что однажды послы московскаго государя, побывавъ въ Краковѣ у Сигизмунда, просили разрѣшенія на обратномъ пути заѣхать въ Бѣльскъ къ вдовствующей королевѣ. Послѣдняя приняла ихъ съ торжествомъ и съ радостью. И вотъ въ загородной церкви состоялась совѣщаніе ея съ послами, результатомъ котораго было рѣшеніе королевы оставить Литву навсегда. Она собиралась со всей казной своей уѣхать въ Бреславль, городъ, пограничный съ Московскимъ государствомъ, и оттуда передаться подъ покровительство московскаго государя со всѣми своими землями (которыя находятся въ окрестностяхъ Полоцка). Для успѣха своего предпріятія она требовала отъ брата присылки войска.

Точное воспроизведеніе рѣчи Елены Ивановны конечно на душѣ Яна Коморовскаго, но думается— трудно сомнѣваться въ намѣреніи королевы вернуться на родину и, конечно, увезти съ собой казну. Является вопросъ относительно передачи волостей. Хотя практика князей отъѣздчиковъ могла навести на эту мысль Елену Ивановну, хотя Василій III безъ сомнѣнія добивался этого въ переговорахъ съ сестрой, но устроила ли это дѣло Елена Ивановна— вопросъ сомнительный. Интересно, что миноритъ

только вскользь упомянули о волостяхъ и всѣ заботы ихъ направлены на сохраненіе казны; интересно, что королеву отпустили въ Бреславль! Съ другой стороны обращаетъ на себя вниманіе движеніе къ Бреславлю, московскаго войска, которое удалилось при вѣсти о смерти королевы. Къ какому времени пріурочить это посольство въ Бѣльскъ? Къ посольству ли Далматова или Загряжскаго? Въ 1512-мъ году неизвѣстно было ли таковое. Думается, что скорѣе можно пріурочить къ посольству Далматова, которое дѣйствительно было у Сигизмунда и, возвращаясь, могло заѣхать въ Бѣльскъ къ королевѣ.

Къ концу 1512 года намѣреніе Елены Ивановны отъѣхать на Москву окрѣпло, а послѣдовавшія событія и нанесенныя ей оскорбленія ускорили кризисъ, катастрофу и смерть.

Сопоставляя разсказъ приказной выписи съ записками миноритовъ, мы можемъ убѣдиться въ ихъ полной тождественоcти.

Переговоры Елены Ивановны съ московскими послами стали извѣстны одной изъ приближенныхъ паней—охмистринѣ, которая не пользовалась расположеніемъ королевы (не она ли пани восорка)? Она поспѣшила сообщить обо всемъ происшедшемъ гродненскому старостѣ *), а послѣдній предупредилъ гвардіана ордена не возвращать королевѣ ея

*) Кто былъ гродненскимъ старостой? Янъ Коморовскій называетъ кн. Александра т.-е. Гольшанскаго, но онъ не былъ съ 1503 г. старостою, а былъ Станиславъ Кишка до 1513 и Радивилъ съ 1514 (см. Ярушевича).

имущества. За содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ Янъ Коморовскій обратился тогда къ виленскому воеводѣ Радивилу. Этотъ магнатъ стоялъ, можно сказать, во главѣ католической партіи, которая враждебно относилась къ схизматичкѣ-королевѣ, негодовала на Александра за поддержку Глинскаго, недовольна была возвышеніемъ русскихъ людей, была въ претензіи на Сигизмунда и роптала на него за то, что послѣдній не оправдалъ ихъ надеждъ при возведеніи его на престолъ и, подобно Александру, продолжалъ опираться на русскихъ, замѣнивъ только Глинскаго Острожскимъ. Это былъ тотъ самый виленскій воевода, на котораго жаловалась Елена Ивановна, что онъ отнималъ у нея земли, и отношеніе котораго къ православному населенію отлично характеризуется пѣснью, что сложилъ про него православный людъ на Литвѣ и Руси.

Былъ на Руси Черный богъ... (описаніе введенія христіанства).

* * *

Ажъ отъ ксенця Радзивилла
понайшла нечиста сила,
русску вѣру поглумила...
Не было къ намъ (въ Нѣсвижъ), а ни слова
ни изъ Слуцка, ни с Турова...
Мы предъ Юріемъ (церковь въ Нѣсвижѣ)
закленчемъ...
Щобъ его святая сила
Поконала Радзивилла [127]).

Радивилъ, подобно большинству современниковъ Елены Ивановны, не могъ себѣ представить громаднаго богатства королевы, и слова его Яну Коморовскому рельефно рисуютъ намъ тѣ чувства презрѣнія и высокомѣрія, которыя питалъ знатный

панъ къ вдовствующей королевѣ. «Отецъ guardianus, говорилъ улыбаясь Радивилъ, говоря по русски—она обманываетъ васъ и смѣется надъ вами, я же думаю, что тамъ въ ящикахъ она положила камни, обернула соломой и сказала, что тамъ де сокровища». Однако насмѣшливое отношеніе Радивила смѣнилось удивленіемъ, когда pater Янъ сообщилъ, что собственными глазами видѣлъ несказанное богатство королевы. Обомлѣлъ Радивилъ отъ неожиданности и рѣшилъ онъ лишить Елену Ивановну этихъ сокровищъ, столь полезныхъ, молъ, для государя и для государства. Пять дней спустя послѣ совѣщанія Коморовскаго съ Радивилломъ, королева пріѣхала въ Вильну и потребовала у миноритовъ возвращенія своей казны. Можетъ быть и до нея дошелъ, въ свою очередь, слухъ объ интригахъ и планахъ насчетъ захвата ея казны панами. Собираясь въ Бреславль, она заѣхала въ Пречистенскій соборъ помолиться и тутъ узнала, что имущество ея задержано. Воевода виленскій Радивилъ собралъ четырехъ пановъ, явился къ собору и именемъ короля воспретилъ Еленѣ Ивановнѣ отъѣздъ въ Бреславль. Въ Москвѣ же разсказывали, что королеву задержали силой, вывели за рукава и повезли въ Троки, о чемъ умалчиваетъ монахъ-миноритъ. Но онъ передаетъ картину гнѣва. «Воспламененная женскимъ гнѣвомъ, королева начала негодовать на пановъ, говоря: по какому это праву вы меня удерживаете, не допуская исполнить того, что я хочу?» И паны, испуганные гнѣвомъ королевы, поспѣшили свалить всю вину на гвардіана и на братію ордена. Елена Ивановна до самой смерти своей не могла позабыть

оскорбленія, говоритъ авторъ записокъ, и лишила орденъ той поддержки, которую раньше оказывала. Кто же были паны, собранные Радивиломъ? Московскій государь зналъ ихъ, а Янъ Коморовскій, умалчивая въ данномъ случаѣ, выставляетъ ихъ дѣйствующими лицами при описаніи и пересмотрѣ имущества королевы послѣ ея смерти. То были Григорій Остиковичъ, воевода троцкій, тотъ самый, о которомъ хлопотала Елена Ивановна, Войтехъ Ключко, ея бывшій охмистръ, подскарбій Абрамъ Езофовичъ и вѣроятно Гаштольдъ (см. въ приложеніи; его роль при описаніи сокровищъ); былъ тіунъ Бутримъ (?). Вскорѣ послѣ событія въ Вильнѣ Елена Ивановна находилась въ Бирштанахъ (по словамъ москвичей въ неволѣ), потомъ въ Стеклишкахъ—имѣніи подлѣ Трокъ, а въ ноябрѣ-декабрѣ 1512 г.—въ Оникштахъ.

Нахожденіе близъ Трокъ даетъ поводъ вѣрить московскому разсказу о заключеніи въ Трокахъ и Бирштанахъ.

Изъ того же источника (посольской книги) мы знаемъ, что Елена Ивановна посылала съ жалобой на пановъ къ Сигизмунду (человѣка своего—Петелю), но что послѣдній отвѣта не учинилъ. Однако въ Оникштахъ Елена Ивановна выдала двѣ хозяйственныя грамоты, а вслѣдъ затѣмъ 6 января 1513 г. выѣхала въ Бреславль. Послѣднее заставляетъ думать, что Сигизмундъ дѣйствовалъ не за одно съ панами; быть можетъ король и не противился отъѣзду Елены Ивановны въ Москву. Единственное, что безпокоило короля — это имущество королевы. Богатство Елены Ивановны было на руку королю,

казна котораго была въ разстройствѣ, было приманкой и для пановъ.

Въ Москвѣ поздно узнали о случившемся, не раньше прибытія въ Литву посла Замыцкаго; значитъ Елена Ивановна не рѣшилась послать въ Москву нарочнаго и спѣшила съ жалобой не къ брату, а сперва къ Сигизмунду.

Василій Іоанновичъ, узнавъ отъ пословъ о случившемся, потребовалъ объясненія у литовскаго правительства, и пункты посольскихъ рѣчей составляютъ резюме разсказа миноритовъ: почему помѣшали силою поѣздкѣ королевы? почему удержали казну? почему отымаютъ земли? Литовское правительство медлило отвѣтомъ, ссылалось на небезопасность границъ.

То обстоятельство, что въ Москвѣ узнали поздно и не отъ Елены Ивановны, доказываетъ, что если у нея и была мысль уѣхать изъ Литвы, то эта мысль еще не оформилась окончательно. Колебанія Елены Ивановны понятны, если вспомнимъ, что она сама осуждала когда-то князей отъѣздчиковъ, а теперь ей самой приходилось рѣшать тотъ же жгучій вопросъ. Но послѣ дерзкой выходки пановъ ждать было нечего, и Елена Ивановна твердо порѣшила выѣхать въ Москву. Она уѣхала въ Бреславль, а московское войско, по словамъ миноритовъ, несмотря на зимнюю пору уже приближалось къ нему.

Могли ли допустить отъѣздъ королевы паны? Конечно нѣтъ. Они слишкомъ далеко зашли въ своемъ самоуправствѣ, да и жадность ихъ разыгралась не на шутку. Изъ разсказа Яна Комаровскаго о судь-

бѣ имущества Елены Ивановны можно видѣть, какъ хозяйничали паны, да и самъ о. гвардіанъ надъ сундуками королевы. Янъ Коморовскій не на шутку опасался, что братія погибнетъ изъ за сокровищъ во время грабежа, опасался корыстныхъ стремленій пановъ и требовалъ, чтобы имущество было описано и запечатано. Многіе были непрочь поживиться, и поживились!

И вотъ страхъ за послѣдствія учиненнаго насилія, корыстныя намѣренія—все вмѣстѣ заставило кое кого подумать объ иномъ исходѣ изъ этого положенія.

Въ январѣ 1513 г. Елена Ивановна праздновала въ Бреславлѣ свадьбу «нѣкоторыхъ» изъ своихъ приближенныхъ. Ей потребовалась для пира золотая посуда и она сдѣлала снова попытку достать имущество изъ рукъ миноритовъ. Но королевѣ выдали только 40 кубковъ. Московское войско межъ тѣмъ приближалось.

И вотъ на пиру ли, или попозже, но только въ концѣ января, Елена Ивановна заболѣла и скончалась 24 числа. Русское войско, узнавъ о смерти королевы, удалилось. Невольно является вопросъ, почему смерть Елены Ивановны заставила русское войско удалиться. Если оно было послано для занятія волостей королевы, то смерть ея не могла послужить помѣхой къ тому. Остается предположить, что войско было малочисленно, что то было не войско, а простой отрядъ, посланный для охраны Елены Ивановны при переѣздѣ въ Литву.

Въ Москвѣ не замедлили обвинить литовское правительство въ отравленіи королевы; въ Литвѣ отрицали это.

Но Янъ Коморовскій прямо приписываетъ смерть Елены Ивановны яду. «Она скончалась отъ яда, погубленная, потому что паны боялись измѣны». Лѣтописи глухо говорятъ о смерти Елены Ивановны: она умерла «Богъ вѣсть которыми дѣлы», но въ посольскихъ рѣчахъ московскаго государя найдемъ подробное описаніе этого темнаго дѣла. Паны Радивилъ, Остиковичъ, Клочко, Абрамъ Езофовичъ написали грамоту къ человѣку Ивана Сапѣги — Митькѣ Ѳедорову и къ ключнику Елены Ивановны Митькѣ Иванову и послали въ Бреславль вмѣстѣ съ нѣкіемъ «Гѣтофтомъ Волынцемъ». Эти три лица и были уполномочены отравить королеву. Въ четвергъ на всеядной недѣлѣ они и поднесли ей ядъ въ меду. Къ вечеру Елены Ивановны не стало. Вѣрить истинѣ словъ посольской книги можно вполнѣ послѣ того, какъ въ запискахъ католическаго ордена находимъ подтвержденіе даже именъ дѣйствующихъ лицъ.

Долго сомнѣвались въ исторической литературѣ относительно насильственной смерти Елены Ивановны, не давали вѣры ни московскимъ извѣстіямъ ни, конечно, глухимъ указаніямъ литовско-польскихъ писателей. Историки хуже знали польско-католическое общество, чѣмъ знала его Москва и въ частности князь Глинскій, упорно утверждавшій это. Слова миноритовъ подтвердили и посольскія рѣчи Василія Ивановича и глухіе намеки лѣтописей, да и нѣтъ здѣсь ничего удивительнаго, если вспомнимъ, что то былъ вѣкъ Борджіа, тотъ вѣкъ, разсказами о чудовищныхъ преступленіяхъ котораго полны венеціанскіе архивы [128]).

Предатель Елены Ивановны, ея же ключникъ Митька Ивановъ, сообщилъ Радивилу о смерти королевы и получилъ свои 30 сребренниковъ: «и далъ ему Радивилъ имѣніе». Не этотъ ли Митька въ качествѣ русскаго писца описывалъ впослѣдствіи имущество королевы и не онъ ли передалъ списокъ казны Елены Ивановны, составленный передъ ея свадьбою. (Это роспись приданаго, данная Иваномъ III Кулешину). Прошло два года, и въ 1515 году самъ Радивилъ, въ разгаръ войны съ Москвою, получилъ отъ Максимиліана I титулъ князя Священной Римской Имперіи, а отъ Польши титулъ Amor Poloniae.

Паны-рада извѣстили Сигизмунда о кончинѣ королевы. Тѣло ея съ большею торжественностью было перевезено изъ Бреславля въ Вильну для погребенія въ Пречистенскомъ соборѣ. Тотъ самый храмъ, въ которомъ она впервые молилась въ Вильнѣ, который она, можно сказать, возстановила изъ развалинъ, послужилъ ей мѣстомъ вѣчнаго успокоенія! Въ этомъ соборѣ долгіе годы хранилась и та святая чудотворная икона Божіей Матери, которую привезла Елена Ивановна изъ Москвы, какъ благословеніе родительское. Пока великая княгиня была жива, она не разставалась съ этой иконой и держала ее у себя въ нижнемъ замкѣ. Послѣ смерти Елены Ивановны, по завѣщанію ея, эта икона передана въ даръ Пречистенскому собору, а нынѣ находится въ Троицкомъ монастырѣ въ Вильнѣ.

Такъ оправдались предчувствія Елены Ивановны, такъ и не удалось ей увидать Москвы! Тяжкою смертію закончила она свою историческую миссію на Западной Руси и Литвѣ!

Миновали столѣтія, миновало время уніи, время войнъ—въ Пречистенскомъ соборѣ сохранялась невредимо гробница великой княгини литовско-русской и королевы польской, а надъ гробницей была прибита серебряная доска съ надписью на славянскомъ языкѣ и съ тремя выгравированными гербами: московскимъ, литовскимъ и польскимъ. Наступилъ просвѣщенный XIX вѣкъ. Въ царствованіе Александра I и въ попечительство пресловутаго князя Адама Чарторыйскаго, отъ 1802 по 1816 годъ, Пречистенскій соборъ былъ превращенъ въ зданіе анатомическаго театра и въ алтарѣ его вываривались трупы! Гробница была заброшена, а въ 1810 году ректоръ Виленскаго университета, членъ общества филоматовъ, Францъ Малевскій снялъ серебряную доску съ гробницы и перелилъ ее себѣ въ серебряную посуду [129]). Оставалась еще каменная плита, но и эта плита исчезла сравнительно недавно. То, что пощадило время и житейскія бури, не спаслось отъ фанатизма и невѣжества въ наши просвѣщенные дни!

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ: Сборникъ Императ. Русскаго Истор. Общ. т. 35. 1882; Monumenta Poloniae historica (Pomniki dziejowe poski) т. V. Lwow 1888; Лѣтописи, т. VII, VIII.

XVIII.

Заключеніе.

Хотя нашъ очеркъ жизни великой княгини Елены Іоанновны далеко не полонъ и надо надѣяться, что найдутся новыя свѣдѣнія изъ неизвѣстнаго рукописнаго матеріала, тѣмъ не менѣе изъ имѣющихся на лицо данныхъ можно сдѣлать общій выводъ о дѣятельности дочери Ивана III.

Бракъ ея былъ однимъ изъ политическихъ браковъ, примѣры коихъ часто встрѣчаемъ въ исторіи; но, вступивъ по волѣ случая на историческую сцену, Елена Ивановна сумѣла выполнить доставшуюся на ея долю историческую задачу.

Выросшая и воспитанная въ московскихъ традиціяхъ, сохранившая до конца дней привязанность въ родимой землѣ, Елена Ивановна стала государыней той страны, съ которой московскіе государи вели постоянную борьбу. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ сверхъ того были точки соприкосновенія съ Москвой: православная вѣра и русская народность, испытывавшія давленіе со стороны католическаго правительства. Намъ не легко разобраться въ запутанныхъ отношеніяхъ этой эпохи,—каково же было современникамъ! Однако Елена Ивановна не сдѣлалась ни пассивной зрительницей происходящаго, ни покорной жерт-

вой чужого вліянія. Она служила вѣрой и правдой своему мужу и государю, и подданныхъ заставила служить также. Она отстаивала интересы Литовско-Русскаго государства, какъ его государыня, и тѣмъ не менѣе ея дѣятельность принесла впослѣдствіи пользу ея прежнему отечеству, и не Москвѣ одной, но всему русскому народу.

Съ непоколебимой твердостію она отстояла свою религіозную свободу и, не скрывая передъ собою опасности борьбы съ римскимъ духовенствомъ и панами-католиками, выступила на защиту угнетенной церкви. Благодаря ея дѣятельности, Юго-Западная русская церковь вступила въ болѣе счастливый періодъ существованія. Послѣ митрополитовъ Іоны и Іосифа Солтана попытка къ уніи была невозможна и унія отсрочилась на сто лѣтъ. Отсрочить унію значило ослабить ея вредное вліяніе. Польскій писатель Бартошевичъ понялъ это и замѣчаетъ о дѣятельности великой княгини, что Александръ поручилъ ей управленіе церковью и это управленіе было таково, что погубило дѣло Флорентійской уніи. Нѣсколько лѣтъ такого управленіи измѣнило церковь до неузнаваемости.

Поддержка православной церкви шла рука объ руку съ поддержкой и оживленіемъ русской народности. Въ польскихъ источникахъ встрѣчается замѣтка, что во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ только были русскіе люди, Елена Ивановна поддерживала ихъ сильною рукою.

До времени Елены Ивановны, собственно говоря, не было русской партіи. Острожскіе и другіе стали дѣйствовать уже въ XVI вѣкѣ; были только раз-

розненные матеріалы для созданія партіи, но не было организатора. Эта созидательная сила пришла изъ Москвы въ лицѣ великой княгини. Время Казиміра и первые годы Александра не выдвигаютъ дѣятелей и ревнителей православія. Въ XV вѣкѣ лучшіе люди уходили въ Москву; отъѣздами князей и бояръ изобилуютъ годы княженія Казиміра и Александра. Со времени дѣятельности Елены Ивановны, несмотря на возобновлявшіяся притѣсненія въ вѣрѣ, въ началѣ XVI вѣка, отъѣзды ослабѣваютъ. Русскіе люди Юго-Западной Руси стали дѣйствовать на пользу своей народности и вѣры у себя дома. Ярушевичъ вѣрно замѣчаетъ, что отъѣзды были вредны, ибо ослабляли культурные слои, которые въ то время вели борьбу. Народныя массы составляли резервъ и выступили на борьбу много позже.

Что касается до побѣды подъ Клецкомъ, то побѣда эта, одержанная Глинскимъ, но подготовленная благодаря мужеству Елены Ивановны остановила татарскія нашествія, а впослѣдствіи подвиги Константина Острожскаго противъ татаръ и турокъ еще болѣе обезопасили Литву и Русь Эта же побѣда осадила католическихъ агитаторовъ, дала возможность Сигизмунду спокойно вступить въ управленіе страной, продолжила дѣятельность Елены Ивановны еще на семь лѣтъ и поддержала русско-литовскій православный элементъ, а этотъ элементъ и былъ самой устойчивой силой на Литвѣ.

Религіозная и національная борьба, вынесенная Еленой Іоанновной, совпадаетъ съ религіозной борьбой на западѣ Европы. И тамъ въ XV вѣкѣ началось движеніе противъ римскаго папства и его представи-

тельницы—римской куріи, а въ началѣ XVI вѣка, около времени трагической кончины великой княгини литовской, католическая Европа раскололась на двое.

Ближайшая оцѣнка дѣятельности Елены Ивановны принадлежитъ близкимъ къ ней людямъ—мужу и отцу.

Въ отношеніяхъ Александра Казиміровича къ своей женѣ замѣтны два періода. Въ теченіе перваго періода съ 1495 по 1499 годъ онъ видѣлъ въ женѣ только красивую женщину, уживчиваго характера, добраго сердца. Не насилуя религіозной свободы ея, онъ пассивно относился къ натиску римскаго духовенства. Въ 1499 году выдержанная ею борьба изъ-за религіозныхъ убѣжденій и была той волной, которая ее захлеснула и втянула въ политическій водоворотъ, къ удовольствію Ивана Васильевича, который четыре года сгоралъ отъ нетерпѣнія и досады. Эта борьба раскрыла Александру глаза на настоящій характеръ жены, на твердость, силу и сознательность ея убѣжденій, ея умъ и дарованія и на политическую выгоду ему, литовскому государю, имѣть православную жену, а не католичку, въ борьбѣ съ Москвой. Съ тѣхъ поръ онъ отнесся къ ней съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, съ тѣхъ поръ онъ возвысилъ голосъ въ ея защиту, а во внутренней его политикѣ, по отношенію къ православію и русской народности, обозначился поворотъ къ лучшему. Этотъ поворотъ не укрылся отъ зоркихъ глазъ Ивана Васильевича и онъ въ самый разгаръ войны посылаетъ дочери поклонъ.

Правда, стойкость великой княгини въ религіозномъ вопросѣ доставила Александру Казиміровичу

не мало непріятностей со стороны римской церкви, пановъ и родни. «Зацѣпки» тестя и война съ послѣднимъ создали ему рядъ политическихъ затрудненій, но несмотря на все это Александръ Казиміровичъ относился къ женѣ съ любовью и уваженіемъ и доказалъ, что не только не приписывалъ ей трудности своего положенія, но вполнѣ оцѣнилъ ея образъ дѣйствій. Онъ добился уступокъ со стороны римскаго папы; онъ съ негодованіемъ отзывался въ письмѣ къ брату о проискахъ римскаго духовенства; онъ энергично защищалъ жену отъ нападокъ матери и торжественно заявилъ, что вполнѣ солидаренъ съ ней. Участіе Елены Ивановны въ политическихъ переговорахъ съ тѣхъ поръ встрѣчало его полное сочувствіе, о чемъ извѣщалъ пановъ, бискуповъ и брата, короля венгерскаго.

Александръ Казиміровичъ, русскій литвинъ, воспитанный Длугошемъ, Каллимахомъ и своей матерью Елизаветой Австрійской въ католической нетерпимости и въ презрѣніи ко всему русскому, къ православію и русской народности,—за послѣдніе годы своей жизни научился болѣе прежняго цѣнить и уважать своихъ русскихъ подданныхъ: фактическое доказательство вліянія выдающейся личности великой княгини на своего мужа.

Со своей стороны Иванъ Васильевичъ въ одной изъ посольскихъ рѣчей высказалъ одобреніе поведенію своей дочери: «ино то дочка дѣлаешь гораздо (хорошо), что своей души бережешь, да и имени своего и нашего (честь) бережешь». Эти слова, послѣдующая дружеская переписка, обмѣнъ подарковъ, предсмертное благословеніе золотымъ крестомъ съ

мощами указываютъ намъ на то, что великій государь, раздраженный вначалѣ самостоятельностью дочери, убѣдился въ концѣ-концовъ въ пользѣ избраннаго ею образа дѣйствій. Правда, если смотрѣть съ узкой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія Московской того времени—Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ ошибку, выдавая дочь замужъ за Литовскаго государя. Отъѣзды на Москву продолжались бы и въ XVI вѣкѣ, какъ то было въ вѣкѣ XV, Москва съ бо̀льшимъ успѣхомъ и съ бо̀льшею легкостью захватила бы области и города Западной Руси и населеніе послѣдней не оказывало бы того сопротивленія, какое видимъ въ войнахъ съ Москвою XVI в. Но, зная послѣдующія историческія событія — конецъ царствованія Грознаго, смутное время — нельзя не признать, что для русской народности несравненно выгоднѣе было то, что Западная Русь окрѣпла, русскій элементъ и православная церковь, благодаря дѣятельности Елены Ивановны, получили поддержку, которая дала имъ возможность пережить время уніи и сохранить свою вѣру и національность до той поры, когда Восточная Русь могла вернуть и удержать области Руси Западной. Московскій государь, не упускавшій изъ виду прямой выгоды, ясно созналъ задачи будущаго. Онъ понялъ значеніе дѣятельности своей дочери. Хотя Елена Ивановна не сдѣлалась послушнымъ орудіемъ его воли, хотя она очень часто отмалчивалась или замалчивала многое, но властный Иванъ Васильевичъ отдалъ справедливость умѣнью великой княгини и душу свою сохранить, то-есть соблюсти греческій законъ, и поддержать безупречною жизнью и дѣятельностью

честь своего и русскаго имени. Слова великаго политика суть какъ бы резюме всей дѣятельности Елены Ивановны и высшая ей похвала.

Современники не отнеслись къ ней безучастно. Ни одна московская лѣтопись не прошла ея смерти молчаніемъ: всѣ ее отмѣтили и всѣ выразили подозрѣніе по поводу ея внезапной кончины.

Сами политическіе противники Елены Ивановны не могли найти повода къ злословію. Янъ Коморовскій нигдѣ не относится къ ней съ фанатизмомъ и не забываетъ сказать, что она помогала ихъ ордену. Сарницкій отмѣчаетъ въ ней единственное зло, что она римскій законъ ненавидѣла, имѣла къ нему отвращеніе.

Отзывы Сарницкаго, Кояловича, Бѣльскаго и другихъ послужили основаніемъ для характеристики польскихъ и литовскихъ писателей.

Беремъ для примѣра нѣсколько выдержекъ. Нарбутъ удивляется умѣнью Елены Ивановны выйти побѣдительницей изъ труднаго положенія между мужемъ и отцомъ, говоря: «По истинѣ Елена должна была быть очень разумна и добродѣтельна, если въ жизни (супруговъ) не примѣчаемъ столкновеній». «Набожная, продолжаетъ онъ, «исполненная высокихъ добродѣтелей, разума, твердаго характера, будучи привязана къ новой своей отчизнѣ, и не желая зла своей родимой землѣ, она старалась объ утвержденіи мира между обоими государствами».

Въ томъ же духѣ говоритъ Крашевскій: «Эта достойная и умная королева, мягкаго характера и добрая сердцемъ, умерла вѣрною своей религіи и

родинѣ, всю жизнь будучи преслѣдуема и несчастна». Отвергая извѣстіе объ отравленіи, авторъ продолжаетъ: «Отдаленіе отъ родины, жизнь среди людей неблагожелательныхъ... обиды отъ пановъ, невозможность возврата въ Москву, съ которой простилась навсегда—все это могло и должно было ускоритъ ея кончину».

Эти отзывы закончимъ слѣдующими словами: «Это—чудное созданіе, блиставшее въ свое время, по словамъ историковъ, полнымъ блескомъ молодости, здоровья и красоты, а также высокими добродѣтелями дочери, жены, гражданки и христіанки».

Въ русской исторической литературѣ, по большей части, вскользь упомянается о великой княгинѣ литовской и русской. Посмотримъ, напр., что говоритъ въ своей исторіи Бестужевъ-Рюминъ. «Такъ сошла въ могилу эта жертва политическаго разсчета! Сама по себѣ Елена Іоанновна, насколько мы знаемъ ее по перепискѣ съ отцомъ и братомъ, отличалась и тактомъ и достаточной энергіей».

Историки церкви, ближе соприкасавшіеся съ полемъ дѣйствія великой княгини, подобно митрополиту Макарію, посвящаютъ ея дѣятельности больше вниманія, равно какъ и авторы отдѣльныхъ статей.

Напрасно о. Пирлингъ (въ своемъ соч. «Mariage d'un tzar au Vatican»), называетъ Елену Ивановну теремной затворницей и выражаетъ удивленіе по поводу брака ея съ государемъ, воспитанномъ гуманистами. Эта теремная затворница исколесила Литву, Русь и Польшу вдоль и поперекъ; живала въ Вильнѣ и въ Краковѣ; живала съ му-

жемъ въ лагерѣ, гдѣ ее видѣлъ Сантай; она была отличной хозяйкой; и нажила состояніе не тѣми происками и постыдными путями, какими наживала королева Бона, а своимъ умомъ и трудомъ. Взаимная привязанность связывала супруговъ, вліяніе королевы на мужа несомнѣнно, а стойкость убѣжденій, энергія и тактичность Елены Ивановны обрисовываютъ въ ней личность замѣчательную. Нашлись въ Западной Руси люди, которые продолжили дѣятельность Елены Ивановны, а когда выступили на историческое поле дѣйствія церковныя братства, они всѣ оказались богаты благотворительными учрежденіями въ пользу бѣдныхъ, убогихъ и пр., а изъ всѣхъ братствъ наилучше были снабжены виленскія, изъ виленскихъ же находящееся при церкви Спаса, которую Елена Ивановна выстроила и куда внесла въ даръ икону нерукотвореннаго Спаса. Нѣтъ сомнѣнія, что начало этой благотворительности положено великой княгиней въ управленіе церковью митрополита Іоны, ея alter ego.

Многія женщины Западной Руси дѣйствуютъ послѣ смерти великой княгини въ ея духѣ на пользу православія и русской народности. Лучшій примѣръ тому даетъ намъ любимая племянница князя Константина Острожскаго Елена Острожская; она заслужила благодарную память въ 60 годахъ XVI вѣка.

Долго сохранялась на Западной Руси память о королевѣ Еленѣ въ монастыряхъ, ею поддержанныхъ; имя ея значилось въ синодикахъ и дарственныхъ грамотахъ. Но и родная Москва не забыла оказать ей должную честь. Въ недѣлю Православія

въ Успенскомъ соборѣ Московскаго Кремля на ряду съ другими ревнителями православія возглашалась вѣчная память «благовѣрной и христолюбивой великой княгинѣ Еленѣ королевѣ» (изъ Синодика).

Сколько потребовалось отъ великой княгини Елены Іоанновны такта, выдающихся способностей, умѣнья дѣйствовать и энергіи, чтобы самостоятельно выполнить политическую задачу — спасти русскую народность и православіе и при всемъ томъ сохранить возвышенную чистоту въ образѣ дѣйствій, избѣжать интригъ, не покривить душою,—за то, судя по отзывамъ идущимъ изъ враждебнаго лагеря эта русская женщина 400 лѣтъ тому назадъ оставила глубокое впечатлѣніе въ умахъ современниковъ.

И если Литва и даже Польша могутъ помянуть Елену Іоанновну добрымъ словомъ за ея попытки успокоить разоренный войною край, если память великой княгини должна быть безконечно дорога и священна для православныхъ людей Западной Руси, то Москва, въ свою очередь, можетъ гордиться тѣмъ, что умѣла создавать національный идеалъ и внушать его выроставшимъ на ея нивѣ людямъ.

Замѣтка.

Бракъ Елены Ивановны и Александра Казиміровича считается бездѣтнымъ; но историкъ Голембіевскій, на основаніи свидѣтельства Сарницкаго (Dzieje polski т. III стр. 535 прим. 93. Sarnicki), говоритъ о дочери. Самый фактъ существованія дочери — фактъ, не имѣющій значенія и не возбуждающій интереса. Но дальнѣйшіе сообщеніе Сарницкаго чрезвычайно важно: онъ говоритъ, что дочь эта была воспитана въ православной вѣрѣ.

«Helenae vero uxori eius diadema denegatum est, quod mordicus Graecorum religioni adhaereret, nec filia meliorem spem de se dabat, ab institutisque Romanae ecclesiae prorsus abhorrebat».

На основаніи этихъ словъ мы должны признать слѣдующее:

Если свидѣтельство достовѣрно и дочь Елены Ивановны воспитана была въ ненависти къ римскому закону, то мы должны видѣть доказательство сильнѣйшаго вліянія великой княгини на мужа, крупную побѣду ея надъ римской куріей въ разгаръ религіозной борьбы.

Если свидѣтельство ложно и дочери у Елены Ивановны не было, то возникшее преданіе доказываетъ полную возможность подобнаго вліянія. Сарницкій не удивляется тому, что дочь католическаго государя воспитывалась въ православіи.

При Гедиминѣ, Ольгердѣ, даже при Ягайлѣ подобные случаи бывали постоянно, но возможность того же въ XVI в. фактъ чрезвычайно знаменательный. Онъ показываетъ, какъ живучи были православно-русскія традиціи при самомъ дворѣ Ягеллоновъ.

Понятно, какъ непріятенъ былъ подобный случай для римскаго клира, и нѣтъ ничего удивительнаго, что рожденіе у Александра дочери, воспитанной въ православіи, стало замалчиваться. Кто знаетъ, быть можетъ, та королевна Елизавета, дочь Елизаветы Австрійской, умершая въ младенчествѣ и бывшая 13-мъ ея ребенкомъ была въ дѣйствительности ея внучкой. Недаромъ сама королева въ своемъ сочиненіи считала себя матерью 12 человѣкъ: 6 сыновей и 6 дочерей, и забывчивостью своей приводила въ смущеніе историка Шайноху.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Переводъ *) отрывка изъ Monumenta Poloniae Historica (Pomniki dziejowe polski) т. V, Lwow. 1888. Memoriale ordinis fratrum Minorum a fr. Ioanne de Komorowe compilatum (стр. 305—308).

«Княгиня Елена, схизматичка, родная сестра московскаго князя Ивана, была въ супружествѣ за великимъ княземъ литовскимъ Александромъ. Послѣ смерти Яна Альбрехта, короля польскаго, былъ коронованъ Александръ, его родной братъ, въ короли Польши.

«Сама же Елена, схизматичка, несмотря на свое супружество съ королемъ осталась не коронованной, такъ какъ, по упорству своему, не пожелала признать возсоединенія съ римской церковью. По смерти же Александра и погребеніи его въ Вильнѣ, Сигизмундъ, братъ ихъ (Яна Альбрехта и Александра), былъ помазанъ въ короли Польши. Упомянутая Елена всѣми звалась королевой. Она нѣкоторыя свои сокровища помѣстила у нашей братіи, а именно: 14 большихъ сундуковъ съ золотомъ и серебромъ въ видѣ большихъ и малыхъ блюдъ, драгоцѣнностей и камней, золотыхъ чашъ и подбитыхъ (подкладкой или мѣхомъ) одеждъ, шитыхъ золотомъ, а также опашней или мантій, числомъ до 350.

«Это бремя сокровищъ, принятыхъ другими гвардіанами, братъ Янъ Коморовскій принялъ безъ особой радости вмѣстѣ съ о. гвардіанатомъ отъ Ловичскаго капитула. Между тѣмъ отъ царя москов-

*) Приношу благодарность И. И. Холодняку за редакцію перевода.

скаго Ивана къ королю Польши Сигизмунду присланы были послы, которые и прибыли въ Краковъ. Они, исполнивъ свои посольскія обязанности (данныя имъ порученія), при отъѣздѣ испросили у его королевскаго величества разрѣшеніе навѣстить королеву, вдову Александра, въ Бѣльскѣ. Король имъ разрѣшилъ; они прибыли въ Бѣльскъ къ королевѣ-схизматичкѣ, которая приняла ихъ съ почетомъ, съ весельемъ и съ радостью. И тамъ же въ русской церкви внѣ города, дабы ихъ разговоры не услышали какіе либо придворные обоего пола, она имѣла коварное совѣщаніе съ послами московскими о томъ, что она со всѣми сокровищами своими хочетъ удалиться въ Московію, и что сперва она пріѣдетъ въ городъ Бреславль, а тамъ пусть (братъ) приметъ ее съ сокровищами и всѣми городами подъ свое покровительство на нижеслѣдующихъ условіяхъ: пусть онъ, великій князь московскій, братъ мой, пришлетъ нѣсколько тысячъ воиновъ, дабы они доставили меня въ Московію, а города мои, которые находятся на границахъ Московіи, около Полоцка, передаваемые мной, пусть онъ охраняетъ и укрѣпляетъ, ибо я горячо люблю моего брата.

«Съ этимъ порученіемъ послы московскіе, исполненные радости, удалились. Но какая то госпожа, хотя и княгиня-схизматичка, но вѣрноподанная, занимавшая должность охмистрины (ее королева мало уважала), все это слышала и потомъ разсказала все упомянутое князю Александру Гродненскому; князь же Гродненскій чрезъ братьевъ, которые къ ней были присланы, сообщилъ это по секрету брату гвардіану Яну и указалъ день, въ который должна была королева пріѣхать въ Вильну за полученіемъ сокровищъ, чтобы гвардіанъ, предупрежденный, зналъ заранѣе, какъ поступить въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что его королевское величество былъ тогда въ отсутствіи, а именно въ Познани, и потому не могъ быть освѣдомленъ объ этомъ и, если бы гвардіанъ не сказалъ о происшедшемъ никому изъ магнатовъ, то королева сама свои сокровища, какъ по собственной волѣ положила, такъ по собственной волѣ и взяла бы обратно и, такимъ образомъ, нанесла бы неописуемый убытокъ и ущербъ княжеству. Поэтому гвардіанъ пришелъ къ ясновельможному пану Николаю Радивиллу, въ то время палатину виленскому и канцлеру княжества, и доложилъ ему по порядку обо всемъ, а именно, что есть сокровища королевы, положенныя ею на храненіе у него въ церкви, и такъ какъ она черезъ 4 дня пріѣдетъ въ Вильну для обратнаго полученія сокровищъ, то пусть онъ, какъ намѣстникъ, позаботится о нихъ, дабы королевское вели-

чество не имѣло ущерба, а княжество значительнаго убытка Тотъ же, улыбаясь, сказалъ: отецъ гвардіанъ говоря по-русски— Szydzy wamy (?)—иначе, она обманываетъ и смѣется надъ вами; я же думаю, что тамъ въ ящикахъ она положила камни, обвернула соломой и сказала, что тамъ де сокровища». Гвардіанъ сказалъ на это: «что мы видѣли, о томъ свидѣтельствуемъ; я самъ своими собственными очами видѣлъ многочисленныя сокровища, положенныя въ упомянутые сундуки, а потому да позаботится о нихъ ваша ясновельможность». Палатинъ, пораженный и удивленный, сказалъ: «Что мнѣ дѣлать, когда король въ отсутствіи, а пановъ-рады теперь около Вильны не находится. Откуда вы знаете, что (королева со свитой) должна прибыть черезъ 4 дня и кто вамъ разсказалъ объ этомъ, и почему я о томъ не знаю»? Гвардіанъ отвѣчалъ: «Кто мнѣ разсказалъ, тотъ навѣрняка узналъ и объ этомъ, и о днѣ; пусть же ваша ясновельможность удовольствуется тѣмъ, что я это разсказалъ ради общей пользы и чтобы впослѣдствіи паны не говорили королю: гвардіанъ зналъ объ этомъ и не сообщилъ намъ. А потому ваша ясновельможность пусть созоветъ пановъ, что по близости, чтобы именемъ королевскаго величества вы могли удержать ее отъ удаленія къ границамъ московов, заявивъ: хотя онъ тебѣ и родной братъ, но паны и король боятся, что твое королевское величество поступаетъ нѣсколько легкомысленно». (Палатинъ) поступилъ сообразно этому: онъ собралъ четырехъ пановъ и они именемъ королевскаго величества остановили королеву. Она, воспламененная женскимъ гнѣвомъ, начала негодовать на пановъ, говоря: «По какому это праву вы меня удерживаете, не допуская исполнить того, что я хочу»! Паны же, желая расположить ее къ себѣ, выдали гвардіана, какъ виновника и причину всего этого, и потому королева до самой своей смерти гнѣвалась на гвардіана и братію и отдалила руку помощи отъ нуждъ братіи, чего раньше не дѣлала. И все же королева, такимъ образомъ удержанная, не умыслила отъѣзда къ границамъ Московіи и сокровищъ не тронула. Гвардіанъ же настоялъ передъ паномъ палатиномъ, чтобы это было письменно донесено его королевскому величеству, «такъ какъ, сказалъ гвардіанъ, я по неимѣнію вѣрныхъ мнѣ пословъ лично ничего написать не могу». Въ томъ же году князь московскій Иванъ осадилъ городъ Смоленскъ, но послѣ 8 или 10 недѣль снялъ осаду и удалился съ большимъ урономъ. А королева-схизматичка праздновала свадьбу нѣкоторыхъ изъ своихъ придворныхъ и послала своего казначея въ церковь для полученія серебра, а именно бокаловъ для питья и

получила ихъ только 40 и все это гвардіанъ, безъ его вѣдома, съ самой (большой) радостью переписалъ, а затѣмъ панъ палатинъ разрѣшилъ королевѣ отъѣхать въ Бреславль. И тамъ, спустя нѣсколько недѣль, она скончалась отъ яда, погубленная, потому что паны боялись измѣны. Уже пришло нѣсколько тысячъ московов къ Бреславлю, но узнавъ, что королева умерла, быстро удалились въ Московію. А покоится королева въ церкви Пречистой».

Продолженіе (стр. 308—311) приводимъ въ краткомъ пересказѣ.

Гвардіанъ, обративъ вниманіе на тотъ фактъ, что паны не сообщили королю Сигизмунду о сокровищахъ преждевременно умершей королевы и опасаясь, чтобы кто либо изъ нихъ не пожелалъ присвоить себѣ богатство, по праву принадлежащее королю, явился къ панамъ-радѣ и заявилъ о необходимости пересмотрѣть, переписать и взять подъ охрану сокровища въ виду удачныхъ наступательныхъ движеній московскаго государя, взявшаго Смоленскъ послѣ нерадивой защиты. Самъ гвардіанъ ссылался на недостатокъ средствъ ордена вооруженной рукой защищать сокровища, грозившія стать причиной гибели для братіи. А такъ какъ въ Вильнѣ находились въ то время приближенные короля Сигизмунда, то гвардіанъ, призвавъ къ себѣ постельничаго короля, сообщилъ ему, подъ клятвой сохранять тайну, о сокровищахъ королевы и передалъ письмо королю, въ которомъ просилъ взять сокровища подъ свою охрану. Король благодарилъ за вѣрность и приказалъ ждать своего пріѣзда.

Между тѣмъ слухъ о приближеніи москвичей распространялся все больше и больше; вслѣдствіе этого гвардіанъ снова явился къ панамъ съ просьбой пересмотрѣть сокровища, переписать и взять на сохраненіе въ замокъ. Паны согласились съ предложеніемъ гвардіана, который настоялъ и на томъ, чтобы паны взломали печати королевы и наложили свои для избѣжанія возможности разнаго рода инсинуацій противъ братіи. Просьба же гвардіана, чтобы сокровища были перевезены въ замокъ, была исполнена панами лишь впослѣдствіи, по требованію короля. Въ 1514 г., въ день празднованія памяти св. Агнессы, паны собрались въ монастырь и, выслушавъ обѣдню, вошли вмѣстѣ съ гвардіаномъ и братомъ ризничимъ въ ризницу, гдѣ по ихъ приказанію были открыты два сундука, принесенные изъ ц. Пречистой. (Интересный фактъ). Въ одномъ было 16600 грошей и 2000 золотыхъ флориновъ, а въ другомъ разнаго рода золотыя вещи, и именно много золотыхъ цѣпей, 16 поясовъ золотыхъ, 400 ко-

лецъ, 4 пары башмаковъ *) шитыхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, стоющія 7000 флориновъ по словамъ пановъ. Въ томъ же ящикѣ находилось 30 маленькихъ ящиковъ: одни — съ золотомъ, другіе—съ серебромъ, третьи—съ бирилами, четвертые—съ другими драгоцѣнными камнями и металлами. На описаніе этихъ сундуковъ два писца-поляка и одинъ писецъ русскій (не Митька ли Ивановъ?) потратили цѣлый день. Время клонилось къ вечеру, когда гвардіанъ убѣдилъ открыть всѣ остальные сундуки, пересмотрѣть и переписать ихъ. Паны такъ и сдѣлали: сломали печати королевы и приложили свои. Затѣмъ, въ виду того, что паны сильно проголодались, имъ было предложено тутъ же въ ризницѣ, на сундукахъ съ сокровищами, обильное угощеніе съ виномъ и пивомъ. Угощеніе настолько понравилось панамъ, что Гаштольдъ, а за нимъ и другіе обѣщали прислать разнаго рода припасы, что и исполнили впослѣдствіи. При уходѣ пановъ гвардіанъ просилъ вывезти сокровища, но затѣ ь согласился оставить ихъ у себя до пріѣзда короля съ тѣмъ условіемъ, что паны распространятъ слухъ, что сокровища вывезены. Въ день празднованія Іоанна Крестителя прибылъ король со своей супругой Варварой. Гвардіанъ не разъ просилъ королеву повліять на мужа и доказать необходимость перевоза сокровищъ.

Въ виду этихъ настояній король послалъ Гаштольда и казначея (подскарбія) Абрама (Езофовича) для пріема сокровищъ, которыя и были привезены въ двухъ повозкахъ запряженныхъ 16 лошадьми, при чемъ гвардіанъ съ панами шелъ пѣшкомъ до замка. Паны Гаштольдъ и Абрамъ выставили передъ королемъ заслуги гвардіана и король обѣщалъ благотворить братіи. Онъ не исполнилъ однако своего обѣщанія, такъ какъ вскорѣ распространились слухи и клеветы на братіевъ, будто они воспользовались значительною частью сокровищъ. Число денегъ, по словамъ пановъ, доходило до 400.000 (неизвѣстно чего) и вмѣстѣ съ казной гвардіанъ передалъ списокъ имущества королевы, составленный передъ ея свадьбой. (Не есть ли этотъ списокъ роспись приданаго, даннаго Иваномъ Васильевичемъ)?

---

*) Эти шитые башмачки не были ли царской обувью Палеологовъ? По обуви узнали трупъ послѣдняго греческаго императора. Такую же царскую обувь имѣла, конечно, Софія Ѳоминишна и могла передать дочери.

II.

Письмо великой княгини къ отцу.

(Сборн. Императ. Русск. Истор. Общ. т., 35, 1882 г.) 1503 годъ стр. 368—372.

«Государю отцу моему Ивану, Божіею милостію государю всеа Русіи и великому князю Володимерскому, Московскому, Новогородскому, Псковскому, Тферскому, Югорскому, Пермскому, Болгарскому и иныхъ, Олена, Божьею милостію королеваа Полскаа и великая княгини Литовскаа, Рускаа, Прусскаа, Жомотскаа и иныхъ, дочи твоа, тобѣ государю и отцу своему челомъ біетъ. Тыми разы государь и мужъ мой, король его милость и великій князь Александръ, послалъ до твоей милости своихъ великихъ пословъ съ коруны Полское и великаго княжества Литовскаго о тыхъ обидныхъ дѣлѣхъ, которыи жъ ея землямъ его и многимъ городомъ и волостемъ сстали отъ твоихъ людей: зъ Божьего допущеніа, а зъ лихихъ людей причины, кровь христіанскаа многаа пролилась, а и теперь еще проліется, жены и дѣти въ полонъ въ неволю поведены, а иныхъ и сѣми часы еще ведутъ, и такъ безвинно вѣра христіанскаа гинетъ и церкви Божьи пустѣютъ, черезъ ваше государей христіанскихъ докончаніе и крестное цѣлованіе, и любвекровное звязаніе. Ино, господине и государю отче, вспомяни, что жъ есми служебница и дѣвка твоа, а далъ мя еси за такова жъ брата своего, каковъ самъ еси; а вѣдаешь ты, государь и отецъ мой, что еси ему по мнѣ далъ и что пакъ есми ему съ собою принесла: а однакъ же государь и мужъ мой, король и великій князь Александръ, ничего того не жалуючи, взялъ мя его милость отъ тебе отца моего съ доброю волею и держалъ мя по вся тые лѣта въ чести и въ жалованіи и въ той любви, которая жъ залежитъ на доброго мужа къ подружью половици своей; и нынѣ мя его милость держитъ въ той же мѣрѣ, ни въ чемъ же не отпущаючи съ первое ласки и жалованіа своего, до-

броволенство ми даючи въ законѣ моемъ свою вѣру христіанскую обычаа греческа содержати, и по церквамъ святымъ ходити, и священники, попы, діаконы, пѣвцы на своемъ дворѣ мѣти, литургію и иную службу Божью и правило подлѣ уставу допустилъ передо мною совершати, какъ тутъ въ Литовской земли, по тому жъ и во всей корунѣ Полской, въ Краковѣ и по всимъ городомъ полскимъ, вездѣ ми, жалованіемъ его милости, велика воля служити Господу Богу подлѣ обычаа и уставу, своее святое греческое церкви. А то ми государь и мужъ мой дѣлаетъ, хотячи крѣпкому слову своему досытъ учинити, которое жъ тобѣ государю и отцу моему черезъ свои послы рекъ; и не толко въ томъ, но и въ иныхъ во всихъ дѣлѣхъ съ своего докончаніа и крестного цѣлованія не видимъ въ чемъ бы выступилъ, тебѣ брату своему все правилъ подлѣ грамоты свое докончалное; а видячи еще передъ тымъ великій плачь и докуку украинныхъ людей своихъ, и многажды о томъ до тебѣ брата своего своихъ пословъ посылывалъ, а и твоими къ тебѣ наказывалъ; ино не толко управ: ки, господине, никоторое людемъ его тогды не бывало, но еще и до конца рать пущена, городы и волости безвинны побраны, а иные позжены. Государь мой король его милость, и матка его, и братьа его короли, и зяти его и сестры, и панове рада его, и вся земля его, вси надѣялися, чтобы со мною зъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, любовь кровнаа, дружба, помочь на поганство: ино нынѣчи, государю отче, видятъ вси, что жъ со мною все лихо къ нимъ вышло, война, рать, засѣданіе и сженіе городомъ и волостемъ, крови христіанское разлитье, жоны вдовами, дѣти сиротами, полонъ, крикъ, плачь, вопль. Таково жалованіе и любовь твоа государя и отца моего ко мнѣ! Помысль и распомятуйся государю отче, и умилосердись. Я, служебница и дѣвка твоя и подножье твое, Господа Бога со слезами біючи ся молила, чтобы тебе Господь Богъ держалъ на многіе лѣта здорового, счастливого, веселого, и тепере молю, ажъ бы твоимъ здоровьемъ мнѣ мирное пребыванье на нашомъ государствѣ, а отъ государя моего любовь а отъ нашихъ земль подданныхъ дары и служба: ино, господине, твоимъ нежалованьемъ все то мнѣ обернулось въ горькія слезы, и въ бѣду, и въ соромоту, и въ жалость. Какъ ми очи свои указати свекрови своей? а любо которое сердце доброе имать справедливе ко мнѣ отворити король, его милость, государь и мужъ мой? и которымъ потѣшеніемъ имать обослати и навидѣти мене дѣверь мой, король угорскій и чешскій Владиславъ и иные дѣверіа мои? а любо зяти и сестры государя моего князь баварскій и князь мышенскій, и

князь сошскій, и князь слунскій, и съ своими княгинями? вси дивятся дѣлу таковому. Чего жъ и на всемъ свѣтѣ слыхомъ не слыхати, то намъ тепере дѣтемъ твоимъ отъ тебя государя христіанскаго подсолнечнаго дѣется: бы государь мой у кого и индѣ понялъ, тогды отъ него дружба и житье доброе и вѣчный покой землямъ былъ. По всему свѣту, господине государю, поганство радуется, а христіанскіе государи не могутъ здивитись и тяжко жалуютъ: отъ вѣка, говорятъ, не слыхано, который бо отецъ своимъ дѣтемъ бѣду чинилъ. Коли государю отче, Богъ тобѣ не положилъ по сердцу мене дочери своей жаловати, чему мя еси изъ земли своей выпускалъ и за такого брата своего давалъ? и люди бы мене дѣля не гибли и кровь христіанскаа не лилась. Лучше ми было подъ ногами твоими, государя моего, въ твоей земли умерети, нежели тую славу о себѣ чюти; вси тое говорятъ: того дѣля деи далъ въ Литву дочерь свою, что тымъ безпеченіе землю высмотривъ и посѣлъ; а коли деи Богъ не погубитъ, ото всеа вселенныа защититъ. Писала быхъ до тебя государя и отца моего о томъ шире, ино зъ великое бѣды своее и жалости сердечное и ума къ тому не могу придумати, толко зъ горкими и великими своими слезами и со плачемъ тобѣ государю и отцу моему низко челомъ бію: розпамятуйся, Бога ради, помянись на мене служебницу свою и кровь свою, оставь гнѣвъ безвинный и нежитье съ сыномъ и братомъ своимъ и первую любовь и дружбу свою, которую жъ еси ему своимъ крѣпкимъ словомъ въ грамотахъ въ докончальныхъ записалъ, то ему и соблюди, абы въ томъ нежитьи и нелюбьи вашей болши того кровь христіанскаа не лилась, а поганство бы не смѣялось; а измѣнники бы зрадци ваши не радовались, которыхъ же отци передкомъ нашимъ измѣнили тамъ на Москвѣ, а дѣти ихъ тутъ въ Литвѣ. А иного ми не мочно къ тебѣ государю и отцу моему писати. Дай Богъ имъ измѣнникамъ тое отъ Бога; что родителю нашему отъ ихъ отцовъ было! Тые жъ промежъ васъ государей замутили, и другій Семенъ Бѣлскій Іюда съ ними, который будучи здѣсе въ Литвѣ, братью свою князя Михаила и князя Ивана переѣлъ, а князя Ѳеодора на чужу сторону прогналъ: ино государю, самъ и посмотри, годно ли таковымъ вѣрить, которые государемъ своимъ измѣнили, а братью свою порѣзали и теперь по шію въ крови ходятъ, вторые Каинове, а межи васъ государей мутятъ? Довѣдаешься ты, государь и отецъ мой, чтожъ король его милость во всемъ тебѣ подлѣ грамоты своее докончальные правилъ и съ крестнаго цѣлованіа ни въ чемъ не выступилъ; а для того его милость послалъ до тебѣ своихъ великихъ пословъ лядскихъ и

литовскихъ: выслушавши и поразумѣешь, чтожъ онъ во всемъ справедливе тебе слово свое брату своему заховалъ; а который бы выступъ по немъ тебѣ государю и отцу моему видѣлся, онъ тебѣ то направитъ; а если бы выступу не было, и твоа милость, поразумѣвши правду государя моего, надо мною служебницею и дочерью, своею измилуйся: возми по старому первую любовь и дружбу съ братомъ и съ зятемъ своимъ, съ королемъ и великимъ княземъ Александромъ, и тые шкоды, которые ссгались ему и землямъ его оправь такъ, какъ бы ему брату и сыну твоему не жаль было. А въ томъ бы первая любовь ваша оновилася, а мое бы служебницы и дочери твоее скорбное сердце утѣшилось и плачь на радость премѣнился; и не толко государю отче, мнѣ веселье учинилъ бы еси, но и церквамъ Божьимъ благостоаніе и святителемъ греческаго закона мирное совокупленіе, и на обѣ стороны за васъ государей богомолье, и всимъ греческаго и латинскаго закону радость и мнѣ великое въ вѣрѣ греческой потверженіе. Если пакъ ты, государь и отецъ мой, надо мною служебницею и дочерью своею не змилуешся, и любовью первою и прочною дружбою съ братомъ своимъ съ моимъ государемъ не свяжешся, и дѣла вашего на доброй мѣрѣ и въ конци пожиточномъ всего христіанства не поставишь: тогды ужь сама уразумѣю, чтожъ не ко государю моему нежитье твое, но по грѣхомъ ко мнѣ нелюбовь твоа и нѣкоторый гнѣвъ свой великій пустилъ еси, не хотячи мене самъ слышати въ любви государя моего, и во чести отъ братьи его, и у милости в свекрови своей, и въ службѣ отъ подданныхъ нашихъ коруны Польское и великаго княжества Литовскаго. Вся вселеннаа, господине государю, ни на кого, толко на мене вопіетъ, чтожъ тое кровопролитье никимъ не точится, толко моимъ въ Литву приходомъ, и будто я къ тобѣ ко государю и отцу моему пишу, на тое тебя приводячи: коли бы деи она хотѣла, николи бы деи того лиха не было: мило деи отцу дитя; которои деи на свѣтѣ отецъ врагъ дѣтемъ своимъ? Ино, государю, и сама розумѣю, что такъ видячи по міру, чтожъ всякій печалуется дѣтками своими и о всемъ добромъ ихъ промышляютъ: толко одну мене, по грѣхомъ моимъ, Богъ забылъ. Господине отче! слуги наши, будучи не по ихъ силѣ и неподобно вѣрити, какову казну по дочерѣхъ даютъ, и не толко тогды, что даютъ, но еще и напотомъ каждаго мѣсяца всимъ навѣжаютъ и обсылаютъ, и даютъ и тѣшатъ; и не одни панове, но и иные вси дѣтки свои тѣшатъ: толко на одну мене Господь Богъ разгнѣвался, что пришло твое нежалованіе. Я, господине государю, служебница твоа, ни въ одной тонцѣ не слышусь въ чемъ быхъ

тебѣ отцу своему згрубила, или передъ тобою согрѣшила и изъ твоего слова выступила, все есми слово твое правила по тому, какъ ми еси государь и отецъ мой приказалъ, а и напередъ зъ Божьею помочью буду правити. И если кто инакъ повѣдаетъ, ино, господине, своихъ пословъ, кому вѣришь, которыхъ къ намъ пришлешь, тымъ укажешь, оны все испытно по ряду довѣдаются и тобѣ откажутъ, чтожъ есми передъ тобою, государемъ отцемъ моимъ, ни въ чемъ не выступила, а и до смерти моее не выступлю: если бы пакъ никто тобѣ отцу моему выступу моего не повѣдалъ, а ты бы государь и отецъ мой самъ безвинно гнѣвъ свой безъ моее проступки на мене не держалъ, и со государемъ моимъ въ нежитіи черезъ свое докончаніе былъ, ино Богъ и пречистаа Богородица разсудитъ межи тыми людми, кто мене тебе государю и отцу моему обмовляетъ, служебницу и дѣвку твою. Чтожъ безвинное ради нелюбви твоее, не мочно ми будетъ и лица своего передъ кровными государя моего явити; и того дѣля, со плачемъ тобѣ государю моему челомъ бію: змилуйся надо мною убогою дѣвкою своею, не оставь челобитья моего, не дай недругомъ моимъ радоватись о бѣдѣ моей и веселитись о плачи моемъ. Во господине государю, коли увидятъ твое жалованье на мнѣ служебницѣ твоей, ото всихъ буду честна и всимъ грозна; а не будетъ ласки твоее, самъ, государь и отецъ мой, можешь разумѣти, чтожъ вси мя отпустятъ прироженые и подданые государя моего. И для того послала есми до тебе, государя и отца моего, челомъ біючи, канцлера своего, намѣстника Брянславскаго и Жижморскаго пана Ивашка Сопѣгу; и ты бы государь отецъ мой, пожаловалъ, выслухалъ его, и учинилъ на челобитье мое, и змиловался надо мною. А я, до моей смерти, богомолица и служебница твоа и подножье твое. Писанъ у Вилни генваря 2 день индик. 6.—Служебница и дѣвка твоа королевоа и великаа княгини Олена, со слезами тебѣ государю и отцу своему низко челомъ біетъ».

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Библіотека иностранныхъ писателей, т. I, см. Іовій. Слова Герасимова.

2) Или 19 мая 1476 года. Годъ рожденія Елены Ивановны до сихъ поръ считается различно. Въ статьѣ Елагина, напр. (Журналъ Минист. Народн. Просв. 1846 г.) помѣченъ 1474 г., а у Карамзина—1476 г.; Елена же, родившаяся въ 1474 г. считается рано умершей (см. Исторія Гос. Россійск. изд. Смирдина т. VI прим. 204), но, судя потому, что при сватовствѣ говорилось о двухъ дочеряхъ Еленѣ и Ѳеодосіи, родившейся въ 1475 г., и предпочтеніе оказано Еленѣ,—скорѣе надо предполагать, что она считалась старшей, а Ѳеодосія—младшей. Впрочемъ и 1474 г. и 1476 г.—собственно говоря—безразличны.

3) Памятникомъ этой колонизаціи служатъ Новгородскія писцовыя книги.

3*) «Въ прошлѣхъ годѣхъ были присланы въ сей монастырь великаго князя Ивана Васильевича великая княгиня Софія Римляиня со снохою свою... а въ то время игуменъ и вся братія высланы были вонъ». Житія святыхъ Филарета т. XII, декабрь. Житіе св. Кирилла Чельмскаго прим. 149. Составлено житіе св. Кирилла по мнѣнію Ключевскаго позже XVI в. Монастырь въ 50 верстахъ отъ Каргополя.

4) Объ ереси жидовствующихъ много разнорѣчивыхъ мнѣній въ литературѣ и вообще вопросъ этотъ, очень интересный, не разобранъ окончательно. (См. напр. Иловайскій, Ист. Россіи т. II и возраженіе ему проф. Павлова).

5) См. статью проф. Соболевскаго «Образованность Московской Руси XV—XVI вв.».

(Перепутаны примѣчанія; потому за № 5 слѣдуетъ № 8).

8) Акты Южн. и Западн. Россіи т. II, № 158. Рѣчь Ивана Мелешка каштеляна Смоленскаго на Варшавскомъ сеймѣ при королѣ Сигизмундѣ III въ 1589 г.

9) Макарій, Исторія р. церкви т. IX, стр. 141. Библіотека иностранныхъ писателей т. I, Кампензе стр. 20.

10) Филаретъ (Гумилевскій), Исторія церкви, изд. 6-е, стр. 359.

11) Монастыри, возникшіе въ концѣ XV в.: Коложскій въ Гроднѣ 1486 г.· Жидичинскій-Николаевскій 1492 г.; Іоакимо-Анновскій въ Овручѣ 1496 г.; Вознесенскій въ Минскѣ; церкви Бреста 1485 г. См. Макарій, Исторія р. церкви т. IX, стр. 133, и Кипріановичъ, Истор. очеркъ православія... В. 1895 г. стр. 28—36.

12) Сборникъ Археологическаго института кн. III, 1888 г. Статья Стасова съ рисунками.

13) Кипріановичъ. Истор. очеркъ православія... стр. 32.

14) Обозрѣніе церквей Сѣдлецкой губ. епископомъ Флавіаномъ въ 1888 году.

15) Чистовичъ, Исторія Западно-русской церкви, стр. 121.

16) Макарій, Исторія р. церкви, т. IX, стр. 123. Акты Западн. Россіи, т. I, № 174.

17) Акты Западной Россіи, т. I, № 174; т. II, № 55.

18) Изъ дневника посольства главнаго начальника гошпиталей тевтонскаго ордена графа Кибурга къ великому князю литовскому Витовту въ 1397 г. (Смирновъ· «Ягелло-Яковъ-Владиславъ» прим., стр. 9—10).

19) Нарбутъ, Dzieje narodu litewskiego, т. VIII, стр. 1 и 259.

20) Голембіовскій, Dzieje polski... W. 1848, стр. 481. Legatio praelatorum et Consilia Beg. Pol. ad Consiliarios. M. D, Litvaniae 1503 г.

«... wznieśliśmy na tron Aleksandra. Ożenienie jego podziwieniem całéj Europy». Ср. слова посла кардинала Фридриха. (Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. 35, стр. 384, 1503 г.) «во всемъ христіанствѣ великое удивленіе, что... понялъ въ супружницу дщерь» (Ивана III).

21) Съ конца XVI в., какъ можемъ прослѣдить изъ описанія свадебъ въ Вивліоѳикѣ, къ кикѣ и покрову стали прибавлять еще убрусъ. (Вивліоѳика, т. XIII, гл. I—XXIX).

22) Латинскій текстъ у Zeissberg'a, «Kleinere Geschichtsquellen Polens» 1877 г. Вкратцѣ передаетъ содержаніе Шайноха въ ст. «Matka Jagellonow».

23) Стрыйковскій, Kronica (польское изд.), 1846 г., стр. 292—339.

24) Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., изд. Смирдина, т. VII, прим. 346. «Въ дѣлѣ Максима Грека... Берсень говорилъ... А отецъ его В. К. противъ себя встрѣчю любилъ и тѣхъ жаловалъ, ко-

торые противъ его говаривали.,. Добръ де былъ К. В. Иванъ и до людей ласковъ, и пошлетъ людей на которое дѣло, ино и Богъ съ ними»...

25) Макарій, Исторія р. церкви, т. IX, стр. 138—139.

26 и 24*) (по ошибкѣ). Тейнеръ Vetera Monumenta Poloniae. R. 1861 г., т. II, стр. 262. Булла къ Стенъ-Стуру.

Monumenta Poloniae historica (Pomniki dziejowe polski). Lwow, т. V, стр. 282, стр. 264—265.

27) Супрасльская лѣтопись «Собрались епископы и поставили архимандрита Макарія въ митрополиты Кіеву и всея Руси...» «Великій князь Александръ даде митрополію кіевскую и всея Руси Іосифу...»

28) Акты Западн. Россіи, т. I, стр. 173 (1497 г.).

29) Бартошевичъ, Szkic dziéjow kosciola ruskiego w Polsce. 1880.

30) О молдавскомъ походѣ. Нарбутъ Dziejé... т. VIII, стр. 338—344. Ярушевичъ (Ревнитель православія кн. К. И. Острожскій. См. 1897 г., стр. 65) выясняетъ значеніе этого похода для усиленія русской партіи; Бобжинскій (Очеркъ ист. Польши, т. II, стр. 15—16) старается уяснить и оправдать походъ желаніемъ возстановить торговые пути по направленію къ Черному морю.

31) См. прим. 27. Макарій, Исторія р. церкви. т. IX, стр. 89.

32) Monumenta Poloniae historica. (Pomniki...). Lwow. 1888 г. т. V, стр. 264.

Этой буллы у Тейнера Vetera monumenta, т. II—нѣтъ.

33) Тейнеръ, Vetera monumenta... т. II, стр. 280.

34) Тейнеръ, т. II, стр. 268, № 296.

Макарій, Ист. р. церкви, т. IX, стр. 102.

35) Jaroszewicz. Obraz Litwy, II, 181—182.

36) «Sapiehowie Materiaty...» т. I, 1890 г., стр. 15.

О Сапѣгѣ см. также у Ярушевича: Кн. К. И. Острожскій.

37) Археографическій сборникъ, т. IX, стр. 454 (приложеніе).

38) Археограф. сборн., т. IX, стр. 55. Опись Супрасльскаго монастыря 1557 г.

39) Сборникъ Императ. Русск. Истор. Общ., т. 35, 1882 г., стр. 298—300.

40) Тейнеръ, Vetera monumenta, т. II, № 310, стр. 288.

41) Макарій, Исторія р. церкви, т. IX, стр. 109.

42) Monumenta Poloniae historica. Lwow. 1888 г., т. V, стр. 282—283.

43) Филаретъ (Гумилевскій). Исторія церкви, изд. 6-е, стр. 343—351.

44) Лѣтописи Софійская, т. 6, стр. 45, 243; Воскресенская, т. 8, стр. 238—239.

45) Елагинъ въ статьѣ Журн. Мин. Народн. Просв., 1846 г.; Филаретъ (Гумилевскій), Исторія церкви, изд. 6-е, прим. 130 и др.

46) Макарій Исторія р. церкви, т. IX, гл. I—IV.

47) Тѣ же мысли высказываетъ Бартошевичъ и въ статьѣ «Helena» Encyklopedia powczechna, т. XI, 1862 г.

48) Акты Западн. Россіи, т. I, стр. 356.

49) Изъ соч. Рождественскаго «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ госуд. XVI в.» (стр. 195—217) мы можемъ видѣть, что на первыхъ порахъ отъѣхавшіе князья получили названіе «служилыхъ», а не подданныхъ, оказались богатыми вотчинниками на своей новой родинѣ и по служебной карьерѣ были счастливѣе своихъ сѣверо-восточныхъ собратій. Но очень скоро князьямъ отъѣздчикамъ пришлось перейти въ разрядъ Московскаго боярства, а вотчины ихъ группировались преимущественно на сѣверо-востокѣ. Родовыя же земли и, главнымъ образомъ, центральные города были потеряны ими къ началу XVI в.

50) Карповъ, Ист. борьбы Московск. госуд. съ Польско-литовскимъ, 1867 г., ч. I, стр. 36.

51) Акты Западн. Россіи, т. I, стр. 208, 215, 227.

52) Акты Западн. Россіи, т. I, стр. 222. Письмо къ королю Венгерскому.

Стрыйковскій, Хроника (польское изд. 1836 г.), стр. 292—339.

Ярушевичъ, «Кн. К. И. Острожскій». См. 1897 г., стр. 84, 85. Получивъ извѣстіе о пораженіи, Александръ, стоявшій съ войскомъ въ Борисовѣ, двинулся къ Смоленску; укрѣпивъ Полоцкъ и Витебскъ, возвратился въ Вильну.

53) Сборн. Императ. Истор. Общ., т. 35, 1882 г., стр. 300—330.

53*) Тейнеръ, Vetera monumenta poloniae, т. II, стр. 267.

54) Макарій, Исторія р. церкви, т. IX, стр. 141. Авторъ видитъ въ этомъ намекъ на Іосифа Болгариновича. О Сакранѣ, стр. 140—148.

55) Макарій, Исторія р. церкви, т. IX, стр. 102—108; Тейнеръ, Vetera monum. poloniae, т. II, №№ 300 и 303.

56) Тейнеръ. Vetera monum. poloniae, т. II, №№ 310, 311, 312. См. также Макарій, Ист. р. церкви, т. IX, стр. 107—108.

57) Шайноха, Szkice historyczne, т. II, W. 1876 г.

58) Голембіовскій, Dzieje polski. W. 1848 г., т. III, стр. 460,

прим. 18. Rekopism bibl. por. Ozdobna ksiega przepisująca obrządki k ścielne z biblioteki Erazma, biskupa plockiego, za Aleksandra króla: przy koronazyi królów mieści piekny wizerunek wyobrazający te ceremonią przy modlitwach używanych kiedy namaszczano królowe polską, opuszcza imie Heleny i żadnego nie daje obrazu.

59) Чистовичъ, Исторія западно-русской церкви. стр. 18, (примѣчаніе); Бартошевичъ, Encyklopedia powszechna, т. XI, 1862 г., ст. Helena.

60) Голембіовскій. См. выше, стр. 460, прим. 17. «Byly polém biesiady dla panów i akademii, turneeje i inne zabawy». (Miechowita k. 364).

61) Сборн. Императ. Русск. Общ., т. 35, 1888 г., стр. 300—440.

61*) Голембіовскій. Dzieje polski, т. III, стр. 453 прим. Ex. M. S, Arch, Stan. Aug. Regis 1501 d. 4 Aug. List Fryderyka kardynala do W. X. Litewskiego. List twój czytalem i matce.

62) Ex. M. S. Bibl. Rad. Nesvis 1501 w. polowie Sierpna z Grodna, list Aleksandra do Fryderyka kardynala.

63) Голембіовскій стр. 454, примѣчаніе.

Ex. M. S. Bibl. Rad. Nesvis 1501. Instructio a Frider. Card. ad fratrem Vladislaum Regem Hungariae data Ioan Lasocki.

Usilowania moje byly za wyborem króla węgierskiego, lecz żądano obecnego pana; a ściślejsze spojenie Litwy z koroną, przeciągnęło na drugą strone.

64) Голембіовскій стр. 461, прим. 19.

Ex. M. S. Bibl. Rad. Nesv. 1502 in Mar. v. Apr. List Aleksandra króla do Fryder. kard.

65) Голембіовскій стр. 461, прим. 19.

Ex. Bibl. Radiv, Nesvis. Literae Frid. Card. ad Regem pol.

66) Голембіовскій, стр. 484.

67) Голембіовскій, стр. 483, прим. 35.

68) Голембіовскій, стр. 484. 1) Ex. Arch. Metr. Reg. Ad. Hung. Regem. 2) Responsum per D. Sigismundi.

69) Сборн. Импер. Истор. Общ., т. 35. 1882 г. Посольство 1503 г. и письма Елены Ив. съ 364—412.

70) Свѣдѣнія о земляхъ Елены Ивановны взяты изъ слѣдующихъ источниковъ и пособій: Акты Западн. Россіи, Акты Ю. и З. Россіи, Акты Минской губ.; Любавскій, Областное дѣленіе... литовско-русскаго госуд. (Чтенія И. О. И. Д. 1892 и 1893 гг.) ссылки на Литовскую метрику; ст. Елагина В. К. Е. И. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г.); Архивъ Сангушекъ.

71) Вильна и окрестности, 1893 г., стр. 278.

72) Арх. Іосифъ. Островоротная или Остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. 1890 г., стр. 169, прим. 39.

73) Любавскій. «Областное дѣленіе... Литовско-Русское госуд.» Чтенія 1893 г., т. III.

74) Любавскій. См. выше. Чтенія И. О. И. Д. 1893 г., т. IV, стр. IV приложенія..

75) Акты Ю. и З. Россіи, т. I, № 45.

76) Акты Зап. Р., т. I и II, №№ 219, 81. Акты Ю. и З. Россіи, т. I, № 45.

77) Изъ переписки съ отцомъ за ноябрь 1503 г. и февраль 1504 г. (Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 35).

78) Boniecki, Poczet rodów w koronie W. ks. Litewskim XVI wieku. W. 1887 г.

79) Archiwum książąt Lubar. Sanguszków. 1887—1890 г., т. III, стр. 76—78.

80) Любавскій. Областное дѣленіе Литовско-Русскаго госуд. (Чтенія И. О. И. Д. 1892 и 1893 гг.), стр. 140, ссылка на Литовскую метрику.

81) Сборн. Императ. Русск. Истор. Общ., т. 35, 1882 г., стр. 400.

82) Унковскій владѣлъ и помѣстьемъ Маркуци. См. Ярушевичъ, К. И. Остр. прим. 323. О немъ же въ грамотѣ Сигизмунда 1516 г. (Archiwum Sanguszków, т. III, стр. 145—146) и у Boniecki, Poczet rodów.

83 и 84) Monumenta Poloniae historica. т. V. Lwow, 1888 г., стр. 305—311.

85) Строительная дѣятельность въ Вильнѣ. См. XX. т. Актовъ изд. Виленской Археогр. Комиссіей.

86) Археограф. сборникъ, т. IX. Супральская лѣтопись стр. 37, 422. Филаретъ, Исторія церкви, изд. 6-е, прим. 331 также и у Макарія. Исторія р. церкви, т. IX.

87) Бартошевичъ, Szkic dziejow kosciola ruskiego w Polsce, стр. 99.

88) Тейнеръ, Vetera monumenta, т. II, № 351, стр. 319.

89) Макарій, Исторія церкви, т. IX, стр. 155.

90) Макарій, Исторія церкви, т. IX, стр. 156.

91) Ярушевичъ, Кн. К. И. Острожскій, стр. 111.

92) Макарій, Исторія церкви, т. IX, стр. 158.

93) Акты Зап. Р., т. I, стр. 350; сборникъ Муханова, стр. 134.

94) Арх. Іосифъ, Островоротная икона Божіей Матери, стр. 146, 175, 176, прим. 10, 59.

95) Арх. Іосифъ, Островоротная иконa Божіей Матери, стр. 30—53.

96) Акты Минской губерніи, прим. XIII.

97) Можно прослѣдить по актамъ различныхъ вѣковъ въ изд. Акты Минской губ,

98) Акты Зап. Р. т. I, №№ 245, 247, 223.

99) Акты Зап. Р.. т. I. № 224; Макарій, Ист. ц., IX, стр. 160.

100) Характеристика кн. Глинскаго у Ярушевича кн. К. И. Острожскій, стр. 87—90 и др.

101) Ярушевичъ, Кн. К. И. Острожскій, стр. 129, прим. 323. «Елена содѣйствовала усиленію Западно-руссовъ». Отмѣчены: Головчинскій, Иванъ Сапѣга, Унковскій.

102) Акты Ю. и З. Р., т. I, №№ 37, 41; Акты З. Р., т. I, № 205—жалованная грамста кн. Мстиславскому.

103) Акты Западн. Россіи, т. I, стр. 347, 1502 г.

104) Акты З. Р., т. I, № 204.

105) Ярушевичъ, Кн. К. И. Острожскій, стр. 91.

106) Археологическій сборникъ, т. IV, стр. 158. 1635 г. Дневникъ посольства къ царю Михаилу Ѳедоровичу.

Были у бояръ на отвѣтѣ и потомъ «miedzy innemi prywatnemi rozmowami powiedzial pieczatnik że ta do cerkwi za króla Alexandra dal Iwan Sapieha dzwon kosztowny, który y dotąd iest w cerkwi tu w stolicy».

107) Макарій, Исторія р. церкви, т. IX, стр. 158—159 и прим. 148.

108) Сборн. Императ. Русск. Истор. Общ., т. 35, 1882 г., стр. 453.

109) Бобжинскій, Очеркъ исторіи Польши, т. II. стр. 20.

110) Monumenta Poloniae historica. Lwow, т. V, 1888 г. стр. 291.

111) Тамъ же.

112) Нарбутъ, Dzieje .narodu litewskiego, т. VIII, стр. 477, прим. 1.

113) Ярушевичъ, Кн. К. И. Острожскій, стр. 91. Завѣщаніе Александра у Danil. Skarb., II, № 3173.

114) Сборн. Императ. Русск. Истор. Общ., т. 35, стр. 483.

115) Тамъ же, стр. 487.

116) Акты Зап. Россіи, т. II, № 8; Балинскій, Starożytna polska, т. III, стр. 531.

117) Акты Западн. Россіи, т. II, № 81, 1512 г.

118) Акты Виленской Археограф. комиссіи, т. XXIV, № 16.

119) Акты Западн. Россіи, т. II, № 58.

120) Ярушевичъ, Кн. К. И. Острожскій, стр. 112, прим. 264.

121) Археограф. сборникъ, т. VI. Духовная 1522.

122) Историческіе акты, т. I, стр. 524.

123) Голембіовскій, т. III, стр. 535, прим. 93.

124) Сборникъ Императ. Русск. Истор. Общ., т. 35, 1882 г. стр. 479—500; Акты Западн. Россіи, т. II, № 80; Monumenta Poloniae historica. Lwow, т. V, 1888 г. (См. приложеніе—переводъ).

125) Характеристика кн. Острожскаго у Ярушевича: Кн. К. И. Острожскій, стр. 213—214.

126) Акты Западн. Россіи, т. II, Сношенія Сигизмунда съ Юріемъ Ивановичемъ № 19.

127) Чистовичъ. Исторія Западно-русской церкви, 1882 г., ч. I, стр. 93. Народная пѣснь о Радивилахъ.

«Былъ на Руси черный Богъ
Предъ нимъ стоялъ туровъ рогъ
Йонъ на Кіевъ поглядѣвъ
Гомонъ вѣдмамъ подававъ!
А Владиміръ нашъ святый
Черна Бога сколотивъ;
А мученица Варвара
Усѣ вѣдьмы разогнала,
Вѣдьмы, что у ночну пору
Слеталися на Лысу гору.
Свытый Юрій прискакавъ
А въ Нѣсвижѣ церквей ставъ,
Ажъ отъ ксенця Радзивилла
Понайшла нечиста сила
Русску вѣру поглумила
Батки въ церкви не служили,
А ксендзи мшу вопили,
Не было а ни словечка
Юрій ставъ блудна овечка
Мы предъ Юріемъ закленчемъ
Помолимся и заплачемъ
Щобъ его святая сила
Покопала Радзивила.

128) Ламанскій. Secrets d'Etat de Venise, 1884 г., стр. 762.

129) Арх. Іосифъ. Островоротная икона Божіей Матери. В. 1890 г., стр. 251. Вѣст. Елагина см. также. (Журн. Мин. Народн. Просв. 1846 г.).

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

					Вмѣсто:	Читать:
Стран.	62	строка	8	снизу	Якова	Яна
»	114	»	16	»	скучный	скученный.
»	164	»	5	»	1499	1497.
»	177	»	4	сверху	nieszczęczscie	niesczęscie.
»	183	»	9	снизу	Малко	Майко
»	184	»	8	»	Іюнѣ	Іюлѣ.
»	185	»	3	»	Чертавицъ	Черновицъ.
»	231	»	9	сверху	перемѣры	перемѣны.
»	260	»	14	снизу	1503	1502.
»	263	»	10	»	праславно-русскаго.	православно-русскаго.
»	idem	»	»	»	постройкя	постройки
»	269	»	4	сверху	de la Bovere	de la Rovere.
»	291	»	8	снизу	Въ началѣ 1506 года.	Въ іюлѣ 1505 года.
»	324	»	4	»	въ Литву	изъ Литвы.

ЛК-256603

Лонокогив
МАГ № 48
Р. 60

ЛКГ

5=
3553
XI 1965

HR

М-62

Л